АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (17)

2016

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ № 3 (17) 2016

Главный редактор
Член-корреспондент АН РТ **Ф.Ш. Хузин**

Заместители главного редактора:
доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)
Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)
И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)
П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)
Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)
Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)
И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)
В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:
Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»
Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2016
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016
© Журнал «Поволжская археология», 2016

Издательство «Фэн» Казань, Татарстан

e-ISSN 2500-2856

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA № 3 (17) 2016

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F. Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:
A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016
© Mari State University, 2016
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

Publishing House "Fän" Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

Лещинская Н.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).
Юбилей Риммы Дмитриевны Голдиной 9

Исследования и публикации

Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).
Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника 17

Бахшиев И.И., Колонских А.Г. (Уфа, Россия).
Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья 59

Скакун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия), Матева Б. (Исперих, Болгария), Димов Т. (Добрич, Болгария).
Результаты исследования производственного инвентаря поздненеолитического поселения Дуранкулак-Блатница (Болгария).....83

Васильева И.Н., Выборнов А.А. (Самара, Россия).
Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье 104

Разуваев Ю.Д. (Воронеж, Россия).
Домостроительство городецкого населения донской лесостепи 124

Иванов А.И. (Йошкар-Ола, Россия).
А.Х. Халиков и изучение эпохи бронзы в Марийском Поволжье.....139

Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).
Морфо-технологическая характеристика бус Дубровского могильника IV–V веков в Среднем Прикамье 149

Беляев А.В., Хуснутдинов Э.А. (Казань, Россия).
Глиняная фигурка из Татарско-Суксинского поселения 161

Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В. (Казань, Россия).
Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша 168

Дискуссии

Патрушев В.С. (Казань, Россия).
Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований 194

Сташенков Д.А. (Самара, Россия).
Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке 225

Критика и библиография

Березина Н.С. (Чебоксары, Россия).
Рецензия на книгу: В.В. Никитин. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией в Марийско-Казанском Поволжье. ред. проф. А.А. Выборнов. Казань, 2015. 364 с. 247

Хроника

Ситдиков А.Г., Вязов Л.А. (Казань, Россия), Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада), Родинкова В.Е. (Москва, Россия).
Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии (Болгар, 9–19 августа 2016 г.) 251

Дроздова Г.И., Казаков Е.П. (Казань, Россия).
Ученый и доброй памяти человек (К 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина) 256

Шипилов А.В. (Казань, Россия).
Памяти Учителя (К 75-летию со дня рождения Р.С. Габяшева) 263

Салахов Д.Д., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).
Д.Г. Мухаметшин – историк, эпиграфист, нумизмат (К 70-летию ученого) 269

Чижевский А.А. (Казань, Россия).
Сергею Владимировичу Кузьминых 65 лет 275

Чижевский А.А., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия).
К юбилею Дмитрия Геннадьевича Бугрова 283

Список сокращений 289

Правила для авторов 291

CONTENTS

Leshchinskaya N.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).
Rimma D. Goldina's Anniversary 9

Research and publications

Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).
Chronology of the Third – Fifth Centuries Male Graves
from the Tarasovo Burial Ground 17

Bakhshiev I.I., Kolonskikh A.G. (Ufa, Russian Federation).
Spatial Analysis Methods Used to Characterize Bakhmutino Settlement
Patterns Between the Ufa and Belaya Rivers 59

Skakun N.N. (Saint Peterburg, Russian Federation),
Mateva B. (Isperikh, Bulgaria), Dimov T. (Dobrich, Bulgaria).
Results of a study of the production toolkit from the Late Neolithic
Settlement of Durankulak-Blatnitsa (Bulgaria) 83

Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
The Time of Appearance and Spread of the Neolithic Pottery Traditions
in the Volga Region.....104

Razuvaev Y.D. (Voronezh, Russian Federation).
Housing of the Gorodets Population Forest-Steppe Area Don Region 124

Ivanov A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
A.Kh. Khalikov and the Bronze Age Studies in Mari Volga Region.....139

Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).
Morpho-Technological Characteristics of Beads from the 4th–5th Centurues
ad Dubrovskiy Cemetery in the Middle Kama Region.....149

Belyaev A.V., Khusnutdinov E.A. (Kazan, Russian Federation).
A Clay Figurine from the Tatarskie Suksy Settlement.....161

Galimova M.Sh., Khisiametdinova A.A., Askeyev I.V.,
Shaymuratova (Galimova) D.N., Askeyev O.V. (Kazan, Russian Federation).
Environment and Economic Activity of the Pestretsy 2 Site
Inhabitants on the Mesha River 168

Discussions

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation).
Archaeological Sites with "Textile" Ceramics: results
and outlooks of researches.....194

Stashenkov D.A. (Samara, Russian Federation).
Concerning Absolute Date of the Imenkovo Culture Sites
from the Samara Bend 225

Criticism and bibliography

Berezina N.S. (Cheboksary, Russian Federation).
Review of the Book: V.V. Nikitin. Kultura Nositelei Posudy S Grebenchato-Yamochnoy Ornamentatsiei v Mariisko-Kazanskom Povolzhye
(*Pit-Comb Ware Culture in Mari-Kazan Volga Region).*
Edited by Prof. A.A. Vybornov. Kazan, 2015. 364 P. 247

Chronicle

Sitdikov A.G., Vayzov L.A. (Kazan, Russian Federation), Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada), Rodinkova V.E. (Moscow, Russian Federation).
International Theoretical and Practical Workshop on Application
of Paleo-Ecological Methods in Archaeology (Bolgar, 9–19 August 2016) 251

Drozdova G.I., Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation).
In Fond Memory of Scholar and a Good Man
(To the 80th Anniversary since the birth of P.N. Starostin) 256

Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation).
In Memoriam: My Teacher
(75th Birthday Anniversary of R.S. Gabyashev) 263

Salakhov D.D., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation).
D.G. Mukhametshin: Historian, Epigraphist, Numismaticist
(On 70th Birthday Anniversary) 269

Chizhevsky A.A., (Kazan, Russian Federation).
Sergey Vladimirovich Kuz'minykh 65 years 275

Chizhevsky A.A., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation).
Dmitry G. Bugrov's Anniversary 283

List of abbreviations 289

Submissions 291

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий номер журнала «Поволжская археология» мы решили посвятить юбилею доктора исторических наук, профессора, директора НИИ истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете, руководителя Камской-Вятской археологической экспедиции, Заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, лауреата Государственной премии Удмуртской Республики **Риммы Дмитриевны Голдиной** – одному из крупнейших российских археологов, известных у нас в стране и за рубежом своими фундаментальными трудами в области первобытной и раннесредневековой археологии финно-угорских народов Волго-Уральского региона. Р.Д. Голдину мы знаем также как создателя очень активно работающей и динамично развивающейся научной археологической школы в Удмуртии, принадлежностью к которой гордятся десятки кандидатов и докторов наук, защитившие диссертации под руководством своего любимого Учителя. Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций при Удмуртском государственном университете, возглавляемый профессором Р.Д. Голдиной, открыл дорогу в мир высокой науки десяткам молодых специалистов (некоторые из членов редколлегии «Поволжской археологии» в числе этих счастливцев!), искренне благодарных Римме Дмитриевне за чуткое и доброе отношение к их трудам, за бескорыстную помощь и поддержку в последующей научной деятельности.

Римма Дмитриевна и сегодня на передовых позициях российской археологической науки, активно работает, ведет большую и результативную работу с молодыми кадрами. От имени редсовета и редколлегии журнала, а также наших авторов и читателей желаем ей крепкого здоровья, новых открытий и дальнейших творческих успехов. С юбилеем Вас, дорогая Римма Дмитриевна!

УДК 929:902

ЮБИЛЕЙ РИММЫ ДМИТРИЕВНЫ ГОЛДИНОЙ

© 2016 г. Н.А. Лещинская, Е.М. Черных

В ноябре 2016 года Римма Дмитриевна Голдина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнографии, директор Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, отмечает свой юбилей. В статье в краткой форме представлены основные вехи биографии и научной деятельности блестящего, оригинального ученого, педагога и организатора урало-поволжской и, в целом, российской археологии.

Ключевые слова: археология, юбилей, научные достижения, педагогический и организаторский опыт.

2016 год для доктора исторических наук, профессора Удмуртского государственного университета Риммы Дмитриевны Голдиной – юбилейный. Писать о своем учителе, педагоге, выдающемся ученом и легко, и сложно. Легко – потому что научная жизнь Р.Д. Голдиной наполнена значимыми событиями и достижениями; легко – благодаря тому, что она еще и яркий публицист, автор интереснейших автобиографических работ о времени, людях, семье, родном крае; легко – благодаря тому, что нам, ее ученикам, посчастливилось соучаствовать в самом активном периоде профессиональной деятельности Р.Д. Голдиной. Вместе с тем вряд ли

возможно за фактами понять всю глубину эмоциональных, душевных, а порой и физических сил, стоящих за достижениями.

Римма Дмитриевна Голдина родилась 10 ноября 1941 г. в с. Большая Соснова Пермского края, в большой, дружной и трудолюбивой семье. По словам самой Риммы Дмитриевны, именно благодаря родителям – отцу Дмитрию Евдокимовичу Вотинцеву, долгое время возглавлявшему крупный колхоз «Россия», и матери Нине Павловне, школьной учительнице географии, формировались ее характер, ответственное отношение к работе, к делу, стремление к знаниям (Голдина (Вотинцева), 2014, с. 246–252). Именно по настоянию родителей Римма Дмитриевна в 1958 г., закончив школу с серебряной медалью, поступает в Пермский государственный университет им. А.М. Горького на исторический факультет. Первое знакомство с археологией – это лекции Владимира Антоновича Оборина, участие в раскопках в 1959 г. Гремячинского поселения-святилища в Среднем Прикамье под руководством А.Д. Вечтомова. Затем – ежегодные экспедиции на памятники Пермской области, разведки, первые самостоятельно открытые археологические объекты (поселение Заосиново VI близ Перми). Под руководством В.А. Оборина определилась и исследовательская тематика – средневековая ломоватовская археологическая культура Прикамья, – надолго сформировавшая перспективу научных исследований Р.Д. Голдиной. Выбор археологии в качестве научного направления не был быстрым и до конца осознанным. Кроме археологии студентка Р. Вотинцева активно интересовалась новейшей историей Европы, историей германского фашизма, но переломным моментом оказалось приглашение, поступившее в 1962 г. от Владимира Федоровича Генинга, после завершения университетского курса в Уральском госуниверситете поступить к нему в аспирантуру. Время учебы и работы в Уральской археологической экспедиции, возглавляемой В.Ф. Генингом, стало серьезной профессиональной школой. Необходимость работы на разноплановых археологических объектах Зауралья и Западной Сибири формировала универсальные, многовекторные знания, позволяла совершенствовать полевую методику, возможность «чувствовать» памятник, культурный слой. Участие в хоздоговорных работах, самостоятельное руководство отрядами способствовали приобретению организационного опыта, который позднее ярко был реализован Р.Д. Голдиной в Удмуртии.

В 1971 г. Римма Дмитриевна успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, а через год вновь судьбоносное решение – она принимает предложение от проректора нового Удмуртского государственного университета профессора-медиевиста В.Е. Майера поучаствовать в конкурсе на должность старшего преподавателя для чтения курса «Основы археологии». Так в 1972 г. на историческом факультете УдГУ начался новый этап в профессиональной карьере Р.Д. Голдиной. Это нельзя назвать шагом в неизвестное. В 1969–1971 гг. по заданию В.Ф. Генинга она возглавляла один из отрядов, работавших в зоне затопления Нижнекамского водо-

Р.Д. Голдина и В.Ф. Генинг. 1979 г., Ижевск.
R.D. Goldina and V.F. Gening. 1979, Izhevsk.

хранилища, осуществляя раскопки на юге Удмуртии, в Каракулинском районе, со студентами тогда еще Удмуртского педагогического института. Хорошо была знакома и с руководством исторического факультета. Университет был заинтересован в молодых, энергичных кадрах, а для Риммы Дмитриевны открывалась перспектива выстраивания самостоятельного научно-организационного направления в уральской археологии.

Первым шагом Р.Д. Голдиной и приехавших с ней молодых выпускников-историков В.А. Кананина, Т.М. Гусенцовой было создание в 1973 г. в УдГУ Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ), ставшей впоследствии на Урале крупнейшим научно-исследовательским центром. А в самом начале пути предстояло решить сложнейшие задачи: развертывание полевых исследований на значительной территории, включая Удмуртскую АССР, Пермскую, Кировскую области; поиск и изучение древних памятников всех хронологических эпох от каменного века до позднего средневековья (XVI–XVII вв.) включительно. Но, пожалуй, самой важной и первостепенной задачей, вставшей перед Р.Д. Голдиной, была подготовка квалифицированных специалистов, учеников, которые смогли бы осуществить эти планы. В 1974 г. открывается учебная специализация по археологии с широким привлечением для проведения консультаций, чтения лекций и спецкурсов ведущих специалистов из научных и образовательных центров страны. Впоследствии Р.Д. Голдина инициирует создание на историческом факультете кафедры археологии и истории первобытного общества (1991 г.), открытие аспирантуры (1990 г.)

и диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по специальности археология и этнография (1993 г.).

Успешная деятельность КВАЭ создала условия для открытия сначала хоздоговорной лаборатории археологических исследований (1973 г.), затем Проблемной лаборатории (1989 г.) и функционирующего до сегодняшнего дня Института истории и культуры народов Приуралья (с 1993 г.). Закономерным итогом стремительно накапливающихся в результате работ КВАЭ археологических материалов стало также открытие в 1980 г. учебно-исследовательского музея археологии, древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья.

Так, шаг за шагом, усилиями коллектива, созданного и бессменно возглавляемого профессором, д.и.н. Р.Д. Голдиной, была создана разветвленная организационная структура научной и образовательной деятельности, впоследствии признанная среди профессионалов как научная школа Р.Д. Голдиной (см. Мельникова, 2006). И то, что сейчас на бумаге можно изложить в несколько строчек, в жизни растянулось на десятилетия упорного труда, порой в достаточно сложных условиях реформирования науки и образования России. Так, только во многом благодаря организаторскому таланту Р.Д. Голдиной и ее способности к прогнозированию, в достаточно сложной финансовой ситуации 1990-х гг. в отечественной науке был не только сохранен коллектив, но и реализованы серьезные научные проекты за счет новых подходов к организации полевых работ, научных исследований, развертывания грантовой деятельности, хоздоговорных работ, расширения международного сотрудничества с научно-образовательными центрами Германии, Австрии, Венгрии, Великобритании, Финляндии.

И все-таки, для Р.Д. Голдиной – прекрасного педагога, успешного организатора – главным смыслом всех устремлений были и остаются наука, развитие приуральской археологии на отечественном и мировом научном пространстве. Уже в первые годы работы КВАЭ была создана значительная источниковая база, требующая систематизации и осмысления. Поэтому особый акцент в этот период был сделан на хронологических изысканиях.

Эталонными для всей приуральской археологии стали в тот период хронологические разработки Р.Д. Голдиной по раннесредневековым древностям верхнекамской ломоватовской культуры (см. Голдина, 1985). Впервые на основе четкой процедурной методики был проанализирован огромный материал, который позволил дать хронологическую оценку не только развития материальной культуры и отдельных памятников, но и выявить этапы формирования ломоватовской культуры. Этим исследованием был внесен существенный вклад в разработку общих проблем хронологии древностей всей Восточной Европы, дискуссия по которым развернулась в 1970-е гг. на страницах журнала «Советская археология». Она была предметом обсуждения на симпозиуме 1976 г. в Ленинграде, отразилась в научном диспуте между Р.Д. Голдиной и А.К. Амброзом в научной периодике.

В качестве перспективы рассматривались в эти годы и вопросы этнической истории пермской группы народов, но как программное направление научных изысканий эта проблемати-

ка оформляется после выступления Р.Д. Голдиной на VI Международном финно-угорском конгрессе в г. Сыктывкаре в 1985 г.

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. XX столетия благодаря активной работе сотрудников КВАЭ УдГУ были получены принципиально новые источники, позволившие удревнить историю региона на 5000 лет и по-новому взглянуть на этнокультурную ситуацию в Камско-Вятском междуречье. Целая серия ярких (реперных для археологии) памятников была открыта и раскопана под руководством и при непосредственном участии самой Р.Д. Голдиной: Агафоновские и Аверинские могильники на Верхней Каме; Неволинский, Бродовский, Верх-Саинский могильники, городища Верх-Саинское, Лобач, поселение и могильник у д. Бартым в Сылвенском поречье; Тураевский могильник и знаменитый Тарасовский некрополь на Средней Каме; важнейшие для вятской истории Худяковский и Первомайский могильники и многие другие. В результате Р.Д. Голдиной формулируется новая историко-археологическая концепция формирования и развития традиционных этносов Приуралья. В наиболее обобщенном виде она впервые была представлена в статье «Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа» (1987 г.). В дальнейшем многие ее положения были детализированы, расширены и апробированы в авторских исследованиях (публикации, диссертации, исследовательские проекты) ее учеников и в работах самой Р.Д. Голдиной. В 1990 г. Р.Д. Голдина успешно защищает докторскую диссертацию в МГУ «Верхнее Прикамье во второй половине I тыс. н.э.», в которой на огромном фактическом материале разрабатывает типологию древностей Верхнего Прикамья, актуальную и для сегодняшних дней; синхронизирует стадии ломоватовской, неволинской, поломской средневековых культур; выявляет их этнокультурное своеобразие, генезис и развитие. Заметным явлением в урало-поволжской археологии стала и монография Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999 г.), удостоенная Государственной премии Удмуртской Республики (2001 г.) и выдержавшая уже второе издание (2004 г.). Впервые в финно-угристике на основе широкого охвата археологических источников, с учетом достижений в области этнографии, языкознания, палеоантропологии, истории, изложены основные этапы развития и формирования населения лесной зоны Нижнего и Среднего Прикамья на фоне сложных процессов этнокультурного взаимодействия. Сегодня Р.Д. Голдина работает над не менее фундаментальной работой «Пермь Великая».

В середине 1990-х гг. в этнической проблематике научной программы коллектива, возглавляемого Р.Д. Голдиной, выделяется новое направление – изучение исторического опыта взаимодействия культур и этносов Приуралья в древности. С 1996 по 2014 г. Р.Д. Голдина руководит целой серией фундаментальных научно-исследовательских проектов в этом направлении, поддержанных Министерством науки и образования РФ. Организуются и проводятся 6 тематических конференций при участии ведущих научных центров, вузов Урало-Поволжья, России и международных партнеров

из Украины, Молдовы, Венгрии, Италии, Австрии, Испании. Собственное видение этапов, характера, направлений контактов древних этносов Прикамья Р.Д. Голдина апробирует в статьях, разделах монографий. Пожалуй, особый интерес в этом плане имеют научные разработки Р.Д. Голдиной в области исторических процессов эпохи великого переселения народов в Приуралье. Исследователь впервые на прикамских материалах выявила не только традиционно фиксируемые восточные и южные миграционные и культурные потоки, но и западное направление, связанное, по мнению Р.Д. Голдиной, с гото-славянскими миграциями. Отсюда совершенно новый взгляд на истоки и характер воинских захоронений и ряда некрополей III – начала V в. н.э. в Нижнем, Среднем Прикамье и на Вятке. Заметный интерес вызвала и аналитическая статья Р.Д. Голдиной в соавторстве с Е.В. Голдиной «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.)» (2010 г.), в которой проблема векторов и типов контактов населения Камско-Вятского междуречья раскрывается через анализ «движения» и «оседания» привозных изделий в регионе.

Сегодня Р.Д. Голдина плодотворно работает в самых разных научных направлениях: изданы и готовятся к печати совместно с учениками монографии по опорным памятникам неволинской археологической культуры, могильникам среднекамского варианта пьяноборской культурно-исторической общности. Несомненный резонанс в научном сообществе вызовут ее аналитические исследования материалов крупнейшего в Восточной Европе финно-угорского Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме, частично представленные в монографии в соавторстве с Т.Р. Сабировым и Т.М. Сабировой (2015 г.), в цикле статей по хронологии памятника, публикуемых в журнале «Поволжская археология».

Все, кто когда-либо учился, работал (или работает), соприкасался с Риммой Дмитриевной Голдиной, единодушно отмечают ее потрясающую работоспособность, энергию в достижении целей, умение заниматься одновременно разными делами, а главное во всем иметь результат. Р.Д. Голдина автор почти 300 научных работ, более 10 монографий. Она подготовила десятки высококвалифицированных специалистов. Среди ее учеников – 4 доктора исторических наук, более 30 кандидатов. За заслуги в научной и педагогической деятельности Р.Д. Голдина удостоена званий «Заслуженный деятель науки УР» (1991 г.), «Заслуженный работник высшей школы РФ» (2002 г.), «Лауреат Государственной премии УР» (2001 г.). Она и сейчас плодотворно трудится, помимо научных исследований, руководит профильными магистратурой, аспирантурой, докторантурой, Диссертационным Советом по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук по специальностям «Отечественная история», «Археология», «Этнография, этнология, антропология».

Накануне замечательного юбилея мы желаем Римме Дмитриевне здоровья, новых научных открытий, творческого долголетия и осуществления всего задуманного!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мельникова О.М.* Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете / МИИКВАЭ. Т. 15. Ижевск: б/и, 2006. 142 с.
2. *Голдина (Вотинцева) Р.Д.* Большая Соснова – большая любовь / Науч. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: б/и, 2014. 320 с.

Информация об авторах:

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Институт истории и культуры народов Приуралья, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Р.Д. ГОЛДИНОЙ

1. Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С.156–260.
2. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
3. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов, 1987. С. 6–36.
4. Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск: Удмуртия, 1996. 213 с.
5. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II / Науч. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
6. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с.
7. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I / Науч. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
8. Голдина Р.Д. Краткий очерк древней и средневековой истории народов Прикамья // Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск: б/и, 2007. С. 8–48.
9. Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье / МИИКВАЭ. Т. 21 / Науч. ред. Л.И. Липина. Ижевск: б/и, 2012. 472 с.
10. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИИКВАЭ. Т. 17 / Науч. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
11. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Науч. ред. В.Е. Майер. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.
12. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы / Науч. ред. А.А. Тронин. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
13. Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИИКВАЭ. Т. 26 / Науч. ред. Л.И. Липина. Ижевск: б/и, 2013. 184 с.
14. Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИИКВАЭ. Т. 22 / Науч. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

15. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / МИИКВАЭ. Т. 13 / Науч. ред. О.А. Казанцева. Ижевск, Пермь: б/и, 2011. 340 с.

16. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевощиков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / МИИКВАЭ. Т. 23 / Науч. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: б/и, 2012. 264 с.

17. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИИКВАЭ. Т. 29 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Казань, Ижевск: ИА АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.

RIMMA D. GOLDINA'S ANNIVERSARY

N.A. Leshchinskaya, E.M. Chernykh

In November 2016, Rimma D. Goldina, doctor of historical sciences, professor of the Udmurtia History, Archaeology and Ethnography Department, Director of the Institute for History and Culture of the Urals Peoples, Udmurtia State University, will have her birthday anniversary. The article briefly describes some milestones of her biography and research activities as a brilliant and genuine scholar, teacher and organizer of the Urals-Volga, in particular, and the Russian archaeology, in general.

Keywords: archaeology, anniversary, research achievements, pedagogical and organizational experience.

REFERENCES

1. Mel'nikova, O. M. 2006. *Nauchnaia arkheologicheskaia shkola R. D. Goldinoi v Udmurtskom universitete (R. D. Goldina Scientific Archaeological School in Udmurt University)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 15. Izhevsk: s. ed. (in Russian).

2. Goldina (Votintseva), R. D. 2014. *Bol'shaia Sosnova – bol'shaia liubov' (Bol'shaya Sosnova is Great Love).* Izhevsk: s. ed. (in Russian).

About the Authors:

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 8.08.2016 г.

Публикации и исследования

УДК 902(470.51)“2/4”(045)

ХРОНОЛОГИЯ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ III–V ВВ. ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2016 г. Р.Д. Голдина, В.А. Бернц

Статья посвящена хронологии мужских захоронений поздней, мазунинской стадии Тарасовского могильника и является продолжением работы по датировке ранней ныргындинской стадии (I–II вв.) этого памятника. Были использованы три основных метода исследования – формально-типологический, культурной стратиграфии и метод аналогий. Проанализировано 86 мужских захоронений III–V вв. В результате было выделено 12 хронологических групп: 1-й половины III в. н.э. (группа 1); 2-й половины III в. (2); III в. (3); 1-й половины IV в. (группа 4); 2-й половины III – IV в. (5); 3-й четверти IV в. (6); 4-й четверти IV в. (группа 7); 2-й половины IV в. (8); 2-й половины IV – V в. (9); IV–V вв. (10); 2-й половины III – V в. (11) и III–V вв. (12). В данной статье подробно рассматриваются первые 6 групп, остальные будут освещены в следующей публикации. Материалы женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника будут исследованы отдельно.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, железный век, пьяноборская культурно-историческая общность, Тарасовский могильник, культурная стратиграфия, хронология, мазунинская стадия, чегандинская культура..

Статья является продолжением работы, опубликованной в журнале «Поволжская археология» № 1 2016 г., в которой были представлены результаты хронологического деления мужских и женских захоронений ранней ныргындинской стадии (I–II вв. н.э.) Тарасовского могильника. В данной статье мы предлагаем итоги анализа датировок мужских захоронений поздней мазунинской стадии (III–V вв. н.э.) этого уникального памятника. Поскольку объем выборки поздней части (870 погребений) значительно превышает раннюю (495) и число категорий материала выросло, материалы мужских и женских захоронений представлены отдельно. Итогам работы над инвентарем женских могил будет посвящена следующая статья.

Как и в случае с ранними комплексами, основным методом работы был выбран метод культурной стратиграфии, которому предшествовало типологическое деление материала, а также метод аналогий. В состав инвентаря мужских захоронений входят, прежде всего, предметы вооружения: мечи и детали украшения портупеи; наконечники стрел и копий; колчанные крючки; топоры и секировидные предметы; боевые косы; ножны; шлемы и доспехи; предметы металлургического производства – крицы и слитки металла; детали снаряжения коня – удила и украшения сбруи; ременная

гарнитура: различные варианты пряжек, наконечников ремней, накладок; редко – фибулы и сюльгамы.

Материалы III–V вв. известны в Прикамье по исследованиям А.А. Спицына (1901). Однако как собрание комплексов определенного времени они были обозначены М.Г. Худяковым, который выделил 3 периода пьяноборской эпохи: II–I вв. до н.э.; I–III вв. и IV–V вв. н.э. (1933, с. 16). Изучая памятники пьяноборского типа на широком территориальном фоне, включая и верхнекамские, А.П. Смирнов датировал этот период III в. до н.э. – V в. н.э., разделив его на 3 этапа: III–I вв. до н.э.; I–III вв. н.э.; III–V вв. н.э. (1952, с. 68–110).

В.Ф. Генинг, раскопавший яркие памятники первой половины I тыс. н.э. (Мазунинский, Азелинский, Суворовский), выделил культуры III–V вв. – мазунинскую (Средняя Кама) и азелинскую (бассейн р. Вятки). В процессе работы над прикамскими материалами В.Ф. Генинг в разное время предлагал разные даты мазунинской культуры: III–VI вв. (1958, с. 83; 1959, с. 202), III–IX (1967, с. 35–37) и III–V (Генинг, Стоянов, 1961, с. 82; Генинг, 1972, с. 222; 1974, с. 14). А.К. Амброз считал, что мазунинская культура делится на 5 этапов: вторая половина II–III в.; IV; V; VI; VII вв. (1971, с. 106–112).

Азелинскую культуру В.Ф. Генинг датировал сначала также III–V вв. (1963). В 1979 г. им была предпринята попытка выработать общую схему развития ременной гарнитуры Прикамья III–IX вв. При этом он использовал не комплексы, а наиболее характерные типы вещей, пытаясь выстроить их в горизонтальные синхронные срезы. При такой группировке мазунинские и азелинские комплексы вошли в III–IV вв. без распределения по векам (Генинг, 1979, рис. А–Д). А.К. Амброз памятники азелинского типа датировал VI–VII вв. (1971, с. 106–107), П.Н. Старостин – второй половиной III – рубежом IV–V вв. (1997, с. 27).

Для обсуждаемой темы важны работы Н.А. Лещинской (1995; 2014, с. 165–207), в которых в результате анализа 133 комплексов из 11 могильников азелинского типа бассейна Вятки и Марийского Поволжья были выделены группы вещей нескольких периодов: I–II вв. н.э.; конца II – начала III в.; III; IV в. без последней четверти; конца IV–V в., а также несколько смежных групп: II–IV вв.; III–IV; III–V; IV–V вв. Остается только сожалеть, что источниковая база этого исследования была ограничена металлическими украшениями костюма и ременной гарнитурой, главным образом из женских могил. Для азелинских памятников вещи мужских захоронений не менее информативны. Интерес представляют наблюдения Н.А. Лещинской относительно хронологической оценки и происхождения шлемов могильников азелинского типа (2014а), а также ее анализ импортных фибул Тарасовского могильника (2010).

Особого внимания заслуживает монографическое исследование Т.И. Останиной (1997), в котором способом корреляции были исследованы 95 комплексов из 11 могильников мазунинской культуры. В результате автор выделил 5 отдельных хронологических групп: III в.; конец III – начало IV; IV; конец IV – начало V; V, а также 4 смежных группы: III–V вв.; конец III–V; IV–V; III–IV вв. Досадно, что и в этой работе были использова-

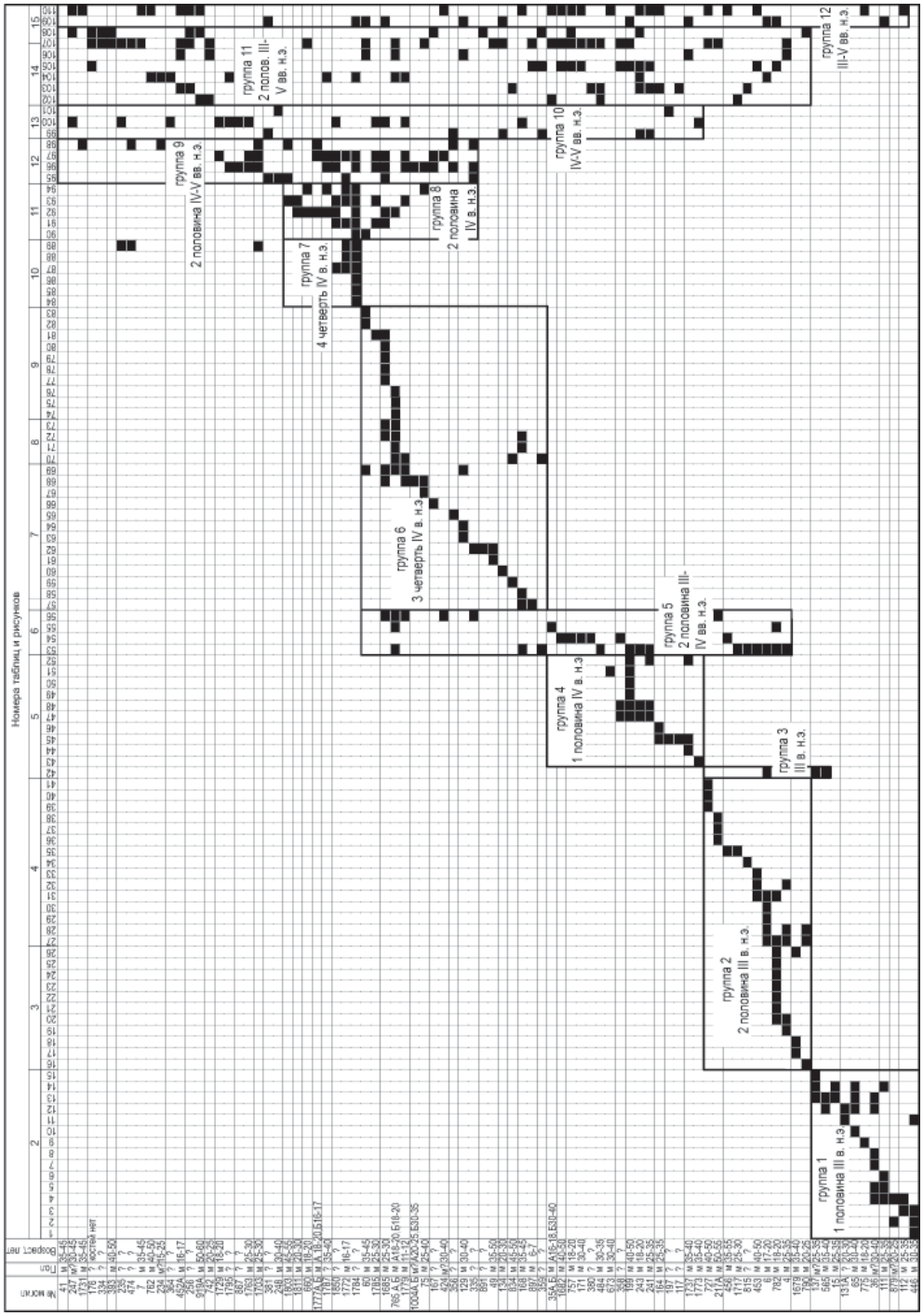


Рис. 1. Тарасовский могильник. Взаимовстречаемость вещей в погребениях мужчин поздней (мазунинской) стадии (III–V вв. н.э.).
* Номера рисунков соответствуют изображениям на рис. 2–5.

Fig. 1. Tarasovo burial ground. Correlation of goods in male graves of late (Mazunino) stage (3rd – 5th cc. AD). * Numbers correspond to illustrations on fig. 2–5.

ны только украшения костюма, преимущественно поясная гарнитура и специфический инвентарь мужских захоронений остался без внимания исследователя.

Для анализа нами выбраны 86 погребений Тарасово, которые были определены антропологически как мужские, либо имели соответствующий состав инвентаря. В последнем случае в графе «пол» (рис. 1) поставлен знак вопроса. Не скроем, есть некоторые сомнения в половой принадлежности отдельных комплексов, но на общий результат хронологии они существенно не влияют. В корреляцию включены только могилы числом вещей не менее двух.

В группу 1 вошли 11 захоронений: 446, 112, 879, 111, 36, 775, 65, 131А, 15, 565, 137. В могиле 446 у нижнего конца меча были найдены стеклянная бусина и бронзовая круглая выпуклая бляха (рис. 2: 1). Такие бляхи хорошо известны (более 70 экземпляров) в комплексах I–II вв. чегандинской культуры, хотя могли использоваться как в более раннее, так и в более позднее время как нагрудные, реже – поясные или оружейные украшения (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 15: 51). В Тарасовском могильнике их найдено 11, из них в погребениях I–II вв. – 8 экз., в мазунинских – 3. В данном случае мы имеем один из примеров запаздывания популярных изделий. В эту группу также вошли 2 бронзовые цельнолитые[1] пряжки с овальной, слегка расширенной рамкой уплощенного сечения и прямоугольным щитком (рис. 2: 2). Одна из пряжек по краям фасетирована.

Прямоугольные, обильно фасетированные ременные накладки, известные во множестве вариантов как в мужских (рис. 2: 3 – 9 экз.[2], 4 – 74 экз., 12 – 453–458 экз.), так и в женских могилах Тарасово, составляют особенность этой группы. Т.И. Останиной в группе III в. учтено 478 таких накладок, обнаруженных на Ижевском, Мазунинском, Нивском, Сайгатском, Усть-Сарапульском, Чепанихинском, а также Ангасякском и Югомашевском могильниках (1997, с. 57–58, тип 1, рис. 11: 14–21). Такие накладки найдены и на могильнике Ныргында I (20 экз.) в могилах первой половины III в. н.э. (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 209: 1–14). Аналогичные находки в Ошкинском могильнике на р. Вятке отнесены Н.А. Лещинской также к III в. н.э. (2014, табл. 85: 1–8).

Своеобразные варианты накладок такого типа обнаружены в Башкирии в Шиповском бескурганном могильнике (не менее 80 экз.) (Овсянников, Савельев и др., 2007, с. 73, рис. 37: 7, 54: 6 и др.), а также в Охлебининском могильнике, они датированы С.Л. Воробьевой II–III вв. (2012, т. I, с. 135, т. II, рис. 47: 3, 4). С.М. Васюткин относил Шиповские погребения к III в. (1986, с. 193). Такие же накладки обнаружены этим автором в кургане 19 Салиховского могильника (там же, рис. 6: 9, 10). В.Ю. Малашев – один из ведущих исследователей позднесарматских древностей – датирует Салиховские курганы второй половиной III–IV в. (2007, с. 114).

Накладки такого типа представляют собой этнографическую особенность населения Среднего Прикамья и на сопредельных терри-

[1] Цельнолитыми мы называем пряжки, у которых рамка и щиток отлиты вместе, а язычок – отдельно.

[2] Во всех случаях указано общее количество предметов на могильнике.

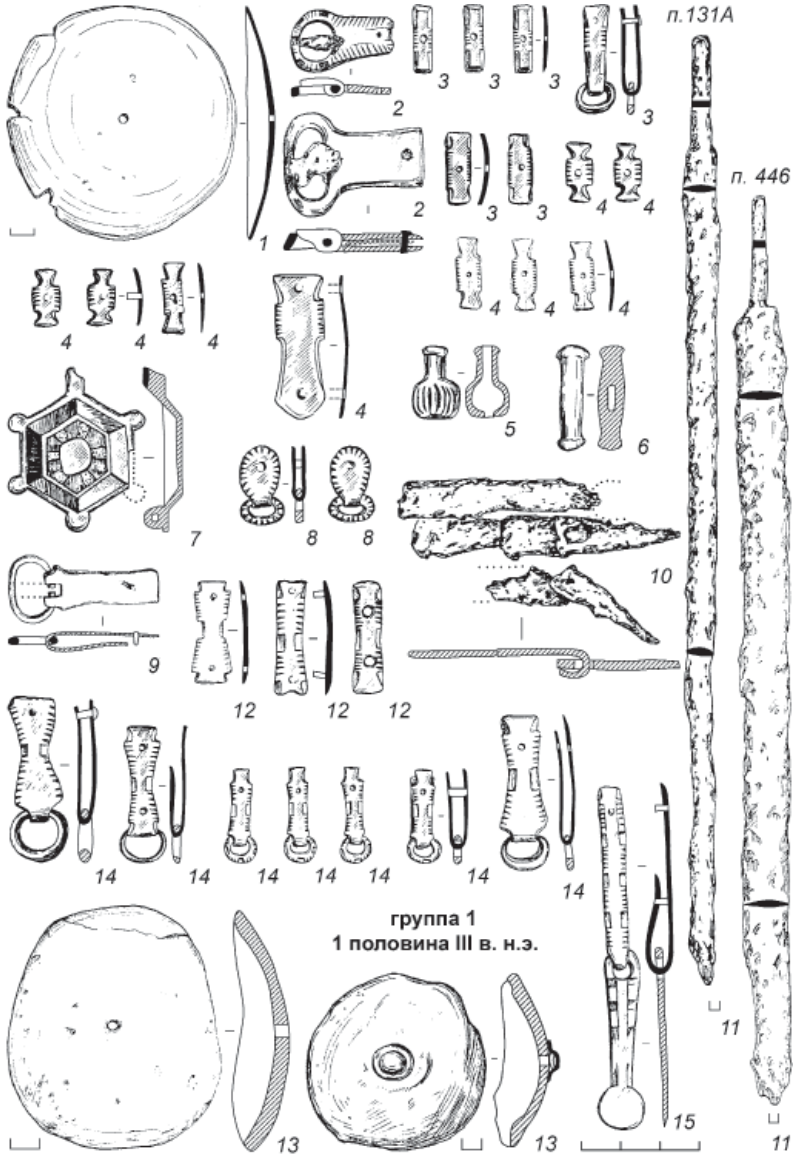


Рис. 2. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 1 (первая половина III в. н.э.). 1, 13 – бляхи; 2, 9 – пряжки; 3, 4, 8, 12, 14 – накладки; 5, 6 – пронизки; 7 – фибула; 10, 15 – наконечники поясов (ременные подвески); 11 – мечи. 1, 3–6, 8, 9, 12, 14, 15 – бронза; 2 – бронза, железо; 7 – бронза, эмаль; 10, 11 – железо; 13 – раковина, бронза.

* Повторение номера изображения означает принадлежность к одному типу. Нумерация на рис. 2–5 сплошная и соответствует номерам изображений на рис. 1.

Fig. 2. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of 1 group (first half of the 3rd c. AD). 1, 13 – badges; 2, 9 – buckles; 3, 4, 8, 12, 14 – plaques; 5, 6 – beads; 7 – fibula; 10, 15 – belt tips (belt pendants); 11 – swords. 1, 3-6, 8, 9, 12, 14, 15 – bronze; 2 – bronze, iron; 7 – bronze, enamel; 10, 11 – iron; 13 – shell, bronze.

*Repeated numbers of illustrations mark belonging to the same type. Numbering on fig. 2–5 is continuous and corresponds to the numbering on fig. 1.

ториях встречаются крайне редко. Аналогичная накладка обнаружена в кургане 9 Криволиманского I могильника в Подонье, где датирована С.И. Безугловым второй половиной IV в. (2008, рис. 7: 17, 18, с. 290). Очевидно, здесь они представляли собой позднюю модификацию прикамских типов. Вариант накладок (рис. 2: 4) весьма своеобразного исполнения обнаружен в Подвязьевском могильнике второй половины III – IV в. в низовьях р. Оки вместе с фибулой с выемчатой эмалью и трехсоставной пряжкой с круглым расширением на конце пластины (Грибов, 2014, с. 316–319).

Тип прямоугольных накладок, обильно фасетированных, с подвеской-кольцом, также присутствует в этом собрании (рис. 2: 14; 402–407 экз.). Т.И. Останина отметила лишь 5 таких из Чепанихинского могильника, отнесенных ею к III в. н.э. (1997, с. 58, рис. 11: 22, 23; 51: 43).

Поясная гарнитура этой группы характеризуется развитыми формами различных вариантов фасетировки: тончайшими надпилами, сочетаниями коротких и длинных подрезов на продольных гранях, в углах накладок и на подвесках-кольцах. Создается впечатление, что мастера-ювелиры в совершенстве владели технологией этого приема. На гарнитуре степной полосы Подонья первой половины III в. н.э. приемы фасетировки были значительно скромнее (Безуглов, 1988, рис. 2: 16, 3: 22–25). В.Ю. Малашев неоднократно отмечал, что распространение фасетированных изделий как импортных, так и подражаний в степной полосе Восточной Европы относится к рубежу II и III в. и они отличаются от прикамских (Малашев, 2000, с. 208; 2007, с. 117; Малашев, Яблонский, 2008, с. 52–56). Этим исследователем уже высказана мысль о том, что в Среднем Прикамье сложился свой особый центр по производству фасетированных бронзовых изделий (Малашев, Яблонский, 2008, с. 52–54). Причины активизации прикамского центра В.Ю. Малашев видит в дестабилизации ситуации в Северном Причерноморье в связи с готскими военными предприятиями и разрушением связей населения степной полосы с производственными центрами в Боспорских городах.

К мысли о приуральском производстве некоторых типов фибул из позднесарматских южноуральских могильников пришла и М.Г. Мошкова (2000, с. 192). Развивая идею о существовании мощного среднекамского производственного центра, следует указать и на высокий уровень бронзолитейного дела в предшествующее время (I–II вв.) у населения чегандинской культуры. Достаточно увидеть, насколько разнообразен и выразителен инвентарь из цветных металлов Тарасовского могильника (Голдина Р.Д., 2003), и для специалиста станут очевидными уровень этого производства и его динамика на протяжении I–V вв. н.э. Только сохранившихся эполетообразных застежек, изготовление которых требовало сложнейших ювелирных знаний и навыков, в Прикамье известно более 160. Практически все технологические приемы, необходимые для массового производства фасетированных накладок, были хорошо известны и в I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 7: 16).

В группу 1 входят флаконовидные пронизки (рис. 2: 5; 17 экз.) и костыльки (рис. 2: 6; 9 экз.). Флаконовидные пронизки появились, видимо, во II в. н.э.

Они зафиксированы в двух погребениях ныргындинской стадии, но основное время их использования – первая половина III в. (Голдина Р.Д., Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 237). Т.И. Останиной учтено 8 таких пронизок из Ижевского, Мазунинского, Нивского, Сайгатского и Чепанихинского могильников (1997, рис. 5: 26, 27, табл. 17). Начало применения костыльков относится к первой половине III в., но они продолжали бытовать и в IV в. Костыльки («молоточки», по Т.И. Останиной тип 6, 1997, рис. 5: 28, 4 экз.) найдены в Мазунинском, Нивском и Сайгатском некрополях.

К группе 1 относится шестигранная, с эмалевыми вставками, шарнирная фибула-брошь из погребения 36 (рис. 2: 7). Близкий экземпляр найден в кургане 6 Сусловского могильника (Саратовская область) и датирован А.С. Скрипкиным второй половиной II – началом III в. (1977, рис. 6: 25). К концу II – первой половине III в. такие броши относит В.В. Кропотов (2014, рис. 15, форма 69, рис. 20). Составные бронзовые накладки в виде овальной пластины с кольцом (рис. 2: 8; 53 экз.) существовали на протяжении всего мазунинского времени, но самые ранние экземпляры отличались обилием насечек.

Бронзовая трехсоставная[3] пряжка средних размеров с овальной рамкой и прямоугольным щитком (рис. 2: 9) близка экземпляру из могилы 1 кургана 23 могильника Львовский Первый–4 в Дагестане, датируемого III–IV вв. (Абрамова и др., 2001, рис. 34: 1А). Похожие пряжки из Клин-Яра И.О. Гавритухин датирует III в. (2010, рис. 6: 45–46). Подобный экземпляр найден в могиле 631 Усть-Альминского некрополя в Юго-Западном Крыму и отнесен А.А. Труфановым к первой половине, ближе к середине III в. (2005–2009, рис. 88: 2; 2010, рис. 1; 4: 18, с. 150). Такая пряжка обнаружена в Васильевском могильнике второй половины II – первой половины III в. на юго-западе Одесской области (Субботин, Дзиговский, 1990, рис. 9: 6) и т.д. По позднесарматским материалам такие пряжки (П1) датированы В.Ю. Малашевым серединой – второй половиной II в. (2000, с. 195, 198, 209), М.В. Кривошеевым и А.С. Скрипкиным второй половиной II – первой половиной III в. н.э. (2006, рис. 2: IV), а И.В. Сергацковым – этим же временем (2000, рис. 57: 2). Ко второй половине II – первой половине III в. отнесены подобные предметы у алан Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009, рис 132: 1, 9). Из территориально близких аналогий следует указать на серию подобных пряжек из уздечного набора начала и середины III в. погребения 14 Ошкинского могильника в р. Вятке (Лещинская, 2014, с. 168, табл. 83: 9, 11–13).

В эту же группу вошел один из ранних вариантов железных составных наконечников ремней с подвесками (рис. 2: 10). Сюда же отнесены 2 меча (рис. 2: 11; погр. 446 и 131А). Всего в могилах мазунинского времени Тарасовского могильника найдено 22 меча: 20 мечей из 19 могил и 2 происходят из разрушенных нефтяниками погребений. Первый из них (погр. 446) имел общую длину 92,5 см, длину клинка 81,5, ширину его 5, длину рукояти 11 см, линзовидное сечение;

[3] Трехсоставными мы называем пряжки, у которых язычок, рамка и щиток сделаны отдельно, а потом соединены.

второй – общую длину 96,6 см, длину клинка 85,6, ширину клинка 3, длину рукояти 11 см и линзовидное сечение. Меч из погребения 446 был откован с высокой степенью качества из трех стальных полос: металл и сварочные швы свободны от шлаков. Центральная полоса имела феррито-перлитную структуру твердостью 208 кг/мм². Скорее всего, сделан за пределами Прикамья (Перевощиков, Малых, 2014, с. 19). Клинок из могилы 131 А изготовлен из многослойной железной заготовки, у рабочего края содержание углерода составило 0,2–0,25% при микротвердости 235–340 кг/мм². Возможно, но не бесспорно, местное происхождение изделия (там же, с. 20).

Уникальными предметами для Среднего Прикамья следует считать створки раковин моллюсков Turbo marmaratus семейства Turbinidae, обитавших в тропических зонах Тихого и Индийского океанов (рис. 2: 13; 71 экз. от 50 костяков). Они имели размеры 3,5–11 см и использовались преимущественно для украшения поясов, реже – мечей и для изготовления подвесок и бус. Т.И. Останиной были учтены 51 раковина из 34 погребений и датированы III–IV вв. (1997, с. 62–63, рис. 51: 65).

Сейчас поясных блях из раковин в Прикамье известно более 170 экз. Они происходят из 10 могильников мазунинского типа, расположенных преимущественно на правобережье р. Камы (Тарасово – 71 экз., Ижевск (30 экз.), Покровка (9), Чепаниха (2), Афонино (2), Мазунино (9), Ныргында I (1), Заборье (10), Боярка (3), Бирск (36)). Единичные находки известны и в прилегающем к Каме Поволжье: Старо-Майнском II могильнике (1 экз.) и в Коминтерновском II (5 экз.), но в последнем случае они более позднего времени – второй половины VI в. (Казаков, 1998, рис. 9: 17, 11: 5, 10, 11).

На Тарасовском могильнике, судя по планиграфии, они располагались в мазунинской части памятника (Голдина Р.Д., Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 244). Раковины (8 экз.) обнаружены в 8 мужских погребениях, судя по корреляции, первой половины III в. и лишь в одной могиле второй половины III в. (рис. 3: 19). В женских могилах (53 раковины из 32 погребений) они встречались в захоронениях III и первой половины IV в. Поскольку такие изделия не обнаружены в самом юго-западном могильнике мазунинского типа – Тураевском I, вряд ли они поступали в Прикамье волжским путем. На иной – сухопутный – путь из Средней Азии указывают находки подобных раковин в кургане 43 могильника второй половины III в. Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 162: 5) и в кургане 37 Лебедевки VI первой половины, ближе к середине III в. (Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 2: 4). Подтверждением того, что раковины Turbo marmaratus шли в Прикамье через Среднюю Азию, являются и находки их в могилах второй половины I тыс. н.э. на Памире, где они использовались в качестве наглазников и поступали сюда, как считал Б.А. Литвинский, из Индии (1972, табл. 47).

Погребение 137 занимает в корреляции верхнюю позицию в группе 1, приближаясь к середине III в. В нем, наряду с другими вещами, найден составной наконечник ремня, с привеской и овальным расширением в ее нижней части (рис. 2: 15; 13 шт.).

В.Ю. Малашев относит появление таких наконечников к середине III в. н.э., допуская их использование и во второй половине (2014, с. 133). Таким образом, положение в корреляционной таблице и приведенные аналогии составляющим ее вещам, позволяют датировать эту группу первой половиной III в. н.э.

К группе 2 отнесены 11 могил (790, 1679, 4, 782, 6, 453, 815, 456, 1717, 217 А, 727). Пара наконечников от обувных ремней подпрямоугольной формы, вытянутых, со слегка приостренным концом (рис. 3: 16; всего их – 4 экз.) найдены вместе с двумя небольшими трехсоставными пряжками с подтреугольными пластинами (рис. 4: 28а). Такие наконечники имеют аналогии в материалах склепа 222 могильника Нейзац возле Симферополя, датированного И.Н. Храпуновым III в. (2006, рис. 4: 10, 11, с. 114). Близкие наконечники происходят также из могил Усть-Альмы в Крыму, отнесенных А.Е. Пуздровским к концу II – первой половине III в. (2007, рис. 99: 11, 14, 15, 22, 23).

В двух захоронениях этой группы обнаружены оригинальные изделия: в могиле 782 – железная крица (рис. 3: 26), а в ограбленном погребении 1679 – 2 крицы и слиток латуни (рис. 3: 17). Все 3 железные крицы имели лепешкообразную форму, диаметр 15–18 см, толщину до 5 см и вес 5,0; 5,1; 5,2 кг. Стандартная форма и близкие размеры позволяют предположить, что все 3 крицы изготовлены в одном центре. Металлографическое исследование, проведенное С.Е. Перевощиковым, показало, что микроструктура всех криц представлена переходящими одна в другую видманштеттовой, ферритной и ферритно-перлитной структурами. Содержание углерода 0,01, 0,21 и 0,78%. Крицы хорошо прокованы, в них практически отсутствуют незаваренные пустоты, поры в металле мелкие. По мнению С.Е. Перевощикова, эти хорошо прокованные изделия – полуфабрикат (Перевощиков, Сабирова, 2014, с. 73). Показателем высокого качества металла тарасовских криц является и то обстоятельство, что при подобных размерах новгородские крицы весили почти в 2 раза меньше тарасовских – до 3 кг (Колчин, 1959, с. 12–13). С.Е. Перевощиков обратил внимание на довольно высокое содержание никеля (0,14%) в одной из криц могилы 1679, что соответствует такой примеси в средневековых крицах центральной части Древней Руси и существует некоторая вероятность происхождения тарасовских криц из областей славянского этногенеза (Перевощиков, Сабирова, 2014, с. 73).

В погребении 1679 обнаружен также слиток цветного металла (рис. 3: 17), весом 980 г., с содержанием меди – 75,9% и цинка – 23,4%, так называемой «золотоподобной латуни» (там же, рис. 5). Уникальное скопление из 67 слитков латуни обнаружено на Щербетьском поселении IV–VII вв. именьковской культуры в Республике Татарстан. Спектральный анализ показал, что к основному компоненту – меди, в них был добавлен цинк (до 30%), олово (до 2%) и свинец (до 4–5%) (Сидоров, Старостин, 1970, с. 233–237). С перечисленными изделиями из погребения 1679 связана и бронзовая фигурка животного, напоминающего бобра (рис. 3: 18). В составе группы – украшение пояса – орнаментированная накладка-раковина (рис. 3: 19).

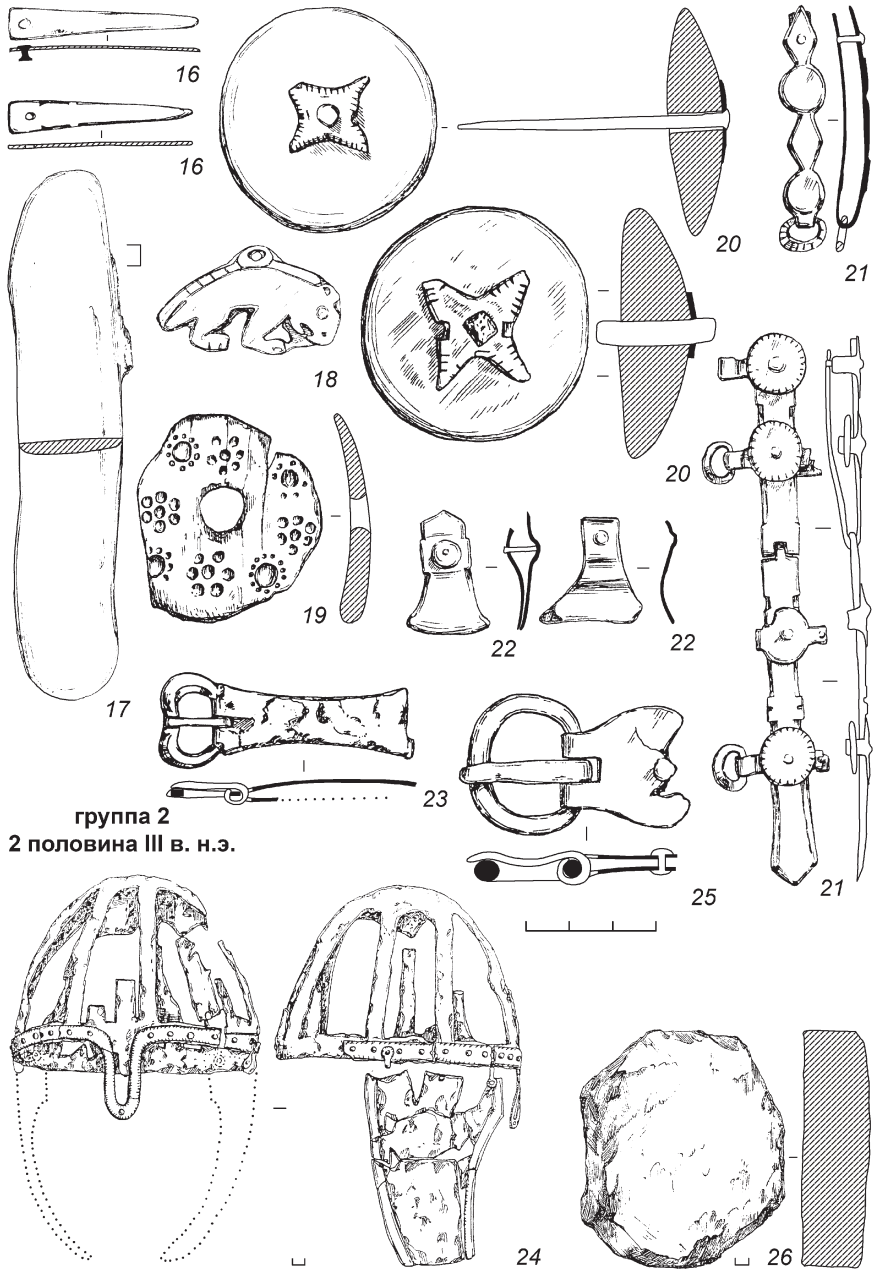


Рис. 3. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 2 (вторая половина III в. н.э.). 16 – наконечники обувных ремешков; 17 – слиток; 18 – подвеска; 19 – бляха; 20 – диски; 21 – уздечные накладки; 22 – зажимы; 23, 25 – пряжки; 24 – шлем; 26 – крица. 16, 18, 21, 22, 25 – бронза; 17 – латунь; 19 – раковина; 20 – халцедон, бронза; 23, 24 – бронза, железо; 26 – железо.

Fig. 3. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 2 (second half of the 3rd c. AD). 16 – tips of footware straps; 17 – bar; 18 – pendant; 19 – badge; 20 – disks; 21 – horse harness plaques; 22 – clasps; 23, 25 – buckles; 24 – helmet; 26 – iron ball. 16, 18, 21, 22, 25 – bronze; 17 – brass; 19 – shell; 20 – chalcedony, bronze; 23, 24 – bronze, iron; 26 – iron.

Оригинальны украшения конской сбруи: накладки (рис. 3: 21; 3 экз.), зажимы (рис. 3: 22; 5 экз.). В эту же группу входят трехсоставная пряжка со слегка наметившейся В-образной, уплощенного сечения рамкой, гладким язычком и прямоугольным железным щитком (рис. 3: 23; 3 экз.), а также трехсоставная, бронзовая, довольно крупная пряжка с овальной рамкой, гладким, слегка прогнутым язычком и овальным оттянутым щитком (рис. 3: 25). Последняя по северокавказским материалам датируется И.О. Гавритухиным III в. (2010, рис. 6: 65).

Интерес представляет серия овальных рамчатых пряжек с уплощенными сечениями и псевдорифлением (насечками по кольцу) (рис. 4: 31; 6 экз.). Казалось бы, аналогии им следует искать в материалах Центральной и Восточной Европы, однако ничего похожего в солидной сводке рифленых пряжек IV–VI вв. этих регионов, собранной И.А. Бажаном и С.Ю. Каргапольцевым (1989), обнаружить не удалось. Надо полагать, что подобные экземпляры характерны для более раннего времени. Некоторое подтверждение этому нашлось в материалах кургана 23 могильника Барановка 1 на Среднем Дону, где была обнаружена аналогичная пряжка, датируемая второй половиной II – первой половиной III в. (Сергацков, 2000, рис. 37: 6).

Близки к ним по стилю бронзовые трехсоставные пряжки с рифленой рамкой, гладкими язычками и длинными подтреугольными щитками, отличающимися обильным фасетированием (рис. 4: 28; 5 экз.). В подобной манере оформлены и мелкие бронзовые бантикообразные накладки (рис. 4: 32; 22 экз.).

Бронзовые прямоугольные наконечники, сделанные из перегнутой пластины, скрепленной с ремнем с помощью штифта (рис. 4: 29; 7 экз.), имеют аналогии в катакомбе 122 могильника Клин-Яр и датированы III в. н.э. (Малашев, 2008, рис. 3: 16, 17; Гавритухин, 2010, рис. 6: 49–50). Близки к ним подобные наконечники ремней из прямоугольных пластин с зауженной серединой (рис. 4: 35; 2 экз.).

В этой же манере (щиток с зауженной серединой) оформлена бронзовая пряжка из погребения 785 (в корреляцию не вошла). Она отличается прямоугольной, уплощенной в сечении рамкой, прямоугольным щитком и гладким язычком (Голдина Р.Д., 2003, табл. 343: 4). Продольные и торцевой края щитка и рамки срезаны крупными фасетками. Стиль оформления пряжки позволяет отнести ее ко второй половине III в. Подобный экземпляр был обнаружен в кургане 37 могильника Лебедевка VI в Западном Казахстане, датированном М.Г. Мошковой и С.В. Демиденко первой половиной III в., ближе к его середине (2010, рис 1: 4).

Железных наконечников стрел в Тарасово мало (25 экз.), из них 12 относятся к ранней, ныргындинской, стадии. Небольшие трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 4: 33) невыразительны и имеют широкие хронологические рамки и территориальное распространение.

Весьма архаичным выглядит поясной крючок из могилы 815 (рис. 4: 34). Он напоминает подобные предметы из ранней части могильника (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 8: 13), но многочисленные поясные накладки мазунинского типа (рис. 6: 54), найденные в этом же захоронении,

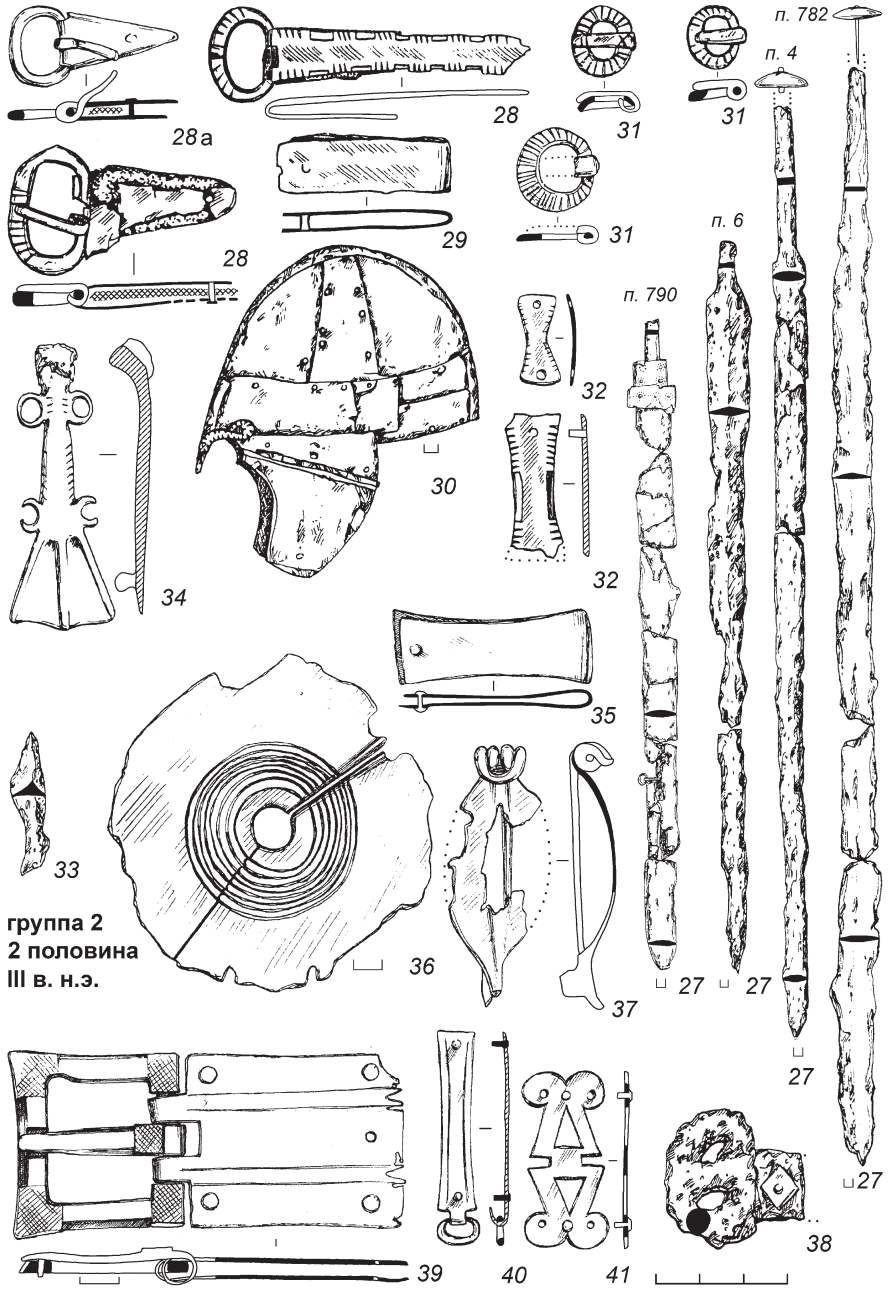


Рис. 4. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 2 (вторая половина III в. н.э.). 27 – мечи; 28, 28а, 31, 38, 39 – пряжки; 29, 35 – наконечники ремней; 30 – шлем; 32, 40, 41 – накладки; 33 – наконечник стрелы; 34 – крючок; 36 – сюльгама; 37 – фибула. 27, 33 – железо, иногда бронза, халцедон; 28, 28а, 29, 31, 32, 35–37, 39–41 – бронза; 30, 38 – железо, бронза; 34 – бронза, железо (окалина).

Fig. 4. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 2 (second half of the 3rd c. AD). 27 – swords; 28, 28a, 31, 38, 39 – buckles; 29, 35 – belt tips; 30 – helmet; 32, 40, 41 – plaques; 33 – arrowhead; 34 – hook; 36 – syulgam; 37 – fibula. 27, 33 – iron, sometimes bronze, chalcedony; 28, 28a, 29, 31, 32, 35–37, 39–41 – bronze; 30, 38 – iron, bronze; 34 – bronze, iron (slag).

позволяют уверенно относить его к мазунинскому времени.

К группе 2 отнесен один из вариантов одночленных пружинных фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 4: 37) – вариант Амброз-13-1 – листовидные, по Т.М. Сабировой (2015, рис. 36, № 45). М.Г. Мошкова считает, что подобные фибулы появились у кочевников Южного Приуралья с начала III в. и использовались до середины IV в. (2000, с. 188). В.В. Кропотов выделяет такие фибулы в группу поволжско-уральских и относит ко второй половине II–III в. (2010, с. 183). По мнению В.Ю. Малашева, фибулы этой группы, появившись во второй половине II в., преобладали в первой половине III в. и начиная с середины III в. практически полностью вытеснили другие виды фибул у населения южно-уральских степей, а варианты Тарасовского могильника демонстрируют разнообразные, несколько более поздние, чем в степях, типы этих застежек и являются особенностью среднекамского региона (Малашев, 2014, с. 130–133, рис. 1). Серединой – второй половиной III в. датирует такие фибулы Н.А. Лещинская (2010, с. 138). Практически все исследователи склоняются к мысли о местном, уральском (среднекамском), производстве данных фибул (Мошкова, 2000, с. 192; Лещинская, 2010, с. 138; Малашев, 2014, с. 133; Сабирова, 2015, с. 82–84).

В могиле 217 А, вместе с вышеописанной фибулой, были найдены железная пряжка, украшенная бронзовой ромбической накладкой (рис. 4: 38) и крупная плоская сюльгама с орнаментом из концентрических кругов посередине (рис. 4: 36). Подобная происходит из погребения 299 Ныргындинского I могильника, датированного первой половиной III в. (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 241: 8). В Тарасово найдено 5 таких сюльгам: 2 – из могил ныргындинской стадии I–II вв., 3 – из мазунинской. Сюльгам этого типа особенно много в Ошкинском некрополе конца I–III в. на Вятке: 11 экземпляров из 32 погребений (Голдина Р.Д., Лещинская, Макаров, 2014, табл. 3: 3; 5: 2; 6: 16 и др.).

Выяснен химический состав металла пластинчатых сюльгам из Ошкинского могильника, аналогичных по форме тарасовской. Две из них сделаны из классической латуни, сплава меди с цинком, 2 – из томпака (вариант латуни с содержанием цинка меньше 10%) и 3 – из свинцово-оловянистой бронзы. Предметы, выполненные из латуни, скорее всего, были привозными или сделаны местными мастерами из привозного лома или импортных заготовок. Подобные сплавы с I в. до н.э. начинают широко применяться в восточных провинциях Римской империи. Изделия из свинцово-оловянистой бронзы, вероятно, сделаны местными ювелирами (Перевощиков, Сабирова, 2014а, с. 454–457). Такие сюльгамы являются своеобразным «брендом» мордовских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья, где они датированы В.В. Гришаковым концом II–IV в. (2008, рис. 10: 1–3, 14: 1–3, 19: 1, 2). Тарасовские экземпляры аналогичны предмету из захоронения 3 Ражкинского могильника, которое В.В. Гришаков относит к первой группе и датирует первой половиной III в. (там же, рис. 4: 2). Традиция изготовления сюльгам такого типа первоначально сформиро-

валась в пределах Сурско-Свияжского междуречья, а затем была распространена и на другие территории обитания мордовского этноса (Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2015).

Прикамье располагает крупнейшей не только в России, но и в мире коллекцией боевых оголовий эпохи Великого переселения народов (19 экз.) (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71). В Тарасово их найдено 5. Железный решетчатый (ажурный, каркасный) шлем (рис. 3: 24) из могилы 782 выполнен из узких, довольно редко расположенных, слегка выпуклых пластин. Основание его – обод с откованным вместе с ним наносником. Высота тульи – 13,5 см. С боков к ободу крепились железные выгнутые пластинчатые нащечники, украшенные по краям бронзовыми пластинами. Ближайшие аналогии шлему имеются из погребения 27 Суворовского (Генинг, 1963, рис. 37: 2), а также из могил 80 и 10 Нивского могильников (Останина, 1978, с. 111–112). Н.А. Лещинская датирует такие шлемы второй половиной III – серединой IV в. (2014а, с. 344, рис. 1: 6), Р.В. Матвеев – первой половиной – серединой III в. (2014, с. 362, рис. 1, тип III).

И.А. Бажан и О.А. Гей, специально анализировавшие эту проблему (1992, с. 115–122), на основании сопутствующего подобному шлему инвентаря из кургана 6 станицы Тбилисская Краснодарского края (Ждановский, 1984, с. 79–81, рис. 1: 41) датируют оголовья этой конструкции второй половиной II – первой половиной III в. Они относят такие изделия к кругу «сармато-парфянских» и подчеркивают своеобразие прикамских шлемов, а также их возможное запаздывание (Бажан, Гей, 1992, с. 120–121). М.М. Казанский датировал такие шлемы I–III вв. н.э. (2014, с. 316–317). М.В. Горелик связывал их происхождение (вторая разновидность типа III) с юго-восточными регионами Римской империи II–III вв. н.э. (Горелик, 1993, с. 164). А.П. Зыков предполагает местное прикамское происхождение подобных изделий (Зыков, Ковригин, 2008, с. 72–74).

Железный шлем из погребения 6 (рис. 4: 30) относится, по мнению А.П. Зыкова, к типу полусферических германо-римских. Он склепан из 6 железных трапециевидных пластин. Сверху его тулья укреплена продольным гребнем. Шлем имеет короткий наносник с надбровьями, по бокам оснащен подвижными железными нащечниками. У шлема был назатыльник, утраченный до погребения владельца. Очень близкие, но более качественно исполненные железные пехотные, а также посеребренные железные и бронзовые офицерские кавалерийские оголовья конца III – начала V в. были найдены на территории Римской империи. Несколько таких шлемов происходят из позднеримского лагеря Интерсиза в Венгрии, куда они были привнесены германскими наемниками (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71–72).

С.Э. Зубов и О.А. Радюш считают, что подобные шлемы (сегментно-пластинчатые по их терминологии) распространились в Поволжье уже во II в. (шлем 1 из Пильны II) и также связаны с римскими традициями (2014, рис. 2, с. 102). Н.А. Лещинская видит аналогии этому шлему в изделиях из могилы 235 Рождественского V и из погребения 9 Первомайского могильников и относит их к IV в. (2014, с. 345, рис. 1: 2). Р.В. Матвеев пишет,

что шлемы сегментного типа, куда относится и экземпляр из могилы 6 Тарасово, сформировались в результате смешения западных и юго-восточных форм в последней четверти III – начале IV в. (2014, с. 360, рис. 1, тип I).

Главную особенность этой группы составляют 4 погребения с мечами. Мечи из могил 6 и 790 отличались массивностью. Экземпляр из могилы 6 (рис. 4: 27) был сравнительно коротким (общая длина 79? см, длина клинка – 73,5 см), клинок – широкий (5 см), рукоять – короткая (5,5 см), сечение – ромбическое. Меч из захоронения 790 сильно деформирован (рис. 4: 27), имел линзовидное сечение, общую длину – 69,7 см, длину клинка – 65, ширину клинка 4, длину рукояти 4,7 см. Сохранились остатки рукояти, покрытой красной краской, а также бронзовая обкладка рукояти и части ножен из бронзовых пластин, украшенных розетками, нанесенными пуансоном. Подобная манера орнаментации типична для изделий местных мастеров. Подобным образом украшены многие бабочковидные фибулы (Голдина Р.Д., 2003, табл. 37: 2; 44: 6 и др.).

Клинки из погребений 4 и 782 (рис. 4: 27) типичны для позднесарматского времени. Первый имел общую длину 100 см, длину клинка 82,5, его ширину 3,5, брусковидную рукоять длиной 17,5 см; второй – общую длину 121 см, длину клинка 102, ширину клинка 3,2, длину рукояти 16,2 см. Оба отличались линзовидным сечением, у обоих присутствуют халцедоновые навершия (рис. 3: 20).

Меч из могилы 782 откован из стальной заготовки с высоким содержанием углерода (заэвтектоидная сталь), на острие зафиксирован цементит (Перевощиков, Малых, 2014, с. 19). Металлография других мечей этой группы не изучена.

Халцедоновые диски, использующиеся для украшения рукоятей мечей, – явление для Прикамья оригинальное, явно не местное[4]. С.И. Безуглов считал, что длинные мечи с каменной отделкой, в том числе и халцедоновыми навершиями, а также крупными бусинами на портупейных ремнях были распространены у поздних сармат преимущественно во II – первой половине III в., но бытовали и во второй половине III и даже в конце III – IV в. (2000, с. 173–174, 180–181).

Основная часть воинских позднесарматских захоронений сосредоточена на Нижнем Дону и в Южном Приуралье. Они имели ряд характернейших признаков: длинные мечи с каменными (чаще халцедоновыми) навершиями, реже – с каменными скобами на ножнах, крупные бусы в портупейных ремнях, железные ножи и уздечные наборы. Нашим материалам наиболее близки три памятника Южного Предуралья: Покровка 10, группа VI комплекса Лебедевка и курган 3 могильника Красный Яр. Все они располагались в бассейне р. Урал и объединены с тарасовскими могилами второй группы присутствием длинных позднесарматских мечей с халцедоновыми навершиями или украшениями из крупных раковин. М.Г. Мошкова и С.В. Демиденко датировали курган 37 группы VI Лебедевки первой половиной III в., ближе к его середине (2010, рис. 1: 1, 2; 2: 4; с. 260). Комплекс кургана 43 Покров-

[4] Подробнее о халцедоновых дисках см.: Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 185–187.

ских могильников В.Ю. Малашев и Л.Т. Яблонский отнесли к середине – второй половине III в. (2008, с. 62, 66). Приемлемой датой кургана 3 могильника Красный Яр (там нет раковины) М.Ю. Малашев считает первую половину III в. (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 206: 3, 5; 207; с. 54).

Таким образом, ранние всадническое погребения Тарасово группы 2 вполне укладываются во вторую половину III в. Следует отметить, что сарматские мечи с халцедоновыми навершиями присутствуют и в группе 6 (об этом позже).

В группу 2 входит оригинальный гарнитур из погребения 727, состоящий из пряжки и накладок двух вариантов. Трехсоставная пряжка с прямоугольными рамкой и щитком, вырезами на трех краях рамки, выступом-площадкой у основания язычка (рис. 4: 39). Углы рамки и выступ язычка имели гравировку в виде сетки. Пряжка с рамкой прямоугольной формы без щитка из некрополя Дружное датирована В.Ю. Малашевым второй половиной III в. (2000, рис. 6: Г 1–3). Несколько вариантов подобных рамчатых прямоугольных пряжек и наконечник ремня, украшенных в той же манере, выявлены В.В. Гришаковым в могильниках Верхнего Посурья и Примокшанья и отнесены им к концу II – первой половине III в. (2008, рис. 7: 10, 12, 13). Подобная пряжка происходит из могилы 8 Селикса-Трофимовского некрополя, датируемой В.В. Гришаковым первой половиной IV в. В этом комплексе найдены также ранние наконечники небольшого размера из согнутой пластины с утолщением на конце, а также халцедоновый диск (Гришаков, 2008, рис. 16: 1, 10, 11; 17: 7). Фрагмент подобной пряжки обнаружен в погребении 12 могильника Верин Холм цебельдинской культуры и отнесен О.А. Гей и И.А. Бажаном к периоду 2 ступени 1 (270–310 гг.) (1997, табл. 24: 28). Интересно, что эта пряжка была найдена в могиле вместе с золотым кулоном с жемчужинками. Похожий кулон обнаружен в гробнице 2 некрополя Армазисхеви с монетой 253–260 гг. н.э. (там же, с. 21). Таким образом, сомневаться в дате этой пряжки – вторая половина III в. – не приходится.

В этот же гарнитур в Тарасово вошли 5 прямоугольных накладок с четким огранением краев и подвеской-кольцом (рис. 4: 40), а также 3 фигурных накладки в виде буквы Х (рис. 4: 41). Форма этих накладок необычайно напоминает мотив украшения пряжек с тамгообразными знаками, выполненных под римским влиянием в боспорских мастерских (тип VI по М.Ю. Трейстеру, 2011, рис. 2: 6). Пряжки с тамгами типа VI были найдены на территории Боспорского царства: в Херсонесе, Керчи и Битакском могильнике. Погребение 1 могилы 17 последнего памятника, где обнаружена такая пряжка, датировано А.А. Труфановым II в. (по Трейстеру, 2011, с. 319).

Пряжкам описанного облика предшествовали изделия аналогичной формы, но имеющие особенные язычки – с прямоугольным расширением посередине. Такая пряжка происходит из сборов гр. А.С. Уварова в окрестностях г. Опошня Полтавской губернии. По мнению В.Ю. Малашева и А.М. Обломского она имела центральноевропейское происхождение и датируется концом I – началом III в. н.э. (2002, рис. 1: 1; с. 115, там аналогии).

Точно такая же пряжка была найдена в кургане 3 могильника Красный Яр, раскопанного А.Х. Пшеничнюком в Оренбургской области. Сходство с экземпляром из г. Опошня настолько велико, что В.Ю. Малашев предполагает их производство в одной мастерской и даже одним мастером. Комплекс из кургана 3 Красного Яра этот исследователь убедительно датирует первой половиной III в. и характеризует появление этих пряжек как прямой импорт центральноевропейских образцов в поволжско-приуральский регион (Малашев, Яблонский, 2008, с. 54–55, рис. 206: 1, 3). Это явление имеет свои более ранние истоки. Во второй половине II в. н.э. в Поволжье и особенно в Прикамье появилось большое количество рамчатых пряжек с граненым сечением кольца и квадратным или овальным расширением на язычке, подобных экземпляру из Красного Яра (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 14: 48). Такие пряжки О.В. Шаров считает германскими и отмечает их популярность в Скандинавии и на балтийском побережье в 150–200 гг. н.э. (2009, с. 188, рис. 139).

Учитывая все приведенные аналогии предметам группы 2 Тарасовского могильника, считаем возможным датировать ее второй половиной III в.

Группа 3 занимает промежуточное положение между группами 1 и 2 и датируется III в. Она представлена одной категорией – ножнами для двух вещей – ножа и шила. Сама традиция – носить два эти предмета в одних ножнах возникла в Среднем Прикамье еще в I–II вв., но характер оформления ножен изменился. Если раньше они были литыми, то в мазунинское время на кожаную основу крепились причудливо вырезанные и богато орнаментированные бронзовые пластины (рис. 5: 42; 12 экз.). Т.И. Останина отнесла подобные ножны к варианту 1 типа 3 (2 экз.) и датировала IV в. (1997, с. 70, рис. 15: 17; 51: 59). По нашим материалам, они появились уже в III в. и являлись особенностью мазунинского этапа чегандинской культуры.

В следующую группу 4 вошло 16 могил: 1773, 1737, 117, 197, 164, 241, 243, 199, 358, 673, 484, 380, 171, 757, 1682, 35А,Б. Обращаем внимание на то, что 6 последних захоронений в равной степени могут относиться как к этой, так и к последующей группе 6.

В составе этой выборки различные варианты железных трехсоставных пряжек средних размеров с округлыми, квадратными или трапециевидными щитками (рис. 5: 43, 45; 20 экз.). Продолжали использоваться пронизки-костыльки, которые получили несколько иную форму и поперечный орнамент (рис. 5: 44), нежели в первой половине III в. (рис. 2: 6). По сравнению со второй половиной III в. (группа 2, рис. 4: 29) изменились прямоугольные наконечники ремней из согнутых пластин – шпеньки, крепившие их к ремню, – стали украшаться наружной выпуклой головкой в виде полусферы, но еще небольших размеров (рис. 5: 46; 7 экз.). Этот признак В.Ю. Малашев считает характерным для ременной гарнитуры степной и лесостепной полос с начала II в. и до раннего IV в. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 55). В Среднем Прикамье эта мода прижилась несколько позднее.

В группу входят также бронзовый длинный наконечник из пластины с овальными накладками – деталь портупеи меча (рис. 5: 49); подковообразный бронзовый наконечник (?), найденный у ног погребенного в могиле

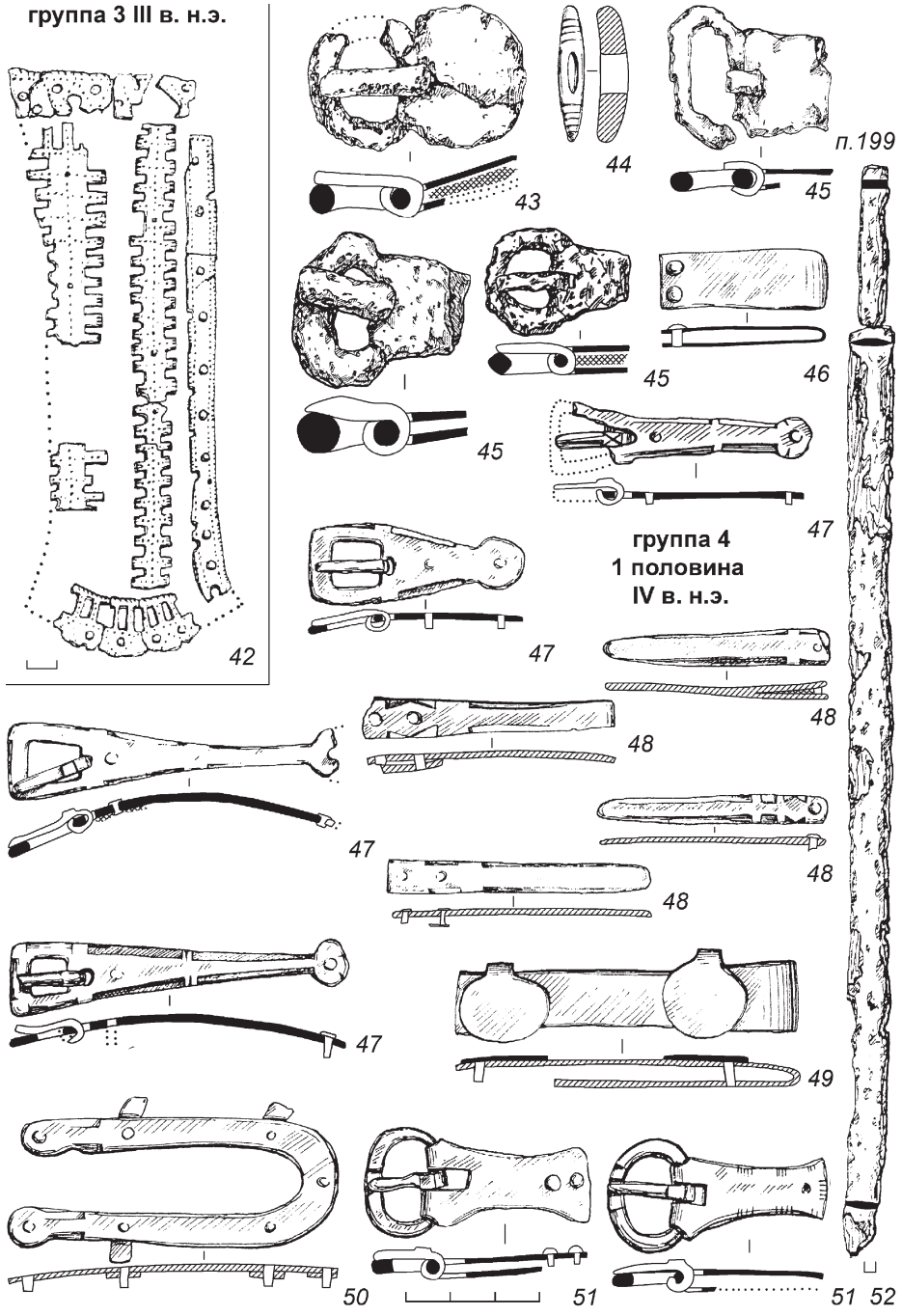


Рис. 5. Тарасовский могильник. 42 – предметы мужских захоронений группы 3 (III в. н.э.). 42 – ножны для ножа и шила. 43–52 – предметы мужских захоронений группы 4 (1 половина IV в. н.э.). 43, 45, 47, 51 – пряжки; 44 – пронизка; 46, 48–50 – наконечники ремней; 52 – меч. 43, 45, 52 – железо; 42, 44, 46–51 – бронза..

Fig. 5. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 3 (3rd c. AD). 42 – sheath for a knife and an awl. 43–52 – goods from male graves of group 4 (first half of 4th c. AD). 43, 45, 47, 51 – buckles; 44 – bead; 46, 48–50 – belt tips; 52 – sword. 43, 45, 52 – iron; 42, 44, 46–51 – bronze.

199 (рис. 5: 50) и бронзовые трехсоставные пряжки с прямоугольными, слегка зауженными пластинами и язычками с выступами у основания (рис. 5: 51; 11 экз.). Появление таких выступов/уступов на позднесарматских пряжках Восточной Европы В.Ю. Малашев относит к середине III в. н.э. (2014, с. 136–139). Пряжка варианта рис. 5: 51 происходит также из могилы 29 Суворовского могильника на р. Вятке и датирована Н.А. Лещинской IV в. (2014, табл. 88: 2).

Группе придают своеобразие обувные бронзовые цельнолитые пряжки с прямоугольной рамкой, длинным подтреугольным щитком и овальным расширением на конце (рис. 5: 47; 7 экз.). Язычки их гладкие, но некоторые имели выступ, иногда украшенный крестом. Их можно сопоставить с похожими экземплярами из памятников азелинского типа бассейна р. Вятки, но те, несмотря на то что они тоже обувные, реже портупейные, более многочисленны, разнообразны и других пропорций (там есть и с овальной и прямоугольной рамками). Кроме того, Н.А. Лещинская считает, что они использовались как в III (2014, табл. 84: 6, 9), так и в IV в. (там же, табл. 89: 10–15). Пряжки III в., по ее мнению, более фасетированы (там же, с. 170, 171). Следует отметить, что среди изделий IV в. встречаются и цельнолитые экземпляры (там же, табл. 89: 10, 12).

Подобные пряжки происходят из захоронений 9 и 20 Селикса-Трофимовского могильника Сурско-Окского междуречья. В.В. Гришаков относит их к группе 3 женских погребений и датирует первой половиной IV в. (2008, рис. 16: 15, 17).

В.Ю. Малашев этому типу застежек – с округлым расширением на конце щитка, уделил особое внимание. Он определил примерный круг их распространения: рязано-окские могильники, Посурье и Прикамье; их типологические особенности: форма щитка и специфические приемы украшения – частые надпилы; высказал предположение об их местном производстве. Наиболее ранние предметы этого стиля В.Ю. Малашев датирует первой половиной – серединой III в. (2014, с. 133, 136, рис. 5).

Тарасовские экземпляры существенно отличаются от известных поволжских и вятских. Они цельнолитые, имели прямоугольные рамки, меньше размерами, украшены только длинными срезами по длинным краям щитков, надпилы практически отсутствуют. Перечисленные признаки, стандартность изделий, малочисленность их объясняется, прежде всего, более поздним временем использования (первая половина IV в.), а также локальным своеобразием, определяемым пограничной зоной бытования этого массива пряжек. Тарасово – это самый северо-восточный пункт, обозначенной В.Ю. Малашевым территории.

Описанным пряжкам соответствовали обувные бронзовые прямоугольные, вытянутые, с приостренным концом, наконечники ремней, выполненные из одной или двух пластин (рис. 5: 48; 9 экз.). Их задний конец был украшен орнаментом в виде сочетаний различных геометрических фигур. Такие наконечники напоминают предметы из группы 2 (рис. 3: 16), но отличаются присутствием орнамента.

В группу 4 вошли 3 меча. Из погребения 1737 происходит фрагмент клинка длиной 30 см, шириной 4 см

с линзовидным сечением, изготовленный из литой, заэвтектоидной стали (Перевощиков, Малых, 2014, с. 19). Клинок из могилы 199 (рис. 5: 52) имел такое же сечение, общую длину 98 см, длину клинка 83, ширину его 5, длину рукояти 15 см, находился в деревянных ножнах, сохранились также следы бронзовой обмотки рукояти. Металлография не изучена. Из-за сильной коррозии меч из могилы 241 взять не удалось. Итак, характер и аналогии материалам, положение в корреляционной таблице позволяют датировать группу 4 первой половиной IV в. н.э.

Группа 5 – одна из смежных – объединяет погребения, вошедшие в состав групп 2, 4 и 6 и датируется со второй половины III до конца третьей четверти IV в. Она представлена различными вариантами ременных накладок. Начиная работу над этой группой, мы старались сделать более дробную типологию, но в процессе работы выяснилось, что часто в одном погребении встречаются несколько типов, и это позволило объединить различающиеся деталями вещи в четыре более крупные.

Первый представлен накладками в форме двух овалов, соединенных перемычками в виде длинного или короткого прямоугольного стержня или ромба (рис. 6: 53; 399–403 экз.). Иногда вместо нижнего овала использовался ромб. Среди них есть как гладкие, так и фасетированные изделия. Почти все они имеют привеску-кольцо. Это один из популярных в Тарасово типов накладок. В первой половине IV в. у некоторых экземпляров появились шляпки штифтов в виде полусфер (рис. 6: 53а; 88 экз.). Подобные изделия варианта (рис. 6: 53) известны по находкам в погребении 2 кургана 2 Байрамгулово, где представлена, очевидно, ранняя серия этих накладок, которая была датирована В.Ю. Малашевым второй половиной III в. (2000, рис. 6: Д9). Т.И. Останиной на конец 1990-х гг. было зафиксировано около 1000 экземпляров таких предметов, происходящих из Ижевского, Нивского, Покровского, Усть-Сарапульского могильников (Останина, 1997, рис. 11: 30, 31, табл. 20).

По вятским материалам азелинского типа такие накладки датированы Н.А. Лещинской IV в. (2014, табл. 90: 6). Один из вариантов накладок такого типа (рис. 6: 53) найден в захоронении 21 Селикса-Трофимовского могильника в Сурско-Окском междуречье, отнесен В.В. Гришаковым к группе 3 мужских погребений и датирован первой половиной IV в. (2008, рис. 17: 5). В результате раскопок последних десятилетий число накладок описываемого типа в Среднем Прикамье существенно увеличилось. В 5 могилах бескурганной части Тураевского могильника, относящихся ко второй половине IV – V в., такие накладки варианта, представленного на рисунке (рис. 6: 53а), обнаружены в количестве 209 экземпляров (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, тип XII, с. 129, табл. 225: 14–22; 269: 80).

Бронзовые накладки с конусовидной верхней частью, округлой нижней и подвеской-кольцом, иногда фасетированные (рис. 6: 54; 189–193 экз.), датированы Т.И. Останиной (1997, рис. 51: 46) и Н.А. Лещинской IV в. (2014, табл. 44: 14, 15; 90: 4). В бескурганной части Тураево в могилах второй половины IV – V вв. их найдено 230 экземпляров (Голдина Р.Д.,

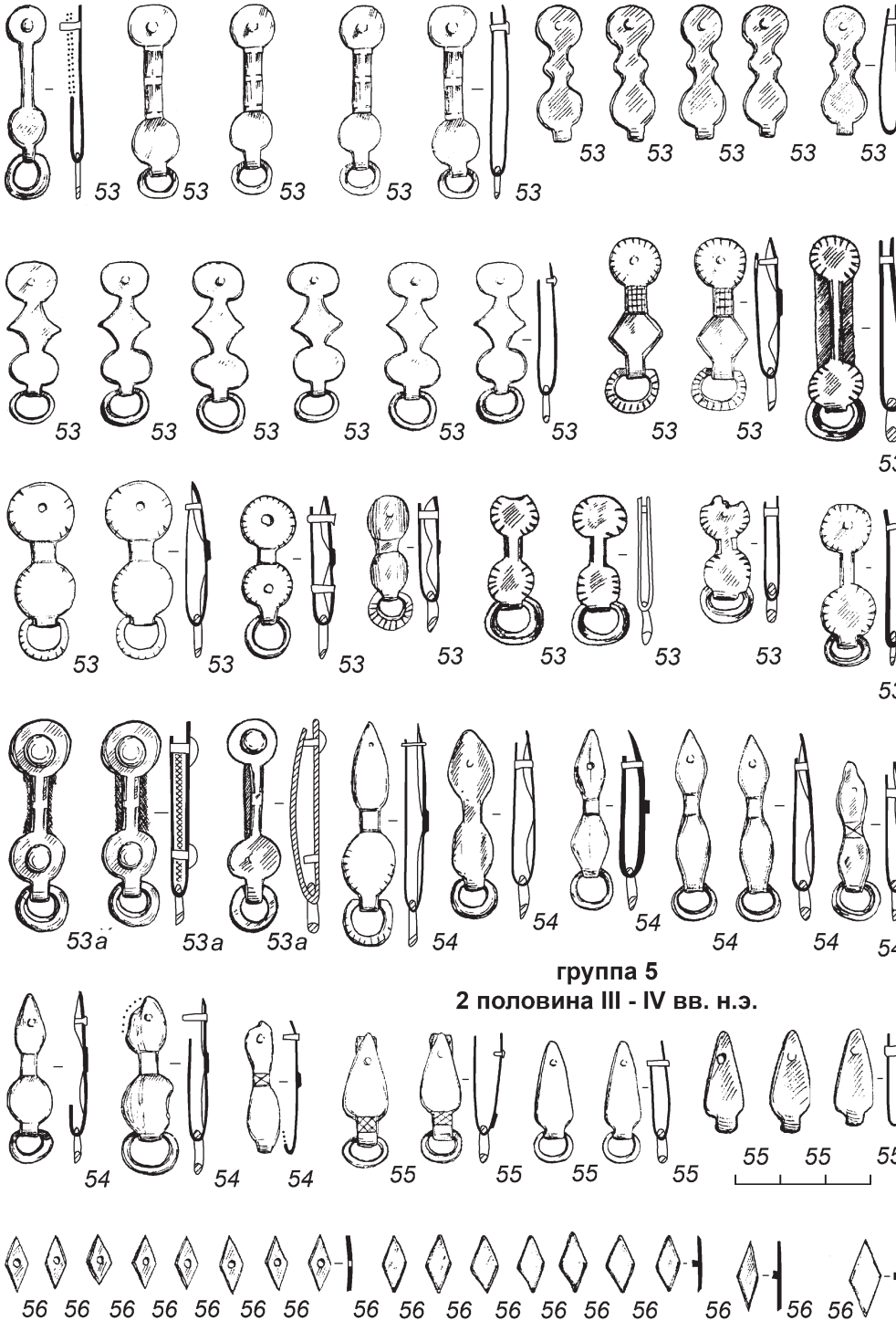


Рис. 6. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 5 (вторая половина III–IV вв. н.э.). 53–56 – накладки. 53–56 – бронза.

Fig. 6. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 5 (second half of the 3rd – 4th cc. AD). 53–56 – plaques. 53–56 – bronze.

Бернц, 2010, типы X, XI, с. 129, табл. 225: 8–12; 271: 89).

Бронзовые накладки подтреугольной формы с привеской-кольцом (рис. 6: 55; 195 экз. в Тарасово) учтены Т.И. Останиной из Покровского, Нивского, Ижевского и Ангасякского могильников в количестве 536 штук и датированы IV в. (1997, рис. 11: 28, 29; 51: 48, табл. 20, тип 3). В бескурганном Тураевском могильнике второй половины IV – V в. их обнаружено 256 экземпляров (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 225: 2, 6, типы VII, VIII, с. 128).

Ромбические поясные накладки из бронзы (рис. 6: 56; 448 экз.) – одна из наиболее распространенных категорий вещей мазунинского времени. Специальную статью им посвятила В.А. Бернц (2015, с. 70–84). Ею выяснено, что в могилах мужчин такие накладки использовались не только для украшения поясов, но и конской сбруи. Вряд ли следует искать какие-то дальние истоки появления мотива ромба. Он прост и широко распространен как во времени, так и в пространстве, а в Прикамье известен в материалах ананьинской культуры раннего железного века, а также в кара-абызской (бассейн р. Белой), чегандинской (Среднее Прикамье), худяковской (р. Вятка) культурах рубежа эр (Бернц, 2015, с. 73). Ромбические накладки мазунинского времени отличаются способом крепления – с помощью специального стержня-штифта, а не петли, как в I–II вв. Т.И. Останина сообщает о находках около 1000 таких накладок на Бирском, Покровском, Старо-Кабановском, Югомашевском и Усть-Сарапульском некрополях, где они датированы ею V в. (1997, тип 6, табл. 11: 35, с. 59; табл. 51: 10). На Вятке они встречались в конце IV–V в. в погребениях Первомайского и Тюм-Тюм могильников (Лещинская, 2014, табл. 45: 12; 95: 17, 18). В бескурганных захоронениях Тураевского могильника их собрано 139 экземпляров и они датированы V в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 128, тип IV, подтип 1, табл 224: 14–19; 267: 69). Особенно многочисленны ромбические накладки в погребениях V–VII вв. Башкортостана, представляющие этнографическую особенность этого локального варианта (Ковалевская, 2000, с. 149). Думаем, что этот признак должен распространяться на все изделия из Среднего Прикамья.

Итак, накладки перечисленных типов (рис. 6: 53–55) использовались в Среднем Прикамье и в прилегающем Башкортостане, реже – в Вятском бассейне во второй половине III, IV и V вв. По данным анализа инвентаря мужских захоронений Тарасово, они по не ясным пока причинам не были обнаружены в могилах конца IV–V в., но в поясных гарнитурах женщин они использовались и в это время. На территории Башкортостана ромбические накладки широко применялись и позже, что объясняется, по-видимому, прекращением функционирования памятников мазунинского облика на Средней Каме в результате разгрома населения в этом регионе.

К группе 6 отнесены 19 погребений: 359, 897, 168, 765 А, Б, 834, 134, 49, 891, 335, 129, 356, 424, 167, 75, 1004 А, Б, 1779, 1685, 1785, 60. В эту группу согласно корреляции вошли подвески-пронизки в виде стилизованных фигурок медведей (рис. 7: 57), бронзовый поясной прямоугольный наконечник ремня с приостренным концом (рис. 7: 58), скромного вида

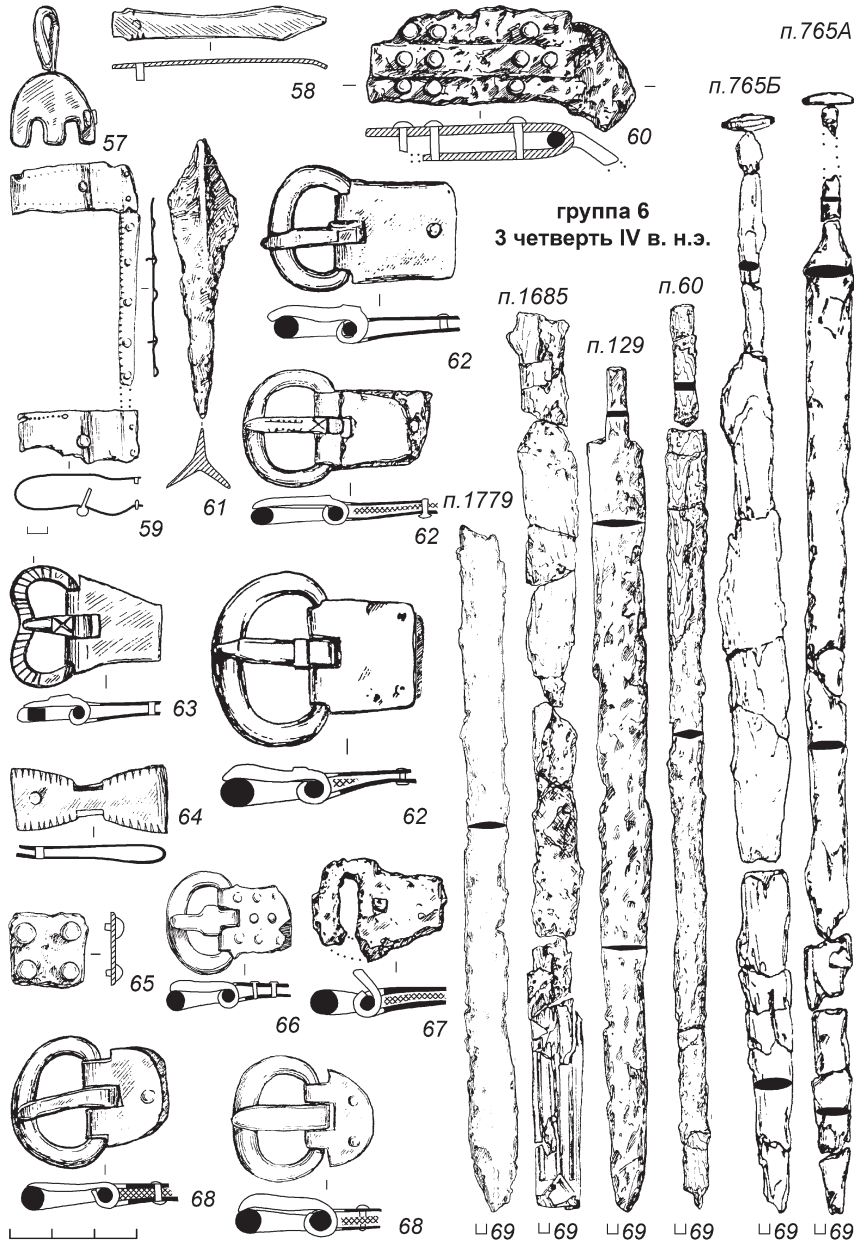


Рис. 7. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 6 (третья четверть IV в. н.э.). 57 – зооморфная пронизка-медведь; 58, 64 – наконечники ремней; 59 – ножны для ножа и шила; 60 – наборный наконечник пояса (ременная подвеска); 61 – наконечник стрелы; 62, 63, 66–68 – пряжки; 65 – накладка; 69 – мечи. 57–59, 62–64, 66, 68 – бронза, иногда кожа; 60, 65 – железо, бронза; 61, 67 – железо, иногда кожа; 69 – железо, иногда бронза, халцедон.

Fig. 7. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 6 (third fourth of the 4th c. AD). 57 – zoomorphic bead-bear; 58, 64 – belt tips; 59 – sheath for a knife and an awl; 60 – composite belt tip (pendant); 61 – arrowhead; 62, 63, 66–68 – buckles; 65 – plaque; 69 – swords. 57–59, 62–64, 66, 68 – bronze, sometimes leather; 60, 65 – iron, bronze; 61, 67 – iron, sometimes leather; 69 – iron, sometimes bronze, chalcedony.

футляр из бронзовых пластин для ножа и шила (рис. 7: 59), многочастные железные составные из нескольких полос поясные наконечники ремня с железными привесками (рис. 7: 60; 8 экз.), отличающиеся от более ранних (рис. 2: 10) креплением из бронзовых шпеньков с головками-полусферами, железный трехлопастной наконечник стрелы с ромбической головкой (рис. 7: 61). Последний предмет напоминает наконечник с городища Лбище раннеименьковского времени – IV в., по Г.И. Матвеевой, (1998, рис. 4: 7–9).

Объемные (полые) пронизки-медведи (21 экз. в Тарасово) появились в Среднем Прикамье в IV в. и использовались на протяжении всего V в. Полые медведи применялись как концевые привески к различного рода местным фибулам. Например, в могиле 1762 – к бабочковидной фибуле. Такие изделия зафиксированы также в комплексах IV–V вв. Красноярского и Кудашевского могильников в Бардымском районе Пермского края (Казанцева, 2004, рис. 2: 21; 2012, табл. 42: 4, 54: 19); в могиле 66 Тураевского бескурганного некрополя (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 219: 24); на Именьковском I городище в устье р. Камы (Старостин, 1967, табл. 17: 11). Н.А. Лещинская по материалам Первомайского могильника на р. Вятке также датирует их IV в. (2014, табл. 92: 5). По данным Т.И. Останиной, в Среднем Прикамье известен лишь один экземпляр пронизки-медведя – в Нивском могильнике, но на территории Башкортостана их собрано 46, из них – большинство на Югомашевском могильнике V в. (Останина, 1997, с. 51, табл. 18). Интересно, что 4 полых медведя обнаружены и в Старо-Муштинском могильнике IV – начала V в. (Сунгатов и др., 2004, рис. 60: 7, 8). В дальнейшем этот мотив в иных вариантах получил особое развитие в древностях ломоватовской, неволинской и поломской культур Верхнего Прикамья (Липина, 2006, рис. 10).

Интерес представляют бронзовые трехсоставные пряжки с овальной, слегка утолщенной впереди рамкой, прямоугольным щитком и язычками с орнаментацией, уступом или выступом (рис. 7: 62; 9 экз.). Выделяется поясной комплект с бронзовой трехсоставной пряжкой с рифленой В-образной рамкой, трапециевидным щитком и язычком с орнаментированным выступом, а также с бантикообразным наконечником из перегнутой пластины и надпилами по краям (рис. 7: 63, 64). Пряжка такого типа несколько напоминает центрально-европейские экземпляры типа Глувчице, датированные И.А. Бажаном и С.Ю. Каргапольцевым второй половиной IV – первой половиной V в. (1989, рис. 1: 12–16).

В это же время впервые появляются пояса, украшенные железными квадратными накладками с четырьмя шпеньками-полусферами по углам (рис. 7: 65; 21 экз.). Они хорошо известны по Тураевскому бескурганному могильнику (31 экз.), и датируются второй половиной IV–V в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 223: 1–5; 272: 93, тип I, с. 127).

Весьма выразителен набор пряжек этой группы: небольшие железные поясные с трапециевидным щитком (рис. 7: 67; 2 экз.), небольшие бронзовые с утолщенной впереди рамкой, гладким язычком и коротким полуовальным с четко обрезанными краями щитком (рис. 7: 68; 11 экз.). Необычна бронзовая с утолщенной впереди

рамкой, гладким, с подквадратным расширением посередине язычком и подквадратным щитком, украшенным тремя рядами выпуклин (рис. 7: 66).

Своеобразие этой группы заключается в большом количестве мечей – их 6 (рис. 7: 69). Три из них относятся к позднесарматскому типу: два из могилы 765 А, Б и один из погребения 60. Последний имел общую длину 85,5 см, длину клинка 74, ширину 4 и длину рукояти 11,5 см, сечение ромбовидное. Мечи из могилы 765 с линзовидным сечением были общей длиной 76 и 77? см, длиной клинков 74 и 76, шириной 4,3 см, рукояти деформированы (длина не определена). Рукояти обоих были украшены халцедоновыми дисками (рис. 7: 60), у одного – рядом располагалась халцедоновая бусина.

Клинок из захоронения 1685 несколько массивнее: его ширина 5,5 см, сохранившаяся общая длина 90,5, длина клинка 85 см. Рукоять взять не удалось, но на ее месте сохранились слабые следы красной краски. Этот меч сближает с вышеописанным навершием в виде халцедонового диска. Меч лежал в деревянных ножнах, нижний конец которых был оформлен бронзовыми пластинами. Меч составлял единый комплекс с ножом также в деревянных ножнах. По наблюдениям А.П. Зыкова, этот клинок можно считать одним из позднейших вариантов мечей-акинаков (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71).

Мечи из могил 129, 1779 также отличаются массивностью. Их ширина варьировала в пределах 4,5–5,5 см, сохранившаяся длина 65 (погр. 1779), общая длина 79,9 и клинка 73,3 см (погр. 129). Клинок из захоронения 129 откован из дамасской стали (Перевощиков, Малых, 2014, с. 20), из могилы 765 А – из кричного железа с последующей цементацией готового изделия, остальные – металлографически не исследованы.

Хотелось бы обратить внимание на оформление наверший трех мечей халцедоновыми дисками (рис. 8: 73), как и в могилах второй половины III в. (рис. 3: 20). Казалось, следовало бы объединить эти могилы в один хронологический пласт, но погребения второй половины III в. и анализируемой группы (третья четверть IV в.) сопровождаются различным инвентарем. А главное, во многих могилах последней группы присутствуют предметы группы 8: проушные топоры, боевые косы, секиры, пинцеты, наконечники копий с вытянутым листовидным пером, которых нет ни в одной могиле второй половины III в.

В Приуралье известно пока 24 пункта с 133 находками этого типа. Основная масса их сосредоточена в Волго-Вятском междуречье и в бассейне р. Вятки (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 54). Именно здесь располагается 17 объектов со 118 экземплярами дисков. Наиболее крупные собрания происходят из Суворовского (23 экз.), Тюм-Тюм (20), Нармонского (14), Мари-Луговского (8), Казанского I (20), Рождественского V (6) и Первомайского (6) могильников. Все они принадлежат к памятникам азелинского типа. Находки дисков в значительно меньшем количестве известны и выше по Каме, в Среднем Прикамье: Тарасовский могильник – 7 экз., Тураевский I – 2 экз., Усть-Сарапульский – 1 экз., Кудашевский – 2 экз., что объясняется тем, что эта территория была периферией основной территории, занятой азелинцами. В Пермском Прикамье эти предметы встречаются как

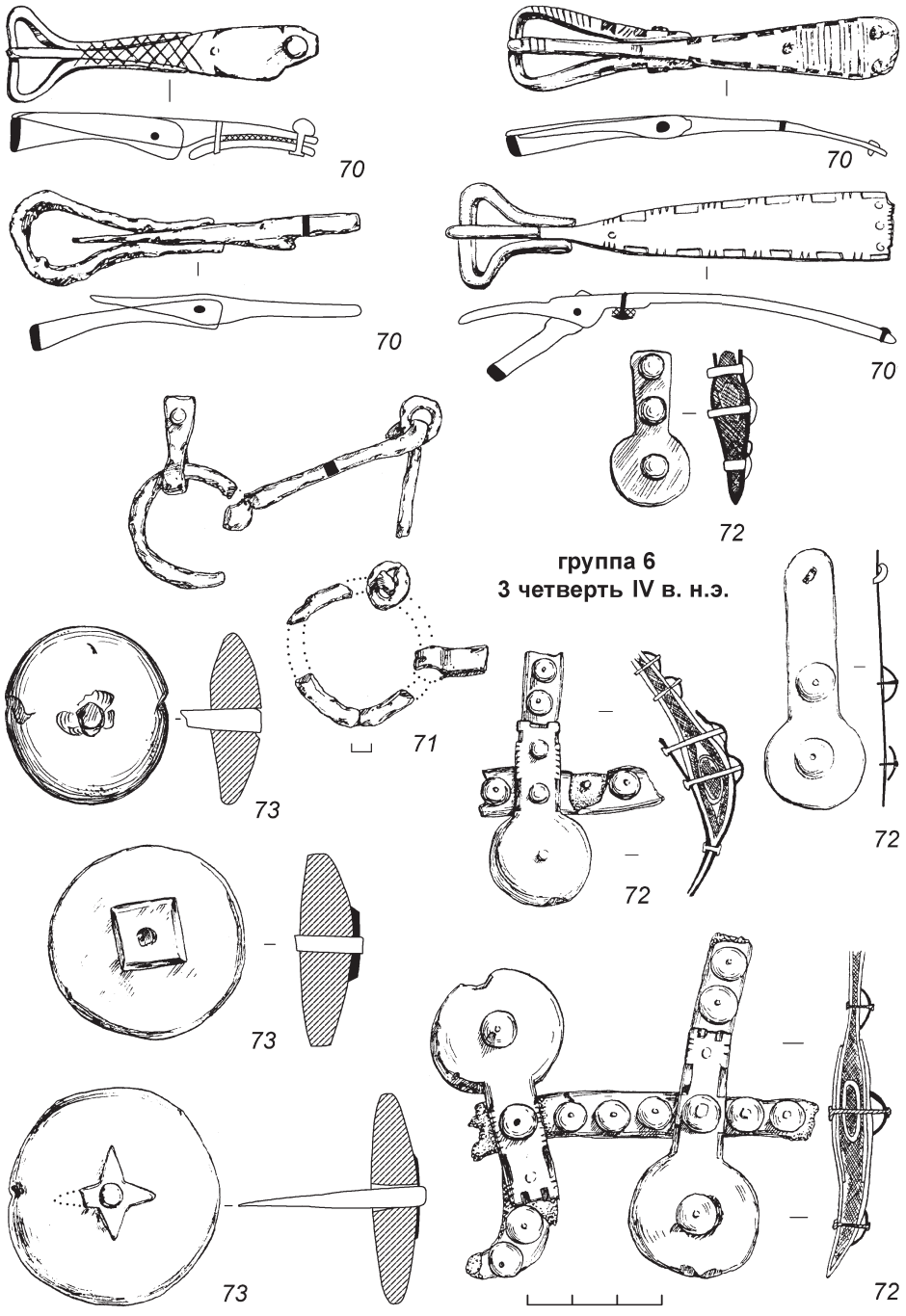


Рис. 8. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 6 (третья четверть IV в. н.э.). 70 – пряжки; 71 – удила; 72 – уздечные накладки; 73 – диски. 70 – бронза, железо; 71 – железо; 72 – бронза, кожа; 73 – халцедон, бронза.

Fig. 8. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 6 (third fourth of the 4th c. AD). 70 – buckles; 71 – bit; 72 – horse harness plaques; 73 – disks. 70 – bronze, iron; 71 – iron; 72 – bronze, leather; 73 – chalcedony, bronze.

анахронизм на памятниках более позднего времени (Верх-Сая, Деменки).

Значительный интерес представляет применение дисков в жизни древнего населения Прикамья. В 13 случаях они использовались в качестве навершия к мечам; 31 диск служил украшением кожаного ремня (8 случаев); 36 дисков (19 случаев) применялись как подвески к гривнам или ожерельям из бус. Функция 27 дисков не определена (Пастушенко, Бернц, 2008, с. 15). Замечательно, что кроме халцедоновых дисков для украшения поясов использовались накладки, а также застежки местных прикамских типов.

Напрашивается предположение, что характер халцедоновых дисков в мужских и женских могилах разный. Мечи, украшенные дисками, принадлежали хорошо вооруженным мужчинам-воинам в уже сложившейся экипировке, появившимся в Прикамье. Женские украшения – пояса и ожерелья были сделаны местными мастерами, использовавшими привезенные издалека красивые предметы из халцедона. Эти изделия, видимо, были принесены мужчинами-воинами. Сама манера украшения поясов круглыми предметами сложилась у местных ремесленников давно, и для этого применялись разные материалы – бронзовые круглые бляхи, раковины. В этом же случае в руки мастеров попал новый, оригинальный материал, и он был использован в соответствии с местной традицией.

С.И. Безуглов считает, что прикамские варианты мечей не могли быть импортированы с юга, они были скопированы местными мастерами с южных образцов (2000, с. 181). Думается, что современные источники позволяют утверждать – мечи, украшенные халцедоновыми кружками и без них, были привнесены в Прикамье группой вооруженных воинов юго-западного происхождения. Эти люди, перед походом на север, разграбив какие-то мастерские Причерноморья, принесли сюда готовые халцедоновые диски и обменивали их здесь на необходимые ценности, в том числе и женщин. Так появились местные типы украшений – пояса, ожерелья, гривны, украшенные заморскими изделиями. Таким образом, халцедоновые диски из Прикамья – предметы разного происхождения. Возможно, мечи из литой тигельной стали, украшенные дисками, были произведены в мастерских Средней Азии или в близких к ней регионах, а халцедоновые кружки, использованные для украшения поясов, гривен, ожерелий Прикамья были сделаны в причерноморских мастерских. Все сказанное подтверждает факт внедрения на территорию местных племен пришлого населения, оставившего могильники азелинского типа: курганный обряд захоронения, трупоположения, многочисленность мужских погребений, большая насыщенность предметами вооружения, появление необычных типов инвентаря, отдельные виды которого были изготовлены на высоком технологическом уровне.

В группу 6 входит серия необычных для Прикамья пряжек (рис. 8: 70; 8 экз.). Оригинален способ их изготовления. Они состоят из двух частей: отдельно сделана рамка и отдельно – отлиты вместе язычок и щиток. Соединение этих частей выполнено в конце рамки с помощью длинного шпенька. Три таких пряжки изготовлены из бронзы, одна – железная. У

бронзовых экземпляров рамки подтреугольной формы, сделаны из дрота прямоугольного сечения, щитки – подтреугольные, у двух – по краям фасетированные, у одной – передняя часть щитка украшена насечками в виде косой сетки. Использование этих пряжек также не совсем обычно. В могиле 834 железный экземпляр найден на черепе и, возможно, с его помощью застегивалось какое-то предохраняющее кожаное оголовье. Три других пряжки – от поясных ремней, к которым были прикреплены портупейные пряжки-колечки (рис. 9: 75; 2 экз.), а также ножны с ножами (рис. 7: 59) или крупные стеклянные и халцедоновые бусины. Интересно, что такие пояса с портупейным реквизитом были одеты на умерших, а рядом – вдоль тела были уложены обычные пояса мазунинского типа с накладками, пряжками и наконечниками (погр. 359, 765 А, 1779).

Прямые аналогии указанным пряжкам нам не известны. Отдаленное подобие формам рамок тарасовских пряжек можно найти в «маркоманских» пряжках I в. Центральной Европы (Щукин, 1994, рис. 21: 48), а также пряжках группы А, выделенной Р. Мадыдой-Легутко (1986, taf. 1, 2)[5]. Наиболее близки из этой группы типы 8–10, которые происходят из памятников пшеворской культуры (там же, taf. 2, s. 6). Но система устройства этих пряжек совсем иная. Это обычные трехсоставные пряжки. Принцип изготовления тарасовских двухсоставных пряжек близок изделиям группы С, выделенной Р. Мадыдой-Легутко (1986, taf. 5: 7), но ни один из 18 типов даже отдаленно ничего общего с ними не имеет.

«Маркоманские» пряжки хорошо известны в Восточной Европе. Территориально ближайшими находками являются предметы из погребения 25/1 Андреевского кургана в Западном Поволжье I в. н.э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 29, рис. 25: 25, 34). Следует отметить, что анализируемые экземпляры из Тарасово мало напоминают «маркоманские»: другая система устройства, другая форма щитков, особая манера крепления рамки и щитка. Для наших пряжек характерны разнообразные приемы фасетирования, хорошо известные в Прикамье уже с первой половины III в. Один из экземпляров украшен полусферической шляпкой шпенька (рис. 8: 70). Такой способ использовать головки шпеньков для украшения гарнитуры возник в Среднем Прикамье не ранее первой половины IV в.: это наконечники ремней из согнутой пополам пластины (рис. 5: 46), двучастные накладки с кольцом (рис. 6: 53а); квадратные железные накладки (рис. 7: 65); железные пряжки с бронзовыми деталями (рис. 13: 99). Все это дает основание датировать такие пряжки не ранее третьей четверти IV в., предполагая их западное, скорее всего, центральноевропейское происхождение.

Вместе с мечами с халцедоновыми навершиями и импортными двусоставными пряжками в могиле 765 А, Б найдены уздечки с кольчатыми удилами и обоймами-зажимами (рис. 8: 71; 2 экз.), подвесками с сечкообразными привесками (рис. 9: 74; 2 экз.), мелкими полусферическими и прямоуголь-

[5] Благодарим И.О. Гавритухина и В.Ю. Малашева за консультацию по поводу двусоставных пряжек (электронные письма от 12.12.2015 и 01.12.2015).

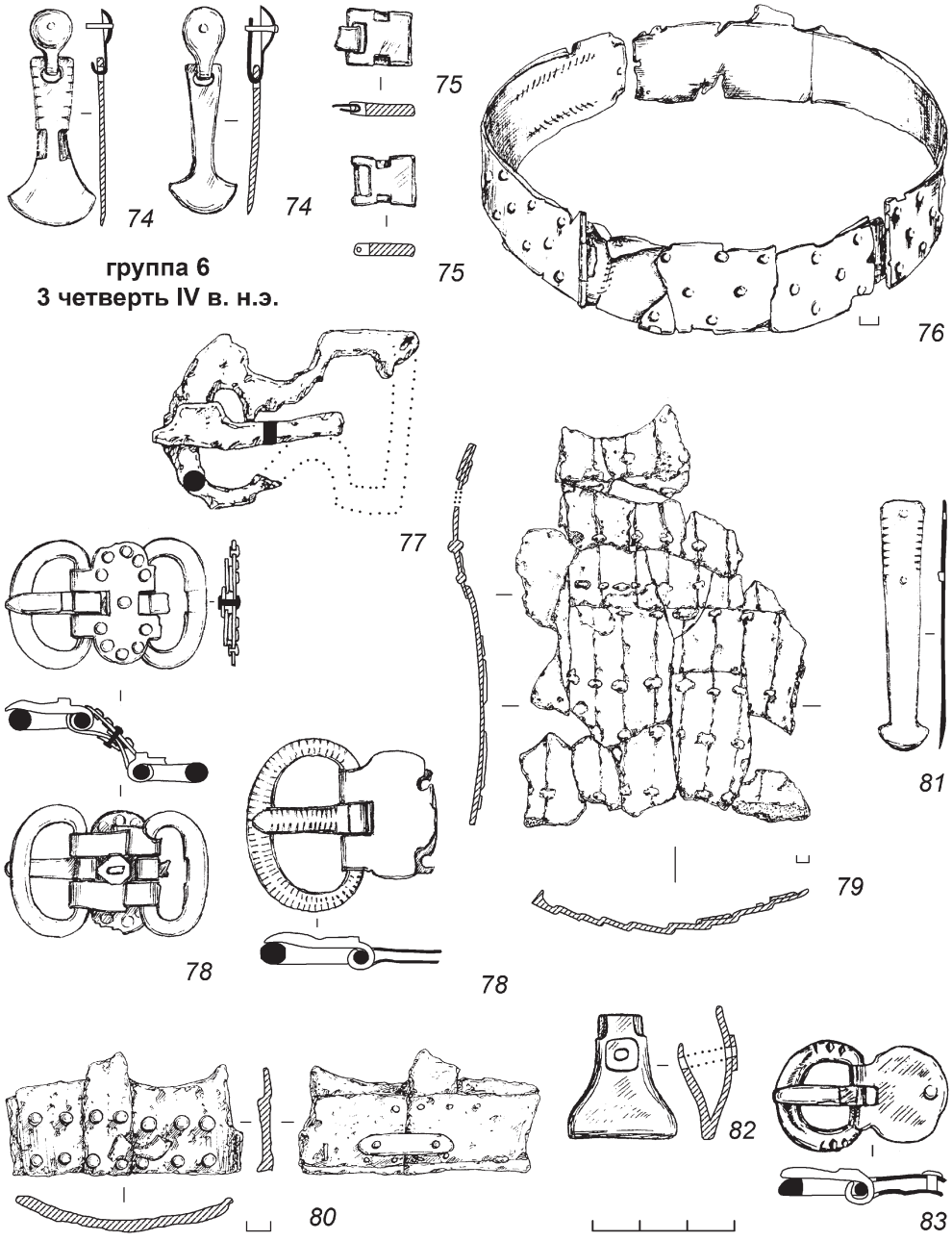


Рис. 9. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 6 (третья четверть IV в. н.э.). 74 – уздечные накладки с привесками; 75 – пряжки-колечки; 76 – обруч; 77, 78, 83 – пряжки; 79 – фрагменты доспеха; 80 – фрагменты шлема; 81 – наконечник ремня; 82 – зажим. 74–76, 78, 81–83 – бронза, иногда кожа; 77, 79 – железо; 80 – железо, бронза.

Fig. 9. Tarasovo burial ground. Goods from male graves of group 6 (third fourth of the 4th c. AD). 74 – horse harness plaques with pendants; 75 – buckles-rings; 76 – ring; 77, 78, 83 – buckles; 79 – fragments of an armor; 80 – fragments of a helmet; 81 – belt tip; 82 – clasp. 74–76, 78, 81–83 – bronze, sometimes leather; 77, 79 – iron; 80 – iron, bronze.

ными с овальным расширением (рис. 8: 72; 21 экз.) накладками, зажимами с одним расширенным концом (рис. 9: 82; 4 экз.) и деревянными нагайками с бронзовыми деталями (в корреляцию не вошли; Голдина Р.Д., 2003, табл. 330: 4; 332: 12).

Наконечники ремней (рис. 9: 81) или подвески с сечковидной привеской, фасетировкой или без нее (рис. 9: 74), по В.Ю. Малашеву, появляются во второй половине III в. и используются на протяжении IV в. (2000, рис. 2: Н 6: 8). К его мнению присоединяется и С.И. Безуглов (2008, рис. 4: 12, с. 289; рис. 7: 14, 15, с. 290).

Зажимы от уздечек этой группы (рис. 9: 82) аналогичны предметам из группы 2 (вторая половина III в.) (рис. 3: 22), что свидетельствует, по нашему мнению, о близости районов происхождения населения, изготовлявшего эти изделия. Подобные (рис. 9: 82) происходят также из могил 1, 5, 12 Азелинского и 1 и 28 Суворовского могильников (Генинг, 1963, табл. XVIII: 6, 12; Лещинская, 2014, табл. 66: 5, 6, 8, 9, 13). Уздечные прямоугольные накладки с овальным расширением на одном из концов и фасетировкой, а также круглые в виде полусфер известны в материалах из погребения 94 А, В и 102 некрополя Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010, табл. 40: 7, 46: 11, 52: 11, 18); в погребении 8 раскопа III Старо-Муштинского могильника в Камско-Бельском междуречье в Башкирии (Сунгатов и др., 2004, рис. 51: 2–5); в могиле 117 Рождественского V могильника азелинского типа в устье р. Мёши, правого притока р. Камы (Старостин, 2009, рис. 24-В: 13); в погребении 171 Тураевского могильника (бескурганная часть) (Голдина, Бернц, 2010, табл. 122: 10–14).

В могиле 765 А возле черепа был обнаружен необычный для Прикамья предмет, представляющий кольцо из бронзовой полосы шириной 55 мм, толщиной 0,5 мм, длиной 42,5 см, диаметром 12–15 см (рис. 9: 76). Поверхность его была украшена тремя рядами выпуклин, размещенных в шахматном порядке. На поверхности сохранились следы красной краски, на оборотной стороне зафиксированы остатки подкладки из тонкой, хорошо выделанной кожи. При раскопках предмет предположительно был обозначен как пояс. А.А. Красноперову удалось атрибутировать его как обруч[6], предназначенный для защиты шеи воина и служивший с одной стороны – опорой шлема-маски, а с другой – креплением для кольчуги. Аналогию Тарасовскому обручу, только из железа, А.А. Красноперов нашел в сарматских материалах фракийского кургана Рошава Драгана в Болгарии, датированного концом I – началом II в. н.э. (Красноперов, 2011, с. 228–236). В нашем случае отверстий в нижней части для крепления кольчуги нет.

В этой же группе оказались 3 оригинальных бронзовых пряжки, одна из них – с овальной по форме рамкой, украшенной насечками, язычком с выступом и небольшим овальным щитком (рис. 9: 83); другая – украшена по рамке и язычку мелкими насечками (рис. 9: 78), а третья – представляла собой двучастную пряжку, объединенную овальной пластиной, украшенной рядом выпуклин (рис. 9: 78). Два последних предмета были использованы в портупейном ремне из могилы 1685.

---

[6] Авторы благодарят А.А. Красноперова за проделанную работу.

В этой же могиле обнаружены фрагменты пластинчатого доспеха (рис. 9: 79) с кожаной подкладкой, состоящего из прямоугольного нагрудника размерами 50 х 35 см, набранного из удлиненных прямоугольных железных пластин, скрепленных проволочными железными кольцами. С доспехом, видимо, была связана большая железная лировидная пряжка (рис. 9: 77).

Здесь же найдены мелкие фрагменты железного шлема (рис. 9: 80). Основой конструкции его предположительно являлся несущий обод. Купол был сварен из узких вертикальных пластин, нижние концы которых были приварены к ободу с внешней стороны. Нижняя часть оголовья была украшена по всей окружности двумя рядами заклепок с крупными бронзовыми полусферическими головками. Шлем был снабжен железными нащечниками. Конструкция этого шлема близка изделиям из погребения 265 Рождественского V (Старостин, 2009, с. 27) и погребений 36 и 94 А могильника Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010, табл. 11: 4, 5, с. 27). Подобный экземпляр происходит из некрополя Кишпек (Кабардино-Балкария) и датируется концом IV – первой половиной V в. (Горелик, 1993, рис. 9: 23).

Таким образом, группа 6 Тарасово заметно отличается от остальных. Она многочисленна (19 могил), в ней более всего мечей (6 экз.); присутствуют необычные виды защитного вооружения – шейный обруч, шлем, пластинчатый доспех; оригинальны пряжки: двусоставные, трехсоставная с В-образной рифленой рамкой, подобная пряжка с расширением на язычке; своеобразен повторяющийся убор конской упряжи и др. Положение в корреляционной таблице и аналогии позволяют датировать ее третьей четвертью IV в.

Продолжение следует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4 // Труды Дагестанской экспедиции. Т. II / Отв. ред. Р.М. Мунчаев / МИАР. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2001. 151 с.
2. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–133.
3. *Бажан И.А., Гей О.А.* К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Отв. ред. М.Б. Щукин / Петербургский археологический вестник. Вып. 1. СПб: Ойум, 1992. С. 115–122.
4. *Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю.* В-образные рифленые пряжки как индикатор синхронизации // КСИА. 1989. Вып. 198. С. 28–35.
5. *Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / МИАР. Вып. 10. М.: ИА РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.
6. *Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. / Отв. ред. Ю.К. Гущев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
7. *Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
8. *Бернц В.А.* Пояса с ромбическими накладками (по материалам могильников мазунинского времени на территории Удмуртского Прикамья) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2015. Вып. 1 (28). С. 70–84.

9. *Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.

10. *Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Т. I, II. Дисс. … канд. ист. наук. Уфа, 2012. 291, 138 с.

11. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.

12. *Гавритухин И.О.* Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2: сб. науч. статей / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.

13. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. 144 с.

14. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.

15. *Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурткнигоиздат, 1958. 192 с.

16. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7. Свердловск: б.и., 1967. С. 7–84.

17. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

18. *Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

19. *Генинг В.Ф.* Этническая история Южного Прикамья в I тыс.: Автореф. дисс. д.и.н. Свердловск, 1974. 32 с.

20. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

21. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып.1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С.76–90.

22. *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С.156–260.

23. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

24. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.

25. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

26. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

27. *Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д.* Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: б.и., 2014. С. 212–445.

28. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вят-

ской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.

29. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–178.

30. Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 316–319.

31. Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып.2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.

32. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

33. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар: КубГУ, 1984. С. 72–99.

34. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (12–15 мая 2014 г.) / Уфимский археологический вестник. № 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 94–104.

35. Зыков А.П., Ковригин А.А. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание. Екатеринбург: ООО «Издательство «Раритет», 2008. 466 с.

36. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: б.и., 1998. С. 97–150.

37. Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum Plus. 2014. № 4. С. 299–336.

38. Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.

39. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. / Отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 132–139.

40. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

41. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

42. Красноперов А.А. К атрибуции находки из Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: истоки, перспективы. Материалы научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 2. Алматы: Изд-во Хикари, 2011. С. 228–238.

43. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. 2006. № 1. С. 124–136.

44. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

45. Кропотов В.В. Фибулы юга Восточной Европы сарматского времени (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 14 / Редкол.: А.А. Скрипкин и др. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2014. С. 56–87.

46. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмурский гос. ун-т, 2014. 472 с.

47. Лещинская Н.А. Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях Великого переселения народов // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014а. С. 344–347.

48. Лещинская Н.А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 134–144.

49. Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–127.

50. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.). Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 242 с.

51. Литвинский Б.А. Древние кочевники крыши мира. М.: Наука, 1972. 274 с.

52. Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // СА. 2007. № 3. С. 111–121.

53. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

54. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

55. Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / МИАР. Вып. 10. М.: ИА РАН: ТАУС, 2008. С. 263–283.

56. Малашев В.Ю., Обломский А.М. Поясная центральноевропейская гарнитура римского времени на территории днепровского левобережья // СА. 2002. № 2. С. 113–124.

57. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.

58. Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тыс. н.э. из некрополей Волго-Камья // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 359–362.

59. Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.

60. Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник.

Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 186–199.

61. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.

62. Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

63. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.

64. Останина Т.И. Нивский могильник // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–118.

65. Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–V вв. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

66. Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. № 11. Казань: ИИ АН РТ, 2008. С. 12–23.

67. Перевощиков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 18–24.

68. Перевощиков С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.

69. Перевощиков С.Е., Сабирова Т.М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: б.и., 2014а. С. 452–470.

70. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.

71. Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н.э. Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 328 с.

72. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. 396 с.

73. Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // СА. 1970. № 4. С. 233–236.

74. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

75. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

76. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы / МАР. № 25. СПб., 1901.

77. Ставицкий В.В., Ставицкий А.В. Нагрудные украшения Кошибеевского могильника // История и археология. 2015. № 1. Доступно по URL: http://history.snauka.ru/2015/01/1358 (дата обращения: 28.04.2016).

78. Старостин П.Н. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. // Finno-Ugrica. № 1. Казань: ИИ АН РТ, 1997. С. 25–32.

79. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

80. Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

81. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев: АН УССР, 1990. 48 с.

82. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

83. *Трейстер М.Ю.* Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками – феномен боспорской культуры II в. н.э. // Древности Боспора / Отв. ред. А.А. Масленников. Т. 15. М.: ИА РАН, 2011. С. 303–311.

84. *Труфанов А.А.* Погребения III в. н.э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum Plus. 2010. № 4. С. 145–195.

85. *Труфанов А.А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum Plus. Культурная антропология и археология. Полевой дневник: римское время. № 4. 2005–62009. 2009. С. 117–328.

86. *Храпунов И.Н.* Склеп III в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI. Т. 1. М.: ИА РАН, 2006. С. 104–118.

87. *Худяков М.Г.* Ныргындинские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 15–19. Табл. IX–XI.

88. *Шаров О.В.* Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.). Дисс… докт. ист. наук. СПб., 2009. 571 с.

89. *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. 323 с.

90. Madyda-Legutko R. Die Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR International series 360. Oxford: BAR, 1986. 233 p.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

CHRONOLOGY OF THE THIRD – FIFTH CENTURIES MALE GRAVES FROM THE TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina, V.A. Bernts

The article focuses on the chronological attribution of male graves from the late Mazunino stage of the Tarasovo burial ground and is a sequel to an earlier article about dating of the early Nyrgynda stage (1st – 2nd centuries) of the same site. The three main methods employed in this research include those of formal typology, cultural stratigraphy and the nearest neighbor method. Eighty-six male graves of the third-fifth centuries were analyzed, with 12 identified as a result: first half of the 3rd c. AD (group 1), second half of the 3rd c. AD (2); 3rd c. (3); first half of the 4th c. (group 4); second half of the 3rd – 4th c. (5); third quarter of the 4th c. (6); fourth quarter of the 4th c. (group 7); second half of the 4th c. (8); second half of the 4th – 5th c. (9); 4th – 5th cc. (10); second half of the 3rd – 5th cc. (11) and 3rd – 5th cc. (12). This article minutes investigates the first six groups, while the rest will be covered in the next publication. Artifacts form the third – fifth century female graves of the Tarasovo burial ground will be studied separately.

Keywords: archaeology, Middle Kama region, Iron Age, Pyany Bor cultural-historical community, Tarasovo burial ground, cultural stratigraphy, chronology, Mazunino stage, Cheganda culture.

REFERENCES

1. Abramova, M. P., Krasilnikov, K. I., Piatykh, G. G. 2001. In Munchaev, R. M. (ed.). *Trudy Dagestanskoi ekspeditsii (Proceedings of the Dagestan Expedition)* 2. Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of the Russian Archaeology) 4. Moscow (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–133 (in Russian).
3. Bazhan, I. A., Gaj, O. A. 1992. In Shchukin, M. B., Gaj, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 115–122 (in Russian).
4. Bazhan, I. A., Kargapol'tsev, S. Yu. 1989. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 198, 28–35 (in Russian).
5. Bezuglov, S. I. 2008. In *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 284–301 (in Russian).
6. Bezuglov, S. I. 2000. In Gushchev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 169–193 (in Russian).
7. Bezuglov, S. I. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 103–115 (in Russian).
8. Bernts, V. A. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 28 (1), 70–84 (in Russian).
9. Vasiutkin, S. M. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 180–197 (in Russian).
10. Vorobeva, S. L. 2012. *Tipologiia elementov ubranstva kostiuma kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza (Typology of the Wear Decoration Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture)*. Vols. I, II. PhD Diss. Ufa (in Russian).
11. Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. 2009. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ. (in Russian).
12. Gavritukhin, I. O. 2010. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 49–67 (in Russian).
13. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiia epokhi «gotskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the "Gothic Raids" (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: s.ed. (in Russian).
14. Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk (in Russian).
15. Gening, V. F. 1958. *Arkheologicheskie pamiatniki Udmurtii (Archaeological Sites of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtknigoizdat" Publ. (in Russian).
16. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 7. Sverdlovsk: s. ed., 7–84 (in Russian).
17. Gening, V. F. 1959. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki* (*Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 2. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 157–219 (in Russian).
18. Gening, V. F. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 158, 96–106 (in Russian).
19. Gening, V. F. 1974. *Etnicheskaia istoriia Iuzhnogo Prikam'ia v I tys. (Ethnic History of the Southern Kama River Area in I Millennium AD)*. Doct. Diss. Thesis. Sverdlovsk (in Russian).

20. Gening, V. F. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 221–295 (in Russian).

21. Gening, V. F., Stoianov, V. E. 1961. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 1. Sverdlovsk, 76–90 (in Russian).

22. Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Izhevsk: s. ed., 156–260 (in Russian).

23. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

24. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

25. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

26. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

27. Goldina, R. D., Leshchinskaia, N. A., Makarov, L. D. 2014. In Leshchinskaia, N. A. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 212–445 (in Russian).

28. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

29. Gorelik, M. V. 1993. In Medvedev, V. E., Khudiakov Yu. S. (eds.). *Voennoe delo naseleniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the Population of Southern Siberia and Russian Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 149–178 (in Russian).

30. Gribov, N. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 316–319 (in Russian).

31. Grishakov, V. V. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 82–137 (in Russian).

32. Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevka Burial Mound in the System of the Early Iron Age Archaeological Cultures of Eastern Europe)*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

33. Zhdanovskii, A. M. 1984. In Kirei, N. I. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 72–99 (in Russian).

34. Zubov, S. E., Radiush, O. A. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 94–104 (in Russian).

35. Zykov, A. P., Kovrigin, A. A. 2008. *Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Shield and Sword of Motherland: the Urals Weapons from the Earliest Time to Present Day)*. Yekaterinburg: "Raritet" Ltd. Publ. (in Russian).

36. Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

37. Kazanskii, M. M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 299–336 (in Russian).

38. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv., n. e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th Centuries AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

39. Kazantseva, O. A. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii – 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 132–139 (in Russian).

40. Kovalevskaia, V. B. 2000. *Komp'iuternaia obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamiatnikov Evrazii (Computer-aided Processing of Mass Archaeological Finds from Early Medieval Sites of Eurasia)*. Series: Khronologiia vostochnoevropeiskikh drevnostei V–IX vv. (Chronology of 5th–9th Centuries East-European Antiquities) 2. Moscow: Pushchino Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

41. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

42. Krasnoperov, A. A. 2011. In *Arkheologiia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* 2. Almaty: "Hikari" Publ., 228–238 (in Russian).

43. Krivosheev, M. V., Skripkin, A. S. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 124–136 (in Russian).

44. Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

45. Kropotov, V. V. 2014. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 14. Volgograd: Volgograd State University, 56–87 (in Russian).

46. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

47. Leshchinskaia, N. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 344–347 (in Russian).

48. Leshchinskaia, N. A. 2010. In *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 134–144 (in Russian).

49. Leshchinskaia, N. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 88–127 (in Russian).

50. Lipina, L. I. 2006. *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrashenii prikamskogo kostiuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.) (Semantics of Bronze Zoomorphic Jewelry of Costume of the Kama River Area (Middle I Millennium BC — Early II Millennium AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

51. Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «kryshi mira» (Ancient Nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

52. Malashev, V. Yu. 2007. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 111–121 (in Russian).

53. Malashev, V. Yu. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; "Nasledie" Publ., 130–140 (in Russian).

54. Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

55. Malashev, V. Yu. 2008. In Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 263–283 (in Russian).

56. Malashev, V. Yu., Oblomskii, A. M. 2002. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 113–124 (in Russian).

57. Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

58. Matveev, R. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 359–362 (in Russian).

59. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 87–96 (in Russian).

60. Moshkova, M. G. 2000. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 186–199 (in Russian).

61. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 254–261 (in Russian).

62. Ovsiannikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

63. Ostanina T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

64. Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 92–118 (in Russian).

65. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium* (*Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground*). Series: Materialy okhrannykh issledovanii (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

66. Pastushenko I. Yu., Bernts, V. A. 2011. In *Finno-Ugrica* 11. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 12–23 (in Russian).

67. Perevoshchikov, S. E., Malykh, O. O. 2014. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of the Chelyabinsk State University*) 351 (22). *Istoriia* (*History*) 61, 18–24 (in Russian).

68. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 24 (1), 71–82 (in Russian).

69. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In Leshchinskaia, N. A. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 452–470 (in Russian).

70. Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki* (*Crimean Scythia of the 2nd Century BC – 3rd Century AD. Funerary Sites*). Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

71. Sabirova, T. M. 2015. *Fibuly Srednego Prikam'ia v pervoi polovine I tys. n.e.* (*Fibulae of the Middle Kama Area in the First Half of I Millennium AD*). PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

72. Sergatskov, I. V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle* (*Sarmatian Barrows on the Ilovlya River)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

73. Sidorov, V. N., Starostin, P. N. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 233–236 (in Russian).

74. Skripkin, A. S. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) *(*2), 100–120 (in Russian).

75. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research on the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

76. Spitsyn, A. A. 1901. *Drevnosti basseinov rek Oki i Kamy* (*Antiquities from the Oka and Kama Rivers Basins*). Series: Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 25. Saint Petersburg (in Russian).

77. Stavitskii, V. V., Stavitskii, A. V. 2015. In *Istoriia i arkheologiia (History and Archaeology)* (1). Available at: http://history.snauka.ru/2015/01/1358 (accessed 28.04.2016) (in Russian).

78. Starostin, P. N. 1997. In *Finno-Ugrica* 1. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 25–32 (in Russian).

79. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

80. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

81. Subbotin, L. V., Dzigovskii, A. N. 1990. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezhdurech'ia (Sarmatian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluvial Zone)* III. *Kurgannye mogil'niki Vasil'evskii i Kubei (Vasilyevka and Kubey Barrow Necropolises)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russian).

82. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

83. Treister, M. Yu. 2011. In Maslennikov, A. A. (ed.). *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 303–311 (in Russian).

84. Trufanov, A. A. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 145–195 (in Russian).

85. Trufanov, A. A. 2005–2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 117–328 (in Russian).

86. Khrapunov, I. N. 2006. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* XVI. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 104–118 (in Russian).

87. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area by A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography, 15–19, tabl. IX–XI (in Russian).

88. Sharov, O. V. 2009. *Bospor i varvarskii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II – seredina IV vv. n. e.) (Bosporus and Barbarian World of Central and Eastern Europe in Late Roman Time (Middle 2nd – Middle 4th Centuries AD))*. Doct. Diss. Saint Petersburg (in Russian).

89. Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do, n. e. – I v. n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Erae. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd Century BC – 1st Century AD)*. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).

90. Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International series 360. Oxford: BAR.

About the Authors:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Bernts Veronika A. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 06.07.2016 г.

УДК 902/904

МЕТОДЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2016 г. И.И. Бахшиев, А.Г. Колонских

Рассматривается система расположения раннесредневековых поселенческих памятников бахмутинской культуры Приуралья. На основе картографирования и различных методов анализа пространственных данных выделены группы памятников, которые объединены в микрорегионы. Установлено, что «центральными» памятниками микрорегионов, обладающими, вероятно, широким набором административных функций, являлись неукрепленные поселения (селища), а не городища, как предполагалось ранее. С особой тщательностью был исследован один из микрорегионов в низовьях р. Белой. Полученные показатели мощности гравитационных связей между поселениями, при условии одновременного существования исследуемых объектов, позволяют предположить довольно высокую плотность населения данного микрорегиона в древности, с дифференцированной иерархией поселений и отсутствием внутри субрегионов. Особенности распределения раннесредневековых поселений повторяют систему расселения предшествующего (пьяноборского) времени, указывая на адаптированную к вмещающему ландшафту систему хозяйства населения региона, устойчивую на протяжении многих веков (II в. до н.э. – VIII в. н.э.).

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, Уфимско-Бельское междуречье, ранее средневековье, бахмутинская культура, поселенческие памятники, пространственные связи, микрорегион.

На современном этапе развития археологии как отдельной научной отрасли прослеживается тенденция широкого применения разнообразных исследовательских процедур. Их синтез с традиционными археологическими методами, несомненно, позволяет получить более полную информацию о содержании и специфике археологического материала. Из всего многообразия подходов, применяемых в научных исследованиях, особо выделяются методы анализа пространственных данных в археологии. Помимо картографирования это направление предусматривает решение более сложных исследовательских задач, базирующихся, в частности, на системе и структуре пространственно-временного моделирования и граф гравитационного анализа. Бесспорно, что успешное решение таких задач непосредственно связано с применением технологий географических информационных систем. Несмотря на явную перспективность развития программных средств анализа данных археологии в среде ГИС, примеров реализации этих проектов на Южном Урале не так много, а в Республике Башкортостан аналитические возможности системы используются в основном как инструмент государственной охраны памятников археологии (см. об этом: Бахшиев И.И., Насретдинов, Бахшиев Р.И., 2012; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2015).

Памятники бахмутинской культу-

ры являются наиболее распространенными в Уфимско-Бельском междуречье. В исследовании использованы все известные на сегодняшний день поселенческие памятники, содержащие материалы бахмутинской культуры (всего 354 объекта). Несмотря на то что подавляющее их большинство (97%) – поселенческие памятники, лишь на 24 объектах проводились стационарные исследования. Наиболее крупные раскопы были заложены на городищах Уфа–II (1734 м^2), Тра-Тау (ок. 1000 м^2), Какры-Куль (528 м^2), Каменная Гора (500 м^2), Юмакаевское (592 м^2), Бирское (Чертово) (186 м^2), Кансиярское (132 м^2). Информация по оставшимся памятникам ограничивается результатами разведочных работ разных лет. Поселенческие комплексы представлены в регионе отдельными местонахождениями – 5 ед. (1%), укрепленными поселениями (городищами) – 82 (23%) и селищами – самым многочисленным типом объектов – 267 ед. (73%) (Колонских, 2014, с. 357; 2015). Часть памятников обследованы авторами в 2013–2015 гг. На некоторых городищах, где ранее проводились лишь сборы подъемного археологического материала, заложены рекогносцировочные шурфы и стратиграфические разрезы (Кудашевское, Бустанаевское, Краснохолмское, Маядыкское, Югомашевское (Кала-Тау). Тем самым получены обновленные данные по локализации и составу исследуемых объектов. Авторы понимают, что для объективной оценки культурно-хронологической позиции памятников, необходимо проведение широкомасштабных археологических раскопок, однако реализация такого проекта в ближайшей перспективе маловероятна.

Модели процессов культурогенеза и основные хронологические схемы в раннесредневековой археологии Южного Урала традиционно строятся на основе изучения погребальных памятников. Материалы поселенческих комплексов привлекались ограниченно, для решения отдельных вопросов (Мажитов, 1968; Генинг, 1967; 1972; Останина, 1983; 1997; Голдина, 2004; Сунгатов, 1998; Иванов, Злыгостев, Антонов, 2013, с. 18–31).

Первая типология мазунинских городищ была дана В.Ф. Генингом в 1967 г. (Генинг, 1967). Систематизации поселенческих памятников бахмутинской культуры посвящена совместная статья В.А. Иванова и Т.И. Останиной (1983). Несмотря на то что в монографии Т.И. Останиной 1997 г. поселениям мазунинской культуры отведена целая глава, представленные результаты во многом повторили более ранние выводы (Останина, 1997).

С момента выделения археологической культуры, многие аспекты истории бахмутинского населения до сих пор остаются дискуссионными. Несмотря на многолетние исследования, «проблемными точками» остаются – наименование культур/этапов (мазунинская/бахмутинская) и хронология (Останина, 1997; Голдина, 1999; Матвеева, 1996; Иванов, 2009; Султанова, 2000; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004; Мажитов, 2012). Присутствующие в научной литературе разночтения в наименовании мазунинских и/или бахмутинских комплексов требуют уточнения указанных дефиниций. В нашем понимании хронологические рамки существования бахмутинской культуры определяются III–VIII вв., когда ранние памятники III–V вв.

определяют мазунинский этап, а объекты V–VIII вв. – бахмутинский.

В условиях, когда время бытования бахмутинских древностей определяется достаточно условно в пределах 300 лет, а также ограниченности методов определения длительности функционирования и сосуществования отдельных памятников, авторы вынуждены исходить из принципа хронологического единства всех объектов. Необходимость обобщения материала, построение сетей пространственных связей памятников подталкивает к использованию существующих хронологических диапазонов.

Сейчас в Сети находится множество геосервисов, предоставляющих возможность просмотра картографического материала, все они отличаются масштабом и качеством карт, охватом территорий, отображаемыми объектами. Простота и доступный функционал предопределил выбор программной оболочки – свободно распространяемая программа «SAS. Планета».

Картографирование памятников бахмутинской культуры показывает плотное их распределение практически по всей территории исследуемого региона, с освоением крупных водотоков и их притоков (рис. 1). Работа по группировке объектов предполагает максимально близкое расположение памятников друг к другу, отсутствие естественных преград (в первую очередь крупных рек), а также возможное сочетание различных типов археологических памятников (городище–селище–некрополь). Визуализация параметров в «SAS.Планета» показала, что декларируемая жесткая приуроченность селищ к городищам не подтверждается. Уже предварительные результаты выявили значительное количество городищ, не подкрепленных селищами, – Исхаковское, Бадряш-Актауское, Новомуллокаевское, Камышинское–1, 2, 3, Акбердинское, Чоркильденское, Месягутовское, Тау, Кигазинское–1, 2, 3 городища. То же самое, можно сказать о селищах, находящихся на значительном удалении от известных городищ – Метелинское, Айдос, Поселковское, Турачинское–1, Нижне-Иванаевское–1, Верхне-Иванаевское–1, 2, 3, Ново-Дюртюкеевское. Фиксируемая ситуация объясняется слабой археологической изученностью неукрепленных поселений, целенаправленных исследований по изучению которых никогда не проводилось.

Для апробации существующих методик пространственной археологии в качестве полигона для дальнейшего исследования выбран микрорегион 1, занимающий приустьевую часть правобережья низовий р. Белая (рис. 1–2). Здесь обширная долина р. Белая отличается наличием многочисленных озер, стариц и болот. Всего в пределах рассматриваемого микрорегиона зафиксировано 22 поселенческих памятника – 3 городища и 19 селищ, а также два некрополя (табл. 1).

1. Первоначальный анализ пространственных связей поселенческих комплексов производился по методике определения потенциальных экономических зон. Рассматриваемый подход хорошо известен и апробирован рядом исследователей применительно к различным археологическим периодам и территориям (см. Афанасьев 1989, с. 3–12; Карпушкина, Черных, 2007, с. 89–90; Недашковский, 2014, с. 48–49; Шакиров, 2014). Вокруг укре-

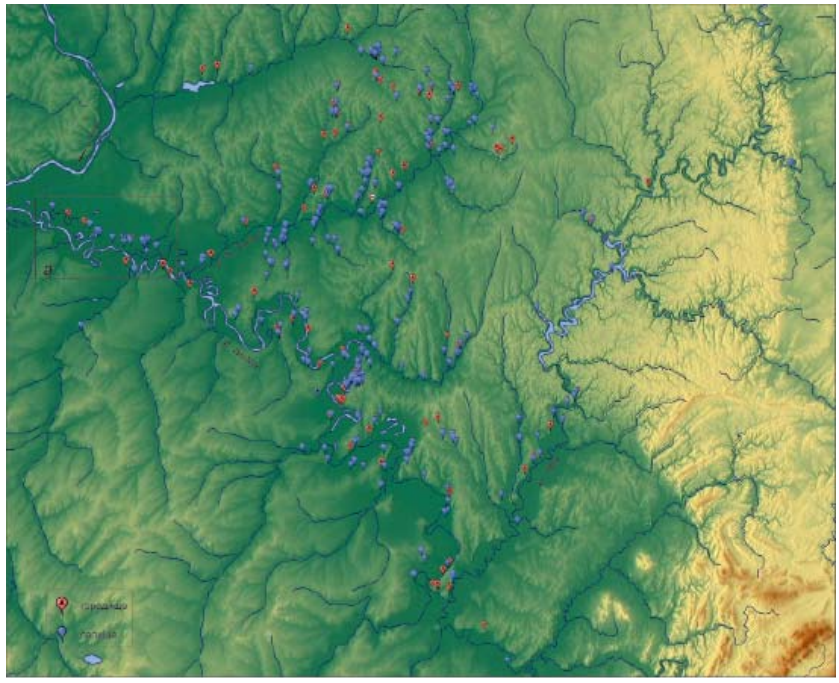


Рис. 1. Ареал поселенческих памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. а – микрорегион 1.

Fig. 1. Area of Bachmutino settlements in the Ufa-Belaya area. a – micro-region 1.

Рис. 2. Распределение памятников бахмутинской культуры правобережья р. Белая в ее приустьевой части (микрорегион 1). Примечание: здесь и далее нумерация на картах соответствует порядковым номерам памятников в табл. 1.

Fig. 2. Distribution of the Bakhmutino sites on the right bank of the Belaya River in its estuary (micro-region 1). Note: hereinafter numeration on the maps corresponds to the numeration of sites in Table 1.

Таблица 1.

Памятники бахмутинской культуры, правобережья р. Белой от устья р. Гнилой Танып.

№	Наименование памятника	Характер исследования	Культурная принадлежность	Источник информации
1	Барановское-1, сел.	Разведка/пм	ананьинская, пьяноборская, бахмутинская	(Гарустович 1982; ПАКР–57; ПАБ–99)
2	Старо-Кабановский, ГМ	Раскопки	бахмутинская	(Васюткин 1967; 1969; Мажитов 1969; 1970; АКБ–441; ПАКР–80)
3	Такталачук, гор.	Раскопки	ананьинская, бахмутинская	(Шокуров 1956; Пшеничнюк 1964; Акбулатов 2010; АКБ–443; ПАКР–61)
4	Тра-Тау-1 (Старо-Нагаев-ское), гор.	Раскопки	ананьинская, пьяноборская, бахмутинская	(Шокуров 1956; Иванов 1972; 1974; Мажитов 1982; 1983; 1984; 1986; 1987; 1989; Акбулатов 2010; АКБ–444; ПАКР–60)
5	Бачкитау-2, сел.	Разведка (шурф)	пьяноборская, бахмутинская	(Шокуров 1956; Пшеничнюк 1964; Акбулатов 2010; АКБ–449; ПАКР–62)
6	Старо-Янзиги-товская-2, сел.	Разведка (пм)	ананьинская, пьяноборская, бахмутинская	(Гарустович 1982; ПАКР–88; ПАБ–85)
7	Кюнь-4 «Пасека», сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(ПАКР–91)
8	Старо-Янзи-гитовское, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(Шокуров 1956, Пшеничнюк 1964; Акбулатов 2010; АКБ–456)
9	Нижне-Таты-шевское, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(Васильев, Горбунов, Обыденнов 1972; ПАКР–74; КПАБ–79)
10	Старая Мушта-11, мест.	Разведка (пм)	бахмутинская	(САПРБ–312)
11	Кыз-Кала-Тау-1, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская, эпоха камня	(САПРБ–313)
12	Старая Мушта-9, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(САПРБ–310)
13	Какры-Кульское (Какры-Куль-3), гор.	Раскопки	ананьинская, пьяноборская, бахмутинская	(Шокуров 1956; Кинжабаев 1965; Пшеничнюк 1964; Гарустович 1982; Акбулатов 2010; АКБ–463; ПАКР–64; АПБ–14)
14	Старая Мушта-4, КГМ	Раскопки	бахмутинская	(Гарустович 1982; 1989; 1991; Акбулатов 2010; ПАКР–96; ПАБ–88; АПБ–15)
15	Какры-Куль – 5, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(Гарустович 1982;ПАБ–116; ПАКР–94)
16	Какры-Куль – 9, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(Гарустович 1982; ПАБ–120; ПАКР–95)
17	Какры-Куль-15, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(САПРБ–305)
18	Киргизовское-1, сел.	Разведка (пм)	пьяноборская, бахмутинская.	(АКБ–467)
19	Киргизово-2, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская, курмантау	(САПРБ–300)
20	Киргизово-3, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(САПРБ–301)
21	Бурнюш-1, сел.	Разведка (шурф)	бахмутинская	(Шокуров 1956; Пшеничнюк 1964; АКБ–468; ПАКР–97)
22	Бурнюш-2, сел.	Разведка (шурф)	бахмутинская	(Шокуров 1956; Пшеничнюк 1964; Акбулатов 2010; АКБ–471; ПАКР–55)
23	Старо-Каинлык – 2, сел.	Разведка (пм)	бахмутинская	(Шокуров 1956; Пшеничнюк 1964; АКБ–475)
24	Янгизнарат, сел.	Раскопки	бахмутинская	(Шокуров 1957; Иванов 1972; КПАБ–81)

пленных поселений являющихся, по мнению исследователей, потенциальными центрами поселенческой структуры раннесредневекового общества (Останина, 1997, с. 85–86; Иванов, Останина, 1983, с. 105), очерчена окружность радиусом 5 км. В результате в экономическую зону городища Какры-куль–3 вошли 8 селищ и один могильник; максимально приближенными к границам окружности оказались три селища: Бурнюшское–1, 2 и Старая Мушта–11. При условии, что не вошедшие в экономическую зону объекты удалены от ее границ менее чем на 1 км, а также при отсутствии крупных поселенческих памятников вблизи, можно утверждать, что эти памятники также могут быть включены в состав куста – зоны условного экономического влияния городища.

Аналогичная процедура проведена и с соседними укрепленными поселениями – городищами Такталачук и Тра-Тау. Экономические зоны двух городищ пересеклись, но округа покрывали лишь по одному селищу (рис. 3). Далее, в соответствии с методикой для каждого поселения региона, очерчена потенциальная зона экономического влияния также радиусом в 5 километров. Визуализация полученных данных указывает на повсеместное наложение округов (рис. 4). Сложившаяся ситуация может быть объяснена с двух позиций:

–высокая плотность населения, однородность поселенческой структуры и отсутствие более дробного кустового деления;

– хронологические разрывы периодов функционирования поселений.

2. Интересные наблюдения получены в результате сопоставления выделенных зон концентрации раннесредневековых поселений микрорегиона с материалами предшествующего периода – памятниками пьяноборской культуры.

Присутствие на изучаемых поселениях пьяноборского слоя – явление частое (табл. 1). Расположение памятников эпохи раннего железа «кустами», или «гнездами», отмечалось еще Б.Б. Агеевым, определяющим среднюю площадь занимаемой группой памятников одного куста в 30 х 30 км. Эти участки концентрации объектов отождествлялись исследователем с племенными территориями. Более того, границы VIII племенной территории пьяноборцев (Агеев, 1992, с. 82–83, рис. 15) практически полностью совпадают с исследуемым микрорегионом. Севернее данного участка, памятников бахмутинской культуры не обнаружено. Ближайшие объекты находятся на противоположном берегу р. Белая, которая, скорее всего, была непреодолимым препятствием для функционирования постоянных коммуникативных связей. Наименее удаленное городище находится более чем в 15 км, а селище – в 9 км. Таким образом, схема распределения бахмутинских памятников повторяет систему расселения предшествующего времени (пьяноборская культура), что указывает, с одной стороны, на определенную «автономность» территории, а с другой, – на адаптированную к вмещающему ландшафту систему хозяйствования населения региона II в. до н.э. – VIII в. н.э.

3. Альтернативный метод определения потенциальных экономических зон поселений основан на построении полигонов Тиссена, достаточно успешно применяемый в археологии (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004,

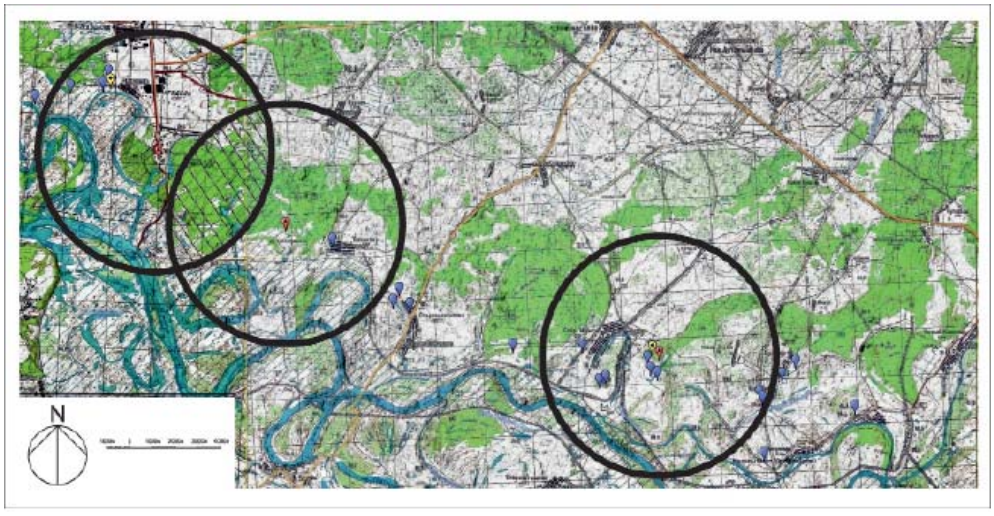


Рис. 3. Потенциальные зоны экономического влияния городищ микрорегиона.

Fig. 3. Potential areas under the economic influence of the hillforts in the micro-region.

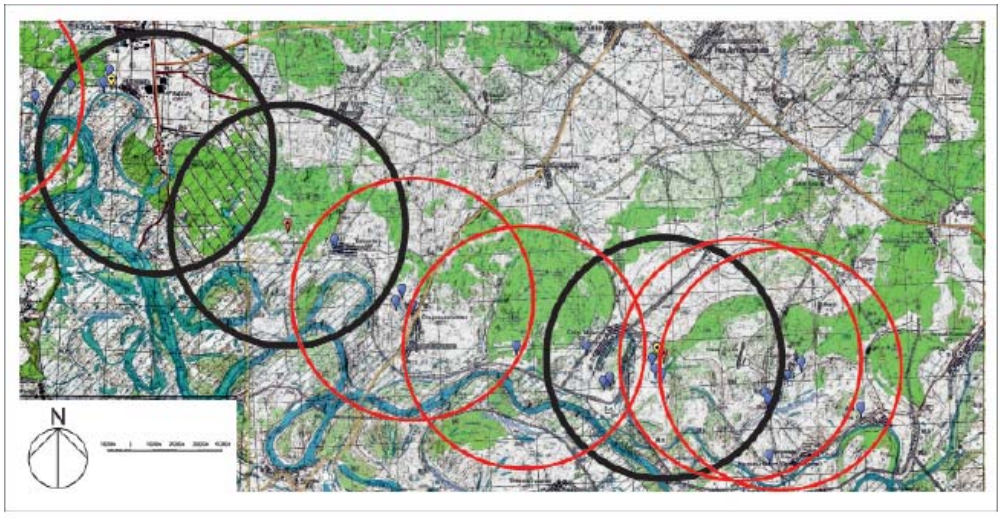


Рис. 4. Схема наложения зон потенциального экономического влияния всех элементов поселенческой структуры микрорегиона.

Fig. 4. Overlapping zones of potential economic influence of all elements of the settlement structure in the micro-region.

с. 72; Коробов, 2012, с. 18). Суть подхода заключается в соединении равноудаленных расстояний между поселениями и создании вокруг них границ замкнутого наименьшего пространства (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 71). Построение полигонов Тиссена позволяет избежать наложения формально созданных округ одной на другую и определить зоны ответственности поселения (рис. 5).

После построения полигональных масок часть близрасположенных поселений были объединены в один полигон. Расстояние между подобными объектами не превышало 200–300 м, вероятнее всего, их следует считать разновременными.

4. Следующая методика, апробированная на поселениях бахмутинской культуры, известна науке как «ранг – размер», или правило Ципфа. Данный способ был позаимствован у географов и нашел свое применение в археологии (Афанасьев, 1990, с. 51–68; Сергеева, 2005, с. 34–50; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014). Поселениям присвоены ранги, являющиеся их порядковыми номерами в ряду убывания от наибольшей площади памятника к наименьшей. Из 22 поселенческих памятников исследуемого региона, площадь наибольшего из них равна 40 000 м^2 (Нижне-Татышевское селище), наименьшего – 250 м^2 (селище Старая Мушта–11) (табл. 2).

На основании полученных данных о ранге и площади в арифметической системе координат построен график распределения рангов, который, в свою очередь, был сопоставлен с идеальной моделью правила Ципфа (рис. 6). Результаты показывают некоторые отличия от теоретического J-образного распределения, что объясняется естественной погрешностью при определении параметров древних поселений. Тем не менее отмеченные отклонения незначительные, подтверждением чего является пересече-

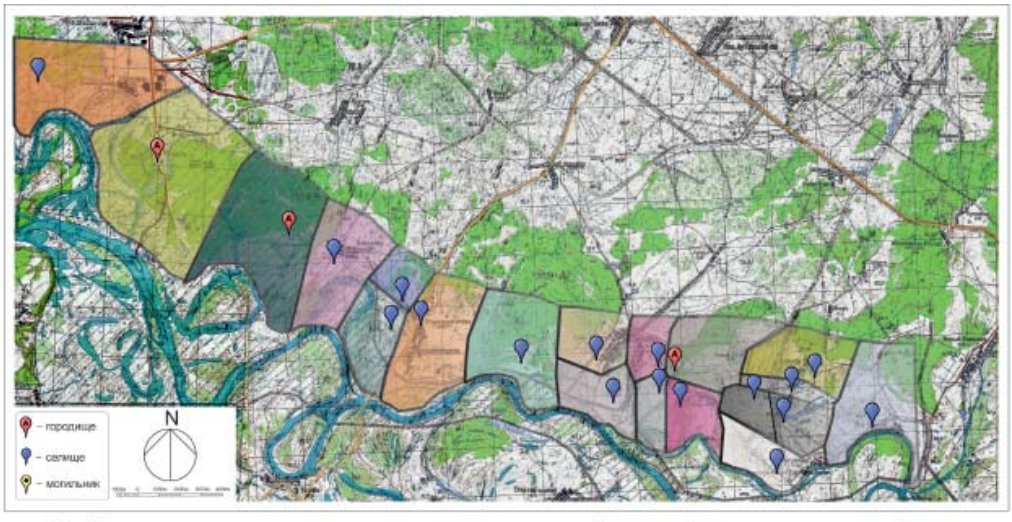


Рис. 5. Результат моделирования потенциальных экономических зон вокруг поселений бахмутинской культуры с помощью полигонов Тиссена.

Fig. 5. Model of the potential economic zones around Bakhmutino settlements using Thiessen polygons.

Таблица 2.

Типология и ранги поселенческих памятников бахмутинской культуры (микрорегион 1).

Памятник	Ранг	Площадь (кв.м)	
Нижне-Татышевское	1	40000	Тип 1
Тра-Тау – 1	2	20100	
Кыз-Кала-Тау – 1, Старая Мушта – 9	3	15750	
Какры-Куль – 3	4	14300	
Старо-Каинлыкское – 2	5	10000	Тип 2
Старо-Янзигитовское	6	10000	
Кюнь – 4 «Пасека»	7	9000	
Киргизово – 1, 3	8	8000	
Киргизово – 2	9	4200	Тип 3
Барановское – 1	10	4000	
Такталачук	11	3600	
Какры-Куль – 5	12	3200	
Бурнюш – 2	13	2490	
Янгизнарат	14	2100	
Бачкитау – 2	15	1530	
Какры-Куль – 9	16	900	Тип 4
Бурнюш – 1	17	600	
Старо-Янзигитовская – 2	18	450	
Какры-Куль – 15	19	300	
Старая Мушта – 11	20	250	

ние графиков теоретического (идеального) и фактического соотношений «ранга – размера» поселенческих памятников выделенного региона. Важнейшим выводом является превалирующее положение селища Нижне-Татышевское по отношению к другим населенным пунктам, включая городища. Более того, близость практически на протяжении всего графика фактической модели к теоретической косвенно указывает на полную археологическую изученность микрорегиона и на относительную единовременность крупнейших памятников.

Далее в соответствии с типологией Б. Берри, основанной на правиле «ранга – размера», можно охарактеризовать процесс «урбанизации» (Афанасьев, 1990, с. 57). Логарифмически-нормальное распределение населенных пунктов на полученном графике подразумевает длительный процесс освоения территории и достаточно высокий уровень социально-экономического развития общин (рис. 7).

Полученные результаты «размера – порядка» археологических объектов возможно использовать для построения типологии памятников (Афанасьев, 1990, с. 51–68; Сергеева, 2005, с. 34–50; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014, с. 45). Границами типов поселений являются отклонения кривой полученного арифметического графика от теоретического. Всего зафиксировано четыре участка преломлений, предопределивших деление памятников на 4 типа. Первый тип включает в себя поселения 1–4 рангов площадью свыше 10 тыс. м^2 (4 объекта). Поселенческие памятники 5–8 рангов площадью от 10 тыс. до 8 тыс. м^2 объединены в рамках второго типа (4 объекта). Третий тип составили поселения 9–15 рангов (менее 5 тыс. – 1,5 тыс. м^2). Четвертый тип – это поселе-

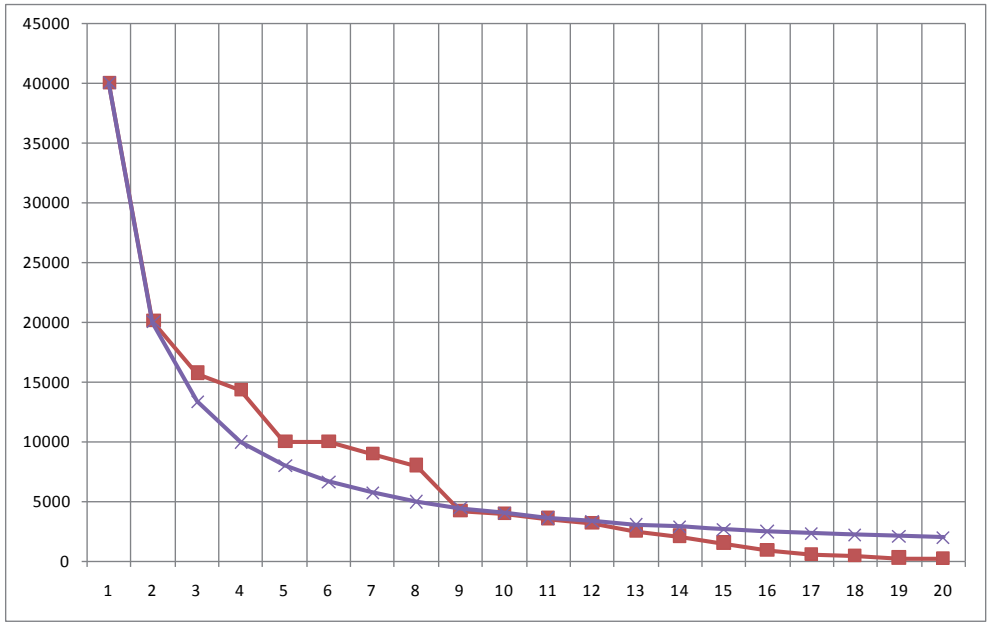


Рис. 6. График теоретического (идеального) и полученного распределения рангов поселений.

Fig. 6. Chart of theoretical (ideal) and actual distribution of ranks of settlements.

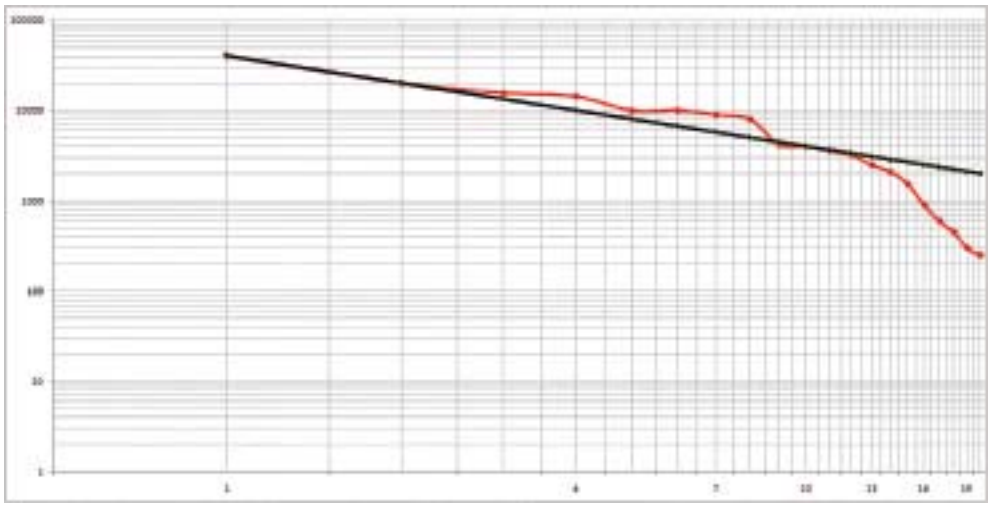


Рис. 7. Логарифмический график теоретического и фактического распределения поселений.

Fig. 7. Logarithmic chart showing theoretical and actual distribution of settlements.

Таблица 3.

Ассоциативные номера поселений.

	Нижне-Татышевское	Тра-Тау-1	Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	Какры-Куль-3	Старо-Каинлыкское-2	Старо-Янзигитовское	Кюнь-4 «Пасека»	Киргизово-1, 3	Киргизово-2	Барановское-1	Такталачук	Какры-Куль-5
Тра-Тау-1	11048*											
Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	4050	15086										
Какры-Куль-3	6286	16926	2825									
Старо-Каинлыкское-2	15248	25993	11307	9045								
Старо-Янзигитовское	4730	6396	8759	10899	19926							
Кюнь-4 «Пасека»	5493	5640	9521	11648	20680	764						
Киргизово-1, 3	10790	21551	6880	4656	4427	15469	16224					
Киргизово-2	10378	21021	6614	4128	4919	15004	15750	935				
Барановское-1	23100	12096	27132	28997	37991	18459	17701	33595	32997			
Такталачук	17318	6270	21136	23176	32183	12650	11894	27786	27198	5830		
Какры-Куль-5	5865	16584	2413	433	9438	10494	11245	5029	4535	28631	22807	
Ассоциативный номер	23100	25993	27132	28997	37991	19926	20680	33595	32997	37991	32183	28631
Порядковый номер ассоциативного ряда	3	4	5	6	10	1	2	9	8	10	7	5

* расстояние указано в метрах

Рис. 8. Реконструкция вероятной коммуникационной сети между поселениями бахмутинской культуры правобережья р. Белая в ее приустьевой части (микрорегион 1).

Fig. 8. Reconstruction of a possible communication network between Bakhmutino settlements on the right bank of the Belaya River in its estuary (micro-region 1).

ния, площадь которых составляет менее 1,5 тыс. м^2 (табл. 2).

5. После получения типологической колонки предпринята попытка реконструкции и моделирования возможной системы пространственных связей объектов. Наиболее вероятным элементом коммуникационной сети между памятниками, с учетом рельефа и речных артерий, является прямая, проведенная от одного населенного пункта к другому. В соответствии с методикой, отклонения этой прямой могут иметь положительный и отрицательный характер. Положительное отклонение обеспечивает большую интенсивность применения транспортной сети, отрицательное связано с необходимостью преодолевать естественные препятствия (Афанасьев, 1990, с. 58). Поселения четвертого типа не использовались в моделировании транспортной сети, так как большая их часть находится практически на пути между поселениями 1–3 рангов, и таким образом, играют роль положительных отклонений коммуникативной сети. В результате реконструкции возможной системы пространственной коммуникации региона выделено 13 отрезков, формирующих дорожную сеть, пролегающую параллельно р. Белая и приуроченную к приподнятым участкам коренной террасы (рис. 8).

5.1. Дальнейшей процедурой исторической интерпретации дорожной сети стало выявление меры центральности поселений. Для этого были использованы два метода, описанные Г.Е. Афанасьевым на примере салтовских поселений долины р. Оскол. (1990, с. 59). Первый метод – определение ассоциативного номера населенного пункта, то есть самого длинного расстояния до любого другого поселения (табл. 3). Центральным, таким образом, будет считаться по-

Таблица 4.

Число Кёнига. Вероятное число коммуникационных связей.

	Нижне-Татышевское	Тра-Тау-1	Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	Какры-Куль-3	Старо-Каинлыкское-2	Старо-Янзигитовское	Кюнь-4 «Пасека»	Киргизово-1, 3	Киргизово-2	Барановское-1	Такталачук	Какры-Куль-5	Бурнюш-2	Янгизнарат	Бачкитау-2
Тра-Тау-1	4														
Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	1	5													
Какры-Куль-3	3	7	2												
Старо-Каинлыкское-2	6	10	5	3											
Старо-Янзигитовское	1	3	2	4	7										
Кюнь-4 «Пасека»	2	2	3	5	8	1									
Киргизово-1, 3	4	8	3	1	2	5	6								
Киргизово-2	5	9	3	2	2	6	7	1							
Барановское-1	6	2	7	9	12	5	4	10	11						
Такталачук	5	1	5	8	11	4	3	9	10	1					
Какры-Куль-5	2	6	1	1	4	3	4	2	2	8	7				
Бурнюш-2	6	10	5	3	1	7	8	2	1	12	11	4			
Янгизнарат	5	9	4	2	1	6	7	1	2	11	10	3	2		
Бачкитау-2	3	1	4	6	9	2	1	7	8	3	2	5	9	8	
Число Кёнига	6	10	7	9	12	7	8	10	12	12	10	8	11	9	9

селение, у которого обнаруживается наименьший ассоциативный номер. Согласно полученным данным самый низкий ассоциативный ряд имели селища Старо-Янзигитовское, Кюнь–4 и Нижне-Татышевское, а максимальный самое западное селище Барановское–1 и селища Киргизово–1, 3.

5.2. Второй метод основан на так называемом числе Кёнига – расчете вероятного количества путей сообщения между населенными пунктами. Расчет пар отрезков пути дал следующие результаты: самое низкие показатели получили селища Нижне-Татышевское, Старо-Янзигитовское и Кыз-Кала-Тау–1. Обладателями наименьшей меры центральности вновь оказались селища Барановское–1, находящееся на западной окраине микрорегиона, и Старый-Каинлык–2, расположенное на его восточной окраине (табл. 4).

Интерпретируя полученные результаты, можно предположить ведущую роль в поселенческой структуре микрорегиона именно неукрепленных поселений – селища Нижне-Татышевское, Кыз-Кала-Тау–1 и Старо-Янзигитовское. Выделенные памятники в рамках функционирования вероятной сети пространственной коммуникации региона, вероятно, имели первостепенное значение в силу наибольшей связанности с соседними объектами и являлись «центральными» поселениями исследуемой территории.

6. Следующим этапом исследовательской работы стало определение степеней связей между поселениями с помощью «гравитационной модели» по формуле

$$M = S1\ S2 / D2,$$

где M – величина связи между поселениями, S1 – площадь одного поселения, S2 – площадь второго поселения, D2 – расстояние (в метрах) между сопоставляемыми поселениями в квадрате (Сергеева, 2005, с. 34–50; Михеева, 2009; Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И., 2014, с. 47–53).

На основе полученных результатов определены коэффициенты гравитационных связей, выделенных в 4 уровня: слабая гравитационная связь – с коэффициентом менее 3; средняя – от 3 до 5; сильная – от 5 до 10; очень сильная – от 10 и более. Построена схема графа гравитационной связи поселенческих памятников исследуемого региона (табл. 5; рис. 9). Совокупные показатели гравитационных связей (мера центральности, максимально эффективное расположение в коммуникационной сети, наиболее сильные связи с другими объектами) позволяют определить центральными населенными пунктами региона – неукрепленные поселения (селища).

Заключение

Использование зарекомендовавших себя методик пространственной археологии, дало возможность локализовать отдельные группы поселенческих памятников, а также объединить их в составе микрорегионов. Ожидаемыми оказались предварительные выводы о неединовременном функционировании отдельных памятников в пределах одного куста или региона. Можно предположить, что поселенческие памятники, находящиеся на незначительном отдалении друг от друга, могут представлять собой следы «перекочевок» населения на небольшие расстояния в короткий отрезок времени ввиду истощения ресурсов занимаемой местности. С другой стороны, методы анализа про-

Таблица 5.

Матрица гравитационных связей.

	Нижне-Татышевское	Тра-Тау-1	Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	Какры-Куль-3	Старо-Каинлыкское-2	Старо-Янзигитовское	Кюнь-4 «Пасека»	Киргизово-1, 3	Киргизово-2	Барановское-1	Такталачук	Какры-Куль-5	Бурнюш-2	Янгизнарат	Бачкитау-2	Какры-Куль-9	Бурнюш-1	Старо-Янзигитовская-2	Какры-Куль-15
Тра-Тау-1	6,59																		
Кыз-Кала-Тау-1, Старая Мушта-9	38,56	1,4																	
Какры-Куль-3	14,55	1	28,22																
Старо-Каинлыкское-2	1,72	0,3	1,23	1,75															
Старо-Янзигитовское	17,8	4,9	2,05	1,2	0,25														
Кюнь-4 «Пасека»	11,98	5,67	1,56	0,95	0,21	154													
Киргизово-1, 3	2,75	0,35	2,66	5,27	4,08	0,33	0,3												
Киргизово-2	1,55	0,19	1,51	3,51	1,73	0,19	0,15	38,43											
Барановское-1	0,3	0,55	0,09	0,07	0,03	1,17	0,11	0,03	0,02										
Такталачук	0,48	1,84	0,13	0,1	0,03	0,22	0,23	0,04	0,02	0,42									
Какры-Куль-5	3,72	0,23	8,66	245,2	0,36	0,29	0,23	1,01	0,65	0,02	0,02								
Бурнюш-2	0,68	0,1	0,56	1,05	2,35	0,09	0,07	4,52	3,09	0,01	0,01	0,2							
Янгизнарат	0,53	0,08	0,45	0,61	1,34	0,07	0,06	1,9	0,57	0,01	0,01	0,13	0,28						
Бачкитау-2	0,77	6,8	0,15	0,1	0,03	0,81	1,05	0,03	0,02	0,03	0,08	0,02	0,01	0,01					
Какры-Куль-9	1	0,06	2,73	25,32	0,11	0,08	0,06	0,31	0,19	0	0,01	9,42	0,06	0,04	0,01				
Бурнюш-1	0,18	0,02	0,15	0,3	0,42	0,02	0,02	2,49	1,69	0	0	0,06	2,65	0,09	0	0,02			
Старо-Янзигитовская-2	6,06	0,28	0,08	0,05	0,01	6,03	18,89	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0	0	0,06	0	0		
Какры-Куль-15	0,3	0,02	0,91	7,16	0,04	0,25	0,02	0,12	0,07	0	0	1,59	0,02	0,01	0	2,85	0,01	0	
Старая Мушта-11	0,78	0,03	0,49	0,49	0,02	0,04	0,03	0,04	0,02	0	0	0,19	0,01	0,01	0	0,04	0	0	0,01

Рис. 9. Граф гравитационных связей поселений бахмутинской культуры правобережья р. Белая в ее приустьевой части: а – очень сильная связь (К>10); б – сильная связь (К=5-10); в – средняя связь (К=3-5); г – слабая связь (К<3).

Fig. 9. Chart showing gravitational ties between Bakhmutino settlements on the right bank of the Belaya River in its estuary part: a – very strong tie (K> 10); b – strong tie (K = 5-10); c – medium tie (K = 3-5); d – weak tie (K <3).

странственных данных позволяют объединить близрасположенные памятники, представив их составными частями одного комплекса. Между тем когда период бытования исследуемых комплексов определен достаточно условно, авторы вынуждены исходить из принципа хронологического единства всех объектов, понимая при этом уязвимость выдвигаемого положения. Необходимо признать, что попытки построения внутренней хронологии (микрохронологии) группы поселенческих памятников без проведения масштабных археологических исследований практически безнадежны.

Важным выводом является то, что центральными поселениями обладающими, вероятно, максимально широким набором административных функций (см. об этом: Афанасьев, 1990, с. 66; Сергеева, 2005, с. 54), вокруг которых концентрировались поселения-сателлиты, являлись неукрепленные поселения (селища), а не городища. В изучаемом регионе это Нижне-Татышевское селище 1-го ранга, имеющее самые мощные гравитационные связи с соседними населенными пунктами.

Полученные показатели плотности гравитационных связей, при условии одновременного существования исследуемых объектов, позволяют предположить довольно высокую плотность населения данного микрорегиона в древности, с дифференцированной иерархией поселений, и отсутствием внутри субрегионов.

Рассмотренные методы анализа пространственных данных представляют теоретическую возможность ха-

рактеристики системы расселения и динамики освоения всей территории Уфимско-Бельского междуречья в эпоху раннего средневековья. Слабая изученность поселенческих памятников региона вынуждает относиться к полученным результатам, как к условным построениям со значительным количеством допущений. Дальнейшее комплексное исследование раннесредневековых поселений региона позволит подготовить развернутую модель их пространственного распределения и гравитационных связей. Перспективность этих разработок связана, в первую очередь, с применением современных ГИС-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. *Акбулатов И.М.* О проведении инвентаризации памятников археологии Краснокамского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010 / Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.
3. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
4. Археологические памятники Башкортостана / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
5. *Афанасьев Г.Е.* Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. М.: Наука, 1989. С. 3–12.
6. *Афанасьев Г.Е.* Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приасколья // Советская археология. 1990. № 4. С. 51–67.
7. *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. 240 с.
8. *Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И.* Применение ГИС-технологий в изучении раннесредневековых памятников Уфимского полуострова // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Серегин. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 162–165.
9. *Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И.* Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2(25). С. 40–53.
10. *Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И.* Анализ пространственных данных в современной археологии: некрополи эпохи раннего средневековья южной части Уфимского полуострова // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (26 октября 2012 г.) / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: Аркаим, 2012. С. 18–22.
11. *Васильев И.Б., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Отчет о раскопках в низовьях р. Белой в 1972 г. Уфа, 1972 / Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 10.
12. *Васюткин С.М.* Об археологических исследованиях в БАССР в 1967 году. Уфа, 1967 / Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 2.
13. *Васюткин С.М.* Об археологических исследованиях в БАССР в 1969 году. Уфа, 1969 / Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 4.
14. *Гарустович Г.Н.* Научный отчёт об археологических работах в Бураевском и Дуванском районах Башкирской АССР в 1990 г. Уфа, 1991 / Научный архив УНЦ РАН.
15. *Гарустович Г.Н.* Научный отчет об археологических работах экспедиционного отряда ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР на Старо-Муштинском могильнике в

Краснокамском районе БАССР в 1989 г. Уфа, 1989 / Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

16. *Гарустович Г.Н.* Отчёт об археологических разведках в зоне строительства Башкирской атомной электростанции в 1981 году по открытому листу № 601 формы № 3. Уфа. 1982 / Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

17. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 8–68.

18. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М., 1972. С. 221–309.

19. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

20. *Иванов В.А.* Отчёт о раскопках в составе московского отряда нижнекамской археологической экспедиции. Уфа, 1972 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф.6 Д. 7.

21. *Иванов В.А.* Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы 1974 г. Уфа, 1974 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 6. Д. 13.

22. *Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / под общ. ред. А. М. Белавина. Пермь, 2009. Вып. VI. Пермь, 2009. С. 61–68.

23. *Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В.* Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н.э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.

24. *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 104–127.

25. *Карпушкина О.А., Черных Е.М.* Новые данные о расселении в Удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции (25–28 сентября 2007 г.) / Ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2007. С. 88–91.

26. Каталог памятников археологии Башкирии открытых в 1971–1980 гг. / Отв. за вып. Р.Г. Мухтаров. Уфа, 1981. 80 с.

27. *Кинжабаев А.Н.* Научный отчет об археологических разведках, проведенных отрядом БГУ в Чекмагушевском, Илишевском и Калтасинском районах летом 1964 г. Уфа, 1965 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 3. Д. 3.

28. *Колонских А.Г.* Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Том 1. С. 353–360.

29. *Колонских А.Г.* Раннесредневековые городища бахмутинской культуры бассейна р. Быстрый Танып: к проблеме сохранения археологических объектов // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.) / Глав. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: Полиграфсервис, 2015. С. 21–23.

30. *Коробов Д.С.* ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан кисловодской котловины // КСИА. Вып. 226. М.: Наука, 2012. С. 17–27.

31. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М: Наука, 1968. 161 с.

32. *Мажитов Н.А.* Башкортостан в IV–VIII вв. // История башкирского народа. Т. 2. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Уфа, 2012. С. 123–147.

33. *Мажитов Н.А.* Научный отчет об археологических исследованиях в 1969 г. на территории Башкирии по теме «Археологическая карта Южного Урала». Уфа, 1969 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. 749.

34. Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в 1970 г. на территории Башкирии по теме «Археологическая карта Южного Урала». Уфа, 1970 / Научный архив УНЦ РАН. Ф.3. Оп. 2. 784.

35. Мажитов Н.А. Отчёт о научно-исследовательской работе по теме № 20–81 «Археологические исследования в зоне строительства БашАЭС». Уфа, 1983 / Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. А/АО/1–51.

36. Мажитов Н.А. Отчет о раскопках 1986 г. на городище Тра-Тау. Уфа, 1986. / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 2. Д. 23–28.

37. Мажитов Н.А. Отчет о раскопках 1987 г. на городище Тра-Тау в БАССР. Уфа, 1987 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 2. Д. 29–33.

38. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1984 г. в Северной Башкирии. Уфа, 1984 / Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 2. Д. 18, 19, 20.

39. Мажитов Н.А. Отчёт об итогах научно исследовательской работы по теме 20–81 «Археологические исследования в зоне строительства БАЭ». Уфа, 1982 / Архив отдела археологических исследований ГБУК НПЦ МК РБ.

40. Мажитов Н.А. Отчет об итогах раскопок 1989 г. на городище Тра-Тау в БАССР. Уфа, 1989 // Археологическая лаборатория БашГУ. Ф. 2. Д. 34, 35.

41. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1986. С. 158–171.

42. Михеева А.И. Метод пространственного анализа в характеристике системы расселения марийцев в XIV–XV веках (по материалам поселенческих памятников) // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Отв. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 348–359.

43. Недашковский Л.Ф. Структура и внутренние связи округи золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Российская археология. 2014. № 2. С. 48–61.

44. Останина Т.И. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский университет, 1983. С. 72–79.

45. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

46. Памятники археологии Башкирской АССР открытые в 1981–1986 годы / Отв. за вып. Р.Г. Мухтаров. Уфа, 1988. 94 с.

47. Памятники археологии Краснокамского района Башкирской АССР / Отв. за вып. Р.Г. Мухтаров. Уфа, 1987. 83 с.

48. Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. Уфа, 1964 / Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. 639.

49. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Информреклама, 2004. 184 с.

50. Сергеева О.В. Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край. Вып. 12 / Ред. М.В. Булычев, В.Н. Данилов. 2005. С. 38–57.

51. Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Автореф. дис… канд. ист. наук. Уфа, 2000. 22 с.

52. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

53. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

54. Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 34–48.

55. *Шокуров А.П.* Отчет об археологической работе летом 1956 г. 3-го отряда БАЭ ИИМК АН СССР. Уфа, 1956 / Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф-1. Р-1. № 1245.

56. *Шокуров А.П.* Отчет об археологической работе летом 1957 г. Третьего разведотряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Ч.1. / Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1507.

Информация об авторах:

Бахшиев Илшат Интизам оглы, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); ibahsh@gmail.com

Колонских Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); kontrobazzz@mail.ru

SPATIAL ANALYSIS METHODS USED TO CHARACTERIZE BAKHMUTINO SETTLEMENT PATTERNS BETWEEN THE UFA AND BELAYA RIVERS

I.I. Bakhshiev, A.G. Kolonskikh

The authors consider the location system of early medieval settlements of the Bakhmutino culture (the cis-Urals). Based on cartography and various methods of spatial data analysis, they distinguish groups of settlements, which can be united into individual micro-regions. It was found out that “central” sites in these micro-regions, possibly invested with a number of administrative functions, were unfortified settlements, rather than hillforts as previously thought. One of the micro-regions, located in the lower reaches of the Belaya River, was studied rather thoroughly. Thus obtained indicators of the extent of the gravitational ties between the settlements, provided that the studied sites existed simultaneously, suggest a fairly high population density in this micro-region in the antiquity, with a differentiated hierarchy of settlements and absence of sub-regions. Distribution features of early medieval settlements reproduce a previous settlement system (from the Pyany Bor time), pointing to an economy which was well adapted to the surrounding landscape and sustainable over many centuries (2nd century BC – 8th century AD).

Keywords: spatial archaeology, Southern Urals, Ufa-Belaya interfluve zone, Early Middle Ages, Bakhmutino archaeological culture, settlements, spatial archaeology, micro-regions.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P’ianoborskaia kul’tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

2. Akbulatov, I. M. 2010. *O provedenii inventarizatsii pamiatnikov arkheologii Krasnokamskogo raiona Respubliki Bashkortostan (On the Inventory of Archaeological Sites in the Krasnokamsky District of Bashkortostan)*. Ufa. The Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan, Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

3. Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

4. Morozov, Yu. A. (ed.). 1996. *Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana (Archaeological Sites of Bashkortostan)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).

5. Afanasev, G. E. 1989. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations)*. Moscow: “Nauka” Publ., 3–12 (in Russian).

6. Afanasyev, G. E. 1990. In *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 51–67 (in Russian).

7. Afanasyev, G. E., Savenko, S. N., Korobov, D. S. 2004. *Drevnosti kislovodskoi kotloviny (Antiquities of the Kislovodsk Basin)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).

8. Bakhshiev, I. I., Bakhshiev, R. I. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)*. Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 162–165 (in Russian).

9. Bakhshiev, I. I., Bakhshiev, R. I. 2014. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 25 (2), 40–53 (in Russian).

10. Bakhshiev, I. I., Nasretdinov, R. R., Bakhshiev, R. I. 2014. In Akhatov, A. T. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnis Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Arkaim" Publ., 18–22 (in Russian).

11. Vasilyev, I. B., Gorbunov, V. S., Obydennov, M. F. 1972. *Otchet o raskopkakh v nizoviakh r. Beloi v 1972 g. (Report on the Excavations in the Lower Reaches of the Belaya River in 1972)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 6. Dossier 10 (in Russian).

12. Vasyutkin, S. M. 1967. *Ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v BASSR v 1967 godu (On the Archaeological Research in Bashkir Autonomous Republic in 1967)*. Ufa. Archive of the Archaeological Laboratory of the Bashkir State University. Fund 6. Dossier 2 (in Russian).

13. Vasyutkin, S. M. 1967. *Ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v BASSR v 1969 godu (On the Archaeological Research in Bashkir Autonomous Republic in 1969)*. Ufa. Archive of the Archaeological Laboratory of the Bashkir State University. Fund 6. Dossier 4 (in Russian).

14. Garustovich, G. N. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v zone stroitel'stva Bashkirskoi atomnoi elektrostantsii v 1981 godu po otkrytomu listu 601 formy 3 (Report on Archaeological Exploration in the Area of Construction of the Bashkir Nuclear Power Plant in 1981, Permission no. 601 form no. 3)*. Ufa. The Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan, Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

15. Garustovich, G. N. 1989. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh rabotakh ekspeditsionnogo otriada IIIAL BNTs UrO AN SSSR na Staro-Mushtinskom mogilnike v Krasnokamskom raione BASSR v 1989 g. (Scientific Report on Archaeological Works of the Expeditionary Unit of the Institute for History, Language and Literature, Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, on the Staro-Mushtinskoye Cemetery in Krasnokamsky District, Bashkir Autonomous Republic, in 1989)*. Ufa. The Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan, Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

16. Garustovich, G. N. 1990. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Buraevskom i Duvanskom raionakh Bashkirskoi ASSR v 1990 g. (Scientific Report on Archaeological Works in Buraevsky and Duvansky Districts, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, in 1990)*. Ufa. Scientific archives of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Gening, V. F. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 7. Sverdlovsk, 8–68 (in Russian).

18. Gening, V. F. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 221–309 (in Russian).

19. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Ancient and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

20. Ivanov, V. A. 1972. *Otchet o raskopkakh v sostave moskovskogo otriada Nnizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Report on the Excavations by the Moscow Detachment of the Lower Kama Archaeological Expedition)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 6. Dossier 7 (in Russian).

21. Ivanov, V. A. 1974. *Otchet o raskopkakh pamiatnikov, raspolozhennykh v basseine rek Beloi i Ufy 1974 g. (The Report on the Excavation of the Sites Located in the Basin of the Belaya and Ufa Rivers in 1974)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 6. Dossier 13 (in Russian).

22. Ivanov, V. A. 2009. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VI. Perm, 61–68 (in Russian).

23. Ivanov, V. A., Zlygostev, V. A., Antonov, I. V. 2013. *Iuzhnyi Ural v epokhu srednevekovia (V–XVI veka n. e.) (Southern Urals in the Middle Ages (5th–14th Centuries AD)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

24. Ivanov, V. A., Ostanina, T. I. 1983. In *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 104–127.

25. Karpushkina, O. A., Chernykh, E. M. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (Permian Finns: archaeological cultures and ethnic groups)*. Syktyvkar, 88–91 (in Russian).

26. Mukhtarov, R. G. (ed.). 1981. *Katalog pamiatnikov arkheologii Bashkirii, otkrytykh v 1971–1980 gg. (Catalogue of the Archaeological Sites Discovered in Bashkortostan in 1971–1980)*. Ufa (in Russian).

27. Kinzhabaev, A. N. 1965. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh provedennykh otriadom BGU v Chekmagushevskom, Ilishevskom i Kaltasinskom raionakh letom 1964 g. (Scientific Rreport on Archaeological Field Surveys Conducted by the Detachment of the Bashkir State University in Chekmagushevsky, Ilishevsky and Kaltasinsky Districts in Summer of 1964)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 3. Dossier 3 (in Russian).

28. Kolonskikh, A. G. 2014. In *European Social Science Journal* (7), 353–360 (in Russian).

29. Kolonskikh, A. G. 2015. In Yunusova, A. B. (ed.). *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiia. Chetvertye Kuzeevskie chteniia (Ethnos. Society. Civilization: Fourth Kuzeev Readings)*. Ufa: "Poligrafservis" Publ., 21–23 (in Russian).

30. Korobov, D. S. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226. Moscow: "Nauka" Publ., 17–21 (in Russian).

31. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura (Bahmutino Culture)*. Ufa: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Mazhitov, N. A. 2012. In Kulsharipov, M. M. (ed.). *Istoriia bashkirskogo naroda (History of the Bashkir People)* 2. Ufa, 123–147.

33. Mazhitov, N. A. 1969. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v 1969 g. na territorii Bashkirii po teme "Arkheologicheskaia karta Iuzhnogo Urala" (Report on the Archaeological Research in 1969 on the Territory of Bashkortostan under "Archaeological Map of the Southern Urals" Project)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 2. Dossier 749 (in Russian).

34. Mazhitov, N. A. 1970. *Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v 1969 g na territorii Bashkirii po teme "Arkheologicheskaia karta Iuzhnogo Urala" (Report on archaeological research in 1970 on the territory of Bashkortostan under "Archaeological Map of the Southern Urals" Project)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inv. 2, dossier 784 (in Russian).

35. Mazhitov, N. A. 1983. *Otchet ob itogakh nauchno-issledovatelskoi raboty po teme 20–81 "Arkheologicheskie issledovaniia v zone stroitelstva BAE" (A Report on the Results of Scientific Research Work under 20–81 Project "Archaeological Research in the Area of Construction of the Bashkir Nuclear Power Plant")*. Ufa. The Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan, Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

36. Mazhitov, N. A. 1986. *Otchet o raskopkakh 1986 g. na gorodishche Tra-Tau (The Report on the Excavations on the Toratau Hillfort in 1986)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 2. Dossier 23–28 (in Russian).

37. Mazhitov, N. A. 1987. *Otchet o raskopkakh 1987 g. na gorodishche Tra-Tau (The Report on the Excavations on the Toratau Hillfort in 1987)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 2. Dossier 29–33 (in Russian).

38. Mazhitov, N. A. 1984. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh 1984 g. v Severnoi Bashkirii (Report on Archaeological Research in 1984 in North Bashkiria)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 2. Dossiers 18, 19, 20 (in Russian).

39. Mazhitov, N. A. 1982. *Otchet ob itogakh nauchno-issledovatelskoi raboty po teme 20–81 "Arkheologicheskie issledovaniia v zone stroitelstva BAE" (Report on the Results of Scientific Research Work under 20–81 Project "Archaeological Research in the Area of Construction of the Bashkir Nuclear Power Plant")*. Ufa. Scientific archive of the Institute of ethnological research, Ufa Research Center of the Russian Academy of Science. A/Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries)/1-51 (in Russian).

40. Mazhitov, N. A. 1989. *Otchet o raskopkakh 1989 g. na gorodishche Tra-Tau (The Report on the Excavations on the Toratau Hillfort in 1989)*. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State University. Fund 2. Dossier 34, 35 (in Russian).

41. Matveeva, G. I. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletiia (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 158–171 (in Russian).

42. Mikheeva, A. I. 2006. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Issledovaniia po drevnei i srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia (Research on Ancient and Medieval Archaeology of the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 348–359 (in Russian).

43. Nedashkovskii, L. F. 2014. In *Rossiiskaia arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 48–61 (in Russian).

44. Ostanina, T. I. 1983. In Vladykin, V. E. (ed.). *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuiu epokhu (Ethnic Processes in the Urals and Siberia in the Prehistoric Era)*. Izhevsk: Udmurt State University, 72–79 (in Russian).

45. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III—V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

46. Mukhtarov, R. G. (ed.). 1988. *Pamiatniki arkheologii Bashkirskoi ASSR, otkrytye v 1981–1986 gody (Archaeological Sites of Bashkiria Discovered in 1981–1986)*. Ufa (in Russian).

47. Mukhtarov, R. G. (ed.). 1987. *Pamiatniki arkheologii Krasnokamskogo raiona Bashkirskoi ASSR (Archaeological Sites of the Krasnokamsky District, Bashkir ASSR)*. Ufa (in Russian).

48. Pshenichniuk, A. Kh. 1964. *Nauchnyi otchet o rezultatakh arkheologicheskoi ekspeditsii za 1964 g. (Scientific Report on the Results of the Archaeological Expedition in 1964)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centrer of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 2. Dossier 639 (in Russian).

49. Ivanov, V. A. (ed.). 2004. *Svod arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Bashkortostan, vyiavlennykh v 1987—2000 godakh (Summary of the Republic of Bashkortostan Archaeological Sites Discovered in 1987—2000)*. Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).

50. Sergeeva, O. V. 2005. In Bulychev, M. V., Danilov, V. N. (eds.). *Povolzhskii krai (Volga Region)* 12, 38–57 (in Russian).

51. Sultanova, A. N. 2000. *Birskii mogil'nik: istoriko-arkheologicheskaia kharakteristika (Birsk Burial Ground: Historical and Archaeological Characteristics)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).

52. Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the funerary sites of 5th – 8th centuries AD))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

53. Sungatov, F. A., Garustovich, G. N., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik). (Cis-Urals Region during the Great Migration (Staraya Myshta barrow-ground necropolis))*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

54. Shakirov, Z. G. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 34–48 (in Russian).

55. Shokurov, A. P. 1956. *Otchet ob arkheologicheskoi rabote letom 1956 g. 3-go otriada BAE IIMK AN SSSR (Report on Archaeological Work of the 3rd Detachment of the Bashkir Archaeological Expedition of the Institute for History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR in Summer 1956)*. Moscow. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Inventory 1. Dossier 1245 (in Russian).

56. Shokurov, A. P. 1957. *Otchet ob arkheologicheskoi rabote letom 1957 g. Tret'ego razvedotriada Bashkirskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IIMK AN SSSR (Report on Archaeological Work of the 3rd Detachment of the Bashkir Archaeological Expedition of the Institute for History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR in Summer 1957)*. Part 1. Moscow. Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Fund. 1 Inventory 1. Dossier 1507 (in Russian).

About the Authors:

Bakhshiev Ilshat I. Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; ibahsh@gmail.com

Kolonskikh Aleksandr G. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kontrobazzz@mail.ru

Статья поступила в номер 26.04.2016 г.

УДК 902

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДУРАНКУЛАК-БЛАТНИЦА (БОЛГАРИЯ)[1]

© 2016 г. Н.Н. Скакун, Б. Матева, Т. Димов

Статья посвящена результатам исследования коллекции кремневых орудий с поселения Дуранкулак-Блатница, относящегося к ранним этапам поздненеолитической культуры Хаманджия в Болгарии. Дана характеристика типологических, технико-морфологических и функциональных особенностей производственного инвентаря. Установлено, что в качестве сырья использовались преимущественно местные разновидности кремня. Прослежены общие черты кремневого инвентаря поселения Дуранкулак-Блатница с памятниками культуры Хаманджия на территории Румынии, с более ранними неолитическими памятниками северо-восточной Болгарии, а также с памятниками буго-днестровской культуры Молдовы. Эти данные имеют большое значение для освещения вопросов генезиса древнеземледельческих культур на Юго-Востоке Европы.

Ключевые слова: археология, Причерноморье, Болгария, поздний неолит, культура Хаманджия, кремневый инвентарь, технико-морфологические и трасологические исследования.

Поселение Дуранкулак-Блатница относится к нео-энеолитической культуре Хаманждия (середина VI-го – первая половина V-го тыс. до н.э), ареал которой охватывает восточную часть Добруджи в Болгарии и Румынии (Berciu, 1961, 1966; Haşotti, 1983, 1992; Тодорова, Вайсов, 1993, с. 146, рис. 1). В Болгарии этот район, расположенный между дельтой Дуная, Черным морем и Лудогорской возвышенностью, отличается относительной обособленностью и специфическими климатическими условиями, что, вероятно, стало причиной его более поздней неолитизации по сравнению с остальными частями Балканского полуострова (Бояджиев, 1992, 1994; Тодорова, Вайсов, 1993). Памятник Дуранкулак-Блатница был открыт в 1978 году на западном берегу озера Дуранкулак при исследованиях погребального комплекса, относящегося к энеолитическому поселению многослойного телля Дуранкулак, расположенного на Большом острове этого озера (Димов, 1982)[2]. В ходе раскопок в насыщенном находками культурном слое был обнаружен ряд жилищно-хозяйственных сооружений (Димов, 1982, 1988, 2003). Жилища полуземляночного типа овальной и подпрямоугольной формы с глинобитными внутренними перегородками имели конусообразную крышу из прутьев и камыша, обмазанную глиной. В трех раскопанных полуземлянках найдены очаги, наземная часть одной из них

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 16-06-00546.

[2] Раскопки проводились под руководством Х. Тодоровой и Т. Димова в 1978–1983 гг. и 1989 г. В раскопках принимала участие Н.Н. Скакун.

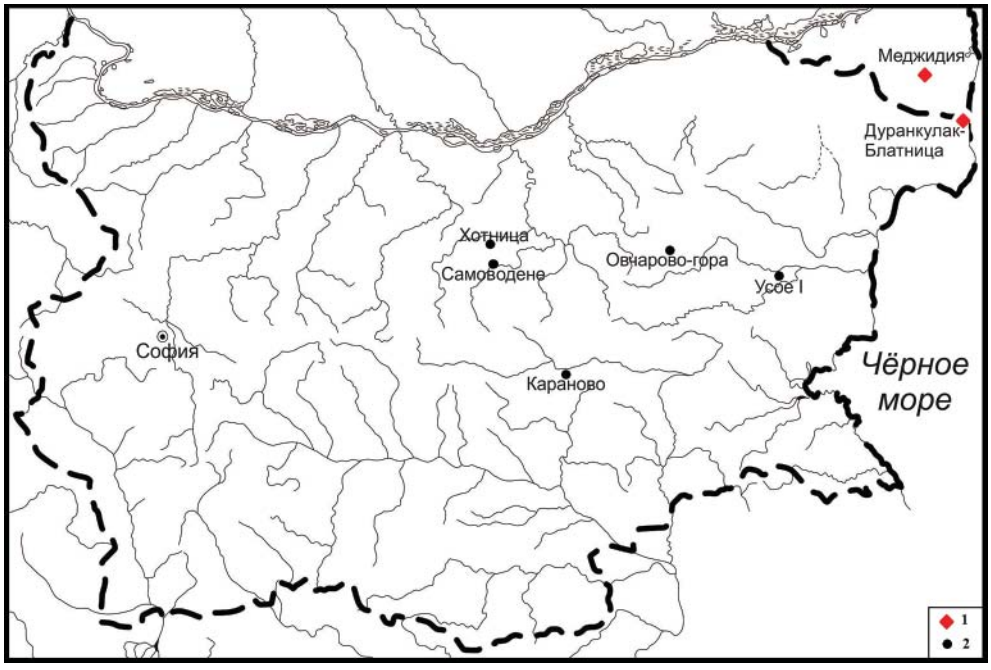


Рис. 1. Местоположение памятников раннего этапа культуры Хаманджия (♦1) в низовьях Дуная (Болгария: Дуранкулак-Блатница, Румыния: Меджидия) и неолитических памятников (●2), упоминаемых в статье.

Fig. 1. Location of early Hamandgia sites (♦1) in the lower Danube area (Bulgaria: Durankulak-Blatnitsa, Romania: Medgidia) and Neolithic sites (●2) mentioned in the article.

была окружена невысокой глинобитной стенкой (Димов, 2003). В двух углубленных объектах очаги и другие сооружения отсутствуют, вероятно, они имели хозяйственное назначение. Вблизи поселения находился и могильник, примыкавший к энеолитическому некрополю (Димов, Бояджиев, Тодорова, 1984; Dimov, 2002 а, б; Todorova 2002; Sirakov, 2002; Gurova, 2002).

Керамический комплекс поселения, включающий разнообразные по форме сосуды, украшенные накольчатым орнаментом, врезными линиями, мелкими, тщательно выполненными, каннелюрами, аналогичен материалам из одновременных румынских памятников Хаманджии (Haşotti, 1983, 1986, 1992). Исследователи относят эти поздненеолитические древности к первой фазе культуры Хаманджия (Блатница), синхронизируя их с горизонтом III эталонного поселения Караново во Фракийской долине, поздненеолитическими этапами культуры Хотница в центральной части Северной Болгарии, культурой Усое Усое I Северо-Восточной Болгарии, подчеркивая тесные связи с последней, а также культурой Боян в Румынии (фаза Болинтинеану) (Тодорова, Вайсов, 1993; Димов, 1992). В целом изучение материалов начального этапа Хаманджии имеет большое значение для понимания процесса формирования в Причерноморье Болгарии памятников эпохи энеолита (Тодорова, 1986).

Раскопки поселения Дуранкулак-Блатница, кроме керамики, принесли большое количество орудий из крем-

Таблица 1

Типологическая классификация кремневых изделий поселения Дуранкулак-Блатница.

класс	группа	тип	подтип	название	число	% от изделий	% от класса	% от группы
А				**Орудия**	197	27,17	100	
	I			**Скребки**	131	18,07	66,50	100
		1		на пластинах	17	2,34	8,63	12,98
			а	концевые	15	2,07	7,61	11,45
			б	двойные	1	0,14	0,51	0,76
			в	концево-боковые	1	0,14	0,51	0,76
		2		на отщепах	114	15,72	57,87	87,02
			а	концевые	56	7,72	28,43	42,75
			б	концево-боковые	23	3,17	11,68	17,56
			в	боковые	14	1,93	7,11	10,69
			г	округлые	17	2,34	8,63	12,98
			д	микроскребки	4	0,55	2,03	3,05
	II			**Резцы**	3	0,41	1,52	100
		1		боковые	1	0,14	0,51	33,33
		2		срединного типа	2	0,28	1,02	66,67
	III			**Сверла**	3	0,41	1,52	100
	IV			**Проколки**	9	1,24	4,57	100
	V			**Долотовидные орудия**	1	0,14	0,51	100
	VI			**Пластины с ретушью**	19	2,62	9,64	100
			1	по боковым сторонам	6	0,83	3,05	31,58
			2	с ретушированной выемкой	13	1,79	6,60	68,42
	VII			**Отщепы с ретушью**	26	3,59	13,20	100
			1	по боковым сторонам	14	1,93	7,11	53,85
			2	с ретушированной выемкой	12	1,66	6,09	46,15
	VIII			**Отбойники**	5	0,69	2,54	100
			1	шаровидные	5	0,69	2,54	100
Б				**Изделия без вторичной обработки**	393	54,21	100	100
	I			**Пластины**	134	18,48	34,10	100
	II			**Отщепы**	259	35,72	65,90	100
В				**Нуклеусы и их обломки**	17	2,34	100	100
		1		нуклеусы	5	0,69	29,41	29,41
		2		обломки	12	1,66	70,59	70,59
Г				**Осколки**	99	13,66	100	100
Д				**Гальки**	19	2,62	100	100
				Итого	725	100		

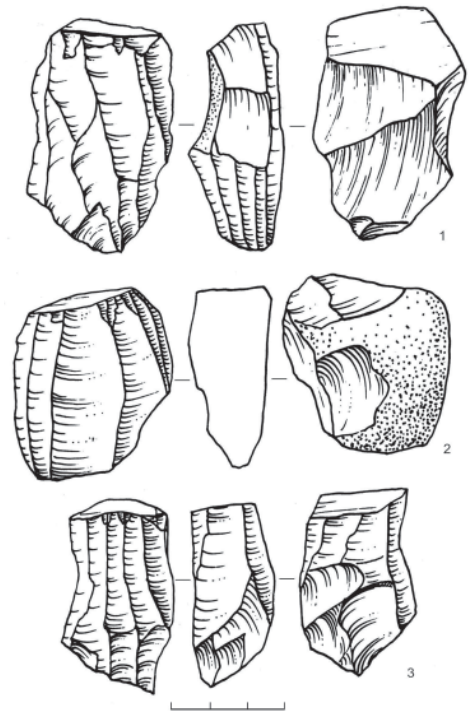


Рис. 2. Кремневые нуклеусы.
Fig. 2. Flint cores.

ня, камня, а также кости и рога. Однако эти находки до сих пор полностью не опубликованы, что существенно затрудняет процесс изучения становления и развития экономики данного региона.

Коллекция кремневых орудий, собранная на поселении, составляет 725 экз. В качестве сырья использовался мелкогалечный кремень, разных оттенков серого, черного, желтовато-коричневого цветов. Выходы аналогичного кремня обнаружены по берегам небольшого ручья, протекающего вблизи поселения. Для неолитических памятников разных регионов Болгарии использование местных разновидностей вторично переотложенного кремня является характерным. Единичные экземпляры изделий были изготовлены из качественного кремня восково-желтого цвета, который доставлялся, вероятно, из Лудогорских возвышенностей Северо-Восточной Болгарии, где фиксируются его многочисленные месторождения (Начев, Ковнурко, Кънчев, 1981; Скакун, 1981, 1984, 1994; Skakun, 1993; Ангелова, Бин, 1988; Гацов, 1992; Sirakov, 2002; Сиракова, Златева-Узунова, 2009; Начев, 2009; Mateva, 2014).

Обработка кремня производилась на самом поселении в жилищах и неподалеку от них, о чем свидетельствуют находки кремневых галек со следами подготовки к раскалыванию (пренуклеусы), нуклеусы и многочисленные отходы производства, сопровождающие процесс расщепления. Морфологически оформленные орудия, заготовки и инструменты, занятые в кремнеобработке, а также отходы производства свидетельствуют о том, что при расщеплении применялись ударная и отжимная техники. Проведенный технико-морфологический анализ коллекции показывает, что кремневый инвентарь поселения Дуранкулак-Блатница включает: нуклеусы и нуклевидные изделия – 3,24%; орудия труда – 27,17%; изделия без вторичной обработки – 54,4%; осколки кремня – 13,66%; кремневые гальки – 2,62% (табл. 1). Нуклеусы (рис. 2) разделяются на следующие типы: I – подпризматические: с а) круговым; б) односторонним огранением; II – конусовидные с: а) круговым; б) односторонним огранением; III – кубовидные: с одной или несколькими смежными ударными площадками; IV – аморфные. Большинство нуклеусов невелики по размерам и лишь некоторые имеют в длину более 10 см, их ударные площадки, как правило, скошены, у односторонних

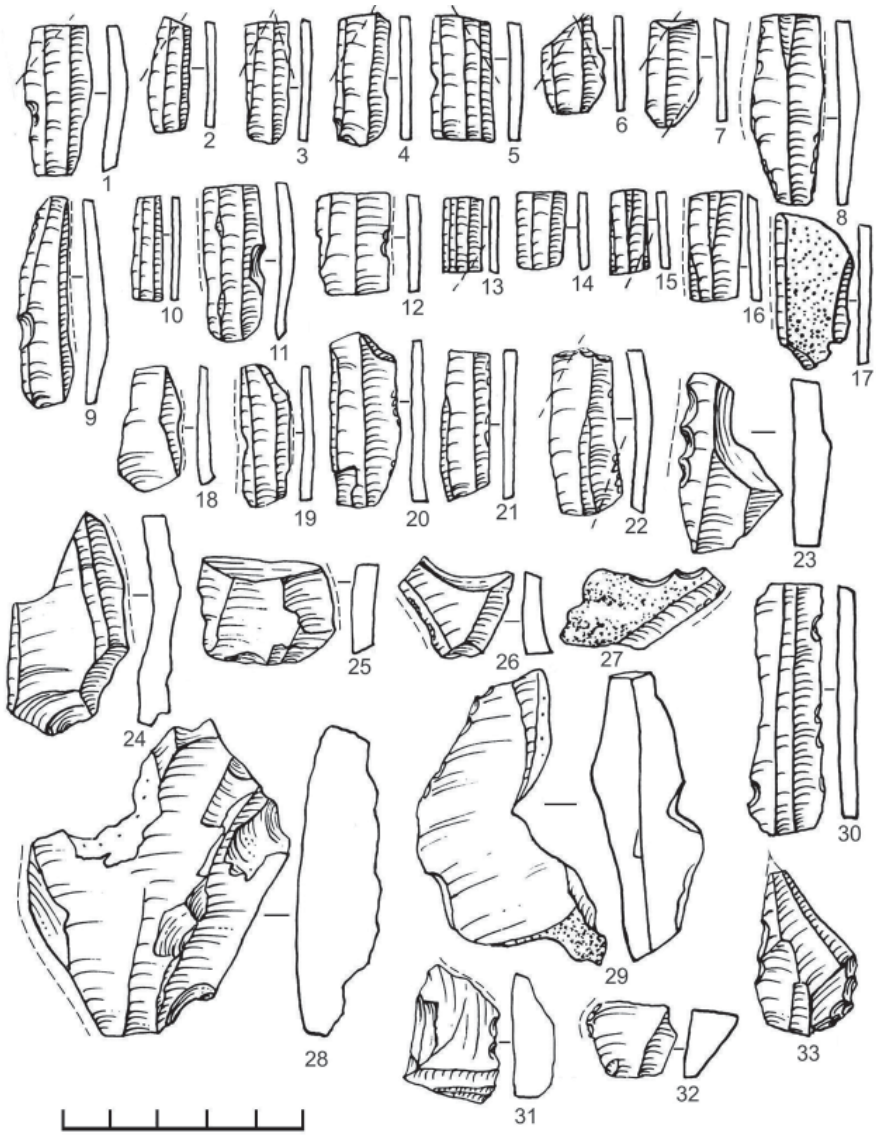


Рис. 3. Кремневые изделия: 1–4, 30 – пластины без вторичной обработки; 25–28, 31, 32 – отщепы без вторичной обработки; 29 – резец; 33 – проколка.

Fig. 3. Flint items: 1–4, 30 – blades without secondary processing; 25–28, 31, 32 – flakes without secondary processing; 29 – burin; 33 – borer.

нуклеусов тыльная сторона уплощена одним крупным или нескольким мелкими сколами, а иногда полностью покрыта галечной коркой. Формы многих нуклеусов нечетко выражены, но отдельные экземпляры имеют геометрически правильные очертания. Нижние концы нуклеусов обычно не смяты, что указывает на их расщепление в специальных приспособлениях (рис. 2). В коллекции представлены кремнеобрабатывающие инструменты – шаровидные кремневые отбойники.

Основными заготовками для орудий служили пластины и отщепы.

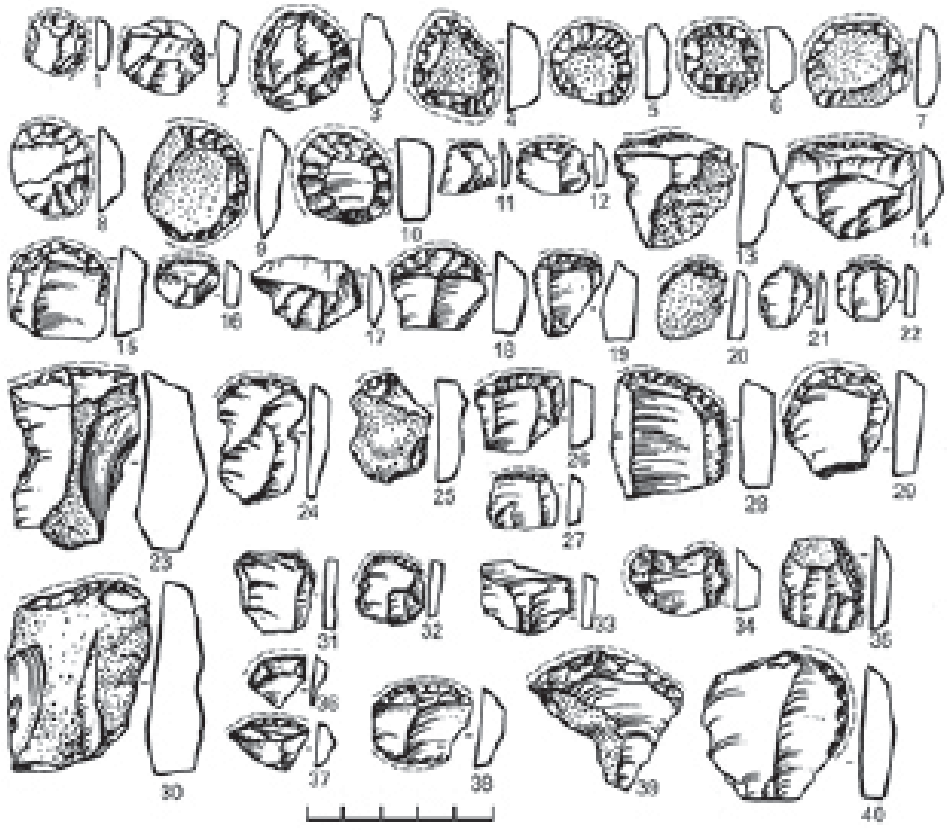


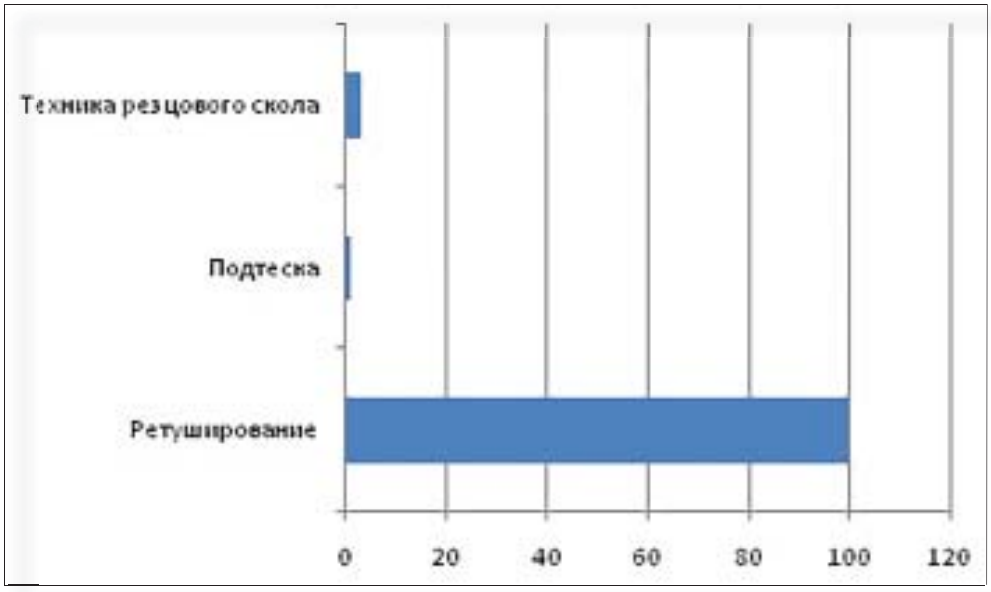
Рис. 4. Кремневые изделия: 1–40 – скребки.

Fig. 4. Flint items: 1–40 – scrapers.

Среди пластин основное количество принадлежит экземплярам средних размеров при ширине не более 1,5 см – 72,2%; крупные (более 1,5 см) и мелкие (0,9–1,5 см) изделия представлены равным числом – по 13,3 %. Одни из них имеют геометрически правильные очертания, с прямым профилем, параллельными прямыми боковыми сторонами (рис. 3: 1, 4–8, 11, 12, 16, 19, 20, 22, 30, 31, 35), другие – менее правильных форм. Небольшую группу (1,2%) образуют микропластины шириной менее 0,9 см (рис. 3: 2, 3, 9, 10, 13, 14, 15, 21). Большинство отщепов подчетырехугольной, треугольной, овальной формы, из них изделия средней величины 3–5 см составляют 43,6%, мелкие (1,5–3 см) – 51,8%, отщепы размерами свыше 5 см немногочисленны – 4,6%.

Среди вторичной обработки рабочих лезвий инструментов и их обушковых частей преобладает ретушь, нанесенная со спинки изделий (диагр. 1).

Типологически выраженные орудия труда составляют 27,17% от всего количества исследованного инвентаря. Самые многочисленные из них – скребки на отщепах и пластинах – 18,07%. Среди инструментов на отщепах (15,72%) выделяются скребки концевые с выпуклым или прямым рабочим краем, обработанным затупливающей ретушью со спинки (рис.



Диагр. 1. Классификация вторичной обработки кремневых изделий на поселении Дуранкулак-Блатница.

Chart. 1. Classification of secondary processing of flint items from Durankulak-Blatnitsa settlement.

4: 13, 14–15, 20, 23, 24, 25, 26, 30, 39; рис. 5: 26). У некоторых орудий кроме концевого рабочего края отретуширована и боковая сторона (рис. 4: 29, 34, 35, 40). Компактную группу составляют скребки округлых форм (рис. 4: 1–10). Они разделяются на изделия с высокой (рис. 4: 1, 2, 3, 8) и плоской спинкой (рис. 4: 4–7, 9, 10). Первые, как правило, обработаны крутой высокой ретушью по всему периметру; вторые, часто имеющие на спинке галечную корку, также отретушированы по всему периметру или на 2/3 его. В разных группах скребков представлены миниатюрные орудия (рис. 4: 11, 12, 16, 21, 22, 27, 32, 36, 37). Скребки на пластинах (2,34%) имеют концевое выпуклое или прямое рабочее лезвие, у некоторых из них одна или обе боковые стороны обработаны ретушью (рис. 4: 18, 19, 28). Единственным экземпляром представлен концевой скребок с двумя противолежащими выпуклыми лезвиями (рис. 4: 38).

Сверла (0,41%) – трехгранные изделия, изготовленные из неправильных пластин (рис. 5: 1, 2, 11). Рабочие острия, слегка асимметричные по отношению к длинной оси орудий, выделены с помощью крутой затупливающей ретуши.

Проколки, изготовленные на пластинах и отщепах, имеют острие, подправленное с одной или двух сторон ретушью – 1,24% (рис. 5: 3–8). Немногочисленные резцы (0,41%) (рис. 5: 10) представлены изделиями на углу сломанной пластины и срединным многофасеточным на нуклевидном осколке.

В единственном экземпляре найдено долотовидное орудие с двумя слегка вогнутыми противолежащими лезвиями, расположенными на торцах пластины и образованными с помо-

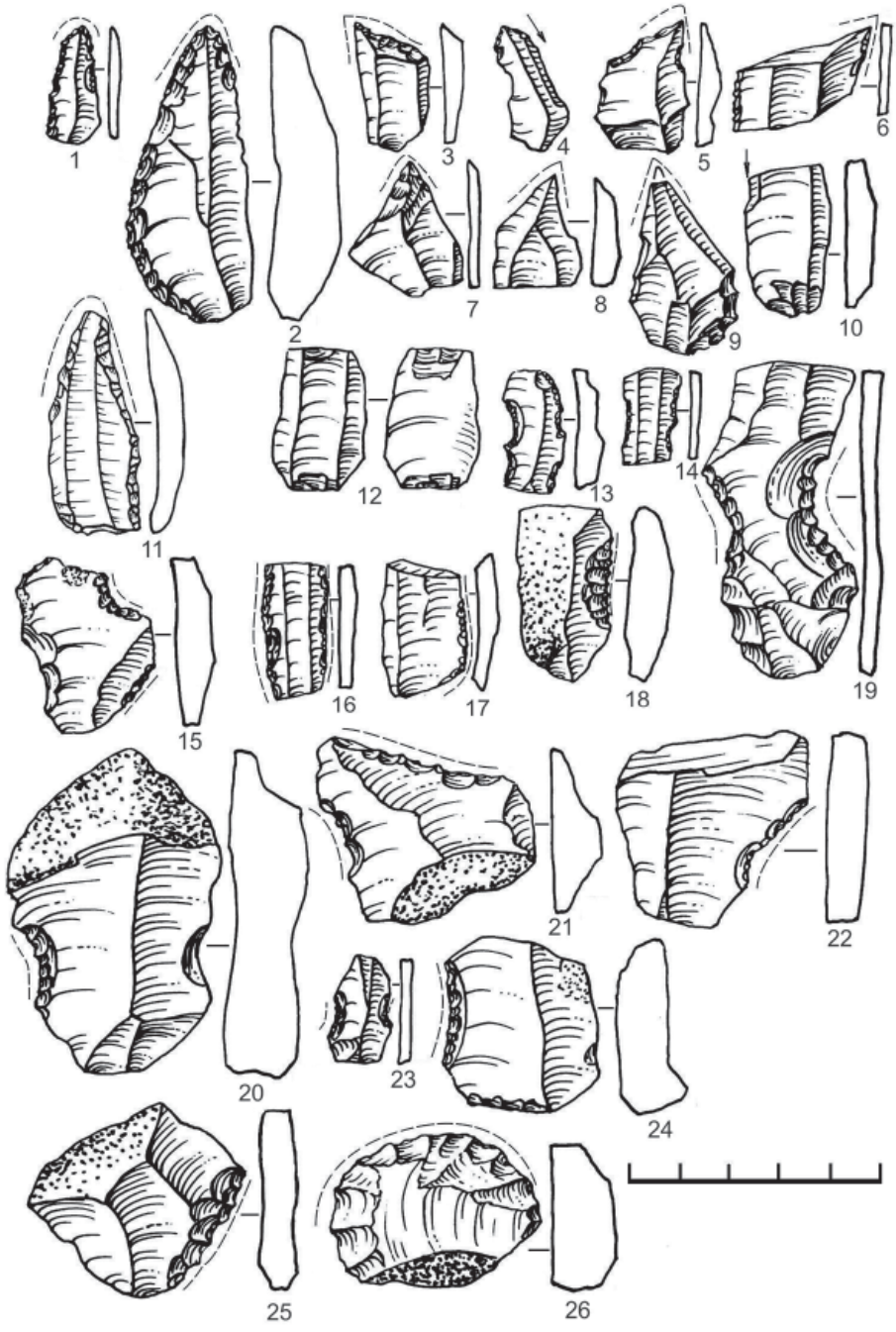


Рис. 5. Кремневые изделия: 1, 2, 11 – сверла; 3–9 – проколки; 10 – резец; 12 – долотовидное орудие; 13–15, 19, 20–24 – изделия с выемками; 16–18, 25 – изделия с ретушью; 26 – скребок.

Fig. 5. Flint items: 1, 2, 11 – drills; 3-9 – borers; 10 – burin; 12 – chisel-shaped tool; 13–15, 19, 20–24 – items with notches; 16–18, 25 – retouched items; 26 – scraper.

щью подтесывающих сколов (0,14%) (рис. 5: 12).

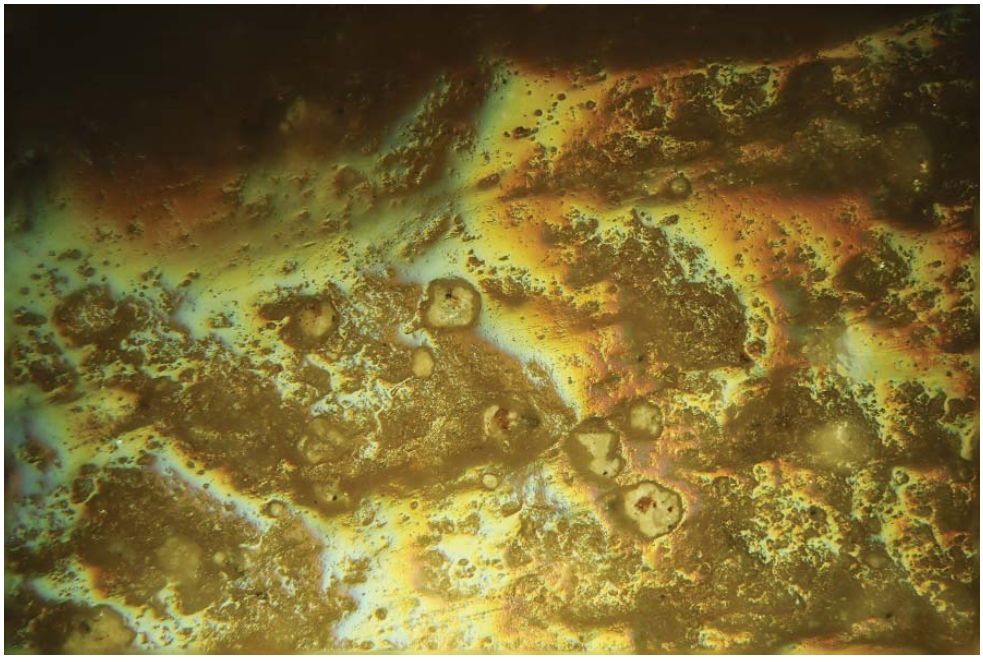
В группе изделий со вторичной обработкой (6,25%) ретушированные пластины составляют – 2,62%, отщепы – 3,59%. Ретушь обычно нанесена со спинки и покрывает полностью или частично одну или обе боковые стороны предметов (рис. 5: 16, 17, 18, 25). В этой же группе имеются пластины и отщепы с разнообразными по размерам выемками (рис. 5: 13, 14, 15, 19, 20–24).

Изделия без вторичной обработки наиболее многочисленны в коллекции (54,4%) (рис. 4: 7–9; рис. 3: 17, 24–29, 31–33). Среди них есть экземпляры, которые вполне могли служить заготовками для морфологически оформленных орудий или использоваться без дополнительной обработки. Например, пластины правильных форм, прямыми боковыми сторонами и острыми кромками. Другая группа пластин по своим морфологическим признакам была малопригодна для утилизации. Они, как правило, массивны и имеют большой угол заострения боковой кромки, что затрудняло бы их применение в работе. Среди отщепов велик процент отходов производства. Многие из них не обладают участками кромок, сколько-нибудь пригодными для утилизации. Они – тонкие, с ломкими краями.

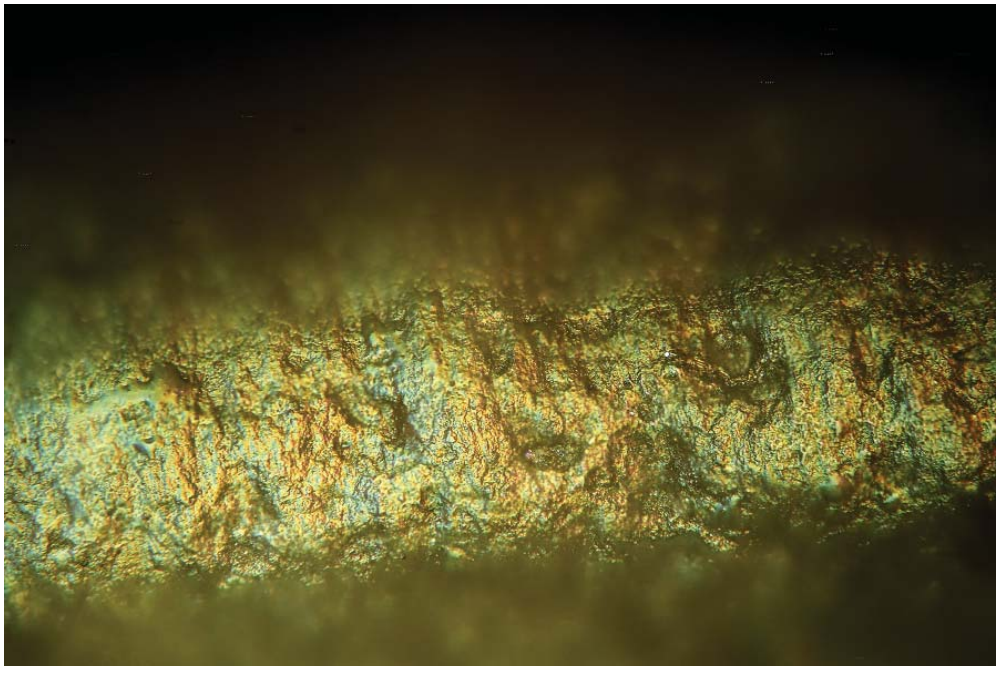
В погребальном инвентаре неолитического могильника также имеются кремневые изделия. Большинство из них изготовлено из местного сырья и, судя по сводке Н. Сиракова, основную их часть составляют неретушированные пластины. Среди орудий выделены немногочисленные скребки, фрагменты пластин и отщепов с ретушью, оригинальной особенностью инвентаря является находка геометрического микролита – трапеции с вогнутыми или асимметричными боковыми сторонами (Sirakov, 2002; Gurova, 2002).

При поисках аналогий необходимо подчеркнуть, что в настоящее время поселение Дуранкулак-Блатница является единственным исследованным памятником раннего периода Хаманджии на территории Болгарии. Кремневый инвентарь из одновременных объектов Хаманджии в Румынии, основного ареала этой культуры, опубликован весьма фрагментарно, поэтому не дает полного представления о составляющих его типах изделий. Тем не менее материалы из поселения Меджидия (Румыния) показывают, что общими чертами являются: технология расщепления мелкогалечного кремня, наличие схожих типов среди скребков на отщепах и, в частности, миниатюрных орудий, обработанных ретушью по всему периметру или на 2/3 его, сверл с асимметричным острием, средних пластин и отщепов с выемками, а также геометрических микролитов – трапеций, аналогичных находке из неолитического могильника Дуранкулак-Блатница (Haşotti, 1983). В инвентаре более поздних румынских памятников фиксируется больший процент изделий на фрагментах крупных пластин из добруджского кремня, шириной более 2,5 см, служивших заготовками для концевых скребков и боковых резцов, что не характерно для поселения Дуранкулак-Блатница и наиболее близко энеолитическим материалам Причерноморья Болгарии (Berciu, 1961, 1966; Paunescu, 1970, 1988).

Кремневые изделия Дуранкулак-Блатницы имеют некоторые общие



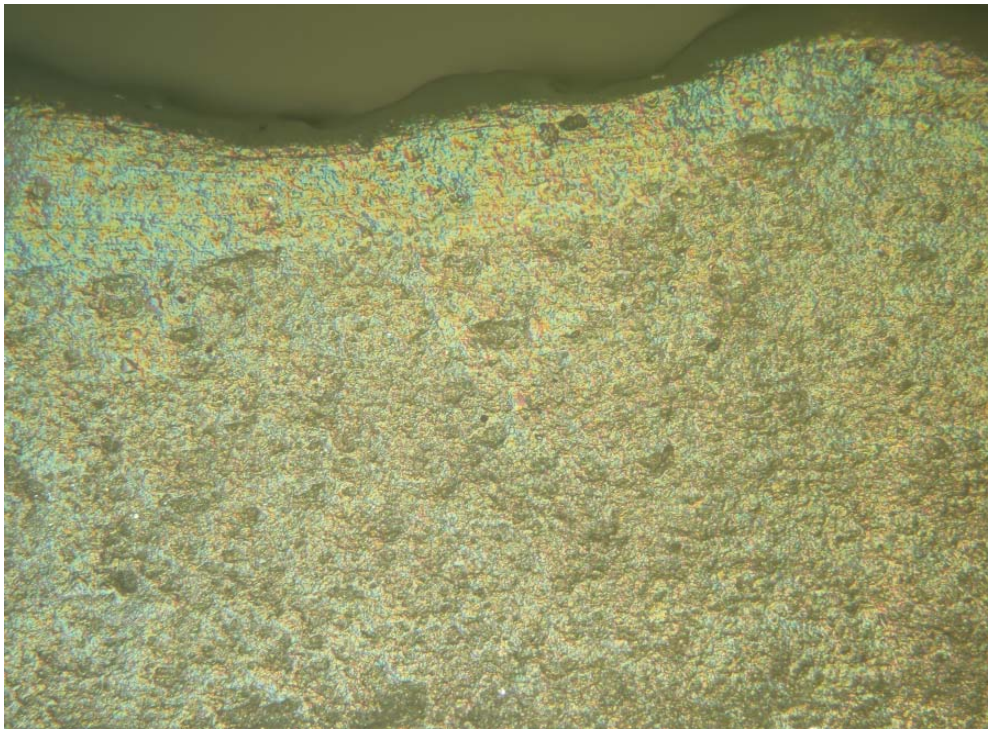
1



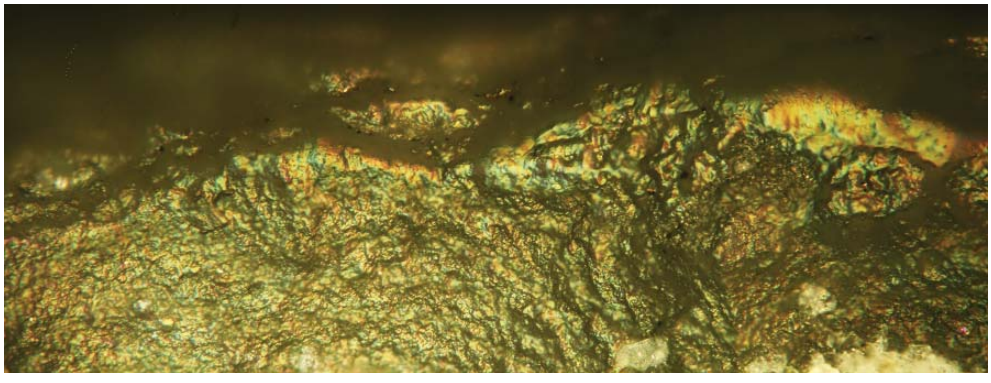
2

Рис. 6. Микрофото следов использования:
1 – вкладыша серпа (×100); 2 – скребка для шкур (×200).

Fig. 6. Micrograph of traces of use: 1 – cutting part of a sickle (×100); 2 – scraper for hides (×200).



3



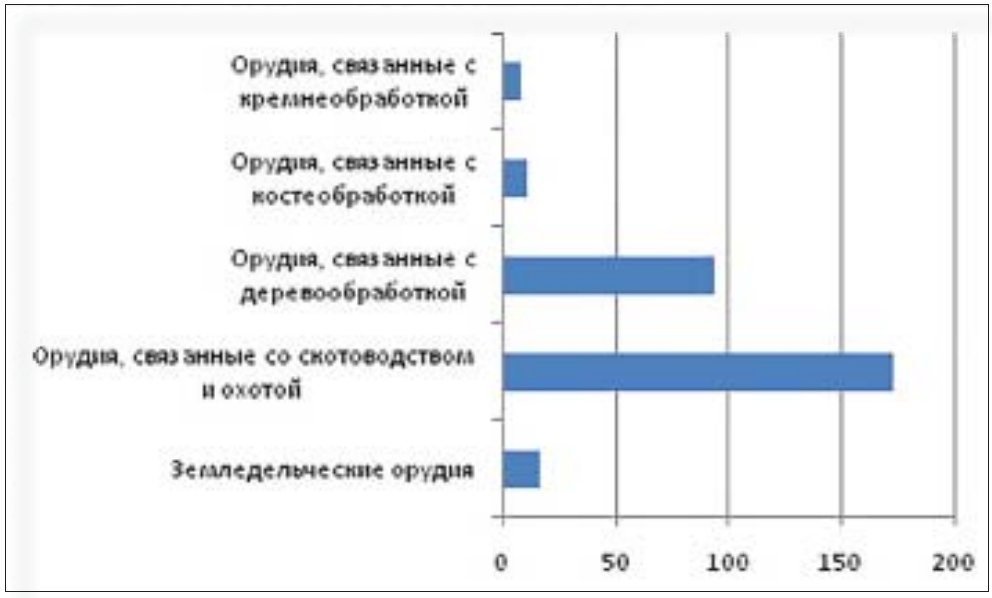
4

Рис. 6 (продолжение). Микрофото следов использования:
3 – пилки для дерева (×100); 4 – скобеля для кости (×200).

Fig. 6 (continuation). Micrograph of traces of use:
3 – a saw for wood (×100); 4 – a scraper for bone (×200).

черты с инвентарем более северных памятников буго-днестровской культуры Молдовы (Маркевич, 1974). Это выразилось в использовании мелкогалечного кремня, применении в качестве заготовок отщепов и пластин средних размеров, наличии округлых скребков и изделий с выемками по боковым сторонам. Однако в Дуранкулак-Блатница отсутствуют клиновидные нуклеусы, нет пластин с притупленным верхним концом, геометрические микролиты обнаружены только в погребальном инвентаре могильника. В целом инвентарь неолита Молдовы в типологическом отношении отличается большим разнообразием.

Сравнивая материалы Дуранкулак-Блатница с близлежащими неолитическими памятниками Северо-Восточной Болгарии времени Караново II и Караново III – Овчарово-гората и Усое I (Ангелова, Бин, 1988; Гацов, 1992; Тодорова, Вайсов, 1993; Скакун, 1994; Скакун, Матева, 2000), можно сказать, что, несмотря на хронологическое и культурное различие, в их производственном инвентаре усматривается определенное сходство. Так, среди нуклеусов общими типами являются конусовидные, подпризматические, кубовидные с несколькими смежными ударными площадками, но для Дуранкулак-Блатница совершенно не характерны нуклеусы с выделенным ребром, представленные в Овчарово-гората и в меньшей степени в Усое I. Среди пластин из этих трех памятников превалируют экземпляры средних размеров. Что касается микролитоидности инвентаря, то она незначительна в материалах этих поселений, а в инвентаре Дуранкулак-Блатница, за исключением трапеций из могильника, проявляется лишь в наличии микропластин и миниатюрных скребков на отщепах. В Овчарово-гората и Усое I, кроме микропластин, обнаружены единичные экземпляры трапеций. Наиболее распространенным видом вторичной обработки в Дуранкулак-Блатница являлась затупливающая ретушь, нанесенная со спинки; а ретушь с брюшка, встречающаяся в Овчарово-гората, совершенно не характерна. Мало представлены и другие виды обработки: подтеска и резцовый скол. Среди орудий труда из сравниваемых поселений наиболее близки скребки на отщепах: концевого, конце-бокового типов и некоторые разновидности округлых, концевые скребки на пластинах представлены большим числом в Усое I и Овчарово-гората. На всех трех памятниках найдены изделия с выемками, с ретушью по боковым сторонам, но такая разновидность, как пластины со скошенным ретушью верхним концом, в материалах Дуранкулак-Блатница отсутствуют. Для этого поселения не характерны также такие орудия, как скребла, а долотовидное орудие найдено в единственном экземпляре. Все это говорит о меньшем типологическом разнообразии кремневого инвентаря из Дуранкулак-Блатница. Следует сказать, что многие аналогии в материалах рассматриваемых здесь поселений основываются в большой степени на общности приемов расщепления мелкогалечного кремня и однотипности заготовок, значительным числом отходов производства и технологических сколов, а типологический состав отличается как набором типов, так и их процентным соотношением. При сравнении материала Дуранкулак-Блатница с неолитическими материалами других районов Болгарии



Диагр. 2. Функциональная классификация кремневых изделий поселения Дуранкулак-Блатница.

Chart. 2. Functional classification of flint items from Durankulak-Blatnitsa settlement.

(Гацов, 1992 а, б, Gatzov 1993; Гюрова, 2009, Gurova, 2014) становится очевидным, что они имеют незначительное число аналогий как с поселениями юго-восточных и западных районов страны, так Фракийской долины и Софийского поля, в инвентаре которых главенствующую роль играли пластины средних размеров, правильных геометрических очертаний, а не отщепы, что определило общий облик индустрий (Gatzov 1993; Gatzov, Kurčatov, 1997). Данные факты, по-видимому, позволяют говорить и о различных истоках происхождения неолитических комплексов северо-востока и других районов Болгарии. Надо сказать, что в инвентаре энеолитических памятников северо-востока страны неолитические традиции полностью прерываются. Это наблюдается в смене сырья: вместо мелкогалечного кремня приходит употребление мелового добруджского, техника расщепления ориентирована полностью на получение пластин, причем пластин иного, чем в неолите, облика: суперправильных крупных и очень крупных размеров. Вследствие этого характер индустрии неолита и энеолита на этой территории абсолютно различен, тогда как в Центральной и Западной Болгарии можно заметить черты преемственности в кремневом инвентаре этих двух эпох (Скакун, 1984, 2006).

Несмотря на то что коллекция кремневых изделий из Дуранкулак-Блатница отличается небольшим типологическим разнообразием и малым количеством некоторых из выделенных типов, с помощью трасологии в ней выявлено большое число орудий разнообразного назначения. При этом многие из них в типологическом отношении принадлежат к

разряду изделий без ретуши и интерпретируются как заготовки или отходы производства.

Трасологическому анализу было подвергнута вся коллекция из 725 предметов (диагр. 2), 52,4% из них в работе не употреблялись и не несут следов утилизации. У некоторых орудий одно и то же рабочее лезвие применялось в разных функциях, при этом следы утилизации могут накладываться друг на друга; иногда в работе употреблялись разные участки одного и того же бокового края, но чаще в иной функции использовалась другая боковая сторона (рис. 5: 15, 21). Точное назначение 1,5% инструментов определить не удалось из-за незначительной степени износа рабочих краев или их сильной деформации в процессе механических повреждений.

К земледельческим орудиям принадлежат вкладыши серпов, с типичным набором диагностирующих признаков, не оставляющих сомнений в том, что все они применялись для жатвы культурных злаков (5,61%) и являлись составными частями серпов карановского типа с зубчатым лезвием (рис. 3: 1–2, 4, 5, 13, 15; рис. 6: 1). Эти орудия, не в пример многим другим, несут следы интенсивной утилизации, а некоторые экземпляры имеют по 2 рабочих лезвия (рис. 3: 3, 6, 7, 22).

Наибольшую группу составляют инструменты, связанные с переработкой продуктов охоты и скотоводства (57,09%). Необходимо отметить, что в инвентаре Дуранкулак-Блатница, как в большинстве земледельческих памятников, самих охотничьих орудий, – наконечников стрел и дротиков нет. Возможно, в этой функции, как вкладыши составного охотничьего вооружения, использовались отрезки правильных необработанных пластин, имеющие слабый износ (1,32%). Большое число инструментов служило для обработки шкур и кож. В первую очередь, назовем скребки, являющиеся одними из самых распространенных орудий и составляющие 37,62%. Разнообразный характер их форм и лезвий предполагает различные способы работы ими и употребление в разных операциях по мездрению и пушению бахтармы (рис. 4: 1–40; рис. 3: 31, 32). Как показывают эксперименты, орудия с занозистым лезвием применялись при начальных стадиях мездрения (рис. 4: 23, 28, 30, 39, 40), миниатюрные округлые скребочки употреблялись в рукоятях для отделки труднодоступных участков, а также шкур, имеющих тонкую мездру (рис.4: 11, 12, 16, 21, 22, 27, 31, 32, 36, 37; рис. 3: 31, 32; рис. 6: 2). При сшивании шкур и кож использовались проколки с тонкими, острыми, но хрупкими жальцами (2,97%,). В процессе использования у многих орудий рабочие концы обломились (рис. 5: 3–9; рис. 3: 33).

Многочисленны и мясные ножи, выделенные трасологическиим путем из изделий без вторичной обработки (15,18%) (рис. 3: 8, 9, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 24, 25, 27).

Число деревообрабатывающих орудий составляет 31,02%. В функциональном отношении они включают весь спектр деревообрабатывающих инструментов: скобели (рис. 5: 13, 15), пилки (рис. 5: 14, 30) (рис. 6: 3), строгальные ножи (рис. 5: 15, 26), сверла (рис. 5: 1), резцы (рис. 5: 10), долотовидное орудие (рис. 5: 12).

Также разнообразны костеобрабатывающие инструменты, хотя чис-

ленно эта группа насчитывает всего 3,63%. Большинство орудий представлены одним-двумя экземплярами, но они иллюстрируют все известные способы обработки кости и рога: пилки (рис. 5: 21; рис. 3: 23), скобели (рис. 5: 18–20; рис. 6: 4), строгальные ножи (рис. 5: 24), резцы (рис. 3: 29), сверла (рис. 5: 2).

Рабочие края многих косте- и деревообрабатывающих орудий в процессе использования сильно деформированы из-за твердости обрабатываемых материалов.

Среди камнеобрабатывающих орудий (2,64%) обнаружены пилки для камня (рис. 5: 17), отбойники и ретушеры, применявшиеся при расщеплении кремня и изготовлении орудий.

Завершая функциональную характеристику инвентаря, приходится с сожалением констатировать отсутствие к настоящему времени палеоботанических и палеозоологических исследований для материалов поселения Дуранкулак-Блатница, позволивших бы дополнить, а в ряде случаев и скорректировать, палеоэкономические реконструкции, основанные на трасологических исследованиях орудийных комплексов. Привлекая имеющиеся данные по другим неолитическим поселениям северо-востока Болгарии, нижним слоям Голямо Делчево (Тодорова, 1975), Овчарово-гората (Тодорова, 1983), а также исследования отложений озер Блатница и Варна, можно сказать, что развитие хозяйства в неолитическую эпоху в данном районе Юго-Восточной Европы происходило в относительно благоприятной климатической ситуации (Божилова, Филипова, 1975). Наличие нескольких сортов культурных злаков и разнообразного видового состава домашних животных демонстрирует достаточно высокий уровень этих основных пищедобывающих отраслей хозяйства (Лисицина, Филипович, 1980). Имеются также свидетельства о развитии собирательства и охоты. Обнаружение вкладышей серпов с угловой заполировкой подчеркивает тот факт, что при типологической разнице в кремневом инвентаре разных неолитических памятников Болгарии, конструкция составного серпа везде была одинакова и представляла собой орудие карановского типа. Судя по публикациям, это наблюдение справедливо и для многих других неолитических культур Европы, в производственном инвентаре которых, при весьма значительных типологических различиях кремневых орудий, тип серпа был один и тот же. Поскольку достоверных свидетельств об одомашнивании злаков на Балканах нет, то имеет место гипотеза о привнесении земледелия в этот район из стран Ближнего Востока. Причем оттуда пришли не только злаки, но изобретенный там серп. Так, на одном из известнейших поселений Бейде, уже в мезолитических слоях, встречаются вкладыши с угловой зеркальной заполировкой, характерной для серпа карановского типа (материалы этого памятника обрабатывались Г.Ф. Коробковой, Л.Г. Чайкиной и Н.Н. Скакун).

На развитие другой важнейшей отрасли хозяйства поселения Дуранкулак-Блатница – скотоводства, кроме находок остеологических материалов, косвенным образом указывают кожеобрабатывающие орудия и орудия по разделке мяса. Их многочисленность говорит о большом количестве перерабатываемого сырья.

Проведенный планиграфический анализ не дает указаний на сколько-нибудь существенную локализацию каких-либо производств на памятнике. Можно отметить, что землянка № 2 отличается наличием большого числа кремневых изделий – 81 экз. Среди них 15 осколков кремня, 3 осколка нуклеусов, 22 отщепа и 2 пластины без следов использования. Ассортимент орудий разнообразен, но большинство из них (11 экз.) являются скребками для обработки шкур. Большинство кремневых находок происходит из междудомных пространств, где обнаружено также основное число нуклеусов и отходов производства.

Таким образом, хозяйство поселения Дуранкулак-Блатница можно охарактеризовать как земледельческо-скотоводческое. Разнообразные производства, как показывает их децентрализация на поселении, функционировали в виде домашних промыслов. Такая структура экономики типична для эпохи неолита древнеземледельческих обществ юга Европы и имеет аналогии в культурах внутренней Болгарии и Придунайских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелова И., Бин Н.* Кремниевые артефакты из неолитного поселения Овчарово-гората Тырговиштского округа // Studia Praehistorica. Кн. 9. 1988. С. 16–33.
2. *Божилова Е., Филипова М.* Поленов анализ на културни пластове от Варненското езеро // ИНМВ. Кн. XI (XXVI). Варна, 1975. С. 19–26.
3. *Бояджиев Я.* Хронология на праисторическите култури на територията на Добруджа // Добруджа. Кн. 9 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Изд-во Г. Бакалов, 1992. С. 10–20.
4. *Бояджиев Я.* Абсолютна хронология и периодизация на българската праистория. Проблеми // ГДА НБУ. Т. 1. София, 1994. С. 249–252.
5. *Гацов Ив.* Производство кремневых орудий в неолите на территории Северо-Восточной Болгарии // Studia Praehistorica. 1992а. Кн. 11–12. С. 196–199.
6. *Гацов Ив.* Характер и специфика на кремъчното производство през неолита в днешна Западна България // Археология. XXXIV. Кн. 2. София, 1992б. С. 1–13.
7. *Гюрова М.* Кремъчните артефакти в контекста на диагностичните находки // ГДА НБУ. Т. VI. София, 2005. С. 89–104.
8. *Гюрова М.* Кремъчният фактор в неолитизационния дебат // Laurea. In honorem Margaritae Vaklinova. Кн. II / Гл. ред. Б. Петрунова. Sofia: Изд-во БАН, 2009. С. 1–14.
9. *Димов Т.* Землянка от неолитното селище при с. Дуранкулак, Толбухински окръг // Археология. XXIV. Кн. 1. София, 1982. С. 33–48.
10. *Димов Т.* Принос към проучванията на новокаменната епоха в Южна Добруджа // Terra antiqua Balkanica. 1988. Vol. III. С. 20–25.
11. *Димов Т.* Културата Хаманджия в Добруджа // Добруджа. Кн. 9 / Гл. ред. А. Кузманова. Варна: Бряг-принт, 1992а. С. 20–35.
12. *Димов Т.* Культура Хаманджия в Южной Добрудже // Studia Praehistorica. 1992б. Кн. 1112. С. 121–130.
13. *Димов Т.* Топография, стратиграфия и архитектура на селищата от праисторическата култура Хаманджия в Добруджа // Изследвания в чест на ст. н. с. I ст. д. и. н. Хенриета Тодорова / Добруджа. Кн. 21 / Гл. ред. А. КузмановаВарна: Бряг-принт, 2003. С. 123–144.
14. *Димов Т., Бояджиев Я., Тодорова Х.* Праисторическият некропол край с. Дуранкулак, Толбухински окръг // Добруджа. Кн. 1 / Гл. ред. Й. Зарчев. Варна: Г. Бакалов, 1984. С. 74–88.

15. *Лисицина Г.Н., Филипович Л.А.* Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // Studia Praehistorica. Кн. 4. 1980. С. 5–90.

16. *Маркевич В.И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1974. 176 с.

17. *Начев И., Ковнурко Г., Кънчев К.* Кремъчните скали в България и тяхната експлоатация // Интердисциплинарни изследвания. Т. VII–VIII. София, 1981. С. 41–59.

18. *Начев Ч.* Основните типове флинт в България като суровини за направа на артефакти // Интердисциплинарни изследования. Т. XX–XXI. София, 2009. С. 7–22.

19. *Сиракова Св., Златева-Узунова Р.* Резултати от технико-типологически и суровинен анализ на късноеолитния кремъчен ансамбъл от обект Заминец // Приноси към българската археология / Сб. в чест на 85-годишнината от рождението на ст. н. с. Соня Георгиева / Гл. ред. Л. Дончева-Петкова. Т. VI. София: Иврай, 2009. С. 24–45.

20. *Скакун Н.Н.* Оръдия на труда от неолитното селище при с. Дуранкулак, Толбухински окръг (типологично-трасологически анализ) // Археология. XXIV. Кн. 1. София, 1982. С. 49–53.

21. *Скакун Н.Н.* Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла Болгарии // IIIrd Seminar on petroarchaeology, Plovdiv, 27–30 august 1984, Bulgaria / Eds. K.S. Kunchev; I. Nachev; N.T. Tcholakov. Plovdiv: Arkheologicheski institut i muzeĭ (Buĭlgarska akademiiâ na naukite); Plovdivski universitet „Paisiĭ Khilendarski“, 1984. С. 83–92.

22. *Скакун Н.Н.* Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Наука, 1994. С. 85–119.

23. *Скакун Н.Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. Т. XXI. СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с.

24. *Скакун Н.Н., Матева Б.* Значение кремневого инвентаря для решения культурно-хронологических проблем (по материалам неолита и энеолита северо-восточной Болгарии) // Хронология неолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти д. и. н. Н.Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 27 ноября – 2 декабря 2000 г. / Отв. ред. В.И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 72–73.

25. *Тодорова Х., Иванов Ст., Василев В., Хопф М., Кол Г.* Селищната могила при Голямо Делчево // Разкопки и проучвания. Т. V. София: БАН, 1975. 332 с.

26. *Тодорова Х., Василев В., Янушевич З., Ковачева М., Вълев П.* Овчарово // Разкопки и проучвания. Т. IX. София: Изд-во БАН, 1983. 128 с.

27. *Тодорова Х.* Каменно-медната епоха в България. София: Наука и изкуство, 1986. 280 с.

28. *Тодорова Х., Вайсов Ив.* Новокаменната епоха в България. София: Наука и изкуство, 1993. 288 с.

29. Berciu D. Contribuţii la problemele neoliticului în Romînia în lumina noilor cercetări / Biblioteca de arheologie. V. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne, 1961. 593 p.

30. Berciu D. Cultura Hamandgia / Noi contribuţii. I. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1966. 319 p.

31. Dimov T. Entdecklung und Erforschung der prähistorischen Gräberfelder von Durankulak // Hrsg. H. Todorova. Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak. T. 1. Sofia: Publishing Haus Anubis, 2002a. S. 25–34.

32. Dimov T. Die Gräbenfelder der frähen HamangiaKulturin der Dobrudscha und im Varnabereich // Hrsg. H. Todorova. Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak. T. 1. Sofia: Publishing Haus Anubis, 2002б. S. 293–296.

33. Gatsov I. Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria. Krakow: Jagiellonian University; Institute of Archaeology, 1993. 54 p.

34. Gatsov I. Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria. Krakow: Jagiellonian University; Institute of Archaeology, 1993, 54 p.

35. Gatsov I., Kurčatov V. Neolithische Faeuersteinartefakte. Mineralogishe Untersuchungund technisch-typologische Charakteristik // Hrsg. S. Hiller, V. Nikolov. Karanovo. Österreichisch-Bulgarische Ausgrabungen und Forschungen in Karanovo. Bd. I. Die Ausgrabungen im Südsektor 1984–1992. Horn; Wien; Salzburg; Sofia: Verlag Ferdinand Berger & Söhne; Archäologische Institut der Universität Salzburg, 1997. S. 213–227. Taf. 90–95.

36. Gurova M. Mobilier en silex de la nécropole Dourankulak – analyse fonctionnelle // Hrsg. H. Todorova. Durankulak. Bd. II. Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak. T. 1. Sofia: Publishing Haus Anubis, 2002. S. 247–256.

37. Gurova M. Neolithic flint assemblages from Bolgaria // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 94–108.

38. Haşotti P. Observatii privind uneltele din silex aparţinind culturii Hamangia // Pontica. 1983. XVI. P. 29–43.

39. Haşotti P. Observaţii asupra ceramicii dintr-un complex al culturii Hamandgia de la Medgidia, punctul “Cocoaşe” // SCIVA. 1986. Vol. 37. 2 (aprilieiunie). P. 121–133.

40. Haşotti P. Considérations concernant les synchronismes de la culture Hamandia // Studia Praehistorica. 1992. Vol. 11–12. P. 114–121.

41. Mateva B. Flint tools processing and use in north-eastern Bulgaria at the end of Late Neolithic // Abstracts of XVII world UISPP Congress. Burgos, 2014. P. 426–427.

42. Păunescu Al. Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României / Biblioteca de arheologie. XV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1970. 359 p.

43. Paunescu A. Les industries lithiques du Néolithique ancien de la Roumanie et quelques considérations sur l’invenaire lithique des cultures du Néolithique moyen de cette coutrée // Chipped stone industries of the Early Farming Cultures in Europe: Papers of the International Symposium held at KrakowMogilany in October 1985 / Ed. T. Szeląg. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1988. P. 75–94. (Archeologia interregionalis).

44. Sirakov N. Flint artifacts in praehistoric grave-good assemblages from the Durankolak necropolis // Hrsg. H. Todorova. Durankulak. Bd II. Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak. T. 1. Sofia: Publishing Haus Anubis, 2002. S. 213–246.

45. Skakun N.N. Results of traceological examination of flint implements from Neolithic settlements in Western Bulgaria // I. Gatsov. Neolithic Chipped Stone Industries in Western Bulgaria. Kraków: Jagellonian University; Institute of Archaeology, 1993. P. 52–54. Appendix.

Информация об авторах:

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru

Матева Боряна, директор, Исторический музей г. Исперих (г. Исперих, Болгария); boryamateva@yahoo.com

Димов Тодор, главный научный сотрудник, Региональний исторический музей – Добрич (г. Добрич, Болгария); tkonstantin@yahoo.com; tkonstantin@mail.bg

RESULTS OF A STUDY OF THE PRODUCTION TOOLKIT FROM THE LATE NEOLITHIC SETTLEMENT OF DURANKULAK-BLATNITSA (BULGARIA)

N.N. Skakun, B. Mateva, T. Dimov

The article discusses findings of an assemblage of flint tools from the settlement of Durankulak-Blatnitsa dated to the early stages of the Late Neolithic Hamandgia culture (Bulgaria). The authors provide characteristics of typological, technical-morphological and functional features of the production toolkit. It is established that mainly local varieties of flint were used here as raw material. The authors suggest some commonalities between the flint inventory from Durankulak-Blatnitsa and Hamandgia sites in Romania, much earlier Neolithic sites in North-Eastern Bulgaria and the Bug-Dniester sites in Moldova. These data are of great importance for elucidation of genesis of the early farming cultures in South-Eastern Europe.

Keywords: archaeology, Black Sea Coast, Bulgaria, Late Neolithic, Hamandgia culture, flint inventory, technical, morphological and traceological analysis.

REFERENCES

1. Angelova, I., Bin, N. 1988. In *Studia Praehistorica* 9, 16–33 (in Russian).
2. Bozhilova, E., Filipova, M. 1975. In *Izvestiya na narodniya muzej văv Varna (Reports of Varna National Museum)* XI (XXVI), 19–26 (in Bulgarian).
3. Boyadzhiev, Ya. 1992. In Kuzmanova, A. (ed.). *Dobrudzha (Dobruja)* 9. Varna: "Georgi Bakalov" Publ., 10–20 (in Bulgarian).
4. Boyadzhiev, Ya. 1994. In *Godishnik na Departament Arkheologiya na Nov Bălgarski Universitet (Yearbook of the Archaeology Department, New Bulgarian University)* 1, 249–252 (in Bulgarian).
5. Gatsov, Iv. 1992. In *Studia Praehistorica* 11–12, 196–199 (in Russian).
6. Gatsov, Iv. 1992. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2 (XXXIV). Sofia, 1–13 (in Bulgarian).
7. Gyurova, M. 2005. In *Godishnik na Departament Arkheologiya na Nov Bălgarski Universitet (Yearbook of the Archaeology Department, New Bulgarian University)* VI, 89–104 (in Bulgarian).
8. Gyurova, M. 2009. In Petrunova, B. (ed.). *Laurea. In honorem Margaritae Vaklinova* II. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1–14 (in Bulgarian).
9. Dimov, T. 1982. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1 (XXIV). Sofia, 33–48 (in Bulgarian).
10. Dimov, T. 1988. In *Terra antiqua Balkanica* III, 20–25 (in Bulgarian).
11. Dimov, T. 1992. In Kuzmanova A. (ed.). *Dobrudja* 9. Varna: "Bryag-print" Publ., 20–35 (in Bulgarian).
12. Dimov, T. 1992. In *Studia Praehistorica* 1112, 121–130 (in Russian).
13. Dimov, T. 2003. In Kuzmanova, A. (ed.). *Izsledvaniya v chest na st. n. s. I st. d. i. n. Khenrieta Todorova (Studies in honorem Senior Research Fellow, Doctor of Historical Sciences Henrieta Todorova)*. Series: Dobrudzha (Dobruja) 21. Varna: "Bryag-print" Publ., 123–144 (in Bulgarian).
14. Dimov, T., Boyadzhiev, Ya., Todorova, Kh. 1984. In Zarchev, J. (ed.). *Dobrudzha (Dobruja)* 1. Varna: "Georgi Bakalov" Publ., 74–88 (in Bulgarian).
15. Lisitsina, G. N., Filipovich, L. A. 1980. In *Studia Praehistorica* 4, 5–90 (in Bulgarian).
16. Markevich, V. I. 1974. *Bugo-dnestrovskaia kul'tura na territorii Moldavii (The Bug-Dniester Culture on the Territory of Moldova)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
17. Nachev, I., Kovnurko, G., Kănchev, K. 1981. In *Interdistsiplinarni izsledvaniya (Interdisciplinary Studies)* VII–VIII, 41–59 (in Bulgarian).

The research is supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, grant no. 16-06-00546.

18. Nachev, Ch. 2009. In *Interdistsiplinarni izsledvaniya (Interdisciplinary Studies)* XX–XXI, 7–22 (in Bulgarian).

19. Sirakova, Sv., Zlateva-Uzunova, R. 2009. In Doncheva-Petkova, L. (ed.). *Prinosi kăm bălgarskata arkheologiya. Sb. v chest na 85-godishninata ot rozhdenieto na st. n. s. Sonya Georgieva (Contributions to the Bulgarian Archaeology: Collected Papers in honorem of the 85th Anniversary of Senior Research Fellow Sonya Georgieva)* VI. Sofia: "Ivraj" Publ., 24–45 (in Russian).

20. Skakun, N. N. 1982. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1 (XXIV). Sofia, 49–53 (in Bulgarian).

21. Skakun, N. N. 1984. In Kunchev, K. S., Nachev, I., Tcholakov, N. T. (eds.). *IIIrd Seminar on petroarchaeology, Plovdiv, 27–30 august 1984, Bulgaria*. Plovdiv: National Institute of Archaeology with Museum, Bulgarian Academy of Sciences; Plovdivski universitet „Paisii Khilendarski", 83–92 (in Russian).

22. Skakun, N. N. 1994. In Korobkova, G. F. (ed.). *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniia v arkheologii (Experimental Use-Wear Studies in Archaeology)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 85–119 (in Russian).

23. Skakun, N. N. 2006. *Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Tools and Economy of the Ancient Farming Tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic (with Particular Reference to the Materials of the Varna Culture))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XXI. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

24. Skakun, N. N., Mateva, B. 2000. In Timofeev, V. I. (ed.). *Khronologiia neolita Vostochnoi Evropy (Chronology of the East European Neolithic)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 72–73 (in Russian).

25. Todorova, Kh., Ivanov, St., Vasilev, V., Hopf, M., Kohl, G. 1975. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* V. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

26. Todorova, Kh., Vasilev, V., Yanushevich, Z., Kovacheva, M., Vălev, P. 1983. In *Razkopki i prouchvaniya (Excavations and Studies)* IX. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

27. Todorova, Kh. 1986. *Kamenno-mednata epokha v Bălgariya (The Stone and Copper Age in Bulgaria)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).

28. Todorova, Kh., Vajsov, Iv. 1993. *Novokamennata epokha v Bălgariya (Neolithic Age in Bulgaria)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).

29. Berciu, D. 1961. *Contribuţii la problemele neoliticului în Romînia în lumina noilor cercetări*. Biblioteca de arheologie V. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.

30. Berciu, D. 1966. *Cultura Hamangia. Noi contribuţii* I. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

31. Dimov, T. 2002. Entdecklung und Erforschung der prähistorischen Gräberfelder von Durankulak. In Todorova, H. (Hrsg.). *Durankulak* II. *Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak* 1. Sofia: Anubis Publishing Haus, 25–34.

32. Dimov, T. 2002. Die Gräbenfelder der frühen Hamangia-Kultur in der Dobrudscha und im Varnabereich. In Todorova, H. (Hrsg.). *Durankulak* II. *Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak* 1. Sofia: Anubis Publishing Haus, 293–296.

33. Gatsov, I. 1993. *Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria*. Kraków: Jagiellonian University, Institute of Archaeology.

34. Gatsov, I. 1993. *Neolithic chipping stone industries in Western Bulgaria*. Kraków: Jagiellonian University, Institute of Archaeology.

35. Gatsov, I., Kurčatov, V. 1997. Neolithische Feuersteinartefakte. Mineralogishe Untersuchung und technisch-typologische Charakteristik. In Hiller, S., Nikolov, V. (Hrsg.). *Karanovo: Die Ausgrabungen im Südsektor 1984–1992*. Österreichisch-Bulgarische Ausgrabungen und Forschungen in Karanovo I. Horn; Wien; Salzburg; Sofia: Verlag Ferdinand Berger & Söhne; Archäologische Institut der Universität Salzburg, 213–227, Taf. 90–95.

36. Gurova, M. 2002. Mobilier en silex de la nécropole Dourankulak – analyse fonctionnelle. In Todorova H. (Hrsg.). *Durankulak* II. *Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak* 1. Sofia: Anubis Publishing Haus, 247–256.

37. Gurova, M. 2014. Neolithic flint assemblages from Bolgaria. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 3 (8), 94–108.

38. Haşotti, P. 1983. Observaţii privind uneltele din silex aparţinind culturii Hamangia. In *Pontica* XVI, 29–43.

39. Haşotti, P. 1986. Observaţii asupra ceramicii dintr-un complex al culturii Hamangia de la Medgidia, punctul "Cocoaşe". *SCIVA* 37. 2 (aprilie-iunie), P. 121–133.

40. Haşotti, P. 1992. Considérations concernant les synchronismes de la culture Hamangia. In *Studia Praehistorica* 11–12, 114–121.

41. Mateva, B. 2014. Flint tools processing and use in north-eastern Bulgaria at the end of Late Neolithic. *Abstracts of XVII world UISPP Congress*. Burgos, 426–427.

42. Păunescu Al. 1970. *Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. Biblioteca de arheologie XV. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

43. Păunescu, A. 1988. Les industries lithiques du Néolithique ancien de la Roumanie et quelques considérations sur l'invenaire lithique des cultures du Néolithique moyen de cette coutrée. In Szeląg T. (ed.). *Chipped stone industries of the Early Farming Cultures in Europe*. Papers of the International Symposium held at Krakow-Mogilany in October 1985. Archeologia interregionalis. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 75–94.

44. Sirakov, N. 2002. Flint artifacts in praehistoric grave-good assemblages from the Durankolak necropolis. In Todorova H. (Hrsg.). *Durankulak* II. *Die prähistorischen Gräberfelder von Duranlkulak* 1. Sofia: Anubis Publishing Haus, 213–246.

45. Skakun, N. N. 1993. Results of traseological examination of flint implements from Neolithic settlements in Western Bulgaria. In Gatsov, I. *Neolithic Chipped Stone Industries in Western Bulgaria*. Kraków: Jagellonian University, Institute of Archaeology, 52–54. Appendix (in Russian).

About the Authors:

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Mateva Boryana, Historical Museum, Isperikh. Tsar Osvoboditel St., 6, Isperikh, 7400, Bulgaria; boryamateva@yahoo.com

Dimov Todor, Regional History Museum, Dobrich. Dr. Konstantin Stoilov St., 18, Dobrich, 9300, Bulgaria; tkonstantin@mail.bg

Статья поступила в номер 22.03.2016 г.

УДК 903.2

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПОВОЛЖЬЕ[1]

© 2016 г. И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

В статье представлены результаты комплексного исследования неолитической керамики, включающего ее радиоуглеродное датирование и сравнительный анализ данных по гончарной технологии неолитического населения Нижнего и Среднего Поволжья. Источниковую базу исследования составили данные технико-технологического анализа более 4000 образцов керамики из 125 памятников неолита и энеолита изучаемого региона. Радиоуглеродному датированию было подвергнуто более 300 образцов сосудов эпохи неолита, с проверкой полученных абсолютных дат на основании радиоуглеродного анализа других материалов (кость, уголь, нагар). На основе этих данных рассмотрены вопросы времени появления ранних керамических традиций в данном регионе, динамики их распространении, а также процессы смешения различных в культурном отношении групп древнего населения Поволжья.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, Поволжье, неолит, радиоуглеродное датирование керамики, гончарная технология, технико-технологический анализ керамики, культурные традиции, происхождение гончарства.

Статья посвящена актуальным вопросам появления, динамики и механизмов распространения неолитических керамических традиций в Поволжье. Они тесно связаны с решением фундаментальных проблем неолитизации и культурогенеза населения. Несомненно, этот комплекс проблем должен решаться на основе более широкого круга источников: данных о стратиграфии стоянок, итогов изучения кремневого инвентаря и результатов палеозоологического анализа. Однако почти полное отсутствие стратифицированных памятников на изучаемой территории и достоверной информации о домашнем скотоводстве, подтвержденной современной палеозоологической методикой, обусловливают использование керамики в качестве основного источника. На сегодняшний день она является наиболее массовым и информативным источником в изучении процессов культурогенеза древнего населения. Это очень важно, поскольку, по нашему мнению, основным механизмом распространения ранненеолитических гончарных традиций являлись непосредственные контакты и процессы смешения различных в культурном отношении групп древнего населения. Направление культурных связей способно указать на существование очагов неолитизации Поволжья и векторы распространения ранненеолитических традиций. Использование керамики как материала для радиоуглеродного датирования позволяет конкретизировать время бытования

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ № 33.1195.2014/К и гранта РГНФ: проект № 16-11–63015.

определенных групп керамики на территории Поволжья, следовательно устанавливать время появления и прослеживать динамику распространения гончарных традиций в эпоху неолита.

За последние десятилетия существенно увеличилась источниковая база по неолиту Поволжья: раскопаны новые памятники, открыты новые ранненеолитические культуры, одновременно совершенствовались методы изучения керамического материала. В фокусе интересов современных исследователей неолитической керамики в основном находятся вопросы о моделях неолитизации, выделении «первичных» и «вторичных» центров гончарных традиций, механизмах и векторах их распространения, функциональном назначении самых ранних керамических сосудов и др. (Мазуркевич и др., 2013; Котова, 2002; она же, 2015). Успешная разработка проблем неолитизации Восточной Европы невозможна без применения определенных исследовательских подходов и методик ко всему массиву накопленного керамического материала. Можно только приветствовать работы в этом направлении: например, разработанную Н.С. Котовой типологию форм неолитической керамики Украины (Котова, 2015) или исследование неолитической керамики Восточной Европы с помощью комплекса современных методов, осуществленное коллективом под руководством А.Н. Мазуркевича (Мазуркевич и др., 2013; Долбунова, 2016). На современном этапе развития археологической науки недостаточны умозрительные построения, основанные на принципе «похоже – не похоже», т.е. субъективном мнении исследователя, и не аргументированные результатами анализа керамики с помощью конкретных методов. Непродуктивность такого подхода к изучению керамики приводит часто к противоположным выводам, критика которых нами уже приводилась (Выборнов, 2016).

Актуальным направлением изучения неолитизации Восточной Европы является выделение и характеристика самых ранних очагов гончарства в европейской части России, в том числе и в Поволжье, а также выяснение динамики распространения ранненеолитических традиций, основанное на тщательном изучении керамики конкретных памятников. При этом важно изменить отношение к ранненеолитической керамике только как к одному из компонентов «неолитического пакета», а рассматривать «появление керамики» как формирование очень сложного производственного процесса первого в истории человечества искусственного материала. Для этого производства было недостаточно абстрактной «идеи престижности или сакральности глиняной посуды» – были необходимы глубокие знания об окружающей среде, опыт освоения пластичных материалов (сырья для изготовления искусственных емкостей), а также трудовые навыки, которые могли передаваться только от человека к человеку. Не случайно появление обоснованного положения о «керамической революции» (Мазуркевич и др., 2006)

Особое место занимает наиболее общая проблема зарождения гончарства, без разработки которой не до конца будут понятны вопросы частного характера. В настоящее время моноцентрическая концепция происхождения гончарства не подвергается

сомнению, и большинство исследователей занимается постоянным поиском «прародины», или «истоков», ранненеолитических керамических традиций. Однако полицентрическая концепция, указывающая на возможность независимого происхождения гончарства в разных точках Земного шара, никем не опровергнута. Серьезным аргументом ее является факт переселения северного населения Евразии на американский континент в эпоху мезолита (еще до появления у него гончарных традиций) и конвергентного зарождения там гончарства задолго до появления европейцев. В связи с этим большое значение приобретают результаты работ А.А. Бобринского и его гипотеза происхождения гончарства, основанная на особенностях процесса зарождения взглядов древнего населения на конкретные природные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей. Она предполагает: 1) существование длительного «догончарного» периода, когда население приобретало знания и опыт применения конкретных природных пластичных материалов (илов, органических материалов животного происхождения), в том числе и создания из них искусственных емкостей (но без их обжига); 2) возможность независимого формирования гончарной технологии в разных в культурно-хозяйственном отношении группах древнего населения (Бобринский, 1993, с. 51–52). Согласно этой гипотезе различия видов пластичного сырья самой ранней керамики могут указывать на принадлежность к разным ареалам происхождения древних гончарств, освоивших обжиг и выявленных по керамическим материалам. Гипотеза А.А. Бобринского научно аргументирована и основывается на многочисленных этнографических и экспериментальных данных, но главное – на результатах микроскопического изучения конкретной археологической керамики эпохи неолита Восточной Европы и Ближнего Востока (Бобринский, 1978; 1993; 1999; 2006). В нашем исследовании учитываются основные положения данной гипотезы. При изучении гончарной технологии особое значение придается представлениям об исходном пластичном сырье (ИПС) и традициям составления формовочных масс (ФМ). Понятие «представления о сырье» в широком смысле включает традиции отбора ИПС на видовом уровне (илы, илистые глины, глины), а также приемы подготовки формовочных масс. Сведения о концентрации ИПС и искусственно введенных непластичных материалов в формовочных массах неолитической керамики служат источником информации о функциях ИПС (примесь, сырье-связка, основное сырье, моносырье) и о состоянии представлений о видах ИПС как сырье для производства посуды (несформированность, частичная сформированность и полная сформированность) (Бобринский, 1999, с. 76). Очень важно, что получение информации о навыках труда на этих ступенях гончарной технологии возможно по всем анализируемым образцам (в отличие от конструирования или формообразования), поэтому она приобретает статистическое значение. Многолетние исследования А.А. Бобринского показали, что представления о пластичном сырье относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые даже

в условиях смешения разных групп населения остаются неизменными очень долго (Бобринский, 1999). Поэтому результаты их изучения очень значимы для разработки вопросов как эволюционного развития сырьевой базы неолитического гончарства Поволжья, так и истории сложения населения, его культурогенеза.

Методика исследования. Наше исследование базируется на комплексной методической основе: морфологической группировке керамики; серийном радиоуглеродном датировании выделенных комплексов и групп неолитической керамики; проверке полученных дат по другим материалам; технико-технологическом анализе керамики по методике А.А. Бобринского (бинокулярной микроскопии, трасологии, физическом моделировании) (Бобринский, 1978; 1999). Первоначально керамический материал неолитических памятников подвергается группировке по морфологическим особенностям (форме сосудов и их орнаментации). Обобщение результатов осуществляется с использованием исследовательских понятий: «культурно-хронологический комплекс» и «культурно-хронологическая группа керамики». Керамические комплексы объединяют совокупность сосудов из перемешанных слоев неолитических стоянок, имеющих одинаковую или близкую форму, а главное – общую технику нанесения орнамента и его стилистику (например: накольчатую, гребенчатую и т.д.). Морфологические группы керамики обладают более устойчивыми чертами близости орнаментальных традиций. Наличие комплексов и отдельных групп керамики в неолитических слоях стоянок Поволжья отражают, по нашему мнению, существование групп населения древнего населения, объединенных едиными культурными традициями. Внешний облик бытовой посуды в первобытных традиционных обществах имел большое значение и соответствовал культурным и эстетическим нормам, распространенным в конкретных неолитических коллективах. Однако исследование гончарной технологии показывает, что в условиях смешения разных в культурном отношении неолитических коллективов внешне одинаковые сосуды могли быть сделаны отличными друг от друга технологическими приемами, что являлось результатом смешения (Бобринский, 1978, с. 242–244). Выделение массовых и специфических (в том числе смешанных) культурных традиций в неолитическом гончарстве Поволжья является одной из задач технико-технологического анализа керамики. В ходе исследования выяснилось, что большое значение имеют подсчеты фактов использования того или иного вида сырья и рецептов формовочных масс в процентах по различным памятникам, т.к. они отражают определенные изменения гончарных традиций разных групп населения, обусловленные временем, культурной спецификой и состоянием их смешения.

Источниковую базу исследования составили данные технико-технологического анализа более 4000 образцов керамики из 125 памятников неолита и энеолита изучаемого региона (под образцами имеются в виду развалы и фрагменты от разных сосудов). Радиоуглеродному датированию было подвергнуто более 300 сосудов эпохи неолита (в статье приводятся некалиброванные и калиброванные даты).

Проведена проверка абсолютных дат, полученных по керамике, с использованием других материалов (кости животных и человека, нагар, уголь). Результаты исследования вышеперечисленных материалов подробно опубликованы (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; 2005; 2006; 2009; 2011; Васильева, Выборнов, 2012; 2013; Выборнов, 2008; Выборнов, Кулькова, 2013; Выборнов, 2014, и др.). Данная статья представляет собой определенный этап их обобщения.

Исследование нео-энеолитической гончарной технологии Поволжья и сопредельных регионов, а также проведение экспериментальных работ позволили выделить три вида ИПС, которое использовалось в производстве древнейшей керамики региона: илы, илистые глины и глины. Подробная характеристика и аргументация выделения данных видов ИПС неоднократно опубликованы в археологической литературе, поэтому не считаем нужным ее повторять в данной статье (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 2011, с. 73 и др.). Детальность информации о древнейшем гончарстве региона намного возросла при комплексном исследовательском подходе к керамике, который включал изучение ее морфологии; наблюдения за стратиграфическими и топографическими особенностями размещения в культурных слоях стоянок; радиоуглеродное датирование. В результате нам удалось очертить три разных ареала ранненеолитических керамических традиций Поволжья и реконструировать в общем виде динамику их распространения в регионе, а также выявить процессы смешения групп населения с этими традициями. Ниже представлены результаты исследования по основным хронологическим этапам.

I. Появление ранней керамики в Поволжье – первая половина VI тыс. до нэ. (вторая четверть VII тыс. кал.л. до н.э.) (рис. 1.).

На современном уровне изучения можно предполагать существование в европейской части России трех очагов ранненеолитического гончарства: 1) средневолжского (елшанского), 2) нижневолжского (североприкаспийского), 3) нижнедонского (ракушечноярского). Только по этим материалам получены серии радиоуглеродных дат, совокупность которых укладывается в рамки первой половины VII тыс. кал.л. до н.э. (при наличии самых ранних абсолютных дат) (табл.1). Радиоуглеродное датирование керамики позволило установить практически одновременное появление самой ранней посуды в этих трех очагах. К настоящему времени имеются наиболее валидные даты по керамике и нагару, которые относятся к рубежу первой и второй четверти VII тыс. кал.л. до н.э. Однако нельзя не учитывать, что самые ранние из полученных дат относятся к началу VII тыс. кал.л. до н.э. (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2009).

Два очага связаны с территорией бассейна крупнейшей реки Европы – Волги. Выявление фактов распространения ранненеолитических гончарных традиций во времени и пространстве позволяет использовать при их характеристике термин «ареал». Два поволжских ареала связаны с ранним неолитом, третий ареал камских гончарных традиций появился и получил распространение в Поволжье позднее – в третьей четверти V тыс.

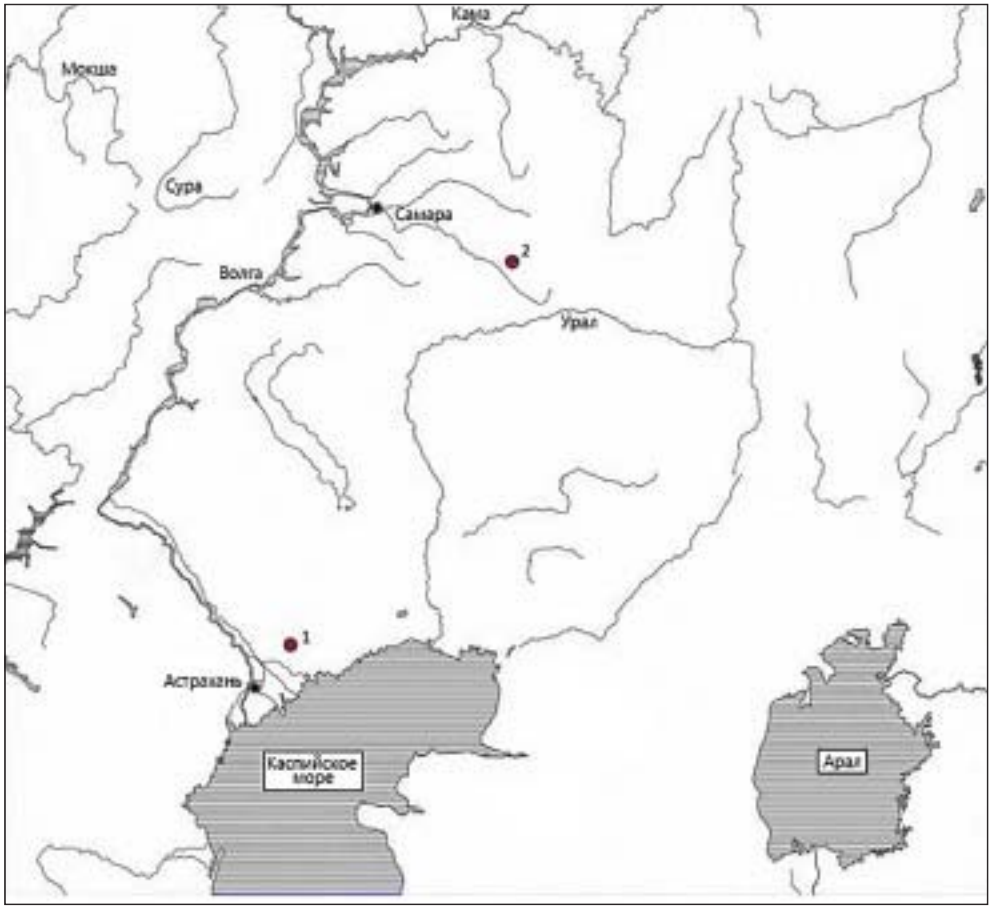


Рис. 1. Памятники с древнейшей керамикой Волго-Камья.
1 – Стоянка Кугат IV; 2 – Стоянка Ивановская.

Fig. 1. Sites with the most ancient pottery. 1 – site Kugat IV; 2 – site Ivanovka.

до н.э. (в третьей четверти VI тыс. кал.л. до н.э.).

I. Средневолжский ареал елшанских гончарных традиций. Территория: Среднее Поволжье, первоначально – бассейн р.Самары, левого притока Волги. Наиболее ранняя керамика выявлена на стоянке Ивановка (Оренбургская обл.). По-видимому, уже в ранний период бытования началось продвижение елшанских групп населения на север, в бассейн р.Сок, что подтверждается абсолютными датами керамики стоянки Большая Раковка II – 7790±200 (6800 BC). Для ранних гончарных производств елшанского ареала были характерны небольшие тонкостенные остродонные (реже – шиподонные и округлодонные) сосуды без орнамента (часто с просверлинами под венчиком) или с ямочно-жемчужным пояском. Они были изготовлены из илистых запесоченных глин, не содержащих визуально фиксируемые обломки раковины пресноводных моллюсков. Отсутствие орнамента на ранних елшанских сосудах отражает несформированность представлений населения о декорировании поверхности посуды

(Цетлин, 2012, с. 284). Происхождение ямочно-жемчужного орнамента было связано с особенностями технологии изготовления сосудов (использованием форм-моделей), со стадией протодекора (Васильева, 2011, с. 76; Цетлин, 2012, с. 284). Со временем он приобрел характер приема придания определенного и устойчивого внешнего облика сосуда, который позволял членам неолитических коллективов отличать «свою» посуду от «чужой». Позднее (5700 ВС) в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды, техники орнаментирования в виде прочерчивания и накалывания. Уже на раннем этапе елшанской культуры прослеживается неоднородность елшанских гончарных традиций – выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику елшанского облика. Одна из них использовала илистые глины в качестве моносырья (без учета органических растворов: их добавка, по-видимому, была связана с задачами закрепительной стадии гончарной технологии). Вторая группа елшанского населения добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь – шамот. С точки зрения эволюции гончарства, последняя традиция отражает существенное изменение в представлениях о пластичном сырье – переход от моносырья к смеси сырья и искусственным добавкам. В целом керамика елшанского облика с шамотом датируется позднее ранней елшанской посуды, изготовленной без минеральных добавок, на 200–300 лет. Так, на Ивановской стоянке такая керамика датируется 7780±90 – 7680±90 лет ВР (6800–6700 ВС). Эти факты указывают на эволюционные изменения в субстратных представлениях о сырье аналогично тем, которые происходили в нижневолжском гончарстве.

Елшанские гончарные традиции появились в Волго-Уралье, будучи уже на более высоком этапе эволюционного развития, чем появившееся и развивавшееся одновременно в Нижнем Поволжье гончарство культур прочерченно-накольчатой керамики. По нашему мнению, начальные звенья эволюции елшанского гончарства находились за рамками изучаемого региона, предположительно в Приаралье (Васильев, Выборнов, 1988; Васильева, 2011).

II. Нижневолжский (северноприкаспийский) очаг ранненеолитического гончарства. Территория: Нижнее Поволжье, первоначально только Северный Прикаспий. Однако, по-видимому, уже в это время – 7620±100 лет ВР (6650 ВС) – началось проникновение отдельных групп неолитического населения на север, в степное Поволжье (слой 3 Варфоломеевской стоянки). Для гончарных традиций данного ареала было характерно использование в качестве пластичного сырья илов с большим содержанием сгнившей наземной и водной растительности, обломков раковин пресноводных моллюсков, водной органики (чешуи и костей рыб). Зафиксирована традиция составления формовочных масс без минеральных добавок, только с органическим раствором. Следует подчеркнуть консерватизм этих традиций и их существование без изменения в течение длительного времени: от раннего этапа (Кугат IV, Кулагайси) до позднего (Тентексор). К наиболее ранним памятникам следует отнести стоянки Кугат IV – 7680±100 лет ВР (6690 ВС) и Кулагайси –

7380±120 лет ВР (6450 ВС). Посуда этих стоянок представлена сосудами профилированной и прямостенной формы с округлыми и уплощенными днищами. Они были слабоорнаментированы, украшены прочерченными линиями, отдельными вдавлениями и разреженными наколами. Керамический комплекс стоянки Каиршак III – 7530±90 лет ВР (6530 ВС) – включал более массивные, плоскодонные сосуды прямостенной и профилированной формы (реже – с ребром), которые орнаментировались в основном в верхней части. Орнамент выполнялся в прочерченной технике в сочетании с разреженными наколами. Часть керамики памятника не орнаментирована, что отражает несформированное состояние представлений о декорировании поверхности изделий.

Архаичный характер пластичного сырья керамики Северного Прикаспия допускает вероятность самостоятельного зарождения гончарства в данном ареале. Традиции использования ила как сырья для изготовления бытовой посуды могли возникнуть у древнего населения под влиянием культурно-хозяйственных особенностей, существовавших ко времени зарождения гончарства, когда им был получен опыт использования ила для различных хозяйственных нужд (обмазывания ям, жилищ, рыбы для приготовления на костре и т.д.).

II. Последняя четверть VI тыс. до н.э. (последняя четверть VII тыс. кал.л. до н.э.) (рис. 2).

К данному времени относится основная часть валидных абсолютных дат, установленных по керамике и другим материалам. Возможно, в это время после длительного периода аридизации в Поволжье произошло значительное увеличение неолитического населения и началось более активное расселение отдельных групп на соседние территории.

I ареал – в Среднем Поволжье: раскопки последнего 10-летия позволили выявить стоянки с остродонными сосудами без орнамента или только с ямочно-жемчужным пояском, изготовленными из илистых запесоченных глин без раковины, – в Посурье (стоянка Вьюново озеро I – 7222±58 лет ВР (6200 ВС) и в Примокшанье (стоянка Имерка VII – 7205±60 лет ВР (6200 ВС). Значительная близость форм сосудов, орнаментальных и технологических традиций населения елшанской культуры и стоянок правобережья Волги дает основание предполагать миграцию елшанского населения из районов юга Средневолжья (стоянка Чекалино IV – 7250 ± 60 лет ВР (6200 ВС) – на запад, в правобережье Волги. Елшанские керамические традиции доживают на данной территории до середины VI тыс. до н.э. (5500 ВС).

II ареал – в Нижнем Поволжье: здесь в это время также наблюдалось более массовое распространение североприкаспийских керамических традиций на север и запад, которое фиксируется материалами 3 слоя Варфоломеевской стоянки (Саратовская область) – 7120±90 лет ВР (6200 ВС) и нижнего слоя стоянки Джангар (Калмыкия) – 7080±90 лет ВР (6100 ВС). По-видимому, к последней четверти VII тыс. кал.л.до н.э. территория нижневолжского ареала расширилась к западу, заняв правое побережье Волги, и к северу, охватив, значительную часть степного Поволжья. Наше исследование выявило определенную разнонаправленность тенденций эво-

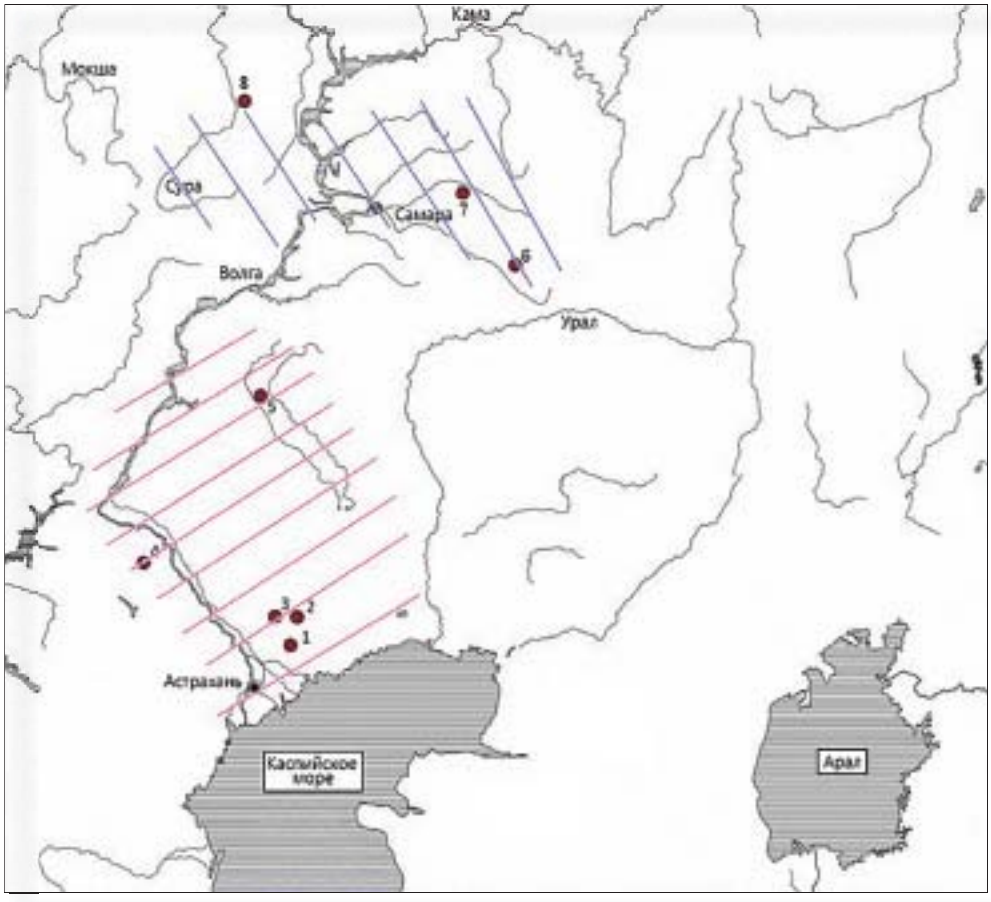


Рис. 2. Ареалы распространения керамических традиций последней четверти VII тыс. кал.л. до н.э.
Нижневолжский: 1 – Каиршак III; 2 – Байбек; 3 – Каиршак I; 4 – Джангар; 5 – Варфоломеевка.
Средневолжский: 6 – Ивановка; 7 – Чекалино IV; 8 – Вьюново озеро I.

Fig. 2. Areas of distribution of the ceramic traditions during the last quarter of the 7th millennium BC.
Lower Volga: 1 – Kairshak III; 2 – Baybek; 3 – Kairshak I; 4 – Dzhangar; 5 – Varfolomeevka.
Middle Volga: 6 – Ivanovka; 7 – Chekalino IV; 8 – Vyunovo Ozero I.

люционного изменения представлений о сырье у населения разных районов нижневолжского ареала. Как уже говорилось, в Северном Прикаспии прослежена консервация навыков использования илов в гончарном производстве: посуда поздненеолитической стоянки Тентексор (6695±40 лет BP (5680 BC) изготовлена из такого же илистого сырья, что и посуда более ранних стоянок. В степном Поволжье происходил процесс постепенного изменения сырьевой базы и перехода от илов к илистым глинам и глинам, причиной которого, возможно, послужила аридизация климата, высыхание традиционных источников сырья. Переход к новому сырью сопровождался формированием традиции добавления в формовочные массы искусственной примеси дробленой раковины. По-видимому, вначале это было об-

условлено стремлением придать им привычные свойства и внешний вид илов, но, по мере распространения гончарной технологии, прямая связь такой примеси с илом утрачивалась, а введение ее в формовочные массы постепенно стало осмысливаться с прагматических позиций (как средство уменьшения усадки) (Бобринский, 1999, с. 78). Данное заключение подтверждается изучением керамики из стратифицированной Варфоломеевской стоянки. Оно выявило наличие наибольшего количества сосудов из ила в нижнем 3 слое стоянки (21%), полное изживание навыков использования илов к переходному периоду от позднего неолита к энеолиту (слой 1), а также появление традиции дробления раковины и добавки ее в формовочные массы (Васильева, 2009).

III. Рубеж VI–V тыс.до н.э. и первая четверть V тыс. до н.э. (первая четверть VI тыс. кал.л. до н.э.)

В средневолжском ареале продолжалось бытование елшанских керамических традиций как в левобережье, так и правобережье Волги. К данному времени относятся елшанские материалы стоянок: Ильинская (Самарская обл.) – 6940±90 лет ВР (6000 ВС) и Озименки II (Пензенская обл.) – 6950±170 лет ВР (6000 ВС). В нижневолжском ареале также фиксируются стоянки этого периода с керамикой, изготовленной в точном соответствии с североприкаспийскими традициями (Байбек – 6955±80 лет ВР (6000 ВС), Каиршак IV – 6960±80 лет ВР (6000 ВС), Тентексор I – 7005±90 лет ВР (6000 ВС), Варфоломеевкая, слой 2Б – 6850±40 (5800 ВС), Алгай, нижний слой – 6820±80 (5850 ВС).

Важным событием данного этапа является миграция нижневолжского населения в южные районы Средневолжья. Ее начало относится к первой четверти VI тыс. кал.л. до н.э., хотя отдельные проникновения были возможны и в более раннее время. Данный процесс фиксируется по наличию в слоях Ивановской и Виловатовской стоянок тонкостенной плоскодонной керамики небольших размеров, изготовленной из ила с включениями раковины, и орнаментированной в геометрической стилистике «отступающей палочкой» – 6840±80 лет ВР (5800 ВС). Морфология и технология ее изготовления очень близки материалам Варфоломеевской стоянки орловской культуры степного Поволжья – 6850±40 лет ВР (5800 ВС). Данная группа керамики не носит признаков смешения с елшанскими традициями, что стало характерным для основной части накольчатого керамического комплекса стоянок Самарского Поволжья более позднего времени. Переселение на новую территорию, сосуществование в рамках единых стоянок и вживание в местную среду носителей елшанских гончарных традиций неизбежно приводили к смешению разных в культурном отношении групп населения, что нашло отражение в изменении технологических традиций. Процесс смешения и слияния носителей разных технологических традиций в гончарстве является одним из наиболее массовых и повсеместно действовавших механизмов этнокультурного развития древнего населения (Бобринский, 1978, с. 243). Влияние елшанских традиций на пришлое население со временем усиливалось: например, на раннем этапе бытования Виловатовской стоянки число сосудов с накольчатым орнаментом, изготовленных из илистых (запесоченных без

раковины) глин, характерных для елшанского гончарства, составляло всего 19%, на среднем – 36%, а на позднем – 52%. При этом происходило смешение мигрантов с обеими группами елшанского населения (с традицией изготовления керамики с шамотом и без него) (Васильева, Выборнов, 2012). В то же время происходил процесс влияния пришлого южного населения на местные елшанские коллективы, что проявилось в появлении сосудов елшанского морфологического типа, сделанных из ила.

IV. Середина V тыс. до н.э. (вторая четверть и середина VI тыс. кал.л. до н.э.) (рис. 3).

В целом развитие неолитического гончарства в Среднем Поволжье в первой половине и середине VI тыс. до н.э. обусловливалось смешением елшанского и пришлого нижневолжского населения, которое привело к формированию средневолжской неолитической культуры. По-видимому, состав населения данной культуры имел многокомпонентный характер. В его среде существовали навыки использования илов, илистых глин и глин, получили распространение традиции составления формовочных масс с шамотом, в значительно в меньшей степени – с дробленой раковиной. Здесь необходимо отметить, что принципы изучения процессов смешения древнего населения с помощью данных гончарной технологии разработаны в наиболее общем виде (Бобринский, 1978, с. 244). На практике нам приходится иметь дело с материалами памятников, в которых отражены какие-то фрагменты общего процесса смешения и очевидна его незавершенность, поэтому в настоящее время можно только наметить определенные тенденции и направления смешения гончарных традиций.

Обращает на себя внимание определенная «оторванность» процесса развития традиций изготовления накольчатой керамики юга Средневолжья от Нижнего Поволжья. Если в последнем продолжала бытовать традиция использования илов с естественной примесью раковины, а переход к илистым глинам и глинам сопровождался распространением традиции составления масс с искусственно введенной дробленой раковиной, то в Средневолжье в качестве сырья применялись в основном илы и илистые глины без раковины, а традиция добавления дробленой раковины в производствах накольчатой керамики так и не получила большого распространения. В то же время в гончарстве пришлого населения появилась традиция составления масс с шамотом, что являлось результатом влияния елшанского гончарства.

Наблюдается процесс влияния пришлого южного населения на местные елшанские коллективы: во второй четверти V тыс. до н.э. (второй четверти VI тыс. кал.л. до н.э.) в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды (стоянка Красный городок, Самарская обл. – 6730±100 лет BP (5800 BC)), а также фиксируется появление сосудов елшанского морфологического типа, сделанных из ила. Обращает на себя внимание тот факт, что в течение всего периода смешения двух групп неолитического населения существовала «консервативная» группа елшанского населения, которая не вступала в процессы смешения с мигрантами и продолжительное время сохраняла специфику форм своей

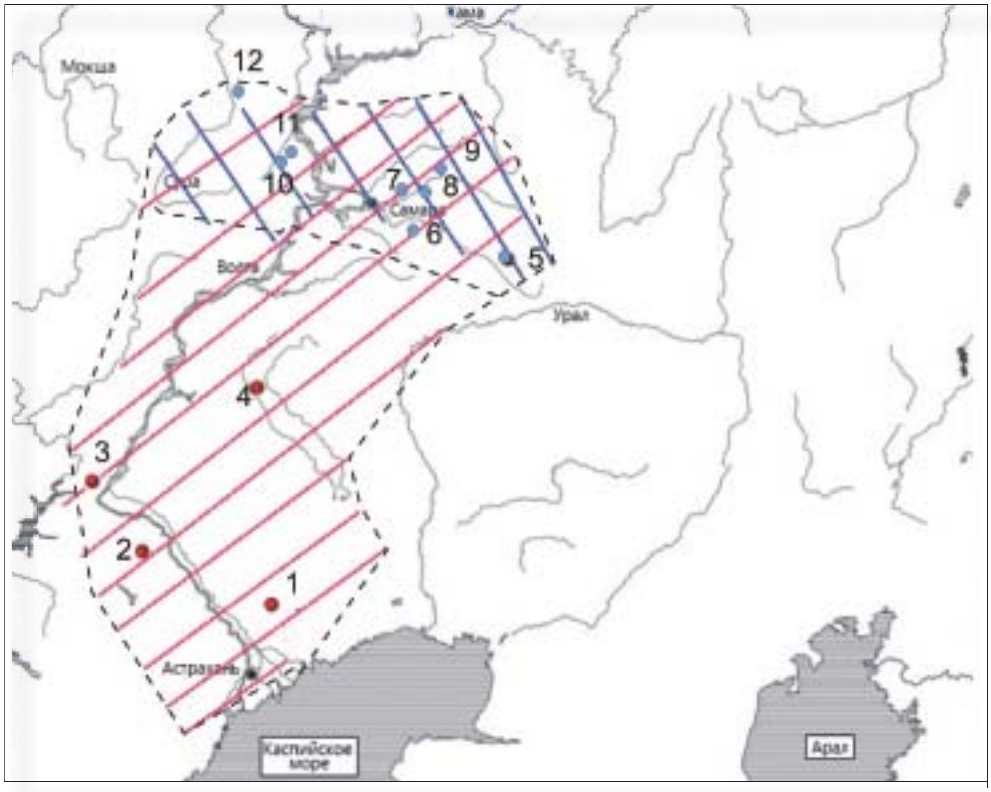


Рис. 3. Ареалы керамических традиций в середине VI тыс. кал.л. до н.э.
1 – стоянка Тентексор; 2 – поселение Джангар (верхний слой); 3 – стоянка Орловка; 4 – Варфоломеевская стоянка, слой 2А; 5 – Ивановская стоянка; 6 – Максимовская стоянка; 7 – стоянка Красный городок; 8 – стоянка Красный Яр VII; 9 – стоянка Большая Раковка II; 10 – стоянка Луговое III; 11 – стоянка Усть-Ташелка; 12 – стоянка Утюж I.

Fig. 3. Areas of distribution of the ceramic traditions during the last quarter of the 6th millennium BC.
1 – site Tenteksor; 2 – settlement Dzhangar (upper layer); 3 – site Orlovka; 4 – site Varfolomeevka, layer 2a; 5 – site Ivanovka; 6 – site Maksimovka; 7 – site Krasnyi Gorodok; 8 – site Krasnyi Yar VII; 9 – site Bolshaya Rakovka II; 10 – site Lugovoye III; 11 – site Oust'-Tashelka; 12 – site Utyuzh I.

посуды, орнаментальных традиций и гончарной технологии.

На данном этапе в Среднем Поволжье появились две группы населения, орнаментировавшие посуду «насечками» и слабоизогнутым коротким (зубчатым) штампом. В целом гончарная технология первой группы была довольно близка елшанской. Изучение керамики с зубчатым штампом выявило существенную разнородность представлений населения о пластичном сырье, причем состояние этой разнородности было различным на разных стоянках. Подробный анализ причин этого явления должен стать темой специального исследования.

V. Вторая половина V тыс. до н.э. (вторая половина VI тыс. кал.л. до н.э.) (рис. 4).

В третьей четверти VI тыс. кал.л.до н.э. появился камский ареал неолитических гончарных традиций, связанных с использованием гребенчатых

штампов в орнаментации посуды. Наиболее ранняя стоянка Зиарат – 6323± 43 лет ВР (5465 ВС) (Лычагина и др., 2013). К числу специфических черт камской гончарной технологии относится использование природных глин, раздробленных в сухом состоянии и смешанных почти в равной концентрации с шамотом (порошком из старых сосудов) и органическим раствором. Связь столь специфических гончарных традиций с известными более ранними волжскими ареалами древнего гончарства пока не прослеживается и предполагается их неместный характер (Васильева, 2013; Васильева, Выборнов, 2013). Очевидно, что носители данных традиций вступили в процесс активного взаимодействия с другими культурными группами и оказали большое влияние на культурогенез неолитического населения Поволжья.

Следует отметить появление в Самарском Поволжье в это время ранних энеолитических памятников самарской культуры (могильник у с. Съезжее). Исследование материалов этого могильника позволило выявить процесс смешения пришлых энеолитических групп населения с местными средневолжскими неолитическими группами (Васильева, 2005). В Нижнем Поволжье в это время (4800 ВС) произошел процесс смены неолитической орловской культуры на энеолитическую прикаспийскую.

VI. Первая половина IV тыс до н.э. (первая половина V тыс. кал.л.до н.э)

Данный период характеризуется сосуществованием неолитических и энеолитических групп населения.

На территории Нижнего Поволжья фиксируется распространение памятников хвалынской культуры. Для населения данной культуры было характерно использование высокопластичных илистых глин и традиция введения в формовочные массы большого количества дробленой раковины (Васильева, 2005).

В южном Средневолжье памятники хвалынской культуры сосуществовали с поздненеолитическими. Население, оставившее эти памятники, было смешанным. Их взгляды на пластичное сырье очень неоднородны: зафиксированы приемы использования илов, илистых (жирных и тощих) глин и природных глин. Большее распространение получила традиция введения в формовочные массы шамота, эпизодически встречается прием добавки в формовочные массы птичьего пуха. Очевидно, что процесс смешения усложнился за счет появления новых культурных групп населения, в первую очередь, – коллективов с камскими гончарными традициями. Их непосредственное проникновение на юг Среднего Поволжья фиксируется материалами стоянки Лебяжинка IV, где найдены сосуды, полностью идентичные по форме и технологии камской керамике. На данном этапе получила распространение посуда, орнаментированная длинным гребенчатым штампом. Технология ее изготовления обнаруживает существенную смешанность.

В Прикамье в течение всего времени (5100–4500 ВС) бытования камского ареала неолитических традиций происходило взаимодействие и смешение двух разных в культурном отношении групп неолитического населения: камской (с гребенчатой керамикой) и волго-камской (со слабоорнаментированной и накольчатой керамикой). На левшинском этапе

Рис. 4. Ареалы керамических традиций в последней трети VI тыс. кал.л. до н.э.
1 – прикаспийский; 2 – средневолжский; 3 – камский.

Fig. 4. Areas of distribution of the ceramic traditions during the last third of the 6th millennium BC.
1 – Caspian area; 2 – Middle Volga area; 3 – Kama River area.

(третья четверть V тыс. кал.л. до.н.э.) в Нижнем Прикамье произошло почти полное перерождение камских традиций и слияние камского населения со средневолжским (Васильева, Выборнов, 2013).

Представленное в данной статье мнение авторов о появлении и динамике распространения неолитических керамических традиций в Поволжье основывается на современном состоянии источников и уровне их изученности. Дальнейшее исследование памятников неолита и разработка новых методов и подходов к их изучению позволит уточнить, конкретизировать или изменить сделанные нами выводы и предположения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Динамика распространения неолитических гончарных традиций в Нижнем Поволжье

Датировка (традиционная)	Датировка (калиброванная)	Кол-во дат (по разным материалам)	Памятники	Содержание процессов
Первая половина VI тыс. до н.э.	II четверть VII тыс. до н.э.	10	Кугат IV Кулагайси Каир-Шак III	Появление самой ранней керамики
IV четверть VI тыс. до н.э	IV четверть VII тыс. до н.э	15	Каиршак I Каиршак III Варфоломеевка (слой 3) Джангар (нижний слой)	Распространение гончарных традиций в Нижнем Поволжье
Рубеж VI-V тыс.до н.э. и первая четверть V тыс. до н.э.	Рубеж VII-VI тыс.до н.э. и первая четверть VI тыс. до н.э.	16	Байбек Каиршак IV Тентексор I Качкар стау Варфоломеевка (слой 2б) Алгай (нижний слой)	миграция нижневолжского населения в Среднее Поволжье, начало процессов смешения нижневолжских и елшанских групп населения
II четверть V тыс. до н.э.	II четверть VI тыс. до н.э.	19	Тентексор Джангар (слой 1) Варфоломеевка (слой 2а) Орловка Жеколган	Продолжение бытования нижневолжских неолитических традиций,
II половина V тыс. до н.э.	II половина VI тыс. до н.э.	3	Курпеже-молла Комбактэ	Распространение прикаспийских гончарных традиций в Нижнем Поволжье
Первая половина IV тыс до н.э.	Первая половина V тыс до н.э.	8	Орошаемое I Кумыска Кара-Худук Каиршак VI	Распространение прикаспийских и хвалынских энеолитических гончарных традиций в Нижнем Поволжье

Таблица 2

Динамика распространения неолитических гончарных традиций в Среднем Поволжье

Датировка (традиционная)	Датировка (калиброванная)	Кол-во дат (по разным материалам)	Памятники	Содержание процессов
I половина VI тыс. до н.э.	I половина VII тыс. до н.э.	7	Ивановка Б.Раковка II	появление самой ранней керамики расширение территории елшанского гончарства в рамках Волго-Уральского региона, появление «шамотной» традиции
IV четверть VI тыс. до н.э.	IV четверть VII тыс. до н.э.	5	Чекалино IV Вьюново озеро I Имерка VII	миграция части елшанского населения в Сурско-Мокшанское междуречье
Рубеж VI–V тыс.до н.э. и первая четверть V тыс. до н.э.	Рубеж VII–VI тыс.до н.э. и первая четверть VI тыс. до н.э.	9	Старая Елшанка II Ильинка Озименки II Усть-Ташелка	миграция нижневолжского населения в Среднее Поволжье, начало процессов смешения нижневолжских и елшанских групп населения
Середина V тыс. до н.э.	Середина VI тыс. до н.э.	9	Кр.Городок Луговое III Елшанка X Утюж I Отарская VI	Формирование средневолжской АК
III четверть V тыс. до н.э.	III четверть VI тыс. до н.э.	10	Виловатое Щербетьская II Тетюшская IV Имерка VII Зиарат	Появление камского ареала неолитических гончарных
Первая половина IV тыс до н.э.	Первая половина V тыс до н.э.	30	Съезжее Виловатое Лебяжинка IV Лесное-Никольское III Лебединская II Подлесное IV Озименки II Имерка I, IV Н.Стрелка V	На юге Средневолжья – сосуществование неолитических и энеолитических гончарных традиций. В Прикамье – сосуществование камских и волго-камских гончарных традиций

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

2. Бобринский А.А. Происхождение гончарства // Украінское гончарство. Кн.1. / Ред. О. Пошивайло. Київ-Опошня: Молодь, 1993. С. 39–55.

3. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

4. Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья / Ред. И.Н. Васильева. Вып. 4. Самара: Изд-во Самар. НТЦ, 2006. С. 413–420.

5. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. С. 193–214.

6. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.

7. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Вып. 1. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 72–96.

8. Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников // РА. 2005. № 3. С. 76–84.

9. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья / Ред. И.Н. Васильева. Вып. 4. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2006. С. 426–439.

10. Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. С. 65–77.

11. Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 70–81.

12. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 73–83.

13. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Вып. 10. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2012. С. 23–42.

14. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.

15. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.

16. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: Восточный регион // РА. 2009. № 3. С. 58–65.

17. Выборнов А.А., Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Восточной Европы // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы Международного симпозиума (29–31октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013. С. 20–22.

18. Выборнов А.А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Волго-Камья: критерии надежности // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э. / Науч. ред.

А.Н. Мазуркевич, М.Э. Полковникова, Е.В. Долбунова. СПб.: Периферия, 2014. С. 45–49.

19. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита-энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. Том 16. 2014. № 3. С. 242–248.

20. Выборнов А.А. К вопросу о выделении «очагов» ранненеолитических керамических традиций в Волго-Донском междуречье // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская. СПб.: Невская Книжная Типография, 2016. С. 43–44.

21. Долбунова Е.В. Древнейшие керамические традиции в Днепро-Двинском междуречье (7–6-го тыс. до н.э.): Автореф. дисс. …канд. ист. наук. СПб. 2012. 18 с.

22. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Киев: Изд-во ИА НАН Украины, 2002. 268 с.

23. Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев-Харьков: Майдан, 2015. 153 с.

24. Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые данные по абсолютной хронологии раннего неолита Прикамья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, 2013. № 5. С. 247–253.

25. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // РАЕ. № 3. / Ред. Л. Вишняцкий. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2013. С. 27–109.

26. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

27. Mazurkevich A.N., Dolukhanov P.M., Shukurov A.M., Zaitseva G.I. Pottery-making revolution in Northern Eurasia. International conference “Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and Early Settlement of Northern Europe”. SPb, 2006. P. 20.

Информация об авторах:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

THE TIME OF APPEARANCE AND SPREAD OF THE NEOLITHIC POTTERY TRADITIONS IN THE VOLGA REGION

I.N. Vasilyeva, A.A. Vybornov

The paper presents the results of a complex radiocarbon analysis of the Neolithic pottery, including its radiocarbon dating and a comparative analysis of data on pottery technologies used by the Neolithic population of the Lower and Middle Volga Region. The research is based on the data of the technological analysis of more than 4,000 pottery samples from 125 Neolithic and Eneolithic sites located in the studied region. Radiocarbon dates were obtained for more than 300 samples of the Neolithic vessels, and then the absolute dates were checked against radiocarbon analysis of other materials (bone, charcoal, charred organic remains).

This work was prepared within the framework of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation state mandate no. 33.1195.2014/K and Russian Humanitarian Research Foundation grant: project № 16-11–63015.

These data are then used to question the time of appearance of the early ceramic traditions in this region and their spread, and also to consider the mixing of culturally different groups of the ancient population in the Volga Region.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, Volga Region, Neolithic, pottery radiocarbon dating, wheel pottery technology, technological analysis of pottery, cultural traditions, the origin of pottery.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1993. In Poshivailo, O. (ed.). *Ukrainskoe goncharstvo (Ukrainian Pottery)* 1. Kiev; Oposhnia: "Molod'" Publ., 39–55 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 413–420 (in Russian).
5. Bobrinskii, A. A., Vasil'eva, I. N. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–214 (in Russian).
6. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 1999. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 72–96 (in Russian).
8. Vasil'eva, I. N. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 76–84 (in Russian).
9. Vasil'eva, I. N. 2006. In Vasil'eva, I. N. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara State Pedagogical University, 426–439 (in Russian).
10. Vasil'eva, I. N. 2009. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Issues of the Early Bronze Cultures Studies in the Steppe Zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 65–77 (in Russian).
11. Vasil'eva, I. N. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 46 (2), 70–81 (in Russian).
12. Vasil'eva, I. N. 2013. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 56 (4), 73–83 (in Russian).
13. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 10. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 23–42 (in Russian).
14. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
15. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
16. Vybornov, A. A., Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 58–65 (in Russian).
17. Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A. 2013. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 20–22 (in Russian).

18. Vybornov, A. A. 2014. In Mazurkevich, A. N., Polkovnikova, M. E., Dolbunova, E. V. (eds.). *Arkheologiia ozernykh poselenii IV—II tys. do n. e.: khronologiia kul'tur i prirodno-klimaticheskie ritmy (Archaeology of Lake Settlements of IV—II Mill. BC: Chronology of Cultures, Environment and Palaeoclimatic Rhythms)*. Saint Petersburg: "Periferiia" Publ., 45–49 (in Russian).

19. Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Grechkina, T. Yu., Lychagina, E. L., Naumov, A. G., Zaitseva, G. I., Kul'kova, M. A., Goslar, T., Oinonen, M., Possnert, G. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, nr. 3, 242–248 (in Russian).

20. Vybornov, A. A. 2016. In Lozovskaia, O. V. (ed.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: "Nevskaia Knizhnaia Tipografiia" Publ., 43–44 (in Russian).

21. Dolbunova, E. V. 2012. *Drevneishie keramicheskie traditsii v Dnepro-Dvinskom mezhdurech'e (7–6-go tys. do n.e.) (The Earliest Ceramic Traditions in the Dnieper and Dvina Interflivial Zone in 7th — 6th Millennia BC)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

22. Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

23. Kotova, N. S. 2015. *Drevneishaia keramika Ukrainy (The Earliest Ceramics in Ukraine)*. Kiev; Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).

24. Lychagina, E. L., Vybornov, A. A.., Kul'kova, M. A., Oinonen, M., Possnert, G. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 15, no. 5, 247–253 (in Russian).

25. Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V., Kul'kova, M. A. 2013. In Vishniatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: "Universitetskii izdatel'skii konsortsium" Publ., 27–109 (in Russian).

26. Tsetlin, Yu. B. 2008. *Neolit tsentra Russkoi ravniny: ornamentatsiia keramiki i metodika periodizatsii kul'tur (The Neolithic of the Center of the Russian Plain: Pottery Decoration and Methods of Periodization of Cultures)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).

27. Mazurkevich, A. N., Dolukhanov, P. M., Shukurov, A. M., Zaitseva, G. I. 2006. Pottery-making revolution in Northern Eurasia. *In International conference "Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and Early Settlement of Northern Europe"*. Saint Petersburg, 20 (in Russian).

About the Authors:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в номер 24.06.2016 г.

УДК 903.3 «-0»

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ[1]

© 2016 г. Ю.Д. Разуваев

В статье анализируются данные о жилых постройках середины – второй половины I тысячелетия до н.э., известных на поселениях городецкой культуры в лесостепном Подонье. Основную массу памятников этой культуры представляли кратковременные стоянки, на которых отсутствовали капитальные строения. Постройки выявлены только на расположенных в пойме рек стационарных поселениях, а также на городищах. Всего исследовано тринадцать наземных (в том числе со слабо углубленным основанием) и три полуземляночных жилища. Среди них есть небольшие (3,5–7 кв.м), средние (11–17 кв.м) и значительные по площади (свыше 25 кв.м) сооружения, форма которых также отличается разнообразием (прямоугольная, квадратная, трапециевидная). В половине построек имелись открытые очаги. На трех городищах прослежены жилые помещения, составлявшие единый комплекс с фортификационными сооружениями. Рассматриваемые постройки имеют аналогии как в ареале городецкой культуры, так и в смежных лесостепных и лесных регионах.

Ключевые слова: археология, лесостепное Подонье, ранний железный век, городецкая культура, поселение, городище, жилище.

Лесостепная часть бассейна Дона уже достаточно давно включена в ареал городецкой культуры (Левенок, Миронов, 1976). Со временем, в результате раскопок целого ряда поселений середины–второй половины I тыс. до н.э. (историю изучения донских памятников названой культуры см.: Разуваев, 2009), накопилась информация о шестнадцати сооружениях жилого назначения, пока должным образом не обобщенная (в археологической литературе есть лишь несколько небольших работ по данной тематике: Завитаев, 2008; Морозова, 2003). Хотя выявленных объектов относительно немного[2], составить самое общее представление о домостроительных традициях городецкого населения донского региона, пожалуй, можно.

Число местонахождений характерной «рогожной» и «сетчатой» керамики в долинах Верхнего и отчасти Среднего Дона, Воронежа, Битюга, Хопра и некоторых других рек сейчас уже превышает три сотни. Подавляющее большинство, по некоторым данным до трех четвертей, составляют кратковременные стоянки. Обширные раскопы, заложенные на них, как правило, в поисках материалов других культур, демонстрируют практически полное отсутствие городецких строительных комплексов, а также слабую насыщенность слоя соответствующими наход-

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 15–01–00103.

[2] Автор выражает признательность Д.В. Акимову, И.Е. Бирюкову за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы их раскопок.

ками. В лучшем случае на таких памятниках встречаются отдельные ямы или скопления керамики. Надо полагать, это были сезонные поселки, связанные с промысловой деятельностью и подсечным земледелием, занимавшим важное место в хозяйстве носителей культуры (Разуваев, Горбаненко, 2015). Ожидать на них капитальных сооружений не приходится. Легкие же конструкции типа шалашей или навесов следов не оставили.

Иное дело – более или менее стационарные местообитания, известные в виде неукрепленных поселений и городищ. Именно там и найдены остатки довольно разнообразных построек, жилой характер которых подтверждается наличием отопительных устройств либо скоплением бытового мусора.

На неукрепленных поселениях выявлены шесть наземных построек и три полуземлянки. К наземным отнесены те, чье основание либо не достигало материка, либо было углублено в него на 0,1–0,2 м. Полуземлянки же представлены более глубокими, порядка 0,5 м, котлованами.

На поселении Курино-1 на р. Воронеж исследовано прямоугольное жилище V–IV вв. до н.э. размерами 2,6–3,0 х 4,0–4,4 м (Бирюков, 1996, с. 62). От его столбовой конструкции остались углубленные в материк ямки диаметром от 0,12 до 0,40 м (рис. 1: 1). Примыкавшая с южной стороны большая яма относилась, очевидно, к эпохе бронзы. Несколько ямок как будто делят сооружение общей площадью 11,6 кв.м на три части, в средней из которых залегал пласт обожженной глины размерами 1,6 х 0,9 м и толщиной 0,1–0,2 м, оставшийся, возможно, от очага.

На поселении V–III вв. до н.э. у с. Каменка на Дону частично, на площади около 12 кв.м, исследована постройка, также имевшая столбовую конструкцию (Бирюков, Разуваев, 2009, с. 140–141). Она представлена углубленными в материк тремя столбовыми ямками и большой ямой, лишь отчасти расчищенной (рис. 1: 2). По столбовым ямкам вроде бы просматриваются округлые очертания постройки, в центре которой и размещалась яма неправильной формы, достигавшая в материке глубины 0,35 м.

Следующие четыре жилища прослежены по котлованам, углубленным в материк на 0,1–0,2 м.

Довольно большая (не менее 36 кв.м) постройка, получившая № 1, частично раскопана на 4-м поселении у с. Большая Кузьминка на р. Воронеж (Бирюков, 2010, с. 14–16). Она четко фиксировалась в материке лишь по западной углубленной стенке (рис. 1: 3). Скорее всего, жилище имело прямоугольные очертания и сильно скругленные углы. В его пределах находились очаг, столбовая ямка и две хозяйственные ямы, одна из которых, возможно, ограничивала сооружение с восточной стороны. Очаг представлял собой овальное пятно прокаленного до красно-коричневого цвета грунта размерами 0,45 х 0,6 м и толщиной 0,18 м.

Постройка площадью 3,5 кв.м была открыта на вышеупомянутом поселении у с. Каменка (Бирюков, Разуваев, 2009, с. 141). Ее котлован в форме неправильной трапеции имел размеры 2,45 х 1,95 м (рис. 2: 1). В центральной части прослежены остатки очага в виде округлого пятна обожженной почвы диаметром около 0,8 м и толщиной 0,3 м, перекрытого сверху золистыми отложени-

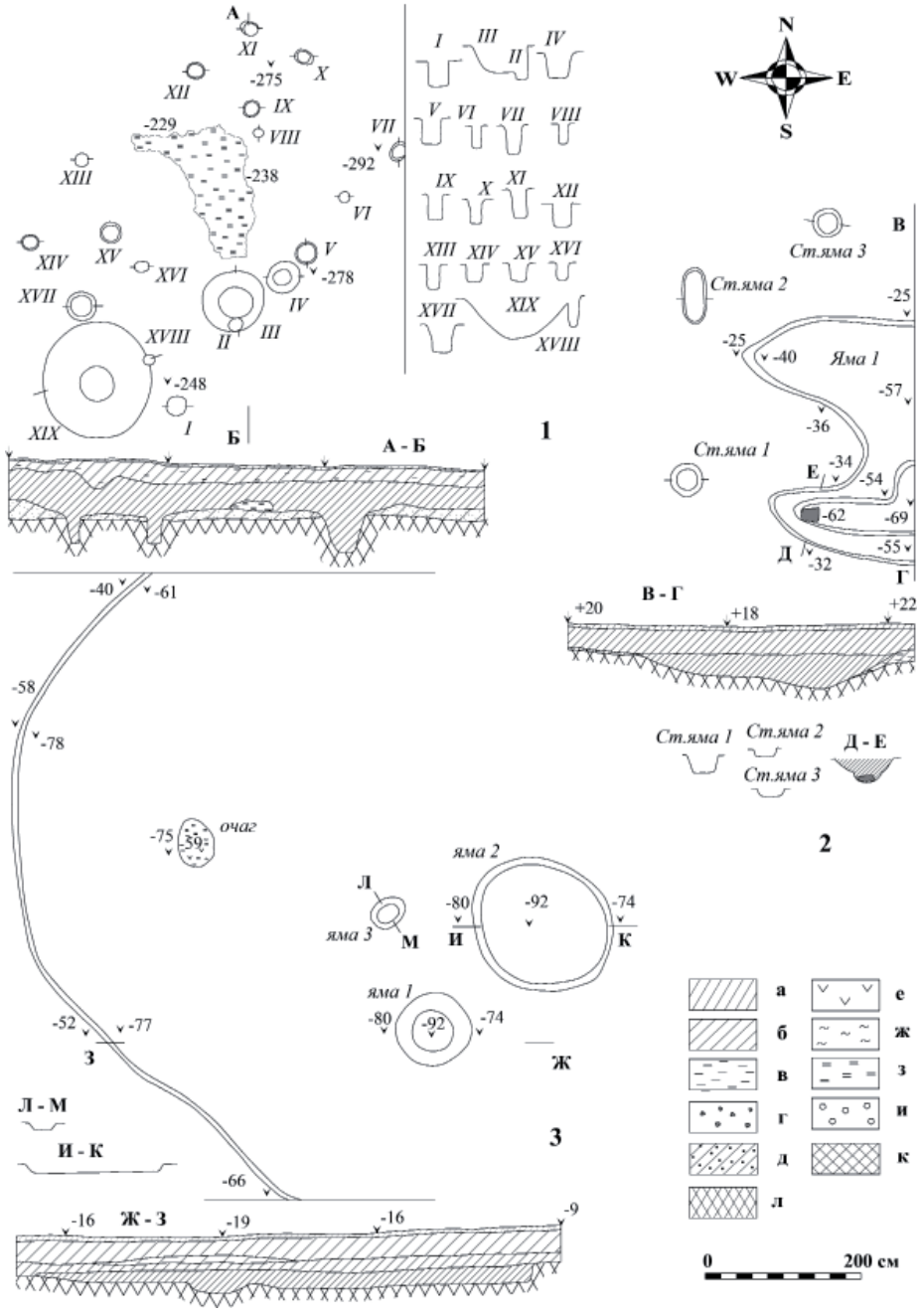


Рис. 1. Жилые постройки на поселениях.
1 – Курино-1; 2 – Каменка; 3 – Большая Кузьминка-4
Условные обозначения к рис. 1–3: а – дерн, б – гумусированный суглинок, в – глина, г – известняковый щебень, д – гумусированная супесь, е – уголь, ж – зола, з – обожженная почва, и – глиняная обмазка, к – перекоп, л – материк.

Fig. 1. Dwellings. 1 – Kurino-1; 2 – Kamenka; 3 – Bolshaya Kuzminka-4.
Legend: 1–3: a – turf, б – black alkali loam, в – clay, г – lime rock particles, д – black alkali sandy clay, e – coal, ж – ash, з – burnt soil, и – clay daub, к – cross-ditch, л – bedrock.

ями. Ниже располагалась подочажная округлая яма диаметром 0,85 м и глубиной в материковом дне постройки 0,19 м.

При раскопках поселения Староживотинное-3 на р. Воронеж исследована постройка № 7 площадью 12,6 кв.м (Акимов, 1999, с. 18–19). Ее котлован подтрапециевидной формы имел размеры 3,6 х 4,0 м (рис. 2: 2). В его южной части находилась подовальная яма с пологими стенками размерами 2,00 х 2,32 м и глубиной 0,41 м от дна постройки. В северо-западном углу котлована имелась столбовая ямка, а в западной стенке – небольшая и неглубокая полукруглая ступенька.

Еще одна постройка VI–IV вв. до н.э., углубленная в материк лишь на 0,3 м, была исследована на поселении-6 у с. Шапкино на р. Вороне (Хреков, 2008, с. 350). Ее котлован имел в плане подтрапециевидную форму, размеры 4,15 х 3,65 м, т.е. площадь 12,8 кв.м (рис. 2: 3). У северной стенки находилось скопление угольков, оставшихся, видимо, от очага.

Полуземлянок, как уже отмечалось, на неукрепленных поселениях известно три.

Два жилища (№ 7 и 10) VI–V вв. до н.э. исследованы на поселении Студеновка-3 у с. Делеховое на р. Воронеж (Медведев, 1993, с. 82–86)[3]. Оба имели подквадратную в плане форму, размеры 2,5 х 2,3 м и 2,8 х 2,8 м, соответственно площадь 5,6 кв.м и 7,1 кв.м (рис. 2: 4–5). Дно отрытого в супесчаном материке котлована № 7 было покрыто слоем глины, на котором, кроме керамических материалов, найдены обугленные зерна культурных злаков.

На поселении-1 около уже упоминавшегося с. Шапкино была выявлена довольно крупная (17,4 кв.м) полуземлянка VI–V вв. до н.э. (Хреков, 2008, с. 349–350). Она имела подпрямоугольную с закругленными углами форму, размеры 6,1 х 3,8 м (рис. 2: 6). Вдоль стен по периметру располагались приступки шириной от 0,1 до 2 м и глубиной от уровня материка до 0,1 м, на одной из которых имелись две столбовые ямки. В центральной части котлована находилось чашевидное углубление 3 х 2,5 м с утрамбованным дном и двумя довольно крупными овальными ямами. Стенки одной из ям, имевшей размеры 1,2 х 0,55 м, были прокалены. Видимо, здесь размещалось отопительное устройство.

Все поселения, на которых известны жилые постройки, находятся в поймах рек, на низких береговых террасах или дюнах. На высоко расположенных памятниках жилища пока не встречены, как, впрочем, и достаточно насыщенный культурный слой. Если это закономерное явление, то объяснение ему кроется, надо полагать, в особенностях хозяйственной деятельности и бытового уклада городецкого населения донской лесостепи.

Данное наблюдение, однако, не относится к размещающимся на возвышенной местности городищам. На двух из них были исследованы четыре немного углубленные в материк постройки[4].

---

[3] В публикации к скифскому времени отнесена еще одна постройка, которую, судя по керамике, следует датировать началом н.э. Кроме того, в работе приведены ошибочные размеры жилища № 7.

[4] Наличие наземных построек предполагалось еще и на II Перехвальском городище, но проследить их конструкцию не удалось (Бирюков, 1993, с. 53). В свое время городецкой считалась постройка на селище, примыкающем к городищу у

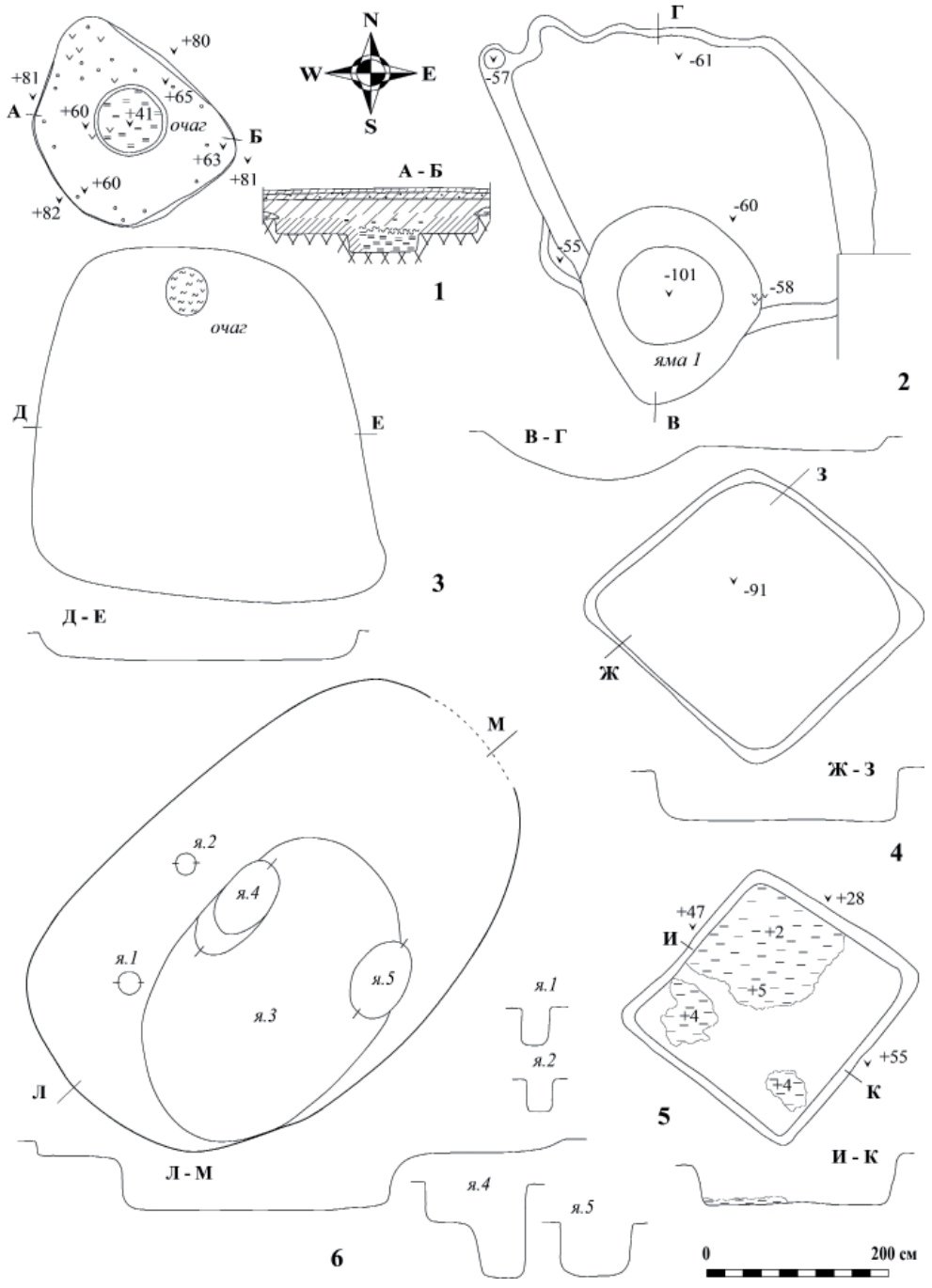


Рис. 2. Жилые постройки на поселениях.
1 – Каменка; 2 – Староживотинное-3; 3 – Шапкино-6;
4, 5 – Студеновка-3; 6 – Шапкино-1.

Fig. 2. Dwellings on settlements.
1 – Kamenka; 2 – Starozhivotinnoye-3; 3 – Shapkino-6; 4, 5 – Studenovka-3; 6 – Shapkino-1.

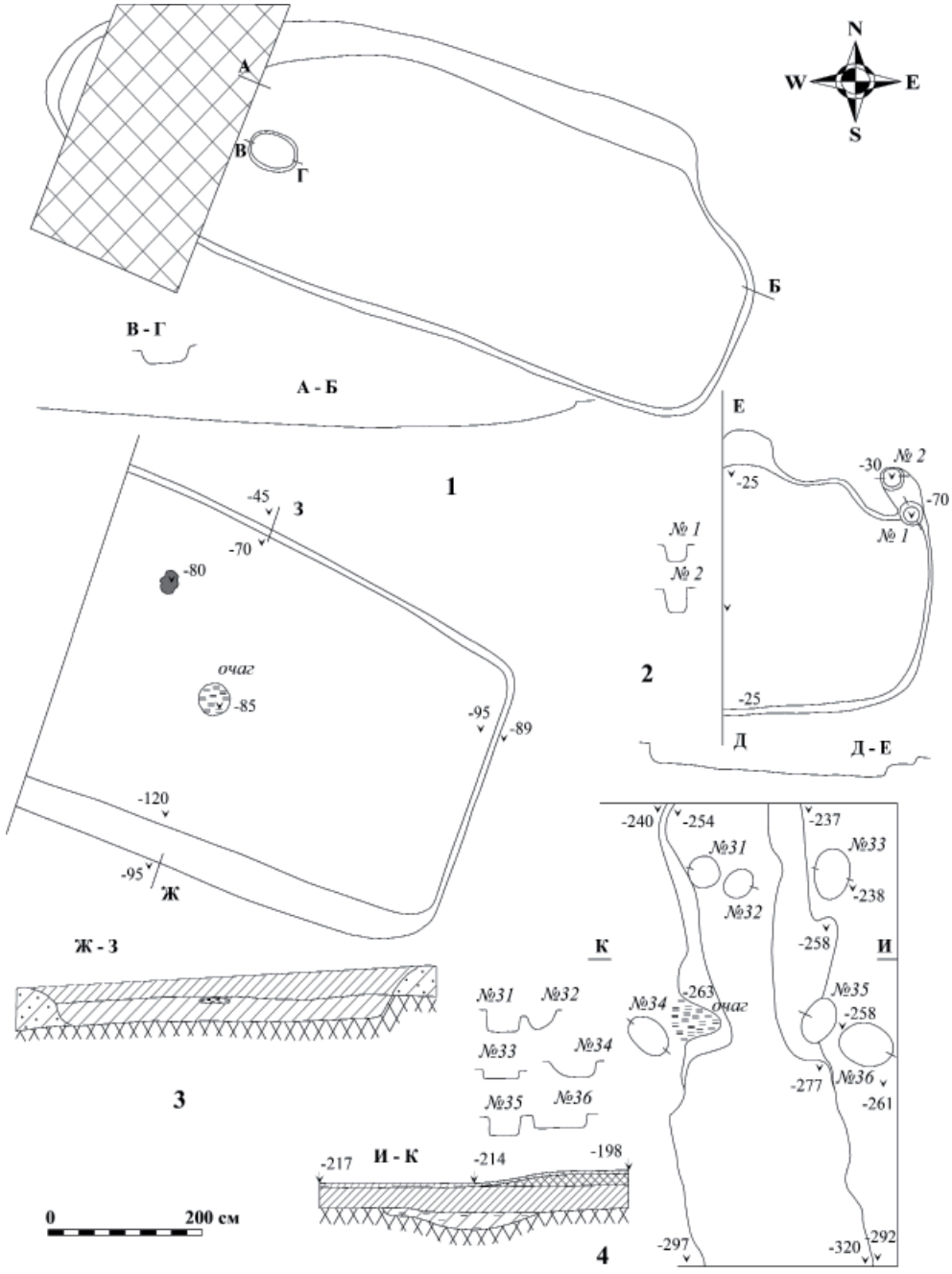


Рис. 3. Жилые постройки на городищах.
1–3 – Сырское; 4 – Крутогорье.

Fig. 3. Dwellings on hillforts.
1–3 – Syrskoe; 4 - Krutogorye.

На городище VI–III вв. до н.э. у с. Сырское на р. Воронеж открыто три больших по площади жилища (Бирюков, 1997, с. 169). Котлован одного (№ 2) площадью 27,4 кв.м имел форму, близкую к вытянутому неправильному прямоугольнику со скругленными углами (рис. 3: 1). Его длина 9,2 м, ширина от 3,0 до 4,75 м, глубина же в материке от 0,2 до 0,5 м. На дне имелась неглубокая яма 0,45 х 0,65 м. Формой вытянутого прямоугольника обладал и котлован постройки № 4 (рис. 3: 3). Его раскопанная часть имела размеры 5,6 х 4,3 м (площадь 23,4 кв.м), глубину в материке от 0,06 до 0,35 м. В 0,2 м выше дна постройки располагался очаг в виде линзы прокаленной глины диаметром 0,40 м и толщиной 0,08 м. Третье жилище (№ 1) было раскопано на участке 3,5 х 2,8 м (площадь 7,4 кв.м), но могло иметь вполне сопоставимые с двумя другими параметры. Оно близко по очертаниям к прямоугольнику, углублено в материк на 0,25 м (рис. 3: 2). В северной стенке котлована, возможно на месте входа, имелась приступка глубиной 0,1 м. В северо-восточном углу находились две столбовые ямки.

Значительным по площади, очевидно, являлось и сооружение, выявленное на площадке небольшого городища V–IV вв. до н.э. у с. Крутогорье на р. Воронеж (Козмирчук, Разуваев, 2001, с. 79). Здесь частично (на площади 11,6 кв.м) был расчищен котлован, имевший вид широкой (1,8–2,2 м) канавы, углубленной в материк на 0,14–0,28 м (рис. 3: 4). Вдоль котлована и на его дне располагались шесть столбовых ямок округлой и овальной в плане формы. На подтреугольном уступе стенки находился очаг, от которого осталось пятно обожженной материковой почвы размерами 0,6 х 0,6 м.

Кроме вышеописанных, на трех донских городищах выявлены и жилые помещения особого типа. Речь идет о длинных наземных постройках, примыкавших к городищенской оборонительной стене и тем самым являвшихся составной частью фортификационных сооружений. Эти жилища прослежены как по остаткам конструкционных элементов, так и по скоплению бытовых остатков на уровне пола.

Одно такое жилище было выявлено при исследовании укреплений городища VI–V вв. до н.э., расположенного у д. Дубики на р. Красивая Меча (Разуваев, 2015). Его контуры определены по двум углубленным в материк канавкам, выявленным под насыпью вала и отстоявшим друг от друга более чем на 4 м (рис. 4: 1). Внешняя канавка шириной 1,65–2,00 м и глубиной от верха погребенной почвы 0,45–0,55 м явно служила основанием оборонительной стены, состоявшей из забутованного землей двойного плетня. Другая же, шириной 0,28–0,42 м и глубиной от того же уровня 0,45 м, могла остаться от «задней» стенки постройки. С жилым помещением соотносятся и расположенные между канавками четыре небольшие столбовые ямки.

При раскопках вала городища у с. Рябинки, на одном из притоков Быстрой Сосны, было установлено, что начиная с середины I тыс. до н.э. и до начала следующего тысячелетия городищенские укрепления перестраивались, по меньшей мере, трижды (Разуваев, Моисеев, 2011). И каждый

д. Дубики. Но сейчас представляется, что она относится к другой эпохе.

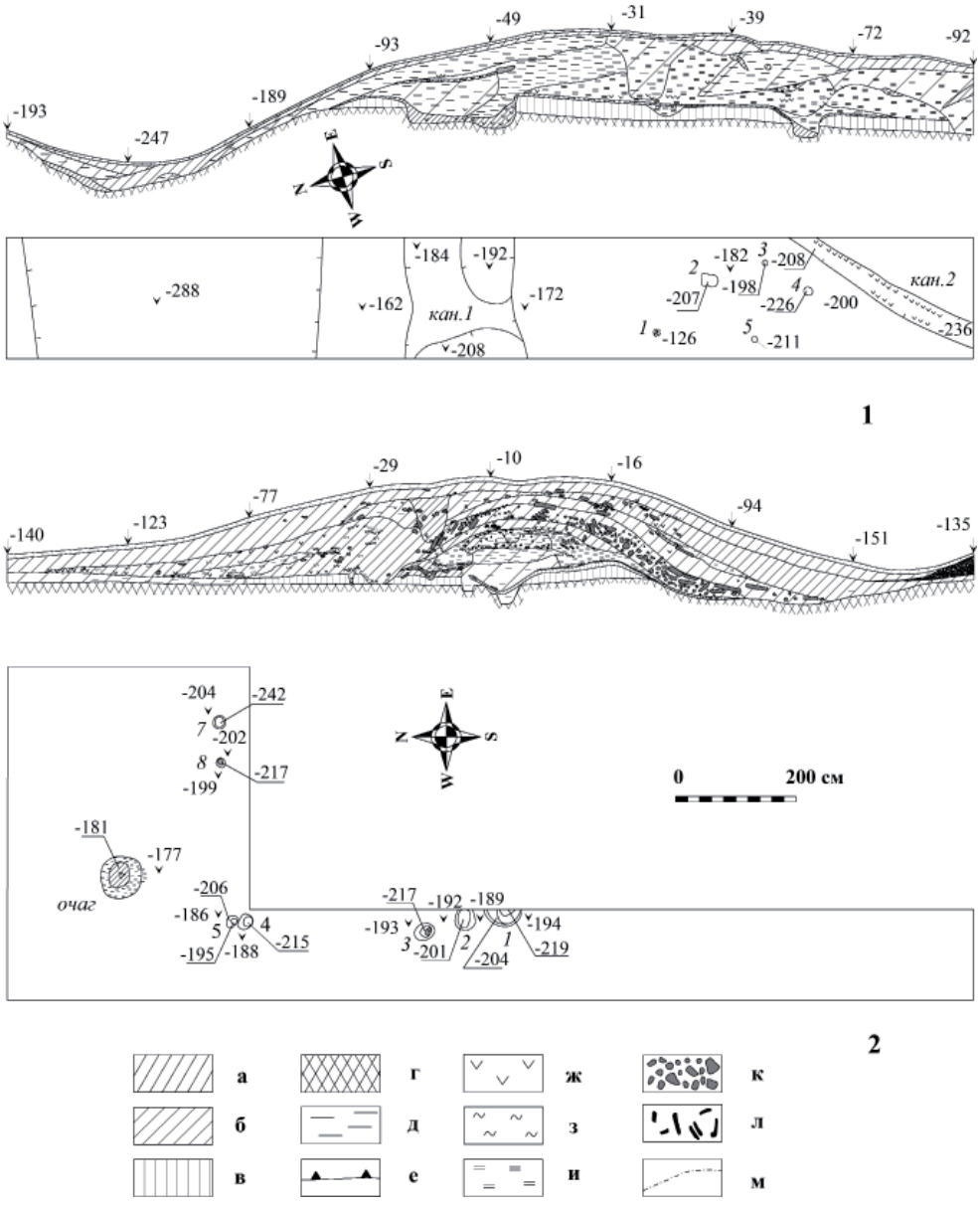


Рис. 4. Жилые постройки на городищах. 1 – Дубики; 2 – Рябинки
Условные обозначения к рис. 4, 5:
а – дерн, б – гумусированный суглинок, в – погребенная почва,
г – материк, д – глина, е – обнажение слоя по краю площадки городища,
ж – уголь, з – зола, и – обожженная почва,
к – камни, л – горелое дерево, м – граница насыщенного продуктами горения слоя.

Fig. 4. Dwellings on hillforts.
1 – Dubiki; 2 – Ryabinki.
Legend. 4, 5: а – turf, б – black alkali loam, в – buried soil, г – bedrock, д – clay,
е – exposed layer on the edge of the hillfort, ж – coal, з – ash, и – burnt soil, к – stones,
л – burnt tree, м – edge of the stratum with products of combustion.

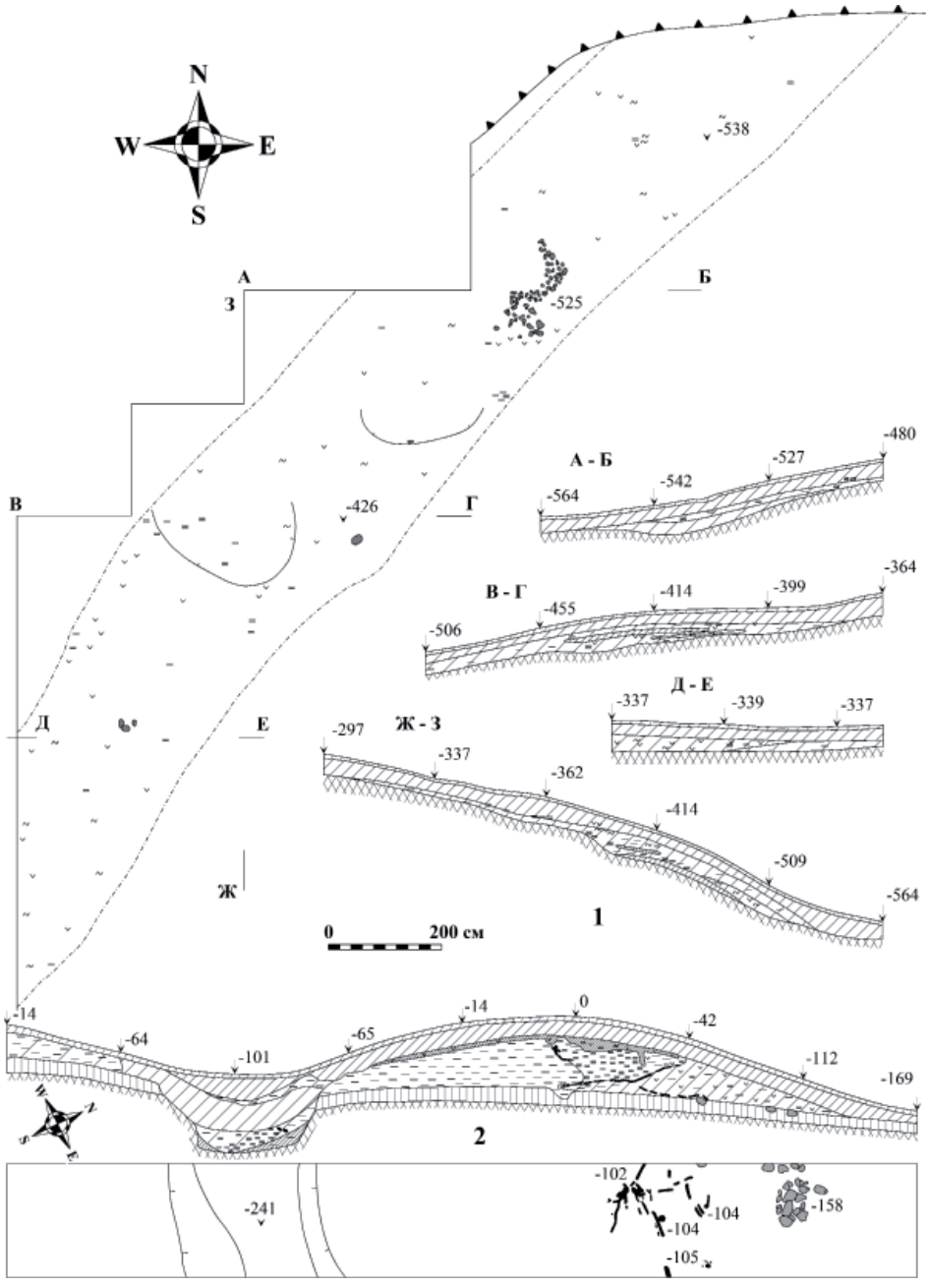


Рис. 5. Жилая постройка на Александровском городище.
1 – остатки наземной постройки, 2 – фортификационные сооружения.

Fig. 5. Dwelling on Aleksandrovka hillfort.
1 – remains of a surface structure, 2 – fortifications.

раз к оборонительной стене, полукольцом опоясывавшей площадку городища, пристраивалась наземная жилая постройка (рис. 4: 2). Как показали стратиграфические наблюдения, древнейшее жилище примыкало к забутованной глинистой почвой двойной стене, от опорных столбов которой остались углубленные в материк ямки. Последующие сооружения были уже встроены в полу вала. С одним из них связаны несколько столбовых ямок и очаг, представлявший собой линзу прокаленной почвы диаметром 0,3 м и толщиной 0,06 м.

На городище, расположенном у с. Александровка в бассейне р. Быстрая Сосна, жилище было прослежено сначала в разрезе вала, а затем на протяжении 20 м под его внутренней полой и вдоль края городищенского мыса (раскопки автора 1990 и 2001 гг.). В насыпи вала зафиксированы остатки сгоревшей и завалившейся внутрь стены, а в предматериковом слое – полоса обожженной почвы (рис. 5), насыщенной золой, углями, керамическими и вещевыми находками V–III вв. до н.э. и начала н.э. Судя по двум небольшим скоплениям известняковых камней, скорее всего, укреплявших низ обращенной к площадке городища стенки, ширина постройки составляла порядка 3,5–4,0 м.

С учетом открытий на смежных территориях городецкой культуры (Андреев, Разуваев, 2012; Юдин, 2001, с. 24), можно полагать, что функционирование многих городищ начиналось именно с сооружения длинной постройки, имевшей одновременно оборонительное и бытовое назначение. Вообще традиция возведения так называемых «жилых стен» в эпоху раннего железа была достаточно широко распространена в лесной зоне (см., например: Алихова, 1958; Розенфельдт, 1970, с. 138–139; Смирнов, 1992). Фортификации, включавшие жилые помещения, открыты и на некоторых ранних скифоидных городищах юга донской лесостепи (Медведев, 1999, с. 83; 2012, с. 136).

Исследованные на донских поселениях постройки демонстрируют многообразие форм и размеров. Среди них есть прямоугольные и квадратные, трапециевидные и, возможно, округлые сооружения, площадь которых варьирует от небольшой (3,5–7 кв.м) до средней (11–17 кв.м) и весьма значительной (свыше 25 кв.м). Данных для статистических выкладок пока явно не достаточно, особенно с учетом неполной исследованности нескольких комплексов. Тем не менее создается впечатление, что указанные размерные группы представлены примерно в равной пропорции.

В большинстве своем известные жилища наземные или слабоуглубленные – полуземлянки составляют едва лишь четверть от общего числа. К сожалению, информации о конструкции стен и перекрытий построек практически нет. Лишь в четырех случаях (Курино-1, Крутогорье, Дубики, Рябинки) по расположенным в определенной системе столбовым ямкам можно предполагать наличие в сооружениях опорных столбов. Однако означает ли это, что на донских поселениях преобладали срубные строения, утверждать, без должных археологических оснований, невозможно. Дважды (Каменка, Большая Кузьминка-4) при раскопках попадались отдельные комки обожженной глины, которой, надо полагать, обмазывались стены жилищ.

Обращает на себя внимание присутствие в жилищах (причем, только в половине) простых очагов-кострищ. Впрочем, одного этого факта вряд ли достаточно, чтобы судить о степени капитальности строений.

Постройки городецкой культуры обычно представляются как обладающие удлиненными пропорциями и значительной площадью (Ледяйкин, 1971, с. 8; 1976, с. 113–114; Миронов, 1976, с. 15). Среди жилищ Подонья этому облику соответствуют, пожалуй, лишь строения на Сырском и Крутогорском городищах. Другие же отличаются меньшими размерами и неустойчивыми формами. Тем не менее такое разнообразие вполне характерно для всего ареала культуры (Миронов, 1997, с. 216; Монгайт, 1961, с. 66; Смирнов, Трубникова, 1965, с. 12).

Существует мнение, что небольшие подквадратные полуземлянки появились у городецкого населения Подонья под влиянием южных, скифоидных, соседей (Медведев, 1999, с. 41). Думается, что современное состояние источников пока не позволяет проводить такого рода этнокультурные сопоставления. Тем более что жилища, о которых идет речь, существовали в городецкой среде едва ли не в самом начале расселения носителей культуры в бассейне Дона.

Изучение городецкого домостроительства в донской лесостепи, по существу, только началось. Имеющихся данных недостаточно ни для выявления строительных приемов, ни для решения вопросов социально-экономического плана. Накопление новых материалов в рассматриваемом регионе представляется тем более значимой задачей, что данная проблематика мало исследована и в рамках всей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимов Д.В.* Отчет о раскопках поселения Староживотинное 3 в Рамонском районе Воронежской области в 1999 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 23866.

2. *Алихова А.Е.* Особый тип сооружений на городище Кузина Гора // СА. 1958. № 3. С. 197–201.

3. *Андреев С.И., Разуваев Ю.Д.* Исследование укреплений Давыдовского городища в 2011 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. Вып. 6 (110). С. 227–233.

4. *Бирюков И.Е.* Городище Перехвальское II // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 1993. С. 51–60.

5. *Бирюков И.Е.* Материалы раннего железного века с поселения Курино I на реке Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 1996. С. 60–71.

6. *Бирюков И.Е.* Новое городище городецкой культуры в бассейне Верхнего Дона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Мат-лы межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау / Отв. ред. И.И. Дремов. Саратов: Изд-во Саратовского госпединститута, 1997. С. 169–170.

7. *Бирюков И.Е.* Отчет о раскопках поселения Большая Кузьминка 4 в Липецком районе Липецкой области в 2010 году / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 34167, 34168.

8. *Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д.* Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2009. С. 137–152.

9. *Завитаев А.Н.* Строительные сооружения городецкой культуры на территории Прихопёрья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М.: ИА РАН, 2008. С. 157–159.

10. *Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д.* Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2001. С. 71–88.

11. *Левенок В.П., Миронов В.Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. 1976. № 2. С. 15–32.

12. *Ледяйкин В.И.* Городецкая культура и древняя мордва: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1971. 18 с.

13. *Ледяйкин В.И.* Пургасовское городище // Материалы по археологии Мордовии / Отв. Ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 52. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. С. 107–126.

14. *Медведев А.П.* Поселение раннего железного века Студеновка 3 // Археология Доно-Волжского бассейна / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Изд-во Воронежского пединститута, 1993. С. 79–90.

15. *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

16. *Медведев А.П.* Городище скифского времени Верхняя Покровка II // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Вып. IV. Курск: Курская городская типография, 2012. С. 136–141.

17. *Миронов В.Г.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.

18. *Миронов В.Г.* К вопросу о жилищах и хозяйственно-бытовых сооружениях на городецких памятниках Саратовского Поволжья (историографический очерк) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 211–217.

19. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

20. *Морозова Т.В.* Строительные традиции городецкой культуры на Верхнем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Изд-во Пензенского госпедуниверситета, 2003. С. 277–285.

21. *Разуваев Ю.Д.* История изучения городецких древностей лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 2009. С. 163–174.

22. *Разуваев Ю.Д.* Фортификационно-жилой комплекс скифского времени на городище у деревни Дубики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (266). С. 148–151.

23. *Разуваев Ю.Д., Горбаненко С.А.* К характеристике земледельческого хозяйства населения городецкой культуры бассейна Дона и Цны // РА. 2015. № 3. С. 17–28.

24. *Разуваев Ю.Д., Моисеев А.В.* Городище скифо-сарматского времени у с. Рябинки в правобережье Верхнего Дона (раскопки 2009 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2011. С. 209–219.

25. *Розенфельдт Р.Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156. М.: Наука, 1970. С. 136–144.

26. *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура / САИ. Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965. 40 с. 31 табл.

27. *Смирнов К.А.* Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. 1992. № 1. С. 48–56.

28. *Хреков А.А.* «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология восточно-европейской степи. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 343–361.

29. *Юдин А.И.* Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Вып. 4 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2001. С. 22–80.

Информация об авторе:

Разуваев Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия); razuvaevyd@mail.ru

HOUSING OF THE GORODETS POPULATION OF THE FOREST-STEPPE AREA OF THE DON REGION

Y.D. Razuvaev

The article studies middle – second half of the first millennium BC dwellings found on the Gorodets settlements from the forest-steppe area of the Don region. Majority of sites belonging to this culture are short-term stations without any permanent structures. Such structures were found only on stationary settlements located in river basins and on hillforts. Overall, thirteen surface (including with partly buried foundation) and three half-buried dwellings were studied, including some small (3.5–7 sq.m), medium (11–17 sq.m) and bigger (over 25 sq.m) structures, of different shapes (rectangular, square, trapezoid). Half of the structures had open hearths. Three hillforts contained traces of dwellings forming one complex with fortifications. The studied structures find analogies both within the Gorodets area and on adjacent forest-steppe and forest areas.

Keywords: archaeology, Forest-steppe area of the Don region, Early Iron Age, Gorodets Culture, settlement, hillfort, dwelling.

REFERENCES

1. Akimov, D. V. 2000. *Otchet o raskopkakh poseleniia Starozhivotinnoe 3 v Ramonskom raione Voronezhskoi oblasti v 1999 g. (Report on the Excavations of the Starozhivotinnoye 3 Settlement, Ramon' District, Voronezh Oblast, in 1999).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 23866 (in Russian).

2. Alikhova, A. E. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 197–201 (in Russian).

3. Andreev, S. I., Razuvaev, Yu. D. 2012. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: gumanitarnye nauki (Bulletin of the Tambov University. Humanities Series)* 110 (6), 227–233 (in Russian).

4. Biriukov, I. E. 1993. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 3. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 51–60 (in Russian).

5. Biriukov, I. E. 1996. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki lesostepnogo Pridon'ia (Archaeological Sites of the Forest-Steppe Don Region)* 1. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical Institute, 60–71 (in Russian).

6. Biriukov, I. E. 1997. In Dremov, I. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze and Early Iron Ages in the History of the Ancient Tribes of the Southern Russian Steppes)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 169–170 (in Russian).

The research was funded by the Russian Foundation for Humanities under Project no. 15–01–00103.

7. Biriukov, I. E. 2011. *Otchet o raskopkakh poseleniia Bol'shaia Kuz'minka 4 v Lipetskom raione Lipetskoi oblasti v 2010 godu (Report on the Excavations of the Bolshaya Kuzminka 4 Settlement in the Lipetsk District, Lipetsk Oblast, in 2010)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 34167, 34168 (in Russian).

8. Biriukov, I. E., Razuvaev, Yu. D. 2009. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 4. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 137–152 (in Russian).

9. Zavitaev, A. N. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* II. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 157–159 (in Russian).

10. Kozmirchuk, I. A., Razuvaev, Yu. D. 2001. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 71–88 (in Russian).

11. Levenok, V. P., Mironov, V. G. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 15–32 (in Russian).

12. Lediaikin, V. I. 1971. *Gorodetskaia kul'tura i drevniaia mordva (The Gorodets Culture and Ancient Mordva People)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

13. Lediaikin, V. I. 1976. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 52. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 107–126 (in Russian).

14. Medvedev, A. P. 1993. In Siniuk, A. T. (ed.). *Arkheologiia Dono-Volzhskogo basseina (Archaeology of the Don and Volga Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 79–90 (in Russian).

15. Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiia i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletiia do n. e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

16. Medvedev, A. P. 2012. In *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ia ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ia (Antiquities of the Left-Bank Dnieper Area from the Stone Age until Late Middle Ages)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Left-Bank Dnieper Area) IV. Kursk: "Kurskaia gorodskaia tipografiia" Publ., 136–141 (in Russian).

17. Mironov, V. G. 1976. *Pamiatniki gorodetskoi kul'tury i problema ee lokal'nykh variantov (Sites of the Gorodets Culture and the Problem of Its Local Variants)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

18. Mironov, V. G. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1996 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1996)* 2. Saratov: "Orion" Publ., 211–217 (in Russian).

19. Mongait, A. L. 1961. *Riazanskaia zemlia (The Ryazan Land)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

20. Morozova, T. V. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 277–285 (in Russian).

21. Razuvaev, Yu. D. 2009. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkheologiia vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 163–174 (in Russian).

22. Razuvaev, Yu. D. 2015. In *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University)* 266 (1), 148–151 (in Russian).

23. Razuvaev, Yu. D., Gorbanenko, S. A. 2015. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 17–28 (in Russian).

24. Razuvaev, Yu. D., Moiseev, A. V. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 209–219 (in Russian).

25. Rozenfeldt, R. L. 1970. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 156. Moscow: "Nauka" Publ., 136–144 (in Russian).

26. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (The Gorodets Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Smirnov, K. A. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 48–56 (in Russian).

28. Khrekov, A. A. 2008. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 343–361 (in Russian).

29. Yudin, A. I. 2001. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1998–2000 gg. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1998–2000)* 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 22–80 (in Russian).

About the Author:

Razuvaev Yury D., Candidate of Historical Sciences. Voronezh State Pedagogical University. Lenin St., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; razuvaevyd@mail.ru

Статья поступила в номер 15.12.2015 г.

УДК 903.02

А.Х. ХАЛИКОВ И ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2016 г. А.И. Иванов

Статья посвящена роли А.Х. Халикова в становлении археологической науки в Республике Марий Эл и изучении эпохи бронзы Марийского Поволжья. А.Х. Халиков является одним из основателей и первым руководителем Марийской археологической экспедиции. С первых лет ее работы одним из приоритетных направлений исследований стали раскопки памятников эпохи бронзы. Полученные в первые десять лет работы экспедиции данные позволили А.Х. Халикову разработать концепцию культурогенеза в Среднем Поволжье в эпоху бронзы и выделить чирковско-сейминскую и приказанскую культуры. Эти культуры, по мнению исследователя, сформировались на местной поздневолосовской основе при определенном воздействии культур мигрантов восточного – зауральского импульса, связанного с сейминско-турбинским феноменом, и западного – связанного со средневолжской абашевской, балановской и атликасинской культурами. Модель развития средневолжского региона в эпоху бронзы, предложенная А.Х. Халиковым, по сей день остается актуальной в отношении участников культурогенетического процесса, направления связей и вектора культурогенеза. С учетом современных данных, требуется лишь определенная корректировка хронологического соотношения археологических культур и теоретическое обоснование процессов, связанных формированием новых культурных образований.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, эпоха бронзы, культурогенез, этнокультурные процессы, абашевская культура, чирковская культура, приказанская культура, волосовская культура, сейминско-турбинский феномен, Марийская археологическая экспедиция.

В середине 1950-х гг. в Марийской АССР началась работа по созданию коллективного исследования «Очерки истории Марийской АССР», однако она осложнялась слабой изученностью древней истории территории республики. А.Х. Халиков в конце 1950-х годов писал: «Лишь отдельные, спорадические разведки и раскопки археологических памятников…, позволяют предполагать, что на этой территории (Республика Марий Эл, сопредельные южные районы Кировской и восточные районы Нижегородской областей – *А.И.*) располагаются интереснейшие археологические памятники, изучение которых настоятельно требуется отсутствием научной истории марийского народа и необходимостью разрешения проблемы его происхождения» (Халиков, 1958, с. 73). Поэтому для целенаправленного и систематического изучения древней истории территории республики в 1956 году была организована Марийская археологическая экспедиция.

С образованием МАЭ началось сплошное и систематическое археологическое обследование территории республики. До 1960 г. экспедицию возглавлял Альфред Хасанович Халиков. Уже в первые годы работы МАЭ были открыты сотни новых археологических памятников, в том числе

более 60 поселений, стоянок и могильников волосовской, балановской, абашевской, поздняковской и приказанской культур эпохи раннего металла (Архипов, Халиков, 1960).

В 1956–1957 гг. А.Х. Халиковым обследовались балановские памятники в Волго-Вятском междуречье. Были осмотрены разрушенные Павлушатский и Соза-Курбатовский могильники и установлена их балановская принадлежность. В Кировской области в 1957 г. раскопан Синцовский курган. В центре кургана обнаружена подчетырехугольной формы площадка, по периметру которой проходила канавка. Вся площадка покрыта углисто-золистым слоем со следами прокала. Вокруг площадки отмечено 5 углистых пятен, вероятно, следы кострищ. В северной половине площадки найдены 2 сосуда шарообразной формы с цилиндрическими шейками. И по погребальному обряду, и по инвентарю, Синцовский курган близок кургану Атликасы. В эти же годы А.Х. Халиковым изучался целый ряд поселений: Кубашевское, Галанкина Гора, III Полянская стоянка и др. со смешанным балановским, волосовским и чирковским материалом (Халиков, отчет, 1957; Халиков, 1960, с. 76–110).

В 1957–1958 гг. МАЭ проводит раскопки на Кубашевском поселении, расположенном в Санчурском районе Кировской области. На поселении изучено пять жилищ-полуземлянок. Керамический материал поселения делится на три группы. Первая, наиболее многочисленная группа (45 сосудов), представлена пористою с примесью ракушки керамикой, орнаментированной зубчатым штампом и различной формы вдавлениями. Эта группа керамики относится к волосовской культуре. В жилищах обнаружено еще две группы керамики: балановская (30 сосудов) и чирковская (10 сосудов). А.Х. Халиков предположил совместное бытование всех трех групп керамики (Халиков, 1960, с. 100).

В 1958 г. МАЭ под руководством А.Х. Халикова были проведены небольшие раскопки на Руткинской стоянке в Горномарийском районе Марийской республики, где изучена площадь в 207 кв.м. Материал стоянки определяет ее принадлежность к волосовской культуре. Но наиболее важным явилось то, что рядом с очагом одного из жилищ были найдены обломки тигля с каплями меди. Это была первая стратиграфически увязанная с жилищным комплексом находка, свидетельствующая о наличии у волосовских племен металлургического производства (Халиков, 1960, с. 54).

В 1958 г. открыто, а в 1959 г. проведены раскопки на поселении Галанкина гора, где было изучено два жилища. Жилища прямоугольной формы с переходами и несколькими очагами. Вещевой материал поселения не разделяется по слоям и выбран в основном из заполнений жилищного слоя и с пола жилищ. Основной керамический материал представлен волосовской посудой, но на полу жилищ найдены также фрагменты балановских сосудов (32 сосуда). В жилищах обнаружена также небольшая коллекция керамики с «валиком». А.Х. Халиков в материалах поселения выделяет небольшую группу сосудов (10 сосудов) со смешанными волосовско-балановскими признаками и относит ее к чирковско-сейминской культуре (Халиков, 1960, с. 87–90).

В 1958 г. А.Х. Халиковым изучалась Сутырская I стоянка, на которой зафиксировано шесть жилищных впадин. На памятнике была заложена траншея 1 х 16 метров. Керамика из жилищного заполнения аналогична керамике первой группы поселения Галанкина Гора и относится к поздневолосовскому времени (Халиков, 1960, с. 75). В этом же году им проведены небольшие раскопки на Юринской стоянке, открытой в 1952 г. Р.В. Чубаровой (Чубарова, 1953, с. 285–286). Раскопками установлено совместное залегание в одном слое керамики разных групп. Первая группа представлена керамикой ош-пандинского типа. Вторая группа делится на три типа: поздневолосовская, гибридная с волосовскими и балановскими признаками и со «змейкой». В слое стоянки также найдены обломки чашевидных тиглей (Халиков, 1960, с. 107–109).

В 1958–1959 гг. экспедицией, организованной КФ АН АН СССР, МАРНИИЯЛИ и Горьковским государственным университетом, произведены раскопки Васильсурского городища, расположенного на мысу у впадения р. Сура в Волгу. Кроме многочисленных находок раннеананьинского времени были получены материалы балановской и чирковско-сейминской культур (Халиков, Халикова, 1963, с. 239–268).

С 1956 по 1960 год проводились раскопки абашевских могильников, давшие основной материал для изучения абашевской культуры Среднего Поволжья. А.Х. Халиковым в Волго-Вятском междуречье обнаружено семнадцать курганных могильников: на девяти проведены раскопки и установлена их абашевская принадлежность. В Правобережье Средней Волги А.Х. Халиковым изучены Виловатовский II, Миняшкинский могильники и Пепкинский курган.

В 1956 году МАЭ под руководством А.Х. Халикова изучила 8 из 11 курганов Нартасского могильника в Волго-Вятском междуречье. В результате этих раскопок появились неоспоримые доказательства существования абашевских могильников в Волго-Вятском междуречье. В 1957 году экспедиция продолжила работу под руководством А.Х. Халикова и О.Н. Евтюховой. Были проведены раскопки на Вильяльском, Малокугунурском, Прокопьевском, Семейкинском, Сретенском, Тапшерском, Троицком и Туруновском могильниках. Всего за два года в Волго-Вятском междуречье на девяти могильниках было изучено 39 курганов и установлена их близость абашевским могильникам Чувашии (Халиков, отчет, 1957; Халиков, 1958, с. 81; Евтюхова, 1959, с. 131–150). В 1958 г. экспедиция исследовала Виловатовский II и Миняшкинский могильники в Правобережье Средней Волги (Халиков,1961, с. 158–187). На крупнейшем абашевском могильнике Среднего Поволжья – Виловатовском II (39 курганов) было раскопано 12 курганов, давших материал по раннему периоду заселения абашевцами Среднего Поволжья.

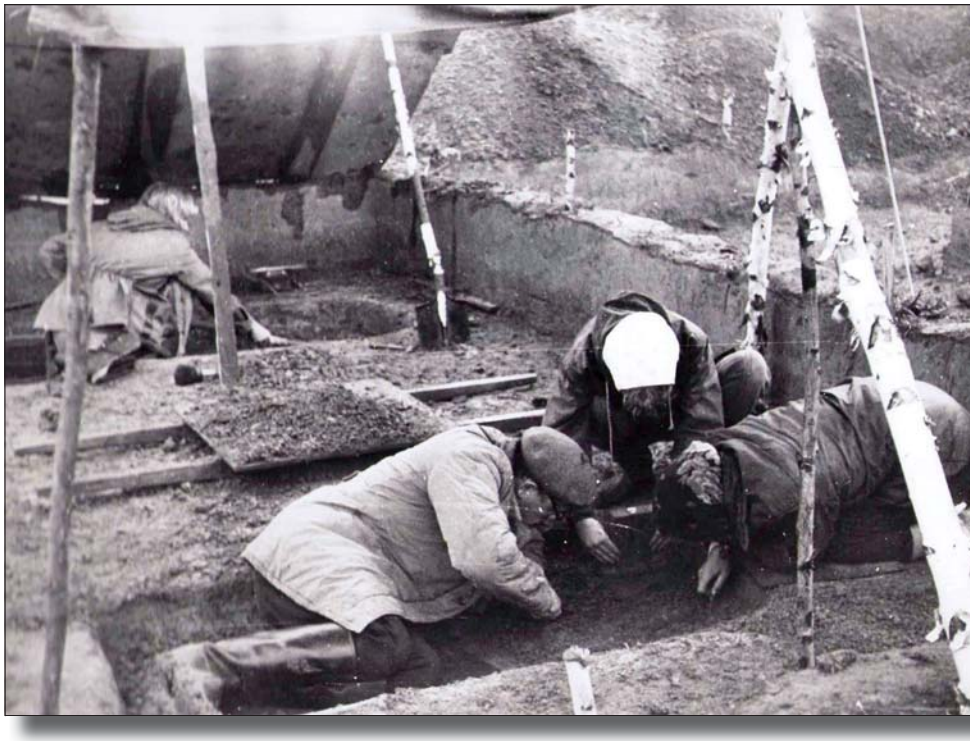
В 1960 г. А.Х. Халиковым изучался Пепкинский курган. Памятник дал богатый и уникальный материал для характеристики средневолжской абашевской культуры. Материалы коллективного погребения убитых воинов, в костяках которых найдены сейминские наконечники стрел, являются важнейшими для постановки и решения проблем культурогенеза в Среднем Поволжье в эпоху бронзы. И

А.Х. Халиков и В.С. Патрушев на раскопках Ахмыловского археологического комплекса (1969 г.).

A. Kh. Khalikov and V.S. Patrushev on the dig of the Akhmylovo archaeological complex (1969).

Вскрытие 1000-го погребения Старшего Ахмыловского могильника (1976 г.).

Uncovering of 1000th grave in the Elder Akhmylovo burial ground (1976).



А.Х. Халиков на раскопках (1970-егг.).

A.Kh. Khalikov on the dig (1970s).

А.Х. Халиков на Юринском полевом симпозиуме (1977 г.).

A.Kh. Khalikov at Yurino Field Symposium (1977).

в настоящее время исследователи обращаются к материалам Пепкинского кургана, по-новому анализируя и интерпретируя их.

Материалы первых лет работы МАЭ подробно опубликованы (Халиков,1959, с. 139–168; Халиков,1961, с. 157–242; Евтюхова, 1959, с. 131–150; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966). В этих и ряде других работ А.Х. Халиков (1960;1969) изложил концепцию культурогенеза в Марийском Поволжье в эпохи раннего металла и бронзы.

В 1960–1970-е гг. определяющей в археологической науке была теория автохтонного развития населения регионов. Не являлось исключением и Среднее Поволжье. Этногенез в регионе рассматривался как непрерывная линия развития местных племен от ранних периодов каменного века до образования этносов. При этом все же учитывалось определенное влияние на этот процесс культур мигрантов, но их роль не считалась определяющей.

В общих чертах концепция развития региона в эпоху бронзы, разработанная А.Х. Халиковым, сводится к следующему. Эпоха бронзы для региона определяется процессом образования новых культур: чирковско-сейминской и приказанской, которые целиком относятся к бронзовому веку и обладают всеми признаками, характерными для культур этого периода. Формирование этих культур, по мнению исследователя, происходило на основе волосовской культуры при определенном воздействии культур мигрантов. Так, формирование выделенной им чирковско-сейминской культуры происходило на основе поздневолосовской, при определенном воздействии балановской культуры (Халиков, 1960, с. 74; Халиков, 1969, с. 200). Отмечается и роль зауральских племен в ее сложении, о чем свидетельствуют материалы Сейминского и Турбинского могильников (Халиков,1969, с. 378). В одной из работ им было высказано мнение о связи керамики с налепными валиками и сейминско-турбинских бронз в целом с лесостепными сибирскими племенами ташковско-кротовского типа, которые в середине II тыс. до н.э. проникают в Приуралье и Поволжье (Халиков,1970, с. 44; Халиков, 1991, с. 8).

Гипотезы о связи сейминско-турбинских бронз с «валиковой» керамикой придерживался В.Ф. Генинг (Генинг и др.,1970, с. 40). Таким образом, уточняется гипотеза о связи «валиковой» керамики с сейминско-турбинским феноменом. Эта гипотеза во многом объясняет включение Сейминского могильника в чирковско-сейминскую культуру и постсейминское время функционирования заключительного (чирковского) этапа культуры – рубеж II–I и первая четверть I тыс. до н.э. (Халиков, 1987, с. 139). Позже Б.С. Соловьев назвал эту культуру чирковской и установил, что ее существование «укладывается в границы первой четверти – середины II тыс. до н.э.» (Соловьев, 2000, с. 55).

В так называемой чирковой культуре фиксируется процесс контактов и взаимовлияний волосовской, балановской, атликасинской культур и культуры «валиковой» керамики. И, если чирковская культура является результатом синкретизма этих культур, то ее оформление необходимо отнести к постсейминскому времени, к эпохе поздней бронзы. В материалах средневолжских волосовских памятников начального периода эпохи

раннего металла фиксируются лишь контакты волосовской, балановской и атликасинской культур в предсейминское время и включение в этот процесс культуры «валиковой» керамики в сейминское время. Связь керамики с «валиком» и «змейкой», а также сейминских наконечников стрел с сейминско-турбинскими племенами впервые отмечена А. Х. Халиковым.

Сложение приказанской культуры, как считал ученый, происходило на поздневолосовской основе при определенном влиянии полтавкинских племен (Халиков, 1969, с. 241). Позже им были внесены некоторые уточнения в оценку процесса культурогенеза приказанской и поздняковской культур, возникших, по его мнению, на основе смешения поздневолосовского и раннесрубного (покровско-абашевского) симбиозного населения, которое испытывало и сейминско-турбинское влияние (Халиков, 1991, с. 9). Таким образом, А.Х. Халиков отмечал определенную роль в культурогенезе Среднего Поволжья племен мигрантов, связанных со степными и лесостепными районами Поволжья.

Сначала и А.Х. Халиков считал, что абашевские памятники Подонья и Среднего Поволжья синхронны, а возможно, донские даже позднее ранних абашевских памятников лесной зоны Среднего Поволжья (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 28). Затем А.Х. Халиков присоединился к точке зрения А.Д. Пряхина о существовании в Подонье протоабашевского периода и появлении абашевцев в Среднем Поволжье и на Южном Урале в раннеабашевский период, а временем наибольшего распространения средневолжского абашева называет XVI–XV вв. до н. э. (Пряхин, Халиков, 1987, с. 125).

О.Н. Бадер и А.Х. Халиков определенные абашевские проявления отмечают в Балановском могильнике. В частности, абашевским влиянием они объясняют появление в отдельных погребениях Балановского могильника подсыпки дна могил мелом или известью. В погребальном инвентаре отмечаются общие типы орудий и украшений, форм и элементов орнаментации керамики, появление плоскодонных горшков. В атликасинских погребениях Балановского могильника появляются коллективные захоронения со следами насильственной смерти, аналогичные погребениям Алгашинского, Абашевского могильников и Пепкинского кургана. Так, в атликасинской коллективной могиле № 31 (погребения 54 и 55) Балановского могильника погребенные найдены без черепов. Абашевским влиянием они объясняют и появление курганской насыпи над двумя погребениями Чурачикского могильника (Бадер, Халиков. 1976, с. 29).

В эпоху средней бронзы (по хронологии лесостепи Восточной Европы) в Марийском Поволжье практически на одной территории сосуществуют племена различных культурогенетических традиций – поздневолосовские, балановские, атликасинские и абашевские. Есть все основания считать, что в лесной полосе Среднего Поволжья абашевская, балановская, атликасинская культуры (на определенных этапах развития), а также западные сейминско-турбинские памятники сосуществуют в одно и то же время.

Поздний этап развития абашевской культуры в Среднем Поволжье харак-

теризуется появлением коллективных погребений с сейминскими наконечниками стрел. Этот этап определяет и типологический горизонт погребений металлургов в фатьяновской, атликасинской и абашевской культурах. По времени он совпадает с появлением на Средней Волге сейминско-турбинских племен. Сейминское время в лесной зоне Среднего Поволжья определяется такими памятниками, как Сейминский и Юринский могильники, а также комплексами с «валиковой» керамикой и керамикой со «змейкой» на волосовско-балановских или чирковских поселениях. Керамика с «валиком» и «змейкой, возможно, связана с кротовской культурой.

Моделирование культурогенеза Марийского Поволжья эпохи бронзы усложняется определением роли в этих процессах восточного импульса, связанного с западносибирско-алтайским культурно-историческим регионом. На западное направление связей указывают средневолжская абашевская, балановская и атликасинская культуры. Чирковско-сейминская, или чирковская культура, напротив, указывает на восточное направление связей, хотя и считается, что одним из компонентов в ее сложении явилась балановская культура.

Модель развития средневолжского региона в эпоху бронзы, предложенная А.Х. Халиковым, остается актуальной в настоящее время. Все участники культурогенетического процесса, направление связей и вектор культурогенеза определены правильно. Требуется лишь определенная корректировка хронологического соотношения археологических культур, теоретическое обоснование процессов, связанных формированием новых культурных образований. Новые стандарты и технологии бронзового века привносятся в лесную зону Среднего Поволжья племенами, которые либо выходят из лесостепной зоны, либо связаны с ней определенными традициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Халиков А.Х.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Вып. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1960. 130 с.

2. *Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. Матющенко В.И. Томск: ТГУ, 1970. С. 32–36.

3. *Евтюхова О.Н.* Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР // Труды МарНИИ. Вып. 14. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1959. С. 131–150.

4. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

5. *Халиков А.Х.* Марийская археологическая экспедиция 1956 г. // Труды МарНИИ. Вып. 11. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1958. С. 73–89.

6. *Халиков А.Х.* Отчет о полевых исследованиях Марийской экспедиции 1956 г. Йошкар-Ола, 1957 / Архив ИА РАН. Р 1. Д. 1266, 1266а.

7. *Халиков А.Х.* Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1958 г. Йошкар-Ола, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1874, 1874а.

8. *Халиков А.Х.* Основные итоги работ Марийской археологической экспедиции (1956–1958 гг.). Йошкар-Ола, 1959 / Архив МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 119.

9. *Халиков А.Х.* Материалы к истории населения Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху неолита и бронзы. / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 187 с.

10. *Халиков А.Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 157–241.

11. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

12. *Халиков А.Х.* Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 136–138.

13. *Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–268.

14. *Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимов М.М.* Пепкинский курган (абашевский человек) / Труды МАЭ. Т.III. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966. 69 с.

15. *Чубарова Р.В.* Археологические экспедиции МарНИИ 1952 г. // Ученые записки МарНИИ. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1953. Вып. V. С. 285–291.

Информация об авторе:

Иванов Александр Иванович, заместитель директора, ГБУК РМЭ «Информационно-туристский центр «Царевококшайский Кремль» (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола); kremlin.mari@mail.ru

A. KH. KHALIKOV AND THE BRONZE AGE STUDIES IN MARI VOLGA REGION

A.I. Ivanov

The article addresses the role of A. Kh. Khalikov in the development of archaeology in the Republic of Mari El and the development of the Bronze Age studies in Mari Volga region. A.Kh. Khalikov is one of the founders and the first Director of the Mari Archaeological Expedition. From the first years of its operation, excavations of the Bronze Age archaeological sites were one of the research priorities of the Mari Archaeological Expedition. The findings of the first ten years of the expedition allowed A. Kh. Khalikov to develop the concept of Cultural Genesis in the Middle Volga region in the Early Metal Age and Bronze Age, as well as to distinguish Chirki-Seyma Culture and Prikazan Culture of the Middle Volga region. He suggested that these cultures evolved on the local late Volosovo basis under a certain influence of Eastern – Trans-Urals migrants, connected with the Seyma-Turbino phenomenon, and Western influence, connected with the Abashevo, Balanovo and Atlikasy cultures from the Middle Volga. The development model of the Middle Volga region in the Bronze Age, proposed by A. Kh. Khalikov, is still relevant in terms of the actors and vectors of relations and cultural genesis. In view of the current available data, what is required now is to make some corrections to the chronological correlation of archaeological cultures and provide theoretical substantiation to the processes related to development of new cultural formations.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Bronze Age, cultural genesis, ethnocultural processes, Abashevo culture, Chirki culture, Prikazanskaya culture, Volosovo culture, Seyma-Turbino phenomenon, Mari Archaeological Expedition.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (po dannym Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1956–1959 gg.) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: by the reports of the Mari Archaeological Expedition, 1956–1959)* 1. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

2. Gening, V. F., Gusentsova, T. M., Kondrat'ev, O. M., Stefanov, V. I., Trofimenko, V. S. 1970. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri (Issues of Chronology and Cultural Attribution of the West Siberian Archaeological Sites)*. Tomsk: Tomsk State University, 32–36 (in Russian).

3. Evtiukhova, O. N. 1959. In *Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the Mari Research Institute)* 14. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 131–150 (in Russian).

4. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

5. Khalikov, A. Kh. 1958. In *Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the Mari Research Institute)* 11. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 73–89 (in Russian).

6. Khalikov, A. Kh. 1957. *Otchet o polevykh issledovaniiakh Mariiskoi ekspeditsii 1956 g. (Report on the Fieldworks of the Mari Expedition in 1956)*. Yoshkar-Ola. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 1266, 1266 (in Russian).

7. Khalikov, A. Kh. 1959. *Otchet o polevykh rabotakh Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1958 g. (Report on the Fieldworks of the Mari Archaeological Expedition in 1958)*. Yoshkar-Ola. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 1874, 1874 (in Russian).

8. Khalikov, A. Kh. 1959. *Osnovnye itogi rabot Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (1956–1958 gg.) (Main Results of the Works of the Mari Archaeological Expedition (1956-1958))*. Yoshkar-Ola. Archive of the Mari Research Institute of Language, Literature, and History I. Inv. 1, dossier 119 (in Russian).

9. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials to the History of the Middle Volga and Kama Population in the Neolithic and the Bronze Age)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

10. Khalikov, A. Kh. 1961. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–241 (in Russian).

11. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 136–138 (in Russian).

13. Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 239–268 (in Russian).

14. Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimov, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

15. Chubarova, R. V. 1953. In *Uchenye zapiski Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Scientific Notes of the Mari Research Institute)* V. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 285–291 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Aleksandr I. Information and Tourism Center "Tsarevokoshaisk Kremlin". Sovetskaya St., 104, Yoshkar-Ola, 424031, Mari El Republic, Russian Federation; kremlin.mari@mail.ru

Статья поступила в номер 03.02.2016 г.

УДК 930.26(470.5):643

МОРФО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУС ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВЕКОВ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ[1]

© 2016 г. Е.В. Голдина, Е.М. Черных

В статье приведены результаты морфо-технологического анализа коллекции стеклянных бус, происходящих из Дубровского могильника – одного из новых памятников мазунинского времени в Среднем Прикамье. Могильник характеризуется четкой планиграфической ситуацией, единообразием формы и ориентировки могил, довольно крупными размерами ям, выразительностью сопровождающего инвентаря со специфическими «мужскими» и «женскими» комплектами. По предварительным данным половозрастного анализа, количество мужчин и женщин на погребальном поле примерно одинаково, на долю детей и подростков приходится менее пятой части могил. Бусы обнаружены в каждом третьем погребении. По морфо-технологическим характеристикам коллекция бус Дубровского могильника обладает чертами, общими для памятников Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э.: доминирование бирюзового стеклянного бисера, изготовленного методом разрезания тянутой трубочки; незначительность доли бус, выполненных из тянутой палочки; присутствие бус, изготовленных способом навивки. Среди особенностей инвентарных наборов данного могильника отмечено наличие выразительных женских головных уборов, украшенных бронзовыми деталями и бисером, малое количество бус с металлической прокладкой и полное отсутствие декорированных бус. Основным источником поступления бус в Прикамье в это время, по-видимому, было Северное Причерноморье.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, мазунинская культура, Дубровский могильник, стеклянные бусы, морфология, технология изготовления.

В 2009–2015 гг. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством В.А. Бернц и Е.М. Черных исследовался Дубровский могильник (Черных, Перевозчикова и др., 2010; Черных, Карпушкина и др., 2013; Черных, 2014; Бернц и др., 2015). Он находится в Киясовском районе Удмуртской республики на левом берегу р. Шехостанка, правого притока р. Кырыкмас, левого притока р. Иж, правого притока р. Камы (рис. 1а). У местного населения место расположения памятника пользуется популярностью как место отдыха («Красная горка» (рис. 1б)).

Всего на настоящий момент на территории памятника изучено 174 погребения. Могильник характеризуется четкой планиграфией, единообразием формы и ориентировки могил, довольно крупными размерами ям, выразительностью сопровождающего инвен-

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, в рамках научного проекта № 15-11-18003/16 "Культурно-исторические контакты населения Среднего Прикамья в эпоху Великого переселения народов по материалам бус".

таря со специфическими «мужскими» и «женскими» комплектами. По предварительным данным половозрастного анализа, количество мужчин и женщин на погребальном поле примерно одинаково, на долю детей и подростков приходится менее пятой части могил. Облик инвентаря и погребальный обряд некрополя отражают специфику мазунинского этапа чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности на его заключительной стадии – IV–V вв. н.э. Результаты радиоуглеродного анализа образцов древесины, выполненные аналитиками Г.И. Зайцевой и М.А. Кульковой, согласуются в целом с традиционными археологическими датировками погребального инвентаря и укладываются в календарный возраст конца II – первой половины V в н.э. (с концентрацией дат в интервале от 220 до 440 г.) (Черных, 2014, с. 439).

Объект данного исследования – коллекция бус из Дубровского могильника. Методической основой работы является учение о системах, предложенное Ю.Л. Щаповой и разработанное в рамках семинара «Морфология древностей» на кафедре археологии МГУ под ее руководством (Щапова Ю.Л., 1989). На основе данной методики уже были выполнены исследования коллекций бус нескольких памятников Верхнего и Среднего Прикамья I тысячелетия н.э. (например, Голдина, 2010, 2010а; Голдина, Кузьминых, 2013; Голдина, Бернц, 2015; Голдина, Черных, 2015).

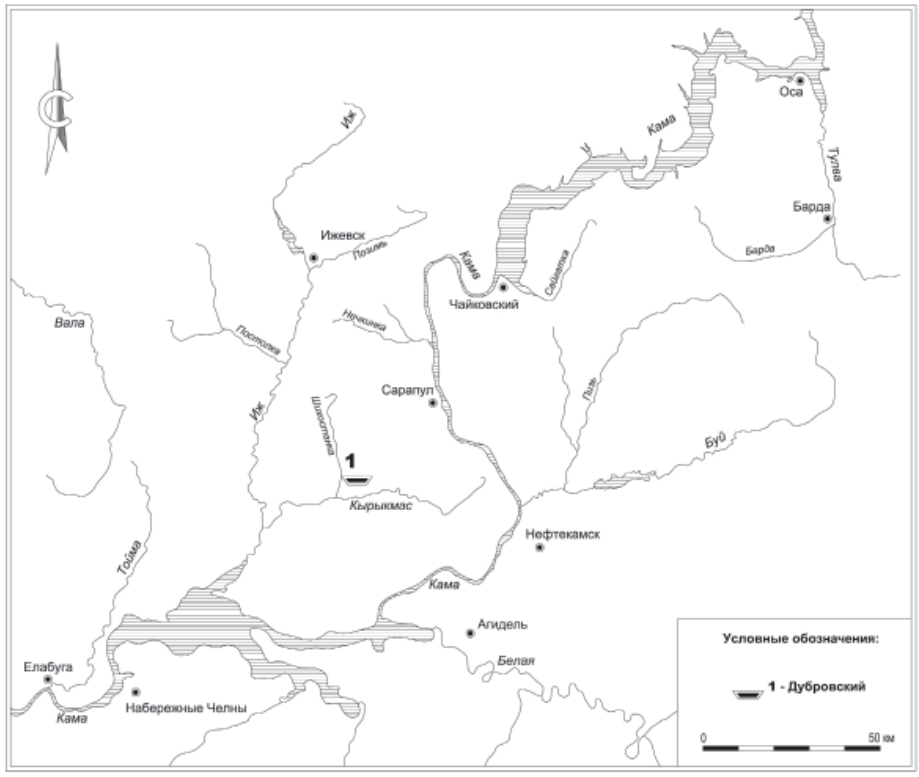
Коллекция бус данного некрополя насчитывает 3018 экземпляров, которые происходят из 56 погребений (32% от 174 погребений; 3016 экз.), а также из подъемных сборов (2 экз.).

Материал. Почти все бусы являются стеклянными (3017 экз., 99,97%), за исключением одной, выполненной из халцедона (табл. 1).

Форма. Бусы по форме поперечного сечения подразделены на округлые (2985 экз., 98,9%) и граненые (32 экз., 0,1%). По форме продольного сечения выделено 8 видов форм, среди которых наиболее распространены: зонные (2021 экз., 66,99%), цилиндрические (911 экз., 30,2%) и бочонкообразные (36 экз., 1,19%). Бусы иных форм немногочисленны (табл. 2).

Размеры. Измерение бусины произведено по следующим параметрам: диаметр, высота и диаметр отверстия. Для упорядочения полученных данных была использована шкала, предложенная Ю. Каллмером (Callmer J., 1977, p. 35), в которой величины диаметров разбиты на группы через каждые 2 мм. Пропорции бусины определены соотношением диаметра к высоте и в зависимости от этого бусы отнесены к группам: короткие – $H/D \leq 0,5$; средне-короткие – $0,5 < H/D \leq 1$; средне-длинные – $1 < H/D < 1,5$; длинные – $H/D \geq 1,5$. Данные о размерах бус нами объединены в единую таблицу, в которой по горизонтали размещены величины диаметров, а по вертикали – информация о пропорциях бус. В результате каждая бусина получает код размера, который обозначен цифрой с апострофом (табл. 3).

Стеклянные бусы имеют диаметр от 2 до 23 мм. Абсолютно доминирует бисер диаметром 3–5 мм (2931 экз., 97,12%), встречены экземпляры и менее 3 мм (2 экз., 0,07%). Стеклянные бусы иных диаметров редки. По пропорциям большая часть стеклянных бус является средне-короткими (2399 экз.,



а

б

Рис. 1. Карта-схема расположения (а) и общий вид (б) Дубровского могильника

Fig. 1. Location (a) and general view (б) of the Dubrovksiy burial ground

Таблица 1

Дубровский могильник. Распределение бус по материалу

Материал	Количество (экз.)	%
Стекло	3017	99,97
Халцедон	1	0,03
всего	3018[1*]	100

[*] из них 16 экземпляров рассыпались

Таблица 2

Дубровский могильник. Форма тулова стеклянных бус

Форма поперечного сечения	Форма продольного сечения	Количество	%
Округлая	Шар, усечённый дважды (зонная)	2021	66,99
	Шар, усечённый дважды многочастный (зонная многочастная)	15	0,50
	Эллипс, усечённый дважды (бочонкообразная)	36	1,19
	Эллипс, усечённый дважды многочастный (бочонкообразная многочастная)	1	0,03
	Эллипс	1	0,03
	Цилиндр	911	30,20
Граненая	Параллелепипед со срезанными вершинами	1	0,03
	Призма шестиугольная	3	0,10
Не установлено		28	0,93
	всего	3017	100

79,49%) или средне-длинными (558 экз., 18,49%). Бусина из халцедона имеет диаметр 31 мм и относится по пропорциям к средне-коротким.

Цвет. Цвет бусины определен с помощью шкалы цветов, которая насчитывает 21 цветовой тон, каждый из которых имеет 8 различных оттенков по интенсивности и светлости. Шкала цветов была разработана на кафедре археологии МГУ на основе атласа цветов Е.Б. Рабкина (1956). У одноцветных бус определен цвет основы бусины, для бус с металлической прокладкой дается цвет внешнего слоя стекла. На памятнике не обнаружено ни одной декорированной бусины.

Цветовая гамма стеклянных бус, найденных на Дубровском могильнике, насчитывает 14 цветов и оттенков (табл. 4). Одноцветные бусы без декора преобладают (2992 экз., 99,17%) и окрашены преимущественно в бирюзовый, синий, сине-зеленый, желтый и черный цвета. Другие расцветки встречаются единично. Бусы с металлической прокладкой редки (25 экз., 0,83%) и имеют желтый слабый (бесцветный) внешний слой. Таким бусам желтый оттенок придает, по-

Таблица 3

Дубровский могильник. Корреляция диаметров и пропорций бус

D (мм) / H/D	< 3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	30 и >	Не установлено	Всего	%
H/D≤0,5 короткие	1'* -	5' -	9' -	13' -	17' 5	21' 15	25' 2	41' -	-	22	0,73
0,5<H/D≤1 средне-короткие	2' -	6' 2364	10' 11	14' -	18' 14	22' 8	26' 1	42' 1	-	2399	79,49
1< H/D <1,5 средне-длинные	3' -	7' 558	11' -	15' -	19' -	23' -	27' -	43' -	-	558	18,49
H/D≥1,5 длинные	4' 2	8' 9	12' 1	16' -	20' -	24' -	28' -	44' -	-	12	0,40
Не установлено	-	-	-	-	-	-	-	-	27	27	0,89
Всего	2	2931	12	-	19	23	3	1	27	3018	
%	0,07	97,12	0,4	-	0,63	0,76	0,1	0,03	0,89		100

* цифра с апострофом означает код размера бусины

видимому, цвет металлической прокладки, изготовленной из золотой фольги. Способ украшения бус золотой или серебряной фольгой был изобретен в Александрии в III–II вв. до н.э. и применялся в течение всего I тысячелетия н.э. По наблюдениям В.Б. Ковалевской (Деопик), в первой половине I тысячелетия бытовали бусы с золотой фольгой, в VI–IX вв. – с серебряной (цит. по Львова З.А., 1983, с. 100–101).

Прозрачность. По данному признаку среди бус выделены прозрачные, полупрозрачные и непрозрачные. Непрозрачные экземпляры в коллекции доминируют (2225, 73,79%; табл.5). Прозрачные и полупрозрачные бусы распространены приблизительно равномерно, 400 и 364 экземпляров (соответственно 13,25% и 12,05%). Присутствуют также бусы, у которых прозрачность не определена из-за плохой сохранности (28, 0,91%).

Технология изготовления. Программа изучения технологии изготовления стеклянных бус и приемов наложения декора основана на системе З.А. Львовой, которая составила детальный список технологических приемов, используемых древними мастерами (Львова З.А., 1979, с. 90–103). Бусина из халцедона изготовлена методом получения заготовки путем окалывания с последующим сверлением отверстия, шлифованием и полировкой (Леммлейн, 1947, с. 23).

Стеклянные бусы Дубровского могильника выполнены в трех техниках (табл.6). Бусы из тянутой трубочки

Таблица 4

Дубровский могильник. Цвет стеклянных бус

Цвет	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
сине-фиолетовый	9	-	-	9	0,30
синий	439	-	-	439	14,55
сине-зелёный	370	-	-	370	12,26
бирюзовый	1479	-	-	1479	49,02
бирюзовый светлый	101	-	-	101	3,35
оливковый слабый	27	-	-	27	0,89
жёлтый	158	-	-	158	5,24
желто-зеленый	210	-	-	210	6,96
красно-коричневый	6	-	-	6	0,20
коричневый слабый	1	-	-	1	0,03
зелёный	15	-	-	15	0,50
желтый слабый (бесцветный)	-	-	25	25	0,83
белый	8	-	-	8	0,27
черный	141	-	-	141	4,67
не установлен	28	-	-	28	0,93
всего	2992	-	25	3017	
%	99,17		0,83		100

абсолютно преобладают (2942 экз., 97,51%). Этим способом изготовлено большинство одноцветных бус (2917 экз.) и все бусы с металлической прокладкой (25 экз.). Методом разрезания одноцветной палочки с последующим проколом выполнено 30 бусин (1%). На памятнике выявлены изделия, изготовленные способом навивки (17, 0,56%). Техника изготовления 28 бусин (0,93%) не установлена.

Вслед за Н.А. Школьниковой (1978), выявленные технологические схемы были распределены по принципу изготовления на группы:

I – массовое (серийное) изготовление – к данной группе нами отнесены бусы из тянутой трубочки (2942 экз.; 97,51%);

II – индивидуальное изготовление – бусы, выполненные способом навивки (17 экз., 0,56%);

III – серийно-индивидуальное изготовление – бусы, выполненные методом разрезания тянутой палочки (30 экз., 1%).

Таким образом, коллекция из бус Дубровского могильника насчитывает 3018 экземпляров и на 99,97% состоит из стеклянных бус. Одноцветный бисер бирюзового или синего цветов зонной (типы IA7, IA8, IA59; рис. 2) или цилиндрической (типы IA32, IA75) форм относится к массовым типам, имеющим широкие аналогии в коллекциях позднеантичных памятников Северного Причерноморья, где датируются достаточно широко I–IV вв. н.э.

Таблица 5

Дубровский могильник. Прозрачность стеклянных бус

Прозрачность	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
непрозрачные	2225	-	-	2225	73,79
полупрозрачные	364	-	-	364	12,05
Прозрачные	375	-	25	400	13,25
не установлено	28	-	-	28	0,91
всего	2992	-	25	3015	
%	99,17	-	0,83		100

Таблица 6

Дубровский могильник. Технология изготовления стеклянных бус

Технология	Без декора	С декором	С металлической прокладкой	Всего	%
разрезание тянутой трубочки	2917	-	25	2942	97,51
разрезание палочки	30	-	-	30	1,00
Навивка	17	-	-	17	0,56
не установлено	28	-	-	28	0,93
всего	2992	-	25	3015	
%	99,17	-	0,83		100

Таблица 7

Аналогии типам бус Дубровского могильника на памятниках Северного Причерноморья

Тип (рис.2)	Кол-во бус	Тип по Е.М. Алексеевой	Дата по Е.М. Алексеевой
IA4	92	5	первые века н.э. (с.63)
IA5	142	10	I–III вв. н.э. (с.64)
IA32	439	66	I–III вв. н.э. (с.67)
IA59	410	15	I–II вв. н.э. (с. 65)
IA66	8	2	I–II вв. н.э. (с.63)
IA75	270	69	I–IV вв. н.э. (с.67)
IB29	25	1б	первые века н.э. (с.29–30)

(табл. 7; Алексеева, 1978, с. 29–65). Анализ технологии изготовления стеклянных бус показал, что большинство их выполнено массовым методом производства – путем членения тянутой трубочки. Бусы, изготовленные путем членения палочки и методом навивки, составляют лишь около 2% коллекции. Среди особенностей данного могильника нужно отметить полное отсутствие декорированных бус и малое количество бус с металлической прокладкой.

В целом коллекция из бус Дубровского могильника обладает чертами, присущими памятникам Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э.: доминирование стеклянного бисера

Рис. 2. Типы бус Дубровского могильника.

Fig. 2. Bead types from the Dubrovskiy burial ground.

(чаще всего бирюзового), изготовленного методом разрезания тянутой трубочки; доля бус, выполненных из тянутой палочки, невелика; присутствие бус, изготовленных способом навивки. Подобная ситуация наблюдается и на иных памятниках Среднего Прикамья изучаемой эпохи. Так, по наблюдениям Т.И. Останиной, господствующей формой стеклянных бус на памятниках мазунинской культуры был бисер бирюзового (характерно для удмуртской группы памятников), желтого, красного, светло-зеленого (характерно для башкирской группы памятников) цветов. Бисер обычно был изготовлен техникой членения стеклянной трубочки (Останина, 1997, с. 55–57). На одном из крупнейших финно-угорских могильников – Тарасовском – также преобладает стеклянный бисер бирюзового или желтого цветов, выполненный из тянутой трубочки (Голдина, Кузьминых, 2013, с. 60–61). Аналогичные характеристики свойственны коллекции бус Тураевского I могильника (бескурганная часть), где синие или бирюзовые экземпляры диаметром 3–5 мм составляют более 97% от общей выборки в 8307 экземпляров. Почти все они изготовлены в той же технике – методом тянутой трубочки (Голдина, 2010а, с. 462–471). Те же черты отмечены на новых мазунинских памятниках, исследованных в последние два десятилетия сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции – Заборьинском (Голдина, Бернц, 2015, с. 131–135) и Боярском («Арай») (Голдина, Черных, 2015, с. 93–99). Схожесть наборов бус из перечисленных памятников первой половины I тыс. н.э. Среднего Прикамья наводит на мысль о закономерности отмеченного явления, за которым, по всей вероятности, скрывается поступление этих изделий из одного центра. Возможным районом, откуда поступали бусы в Прикамье в первые века новой эры, было Северное Причерноморье. На данной территории во II–III вв. н.э. наблюдалось массовое использование стеклянного бисера из глухого красного, прозрачного сине-зеленого, полупрозрачного голубого стекла и др. (Алексеева, 1978, с. 62). Исследователями не раз высказывалось мнение о посредничестве в этих операциях сармат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. ГI-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

2. *Бернц В.А., Черных Е.М. Перевозчикова С.А.* Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 455–457.

3. *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. Т.6. 264 с.

4. *Голдина Е.В.* Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010а. Т. 17. С. 462–474.

5. *Голдина Е.В., Бернц В.А.* Бусы Заборьинского могильника IV в. н.э. в Среднем Прикамье // Современные концепции научных исследований. XIII междунар. науч.-практ. конф. Москва, 20–30 апреля 2015. Евразийский союз ученых (ЕСУ). М.: б/и, 2015. №4 (13). С. 131–135. Доступно по URL: http://issuu.com/euroasiascience/docs/evro_13_p10

6. *Голдина Е.В., Кузьминых Н.В.* Особенности бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 59–61.

7. *Голдина Е.В., Черных Е.М.* Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV–V вв. н.э. в Среднем Прикамье // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. 2015. № 9(40), часть 1. С. 93–99. Доступно по URL: http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/9-1-40.pdf

8. *Леммлейн Г.Г.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 22–30.

9. *Львова З.А.* Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 20 Л.: Искусство, 1979. С. 90–103.

10. *Львова З.А.* Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. Вып. 24. Л.: Искусство, 1983. С. 90–107.

11. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

12. *Рабкин Е.Б.* Атлас цветов. М.: Государственное изд-во медицинской литературы, 1956. 210 с.

13. *Черных Е.М.* Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань: Отечество, 2014. С. 437–439.

14. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А.* Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 22–23 апреля 2010 г.). Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2010. С. 207–209.

15. *Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е.* Исследования Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской Республике // Археологические открытия 2009 года. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 245–246.

16. *Школьникова Н.А.* Стеклянные украшения конца I тыс. н.э. на территории Поднепровья // СА. 1978. № 1. С. 97–104.

17. *Щапова Ю.Л.* Древнее стекло: Морфология, технология, химический состав / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В.Л. Янин. М.: Изд-во Московского университета, 1989. 120 с.

18. *Callmer J.* Trade Beads and bead Trade in Skandinavia ca. 800-1000 A.D. Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Bonn-Lund: Rudolf Habelt Verlag, CWK Gleerup, 1977. Nr.11. 229 c.

Информация об авторах:

Голдина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); goldina66@yandex.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); Emch59@mail.ru

MORPHO-TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BEADS FROM THE 4TH–5TH CENTURUES AD DUBROVSKIY CEMETERY IN THE MIDDLE KAMA REGION

E.V. Goldina, E.M. Chernykh

The article presents a morpho-technological analysis of glass beads collection from the Dubrovskiy burial ground – one of the new sites of the Mazunino time in the Middle Kama region. The burial ground features distinct planning, similar form and placement of burials, rather large graves, distinct male and female funerary items. According to preliminary gender and age analysis, proportions of men and women are fairly similar, children and teenagers burials make only about one fifth of all graves. Beads are found in every third burial. Morpho-technological characteristics of the Dubrovskiy burial ground beads are similar to the Middle Kama region sites dating to I millennium AD: dominance of the turquoise glass beads, made by cutting a glass tube, small percentage of beads made by cutting a stick, beads made by winding. Funerary collections' features include presence of distinct female headdresses, decorated with bronze detailing and beads, low quantity of beads with metallic cushion and total absence of decorated beads. The North Black Sea region seems to be the main source of beads in the Kama region at the time.

Keywords*:* archaeology, Middle Kama region, Mazunino culture, Dubrovskiy burial ground**,** glass beads, morphology, technology.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bernts, V. A., Chernykh, E. M. Perevozchikova, S. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 455–457 (in Russian).
3. Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
4. Goldina, E. V. 2010. In Goldina, R. D., Bernts, V. A. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt University, 462–474 (in Russian).
5. Goldina, E. V., Bernts, V. A. 2015. In *Sovremennye kontseptsii nauchnykh issledovanii (Modern Concepts of Scientufic Studies)* 13 (4). Moscow: s. ed., 131–135. Available at: http://issuu.com/euroasiascience/docs/evro_13_p10 (in Russian).
6. Goldina, E. V., Kuz'minykh, N. V. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Language, Literature and History Institute, 59–61 (in Russian).

This publication was supported by the Russian Humanitarian Scientific Fund under Research Project no. 15-11-18003 "Cultural-Historical Contacts of the Middle Kama Population during the Great Migrations, by bead finds".

7. Goldina, E. V., Chernykh, E. M. 2015. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (International Research Journal)* 9 (40), part 1. Yekaterinburg, 93–99. Available at: http://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/9-1-40.pdf (in Russian).

8. Lemmlein, G. G. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVIII, 22–30 (in Russian).

9. L'vova, Z. A. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 90–103 (in Russian).

10. L'vova, Z. A. 1983. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 24. Leningrad: "Iskusstvo" Publ., 90–107 (in Russian).

11. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III—V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd — 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

12. Rabkin, E. B. 1956. *Atlas tsvetov (Atlas of Colours)*. Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

13. Chernykh, E. M. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 437–439 (in Russian).

14. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Bernts, V. A. 2010. In *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 207-209 (in Russian).

15. Chernykh, E. M., Karpushkina, O. A., Mitriakov, A. E., Perevoshchikov, S. E. 2013. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 goda (Archaeological Discoveries in 2009)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 245–246 (in Russian).

16. Shkol'nikova, N. A. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 97–104 (in Russian).

17. Shchapova, Yu. L. 1989. *Drevnee steklo: Morfologiia, tekhnologiia, khimicheskii sostav (Ancient Glass: Morphology, Technology, Chemical Composition)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

18. Callmer, J. 1977. *Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D.* Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4°, Nr.11. Bonn: Rudolf Habelt Verlag; Lund: Gleerup.

About the Authors:

Goldina Ekaterina V. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; goldina66@yandex.ru

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 02.03.2016 г.

УДК.902.01

ГЛИНЯНАЯ ФИГУРКА ИЗ ТАТАРСКО-СУКСИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

© 2016 г. А.В. Беляев, Э.А. Хуснутдинов

Вводится в научный оборот глиняная антропоморфная фигурка, обнаруженная на Татарско-Суксинском поселении (Актанышский район Республики Татарстан) в ходе разведочных изысканий в 2015 г. Фигурка является женской и может быть связана с культом плодородия. Анализ и интерпретация ее орнаментации могут предоставить новые данные для реконструкции костюма древнего населения Волго-Камья. Находка датируется III–IV вв. до н.э. и относится к позднему периоду развития ананьинской культурно-исторической области. Ее сравнение с аналогичной фигуркой, найденной в 1958 г. на III Подгорно-Байларском селище, а также с другими аналогиями из соседних регионов, позволяет предположить бытование подобных изделий глиняной пластики и в более позднее время.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, глиняная антропоморфная пластика, орнамент.

Среди керамических изделий ананьинского времени следует особо выделить антропоморфные глиняные фигурки. До настоящего времени из данной категории предметов на территории Республики Татарстан была известна только одна находка такого рода, происходящая из Подгорно-Байларского III селища (Генинг, 1971, с. 120, рис. 41: 15).

Данные фигурки интересны, прежде всего, тем, что они позволяют, в известной мере, реконструировать костюм древнего населения Волго-Камья. Большая часть авторов склоняется к версии о культовом назначении этих фигурок (Смирнов, 1975, Обыденнов, Корепанов, 2001, Колобова, 2006).

В октябре 2015 г. в ходе работ одного из авторов статьи в Актанышском районе, в разведочном шурфе № 39, заложенном на трассе строительства объектов нефтяной промышленности, обнаружена антропоморфная фигурка, выполненная из глины со следами кострового обжига (рис. 1). Эта фигурка и находки керамики из других разведочных шурфов позволяют говорить об открытии нового археологического памятника, который получил название Татарско-Суксинское поселение. Памятник располагается на неоплейстоценовой террасе, в 3,8 км к юго-западу от центральной части д. Картово. Поселение находится на юго-восточной границе озерно-болотного массива Кулягаш. С юго-восточной и северо-западной сторон селище окружено заболоченной поймой.

Высота фигурки 4,5 см, ширина лицевой плоскости 2,5 см, ширина боковой плоскости 2 см, основание фигурки 3 см. Сечение фигурки подчетырехугольной формы, на пяти плоскостях присутствуют прочерченные линии, воспроизводящие части тела и одежду человека; свободной от изображений остается только нижняя плоскость. Полукруглый элемент в верхней трети фигурки, к сожалению, не сохранившийся, являлся, по всей

Рис. 1. Фигурка из разведочного шурфа на Татарско-Суксинском поселении.

Fig. 1. Figurine found in a prospective trench on the Tatarskie-Suksy settlement.

Рис. 2. Карта с расположением Татарско-Суксинского поселения
и Подгорно-Байларского III селища.

Fig. 2. Location of the TatarskieSuksy settlement and Podgornyi Baylar III settlement.

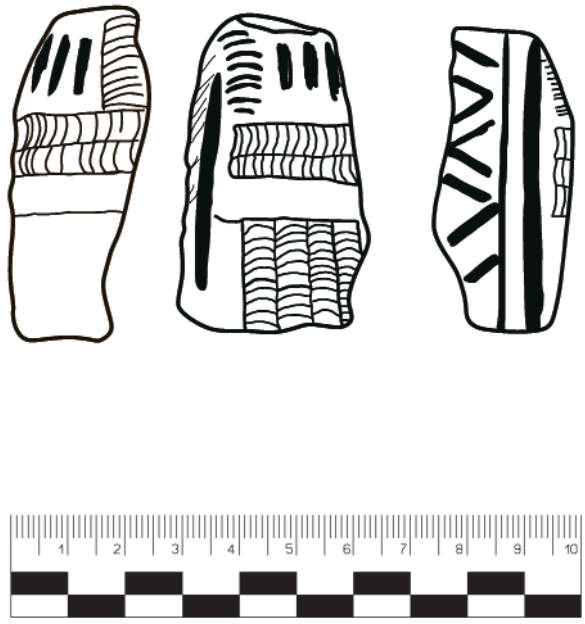


Рис. 3. Фигурка из Подгорно-Байларского III селища (по Генинг В.Ф., 1971).
Fig. 3. Figurine from Podgornyi Baylar III settlement (after Генинг В.Ф., 1971).

вероятности, головой, на которой присутствовало, судя по ряду сохранившихся линий, изображение верхней части одежды или украшений. О том, что полукруглый выступ в верхней части фигурки может рассматриваться как голова, свидетельствуют целые фигурки, происходящие из ряда поселений АКИО (Колобова, 2006, с. 245, рис. 42: 1).

Кроме того, на нижней половине лицевой части изделия прочерчены линии, которые, скорее всего, воспроизводят руки, либо детали костюма. В районе груди фигурки следует выделить два круглых элемента (нашивки (?)). Задняя сторона представляет собой линии, прочерченные по всей длине фигурки, по-видимому, эта деталь является изображением волос, ниспадающих вниз или же элементом одежды с линейным орнаментом. На верхней плоскости, рядом с местом повреждения, сохранились линии, тянущиеся к одной из боковых сторон, позволяющие предположить, что фигурка сужалась кверху и имела нечто, похожее на небольшие «плечики».

Примерно на уровне пояса имеется отпечаток шнура, либо прочерченные линии, имитирующие пояс.

В целом можно отметить, что передача антропоморфности на фигурке из Татарско-Суксинского поселения достигается путем изображения деталей костюма и частей человеческого тела. В фигурке можно выделить туловище, грудь, руки, возможно, лицо. Подчеркивает ее антропоморфность прорисовка волос на задней поверхности фигурки и по бокам.

Своими основными чертами татарско-суксинская фигурка напоминает силуэт женщины в полный рост. Функциональная принадлежность этой и подобных фигурок раскрыта в

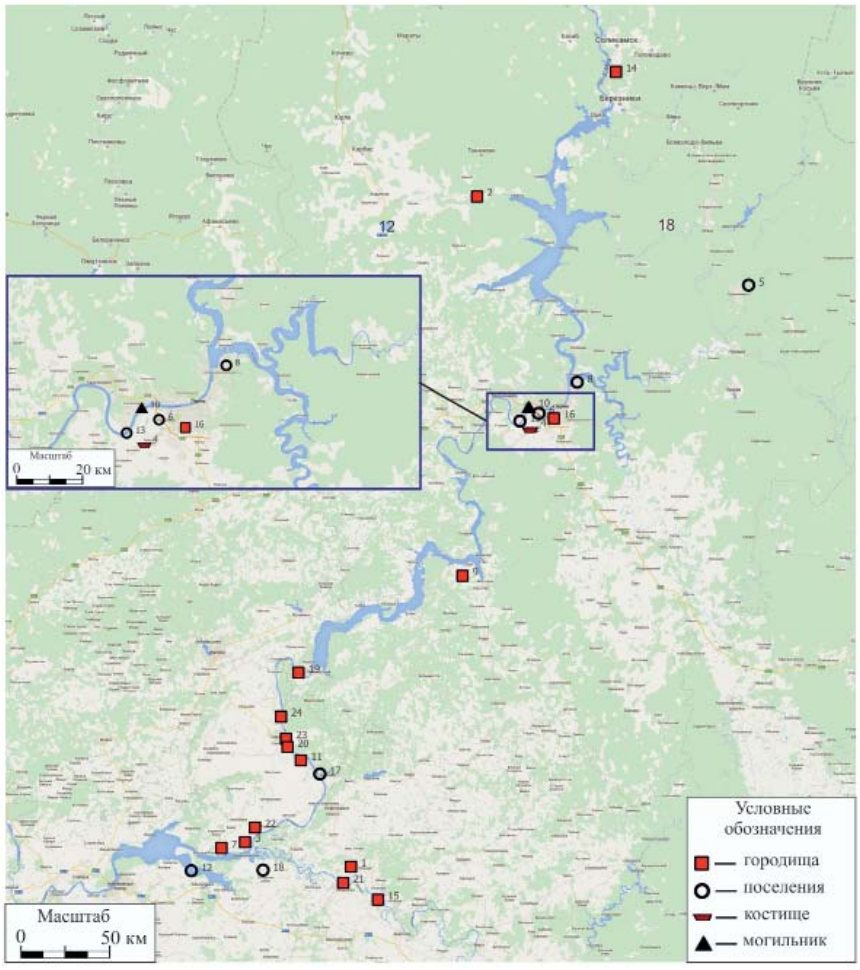


Рис. 4. Карта с расположением памятников на которых найдены фигурки того же типа. Цифрами на карте обозначены:
1 – Аначевское городище, 2 – городище Анюшкар, 3 – Быргындинское II городище, 4 – Гляденовское костище, 5 – Гремячанское I поселение, 6 – Заюрчимское I поселение, 7 – Зуевоключевское I городище, 8 – Конецгорское селище, 9 – Мало-Никольское I городище, 10 – Мокинский могильник, 11 – Момылёвское городище, 12 – Подгорно-Байларское III селище, 13 – Половинное I селище, 14 – Рождественское городище, 15 – Серенькино городище, 16 – Субботинское I городище, 17 – Тарасовское святилище, 18 – Татарско-Суксинское поселение, 19 – Усть-Нечкинское городище, 20 – Усть-Сарапульское городище, 21 – Уяндыкское гороидще, 22 – городище Чеганда I, 23 – Юшковское городище, 24 – Яромасское городище.

Fig. 4. Location of sites with figurines of the same type. Legend:
1 – Anachevo hillfort, 2 – Anyushkar hillfort, 3 – Byrgynda II hillfort, 4 – Glyadenovo bone depository (*kostishche*), 5 – Gremyacha I settlement, 6 – Zayurchim I settlement, 7 – Zuevy Klyuchi I hillfort, 8 – Konetsgor settlement, 9 – Malo-Nikolskoe I hillfort, 10 – Mokino necropolis, 11 – Momylyovo hillfort, 12 – Podgornyi Baylar III settlement, 13 – Polovinnoe I settlement, 14 – Rozhdestvensk hillfort, 15 – Serenkino hillfort, 16 – Subbotino I hillfort, 17 – Tarasovo shrine, 18 – Tatarskie Suksy settlement, 19 – Ust-Nechkinskoe hillfort, 20 – Ust-Sarapulskoe hillfort, 21 – Uyandyk hillfort, 22 – Cheganda I hillfort, 23 – Yushkovo hillfort, 24 – Yaromaska hillfort.

диссертационной работе Т.А. Колобовой, где утверждается, что подобные предметы глиняной пластики имели ритуальное значение, олицетворяющее культ плодородия (Колобова, 2006, с. 132). В работе М.Ф. Обыденнова и К.И. Корепанова предполагается, что в ходе ритуальных действий фигурки разбивались, этим можно объяснить тот факт, что значительная часть из них дошла до нас в поврежденном виде (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 51).

По классификации Т.А. Колобовой, данная фигурка относится к типу геометрических антропоморфных фигурок (тип 7, подтип 3) и датируется IV–III вв. до н.э. (Колобова, 2006, с. 63). Другими словами, фигурка относится к позднему периоду развития АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102).

К этому же типу относится находка, обнаруженная А.Х. Халиковым при работах на III Подгорно-Байларском селище, в раскопе 1958 года (рис. 2). Подгорно-Байларское III селище находится в Мензелинском районе РТ, в 1,7 км к востоку от села Подгорный Байлар, на мысу надлуговой террасы, являющейся продолжением горы Бикмурза Тау. (Генинг, 1971, с. 120, 139, рис. 41: 15). Данный артефакт представляет собой фрагмент глиняной фигурки высотой 5 см и шириной 3 см, имеющей на поверхности прочерченные линии и ногтевые отпечатки. Верхняя часть отсутствует, как и у первой находки. Вероятнее всего, узоры на подгорнобайларской фигурке также обозначают детали костюма (рис. 3). Более точное описание затрудняет плохая сохранность предмета. Антропоморфность фигурки менее явная, однако, несмотря на это, прослеживается область головы с вертикально прочерченными линиями (волосы?), зона груди с горизонтальными ногтевыми вдавлениями (детали костюма?), и нижняя часть, представляющая собой вертикальные ногтевые вдавления. В.Ф. Генинг относит данную находку к чегандинской культуре III в. до н.э. – II в. н.э. (Генинг, 1971, с. 139).

За пределами Республики Татарстан известны 22 подобные женские фигурки. Основная масса располагается на Средней и Нижней Каме, несколько находок известно на Верхней Каме, а также в приустьевой части реки Белая (рис. 4). В настоящее время подобные фигурки выявлены на 15 городищах, пяти селищах, одном кострище и одном могильнике. По мнению некоторых авторов, подобные изделия глиняной пластики, появившись в конце ананьинской эпохи, продолжали свое существование в пьяноборское время (Иванов, 1976, с. 312).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Свердловск-Ижевск, 1970. 257 с.

2. *Иванов В.А.* Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. № 3. С. 308–312.

3. *Колобова Т.А.* Глиняная пластика Прикамья. Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2006. 203 с.

4. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области. // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.

5. *Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И.* Человек в искусстве Прикамья, Урала и Среднего Поволжья: эпоха каменного века – середина II тыс. н.э. Уфа: Юрика, 2001. 229 с.

6. *Смирнов К.А.* О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ // КСИА. Вып. 142. 1975. С. 106–108.

Информация об авторах:

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия), старший научный сотрудник БГИАМЗ (г. Болгар, Россия); bav986@yandex.ru

Хуснутдинов Эмиль Азатович, аспирант АН РТ (г. Казань, Россия); emilka_-@mail.ru

A CLAY FIGURINE FROM THE TATARSKIE SUKSY SETTLEMENT

A.V. Belyaev, E.A. Khusnutdinov

The authors introduce for a scientific discussion a clay anthropomorphic figurine discovered on the Tatarskie-Suksy settlement (Aktanysh District, Republic of Tatarstan) found during the archaeological surveys conducted in 2015. The figurine is female and can be associated with the fertility cult. An analysis and interpretation of its ornamentation can offer new data for a reconstruction of costume worn by the early population of the Volga-Kama region. The find is dated by the 3rd – 4th centuries BC and belongs to the late stage in development of the Anaynino cultural-historical area. Its comparison with a similar figurine found in 1958 on the Podgornyi-Baylar III settlement, as well as with other similar finds from adjacent regions allow us to conclude that such items of clay plastics could be spread in later periods as well.

Keywords: archeology, Middle Volga Region, early Iron Age, Ananyino Cultural-Historical area, clay anthropomorphic plastics, ornamentation.

REFERENCES

1. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor Epoch)* I. *Chegandinskaia kul'tura (III v. do n. e. – II v. n. e.) (The Cheganda Culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 10. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

2. Ivanov, V. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 308–312 (in Russian).

3. Kolobova, T. A. 2006. *Glinianaia plastika Prikam'ia (Clay Plastics in the Kama Area)*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

4. Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

5. Obydennov, M. F., Korepanov, K. I. 2001. *Chelovek v iskusstve Prikam'ia, Urala i Srednego Povolzh'ia: epokha kamennogo veka – seredina II tys. n.e. (Human in the Kama, Ural and Middle Volga Art: from the Stone Age to the Middle II Millennium AD)*. Ufa: "Iurika" Publ. (in Russian).

6. Smirnov, K. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: "Nauka" Publ., 106–108 (in Russian).

About the Authors:

Belyaev Aleksandr V. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Khusnutdinov Emil A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; emilka_-@mail.ru

Статья поступила в номер 18.07.2016 г.

УДК 902/904; 551.43; 598.2:902

ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБИТАТЕЛЕЙ СТОЯНКИ ПЕСТРЕЧИНСКАЯ 2 НА Р. МЁША

© 2016 г. М.Ш. Галимова, А.А. Хисяметдинова, И.В. Аськеев, Д.Н. Шаймуратова (Галимова), О.В. Аськеев

В статье рассмотрены результаты комплексного археолого-палеоэкологического изучения многослойной стоянки Пестречинская 2 на р. Мёша в Среднем Поволжье. В результате геолого-геоморфологических исследований выяснилось, что культурные слои эпохи раннего металла и раннего железа связаны с комплексом погребенных почв, перекрытых толщей половодных наносов XIX–XX веков. Палеогеографические данные указывают на расположение стоянки на возвышенном участке в озерно-болотной котловине, которая уже существовала около 4 тысяч лет назад, согласно радиоуглеродному датированию близлежащего торфяника. Стратиграфические и планиграфические данные указывают на то, что, по крайней мере, в раскопанной части стоянка представляет собой остатки поселения эпохи поздней бронзы – т.н. займищенского культурного типа. Находка наконечника стрелы сейминского типа (с шипами и треугольным черешком) позволяет датировать этот слой XVIII–XVI вв. до н.э. Находки ананьинской КИО и азелинской культуры свидетельствуют о менее продолжительном (эпизодическом?) освоении площадки стоянки. Особенности каменного инвентаря подтверждают это предположение. Археозоологическое изучение многочисленных фаунистических остатков из раскопа показало, что обитатели стоянки занимались придомным, т.н. «лесным» животноводством в сочетании с очень развитым охотничьим промыслом и сезонным рыболовством. Трасологический анализ каменных орудий подтверждает правомерность выводов авторов.

Ключевые слова: археология, зоология, палеоэкология, эпоха бронзы, каменные орудия, остатки животных, Среднее Поволжье

Введение

Пестречинская 2 (Пестрецы 2) стоянка расположена в Предкамье, на правом берегу р. Мёша (правого притока р. Кама) в месте впадения в нее р. Сула: в 2,6 км вниз по течению от моста через реку в г. Пестрецы (Пестречинский район, Республика Татарстан) (рис. 1). Памятник был открыт Е.П. Казаковым в ходе разведок 1976 г. и осмотрен вновь в 2010 г. М.Ш. Галимовой, А.А. Чижевским и А.В. Шипиловым. В августе 2013 года были проведены охранно-спасательные исследования стоянки силами отряда Первобытной экспедиции НЦАИ ИИ АН РТ (руководитель раскопок М.Ш. Галимова, при участии Д.Г. Бугрова, А.А. Хисяметдиновой, А.В. Шипилова, А.В. Лыганова). Большая часть культурного слоя памятника разрушена.

Остатки стоянки расположены на площадке между двумя руслами р. Сула – действующим (южным) и суходольным (северным). Мысовая часть памятника сильно разрушается речной абразией Сулы и Мёши. Высота обнажения террасы с наилком и погребенными почвенно-культурными напластованиями составляет 10–12 метров. Стоянка находится в централь-

Рис. 1. Долина реки Мёша в районе стоянки Пестречинская 2 на космоснимке. Условные обозначения: Р – раскоп.

Fig. 1. Mesha River valley near site Pestretsy 2, space view. Legend: P – dig.

ной части «мешинско-сулинской» котловины, заполненной верхнеплиоценовыми – четвертичными отложениями. Культурные напластования приурочены к погребенным почвам, вскрывающимся в разрезе первой надпойменной террасы, сложенной голоценовыми осадками (рис. 3). В непосредственной близости от стоянки, на противоположном берегу Мёши, располагается Пестречинский торфяник (рис. 1), стратиграфический разрез которого изучен и датирован в палеогеографических целях (Бакин, Панова, Антипина, 2011) .

Площадь раскопа 2013 г. составила около 50 кв.м. Раскопки велись пластами по 20 см; начиная с кровли верхней погребенной почвы (пласт 5) вглубь до завершения культурных напластований (пласт 11) проводилась трехмерная фиксация всех находок по участкам (квадратам) 2 х 2 м.

В раскопе наблюдалась стратиграфия (рис. 2, 3):

1 – пойменный наилок (не древнее 200 лет назад), мощность 80–100 см;

2 – верхний почвенный комплекс, состоящий из трех погребенных почв, связанных постепенными переходами, мощность 115–140 см;

2 А – верхняя «серая» почва имеет нормальный профиль генетических горизонтов, мощность 25–30 см (пласт 5);

2 Б – средняя «буровато-зеленовато-серая» почва отличается отсутствием генетических горизонтов, мощностью 40–50 см (пласты 6, 7);

2 В – нижняя «темно-серая» почва с нормальным профилем, мощность 50–70 см (пласты 8, 9, 10, 11);

Рис. 2. Фото стенок раскопа 2013 г.

Fig. 3. Photo of the dig walls, 2013.

3 – субаэральные пролювиальные отложения (конус выноса р. Сула) – ниже.

Культурные напластования вскрыты в пластах 5–11, на глубине 90–210 см от поверхности. В пластах 5–6 (90–120 см) залегали единичные фрагменты русской и ананьинской керамики и кости животных (табл. 2). Пласт 7 (120–140 см) дал находки: развал сосуда азелинской культуры сосуда и разрозненные кости животных. На глубине 140–160 см от поверхности (пласт 8) зафиксировано крупные фрагменты керамики и костей (табл. 2), в том числе продолжение развала азелинского сосуда, а также гарпун, сделанный из кости конечности северного оленя (рис. 5: 1). Пласт 9 (160–180 см) дал многочисленные фрагменты керамики (ананьинской КИО и займищенского типа) и костей, а также предметы из камня и проксимальный фрагмент ребра млекопитающего со следами резки и рубки (рис. 5: 2). На уровне пласта 10 (180–200 см) были встречены многочисленные фаунистические остатки, фрагменты займищенской керамики и медная пластина, а также каменные артефакты, один фрагмент

Рис. 3. Стратиграфическая схема расчленения напластований стоянки Пестречинская 2.

Fig. 3. Stratigraphic scheme of the Pestretsy 2 strata subdivision.

керамики энеолита. В нижней части культурных напластований, на глубине 110–115 см от поверхности (пласт 11), были отмечены отдельные фрагменты керамики займищенского типа, отдельные фаунистические остатки, а также костяное орудие (предположительно кочедык). Фрагменты азелинской культуры (около 30 фрагментов) – тонкостенные, с примесью шамота и растительности в тесте, поверхность их заглажена, без орнамента. Фрагменты ананьинской (постмаклашеевской) керамики (около 50 фрагментов) – тонкостенные, от круглодонных сосудов, с примесью толченой раковины в тесте, орнамент ямочный. Наиболее представительна керамика займищенского типа, в раскопе найдено около 400 фрагментов. Фрагменты займищенской керамики тонкостенные, пористые, рыхлые, с примесью органики, сосуды плоскодонные, с плавно отогнутой шейкой, тулово умеренно раздутое, орнамент нанесен гребенчатым штампом либо вдавлениями.

Единичный фрагмент лепной тонкостенной, пористой посуды с гребенчтым орнаментом предположительно отнесен к энеолиту[1].

Геолого-геоморфологические данные

Реконструкция природной обстановки, предшествующей и синхронной времени формирования культурных слоев стоянки, проводилась по результатам геологических наблюдений, проведенных А.А. Хисяметдиновой. Изучались стенки раскопа, зачистки и естественные обнажения вмещающей террасы, также проводились геоморфологические наблюдения рельефа поверхности террасы с использованием материалов космической съемки. В связи с тем, что эта терраса обследовалась нами ранее при изучении Пестречинской 4 стоянки, расположенной в 5 км выше по течению р. Мёша (Лыганов и др., 2012; Галимова и др., 2013; Хисяметдинова, 2013), в данной работе проводится корреляция изученных разрезов с целью выявления общих закономерностей природной обстановки.

Общие сведения о рельефе и геологическом строении района стоянки. В геолого-геоморфологическом отношении стоянка находится в центральной части долинного расширения р. Мёша, шириной 5–6 км (рис. 1). Его западная часть на ширину 2,8–3,2 км и протяженность около 5,5 км обособлена в голоценовую зону аккумуляции. По морфологическим признакам и условиям осадконакопления она может быть охарактеризована как локальная впадина (или котловина), в которой своеобразные ландшафтные условия оказались приемлемыми для обитателей Пестречинской 2 стоянки на протяжении почти двух тысяч лет – начиная с конца энеолита и с перерывами до эпохи великого переселения народов.

В пределах очерченных границ (рис. 1) дневная поверхность котловины довольно ровная, почти горизонтальная, с преобладающими абсолютными отметками 62–65 м. Лишь к западу от безымянного озера, расположенного у юго-западной оконечности пос. Пестрецы, начинается пологий подъем поверхности в 2–3^0. На поверхности отмечаются углубления – линейные фрагменты эрозионных промоин и изометричные понижения – глубиной не более 1,5–3,5 м относительно общей уровненной поверхности. Несмотря на то, что в настоящее время эта территория распахана и перекрыта современными осадками высоких половодий, на космических снимках хорошо дешифрируются и подтверждены маршрутными исследованиями протоки и блуждающие русла р. Сула и обширные поля развития древнего озерно-болотного комплекса. В плане контуры озерно-болотных отложений имеют причудливые очертания, близко подходят друг к другу, соединяются протоками. В гидрологическом отношении озерно-болотные объекты котловины были связаны между собой, но при этом не соединялись в один общий водоем. Вместе с тем на всех крупных выходах отмечаются следы снижения уровня и сокращения площади палеоводоемов. В разных частях котловины в пределах высохших болот фиксиру-

[1] Авторы благодарят за консультации в определении керамических находок сотрудников отдела первобытной археологии ИА им. А.Х. Халикова АН РТ: к.и.н. Д.Г. Бугрова, к.и.н. А.А. Чижевского, к.и.н. А.В. Лыганова.

ются делянки и котлованы торфоразработок. Процесс сокращения болот остался незавершенным, т.к. до наших дней сохранились мочажины, заболоченные участки с небольшими озерами. Эти развивающиеся формы выделены на геоморфологической карте в современный озерно-болотный комплекс (рис. 1).

Центральная часть впадины прорезана современной эрозией рек Мёша (глубиной 10–11м и шириной 30–40 м) и Сула (глубиной 5–10 м и шириной 10–20 м). В крутых береговых обрывах вскрываются осадки локальной голоценовой котловины, состоящие из пяти выдержанных по простиранию толщ, и подстилающие доголоценовые отложения (рис. 3). Маркирующими горизонтами в разрезе являются отложения верхнего и нижнего почвенных комплексов (педокомплексов).

Разрез Пестречинской 2 стоянки и подстилающих отложений. В разрезе раскопа и в расчистках подстилающих отложений (рис. 2, 3) сверху вниз залегают:

Толща 1. Отложения высоких половодий р. Мёша (XIX–XX вв. н.э.) Это светло-желтые супесчано-песчаные отложения с горизонтальной слоеватой текстурой, которая обусловлена чередованием прослоев желтых сортированных микро-тонкозернистых песков с алевритистым заполнителем и очень светлых прослоев алевритов. В кровле слоя на глубину около 10 см наблюдается слабое гумусирование осадка. В подошве слоя залегает переходная толща темно-серой гумусированной супеси, мощностью 4–11 см, образованная за счет размыва и переотложения подстилающей погребенной почвы. Общая мощность толщи достигает 40 см.

Толща 2. ***Верхний педокомплекс*** состоит из трех горизонтально залегающих погребенных почв, содержащих культурные слои стоянки. Почвы связаны постепенными переходами, поэтому границы между ними удается проследить только при значительном удалении от стенки раскопа. Почвы формировались на отложениях конуса выноса р. Сула в условиях периодического незначительного привноса нового материала.

Верхняя погребенная почва «серая» (наиболее осветленная) состоит из гумусированной супеси мелкоореховато-пылеватой структуры. Почва имеет нормальный профиль, т.к. в ней наблюдаются почвенные горизонты, свидетельствующие о том, что почва формировалась сверху вниз. Почва содержит артефакты азелинский культуры, сосредоточенные главным образом в верхней части почвы, мощность которой составляет 20–25 см. Общая мощность верхней почвы достигает 40–45 см.

Средняя погребенная почва «буровато-зеленовато-серая», сложена гумусированным суглинком. Она отличается от перекрывающей и подстилающей почв более однородным составом, отсутствием почвенных горизонтов и большим присутствием минерального осадка. По всей видимости, почва формировалась в процессе осадконакопления, т.е. нарастание почвы происходило снизу вверх. Мощность средней почвы составляет 50–60 см. Она содержит материальные остатки ананьинской КИО.

Нижняя погребенная почва «темно-серая» (наиболее темноокра-

шенная), сложена гумусированными суглинками. Почва характеризуется нормальным почвенным профилем. Мощность ее – 60–65 см.

К этой почве приурочены материальные остатки позднего бронзового века, состоящие из керамики займищенского типа. В культурном слое также обнаружены единичные находки керамики финального энеолита. По устному сообщению А.В. Лыганова, керамика может принадлежать носителям волосовско-гаринской общности. Общая мощность верхнего педокомплекса – 150 см.

Толща 3. ***Отложения*** конуса выноса (пролювия) р. Сула представлены буровато-коричневыми суглинками. Мощность пролювия в данном разрезе 25–40 см и увеличивается до одного метра в западном направлении.

Толща 4. ***Нижний педокомплекс*** состоит из двух погребенных почв. Нижний педокомплекс отличается от верхнего насыщенным черным с сизым оттенком цветом, более вязкой структурой и болотным происхождением. Общая мощность толщи – 150 см. Материальных остатков в почве не обнаружено.

Толща 5. ***Отложения локального озера и протекающей через него р. Мёши*** представлены светло-коричневыми глинами, переходящими вниз по разрезу в пески. Общая мощность толщи составляет 2–3 м.

Нижняя часть террасы в районе раскопа, начиная с глубины 7 м от поверхности террасы вниз до уреза воды, закрыта осыпью. Однако в уступах террасы выше и ниже по течению реки Мёша установлено, что толща 5 залегает с размывом на темно-серых глинах со слоями, насыщенными органикой (остатки водорослей, раковины двухстворчатых моллюсок, гастропод и др.). Видимая мощность отложений около 3 м. Глины являются донными осадками более древнего и обширного водоема, границы которого уходят за пределы голоценовой зоны аккумуляции (рис. 2).

Реконструкция природного окружения стоянки. Природные условия (рельеф, ландшафт) Пестречинской 2 стоянки в период ее функционирования были обусловлены геологическими условиями осадконакопления в локальной голоценовой котловине, начавшегося задолго до появления людей.

Образование локальной котловины в районе Пестречинской 2 стоянки, как и в районе Пестречинской 4 стоянки (Хисяметдинова, 2013), связано с карстовыми процессами в раннем голоцене, которые привели к образованию палеоозера, через которое протекала р. Мёша (толща 5). Исчезновение озерного режима стало причиной образования ровной низинной местности, на которой формировались почвы нижнего педокомплекса (толща 4). Педокомплекс подразделяется на луговую темноцветную, оглеенную нижнюю и дерново-глинистую верхнюю почвы. Эти почвы развивались с участием грунтовых вод. Определения почв по морфологическим признакам здесь и далее сделаны С.П. Ломовым (устное сообщение)[2]. Судя по положению в разрезе и строению профиля, данная почва является аналогом почвы, подстилающей культурные слои Пестречинской 4 стоянки (Лыганов и др., 2011; Галимова и

[2] Авторы выражают благодарность д.б.н. С.П. Ломову за консультации.

Таблица 1

Видовой и количественный состав позвоночных животных из стоянки

Виды	Количество остатков (NISP)	Количество особей (MNI)
Обыкновенная плотва *(Rutilus rutilus)*	1	1
Обыкновенный сом *(Silurus glanis)*	11	9
Обыкновенная щука (*Esox lucius*)	3	3
Всего костных остатков и особей рыб	**15**	**13**
Кряква *(Anas platyrhynchos)*	10	8
Чирок-свистунок *(Anas crecca)*	8	7
Серая утка *(Anas strepera)*	1	1
Шилохвость *(Anas acuta)*	3	2
Чирок-трескунок *(Anas querquedula)*	4	3
Широконоска *(Anas clypeata)*	4	3
Свиязь *(Anas penelope)*	1	1
Большой крохаль *(Mergus merganser)*	1	1
Чёрный коршун *(Milvus migrans)*	1	1
Тетерев *(Lyrurus tetrix)*	1	1
Серый журавль *(Grus grus)*	1	1
Всего костных остатков и особей птиц	**35**	**29**
Обыкновенный крот (*Talpa europeea)*	20	2
Заяц-беляк (*Lepus timidus)*	38	13
Обыкновенный (речной) бобр (*Castor fiber)*	194	35
Обыкновенный хомяк (*Cricetus cricetus)*	3	3
Водяная полевка (*Arvicola terrestris)*	13	6
Волк (*Canis lupus)*	2	1
Обыкновенная лисица (*Vulpes vulpes)*	4	4
Лесная куница (*Martes martes)*	4	4
Европейский барсук (*Meles meles)*	4	3
Сибирская косуля (*Capreolus pygargus)*	8	3
Лось (*Alces alces)*	29	15
Северный олень (*Rangifer tarandus)*	433	30
Домашняя свинья (*Sus scrofa f.domestica*)	170	34
Мелкий рогатый скот (Домашняя овца/Домашняя коза *Ovis aries/ Capra hircus)*	3	3
Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)	126	24
Домашняя лошадь (*Equus caballus*)	113	22
Неопределимые остатки сем. Оленьих (Cervidae)	51	-
Неопределимые остатки млекопитающих отряда Парнокопытных (Artidactyla)	650	-
Неопределимые костные остатки млекопитающих	308	-
Всего остатков и особей млекопитающих	**2173**	**203**
Всего остатков и особей позвоночных животных	**2223**	**245**
Всего видов позвоночных животных	**31**	**-**

Таблица 2

Количественная концентрация остатков животных в раскопе

	Млекопитающие	Птицы	Рыбы	Всего остатков
Пласт 5	9	0	0	9
Пласт 7	26	3	0	29
Пласт 8	578	5	0	583
Пласт 9	1206	4	1	1211
Пласт 10	301	18	11	330
Пласт 11	16	0	0	16
Осыпь на уровне 8-9 пласта	7	1		8
Северная стенка раскопа	12	0	0	12
Обнажение культурного слоя в обрыве	18	4	3	25
Всего остатко	2173	35	15	2223

др., 2013). В обоих разрезах педокомплекс обнаруживает черты сходства с самой древней (третьей) погребенной почвой р. Бизя (правый приток р. Улема), радиоуглеродный возраст которой – 6780±70 лет (КИГН-363) (Курбанова, 1991).

С перерывом, но без следов эрозионного размыва, почвы нижнего педокомплекса разреза Пестречинской 2 стоянки погребаются отложениями конуса выноса р. Сула (толща 3). Преимущественное накопление этих осадков в котловине обусловлено снижением водности главной реки (Мёши). Так как эти отложения являются материнской породой для формирования почв верхнего педокомплекса, то резонно предположить, что появлению людей на стоянке предшествовали более сухие климатические условия.

Время функционирования стоянки. Погребенные почвы верхнего педокомплекса (толща 2**),** вмещающие культурные слои, залегают горизонтально, образуя ровную поверхность в центральной части котловины. В радиусе 200–300 м площадка стоянки обрамлялась понижениями, выполненными отложениями древнего озерно-болотного комплекса. В обрывах р. Мёши, в 2 км выше по течению от стоянки, установлен фациальный переход всех трех горизонтов почв в озерно-болотный комплекс, состоящий из глин с прослоями торфов. В результате изучения литологии разрезов озерно-болотных отложений и погребенных почв во врезах рр. Мёша и Сула авторами установлено, что в период функционирования стоянки в котловине происходил сток и застой вод данных рек и временных водотоков. Причем на раннем этапе, свидетелями которого являлись представители волосовско-гаринской общности и носители керамики займищенского типа (начало – середина II тыс. до н.э), эти реки, сильно меандрируя, протекали через котловину к западу от своих современных русел. На открытых, более или менее возвышенных, участках формировалась лугово-черноземовидная почва. В ананьинское время (IX–III вв. до н.э.) котловина характеризуется самыми низинными условиями. По причине плохой проточности

Таблица 3

Данные по восстановленным размерам, массе, внешнему облику, возрасту и сроку добычи животных на стоянке

Виды	Возраст, кол-во особей	Сроки добычи, забоя	Восстановленные размеры, масса, облик
Плотва	1 – 14 - 15	-	TL – 34,2 см
Сом	1 – 13+; 2 – 8 +; 3 – 10+; 4 – 8; 5 - 11	весна - лето	TL – 146,2; 87,7; 103,3; 85; 120,1 см
Щука	1 – 6+; 2 – 8+; 3 - 5	весна	TL – 68,9; 76.6; 59,7 см
Кряква	Ad - 8 особей	весна	-
Трескунок	Ad – 3 особи	весна	-
Свистунок	Ad - 6 особей SubAd – 1 особь	весна - лето	-
Шилохвость	Ad – 2 особи	весна	-
Серая утка	Ad – 1 особь	весна	-
Широконоска	Ad - 3 особи	весна	-
Свиязь	Ad – 1 особь	весна	-
Большой крохаль	Ad – 1 особь	весна	-
Черный коршун	Ad – 1 особь	весна-лето	-
Тетерев	Ad – 1 особь	весна	-
Серый журавль	Juv	июль	-
Свинья	до 6 месяцев – 1 особь; 6 – 9 месяцев – 6 особей; 9 – 12 месяцев – 1 особь; 12 – 22 месяца – 1 особь	октябрь - декабрь	небольшие и среднеразмерные
Крупный рогатый скот	до 6 месяцев – 1 особь; 6 – 8 месяцев – 1 особь; 18 – 28 месяцев – 1 особь; 3,5 – 4,5 года – 3 особи	осень – начало зимы	комолый, высота в холке 105 – 120 см
Лошадь	Juv – 1 особь; SubAd – 2 особи, Ad – 4 особи; Sen – 1 особь	сентябрь - декабрь	масса: 1 – 311,2; 2 – 331,6; 3 – 446,7; 4 – 413,1 кг

Лось	10 – 12 месяцев – 1 особь; 12 – 16 месяцев – 1 особь; 2,5 года – 1 особь; 4 года – 1 особь; 6 – 6,5 лет – 1 особь	осень - зима	масса: 1 - 310 кг; 2 – 320 кг
Северный олень	до 1 года – 1 особь; 1,5 – 2 года – 2 особи; 3 – 4 года – 3 особи; 5 – 6 лет – 2 особи	осень - зима	масса: 1 – 170,9; 2 – 169,1; 3 – 110,4; 4 – 139,4; 5 – 131,2 кг
Сибирская косуля	до 1 года – 1 особь; старше 1 года – 1 особь	ноябрь - февраль	-
Заяц - беляк	SubAd – 2 особи; Ad – 4 особи	осень, зима, начало весны	средний
Бобр	до 6 месяцев – 1 особь; до 1 года – 2 особи; до 3 лет – 2 особи; старше 3 лет – 4 особи	осень – начало зимы	масса: 6 – 17 кг
Волк	Ad – 1 особь	-	очень крупная особь; значения измерений metatarsus IV: GL-128,6; Bp-15,6; Bd-14,7; Dd-14,8; Sd-10 мм; metatarsus V: GL-118,1; Bp-13,1; Bd-12,8; Dd-12,4; Sd-7,0 мм
Лисица	Ad – 4 особи	-	-
Лесная куница	Ad – 4 особи	-	-
Барсук	Ad – 3 особи	-	-

Примечание к таблице. Расшифровка обозначений: Ad (adultus) – взрослый; Sub-Ad (subadultus) – полувзрослый; Juv (juvenilis) – молодой; Sen (senilis) – старый; TL (total length) – абсолютная длина тела, в см; GL (greatest length) – наибольшая длина кости, в мм; Bp (breadth of the proximal end) – ширина проксимального эпифиза, в мм; Bd (breadth of the distal end) – ширина дистального эпифиза, в мм; Dd (depth of the distal end) – высота дистального эпифиза, в мм; Sd (smallest breadth of the diaphysis) – минимальная ширина диафиза, в мм.

главной реки меандры обособлялись в старичные озера-болота. На наиболее низинных участках в восточной и западной частях котловины были образованы обширные озерно-болотные массивы. В западном массиве – т.н. Пестречинском торфянике (рис. 1) по торфам в нижней части разреза получены две некалиброванные даты по ^{14}C – 3400±50 л.н. и 4010±60 л.н. (Бакин и др., 2011). На относительно приподнятых поверхностях котловины формировалась луговая, с признаками оглеения почва.

В азелинское время (III–VI вв. н.э.) формировалась лугово-черноземовидная почва, являющаяся свидетельством более сухих условий. Происходило сокращение площади озерно-болотного комплекса, разрастание конуса выноса р. Сула и левостороннее смещение русла р. Мёша. Отложения, перекрывающие с тысячелетним хронологическим перерывом погребенные почвы с культурными слоями стоянки и синхронные им отложения древнего озерно-болотного комплекса, связаны с высокими половодьями р. Мёши (толща 1), происхождение которых объясняется вырубкой лесов в Новое время (Мозжерин, Курбанова, 2004). Возраст последних отложений не превышает 200 лет, исходя из находки монеты 1811 г. в подошве верхней толщи на раскопе стоянки Пестречинская 4 (Лыганов и др., 2012; Галимова и др., 2013).

Археозоологические данные

В ходе раскопок из культурных слоев стоянки извлечены костные остатки рыб, птиц и млекопитающих. Исследование археозоологического материала проведено И.В. Аськеевым, Д.Н. Шаймуратовой (Галимовой) и О.В. Аськеевым с использованием стандартных методов (Петренко, 1984, с. 18–27; Reitz,Wing, 2008, p. 31–87; Serjeantson, 2009, p. 8–162; Аськеев и др., 2013 а, с. 1014–1015; Аськеев и др., 2013 б, с. 118). Видовая, анатомическая, морфологическая и половозрастная диагностика остеологического материала выполнена на базе сравнительной коллекции остатков современных и субфоссильных позвоночных животных лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ. Для всех остатков животных подсчитывалось их общее количество (NISP) и определялось минимальное число особей (MNI). Кости измерены штангенциркулем с точностью до 0,1 мм согласно стандартным схемам промеров (Radu, 2003, p. 265–270; Driesch, 1976, p. 13–101, 103–129; Курочкин, 1979, с. 157–163). Восстановления массы тела лошади и северного оленя проведены на основе регрессионной зависимости между массой тела и размерами костей (Alberdi, Prado, Ortiz-Jauregizar, 1995, p. 358, tab. 4; Puputti, Niskanen, 2008, p. 155, tab. 1, p. 156, fig. 1, p. 159, tab. 4, p. 160, tab. 5).

Общее количество костных остатков позвоночных животных по всем пластам и участкам раскопа составило 2223 экз. До вида определено 1214 экз. остатков, принадлежащих 17 видам млекопитающих, 11 видам птиц и 3 видам рыб (табл. 1). По количеству преобладали млекопитающие – 2173 экз., или 97,8% от всех остатков животных. Основу исследованной коллекции составили кости, отдельные зубы и их фрагменты. Сохранность и анатомический состав остатков от различных видов и групп животных мало меняется от пласта к пласту. В то же время общее количество костных остатков по пластам

Рис. 4. Кости позвоночных животных из стоянки: 1 – плотва; 2 – щука; 3 – сом; 4 – большой крохаль; 5 – кряква; 6 – чирок-трескунок; 7 – северный олень; 8 – лось; 9 – волк; 10 – волк, оба метатарзуса от 1 особи; 11 – бобр; 12 – бобр; 13 – лошадь; 14 – северный олень; 15 – крупный рогатый скот.
Для всех костей масштаб равен 1 см.

Fig. 4. The bones of vertebrates from the site: 1 – roach; 2 – pike; 3 – catfish; 4 – common merganser; 5 – mallard; 6 – garganey; 7 – reindeer; 8 – elk; 9 – wolf; 10 – wolf, both metatarsus 1 individuals; 11 – beaver; 12 –beaver; 13 – horse; 14 – reindeer; 15 – cattle.
All bones scale is 1 cm.

значительно различается. Наибольшая концентрация костей животных выявлена в пласте 9 (табл. 2). Сохранность костей указывает на их повреждения, имевшие место до захоронения, во время захоронения в период проведения раскопок и во время перевозки, атрибуции и диагностики. В процентном соотношении на примере извлеченного костного материала из пласта 9 это составляет: до захоронения 74%, в период захоронения 11%, за время раскопок 14% и при перевозке, атрибуции и определении 1%. Таким образом, изучаемые костные остатки до 85% разбиты, раздробленны или сломаны. Кроме того, до 75% костей имеют эродированную поверхность, вызванную агрессивной средой вмещающего костные остатки грунта, абиотическими условиями и воздействием микроорганизмов за периоды: до захоронения и захоронения. Большинство костных остатков сосредоточено в определенных участках в виде отдельных мест скопления. Такое состояние и распределение костных остатков, как правило, относится к кухонным остаткам и местам разделки животных. Эти данные подтверждают, что забой домашнего скота и разделка туш как домашних, так и диких животных, в т.ч. и птиц, проводились на территории данного поселения. На это также указывает и достаточно высокое количество найденных зубов, фаланг пальцев, метаподий и их фрагментов, а также преобладание элементов скелета крыльев (80% от всех костей птиц). Часть костей до 15% имеют явные следы разделки: рубки, резки, соскабливания, отделение эпифизов, прокалывания и пр. Также имеется ряд костей и костных фрагментов со следами воздействия огня, например в пласте 9 по количеству они составляют до 1%. В то же время на костях отсутствуют следы погрызов хищными млекопитающими. Судя по составу костных остатков от млекопитающих, птиц и рыб значимыми агентами их накопления на данной стоянке были: животноводство, охотничий промысел и рыболовство.

Основу хозяйствования населения составляли придомное животноводство и охота на диких копытных и бобра. Охота имела ярко выраженное «мясное» направление. Основу добычи составляли северный олень (37,2% от всех определимых до вида костей млекопитающих) и бобр (16,7%). Доли остатков лошади (9,7%), крупного рогатого скота (10,8%) и свиней (14,6%) примерно одинаковы, что также отмечается и по различным пластам накопления. Разведение крупного рогатого скота имело молочное направление. Это выражается в возрастной характеристике костных остатков (табл. 3). Коровы были комолыми и имели размеры, приближенные к размерам коров поздней бронзы на крайнем востоке Европы (Цалкин, 1970, с. 162; Обыденнов и др., 1994, с. 34–38; Петренко, 2007, с. 32–45). Возрастной и размерный состав лошадей (табл. 3), а также наличие на костях характерных патологий (костный шпат) указывают на разнообразное использование лошадей жителями данного поселения: верховая езда, тягловое применение, на мясо. По размерам костей они наиболее сходны с лошадьми из черкаскульско-межовских поселений поздней бронзы (Обыденнов и др., 1994, с. 42, табл. 13–14, с. 91–94). Свиноводство на данном поселении было экстенсивным, когда большая часть особей забивалась в возрасте до 1 года

(табл. 3). Свиньи отличались мелкоразмерностью и среднеразмерностью костяка. Интересным является полное отсутствие костей домашней собаки и почти полное отсутствие остатков от мелкого рогатого скота (табл. 1).

По размерам костей диких видов млекопитающих, таких как северный олень (рис. 4: 7,14), бобр (рис. 4: 11,12) и лось (рис. 4: 8), можно сказать об их сходстве с представителями этих видов из ряда поселений лесной зоны Восточной Европы раннего железного века (Цалкин, 1961, с. 24–36). Единичные кости волка (рис. 4: 9,10) отличались очень крупными размерами (табл. 3).

Охота на птиц и рыболовство имела менее значимую роль в хозяйстве. Она была с выраженным сезонным характером в основном в весенний и летний периоды. Это показано по возрастным и размерным параметрам добываемых видов (табл. 3). Среди добываемых птиц значительно преобладали перелетные водно-болотные виды. Среди них по числу костных остатков доминировали утиные (Anatidae), значительно меньше было диагностировано костей от видов лесо-лугового комплекса (тетерев, черный коршун), что, видимо, отражает стратегию охоты на птиц жителей данного поселения. По идентифицированным костям рыб (рис. 4: 1–3), несмотря на их немногочисленность, можно сказать, что промысел рыб жителей стоянки базировался на ловле и использовании крупных видов рыб, обитавших в реке Мёша, таких как обыкновенный сом и щука. Размеры добываемых рыб были достаточно большими (табл. 3). Наличие определенных элементов скелета рыб в остеологической коллекции, т.е. преобладание по числу костей позвонков щуки и сома, а также присутствие лучей грудных плавников (pinna pectoralis I), лучей жаберной перепонки (branchiostegalia) сома и зубных костей (dentale) щуки могут говорить о разделке рыбы непосредственно на территории поселения и быстром использовании в пищу рыбы без длительного хранения.

Видовой состав, соотношение костных остатков по видам и распределение их по группам использования демонстрируют значительную зависимость хозяйства от факторов природной среды, прежде всего от ландшафтных обстановок вокруг поселения, которые определяются наличием широкой залесенной поймы реки с многочисленными водоемами, больших участков леса (сосновых, смешанных), обширных болот, лугов как в пойме, так и на водоразделах.

Общий состав коллекции костных остатков показал их сходство с остеологическими коллекциями из различных археологических памятников лесной и северо-лесостепной зоны поздней бронзы Среднего Поволжья и Предуралья (Обыденнов и др. 1994, с. 14–112; Петренко, 2007, с. 32–45). Вместе с тем увеличенное количество костных остатков от диких млекопитающих сходно с составом археозоологических коллекций из археологических памятников первой половины раннего железного века (Петренко, 2007, с. 67–73). Это можно объяснить тем, что на обширной территории на юге лесной зоны Среднего Поволжья и Приуралья в последнюю фазу суббореала существовал единый тип хозяйствования, вызванный нестабильностью климата и быстрой сменой ландшафтных обстановок и

Рис. 5. Костяные предметы из скопления костей ананьинского времени:
1 – гарпун, 2 – ребро со следами разделки.
Fig. 5. Bone items from the concentration of bones dated by Ananyino time:
1 – harpoon, 2 – a rib with traces of butchering.

требующий от населения быстрого реагирования и как можно полного использования имеющихся природных ресурсов. И именно этот тип хозяйствования – «лесное» животноводство, как правило, придомное с очень развитым охотничьим промыслом и традициями и сезонным рыболовством – стал доминирующим и явился откликом на быстро меняющиеся экологические условия.

Каменный инвентарь

В результате морфологического изучения каменных артефактов Пестречинской 2 стоянки и трасологического анализа их поверхности, проведенного М.Ш. Галимовой, были получены сведения о характере трудовых операций, совершенных обитателями стоянки с помощью многих каменных предметов. Также удалось составить общее представление о применявшихся технологиях расщепления разных видов каменного сырья в целях производства нуклеусов, заготовок бифасов и завершенных орудий разного облика и назначения. Это, в свою очередь, позволило составить функциональную типологию каменных орудий, которая позволяет не только лучше систематизировать изучаемые предметы из камня, но и может стать одним из главных источников информации для реконструкции направлений хозяйственной деятельности первобытных коллективов (Коробкова, 2001, с. 151–153). Следует отметить, что в нашем случае, в связи с относительно не-

большим общим количеством каменных артефактов (88 предметов) и выявленных среди них орудий (38 экз.) созданная типология носит смешанный характер и определяется как морфолого-функциональная.

Находки из камня (95 предметов) зафиксированы в нижних пластах раскопа – пластах 9 и 10. Лишь по два отщепа были выявлены при выборке пластов 8 и 11, еще два кремня – в обнажении террасы перед началом раскопок. Подавляющее большинство находок составляют артефакты из кремня различного цвета и качества (63 экз.), а также окремнелого известняка (24 экз.). Единичны предметы из светло-серого кварцита (7 экз.) и халцедона (1 экз.). Морфологическое и трасологическое изучение каменных предметов не выявило существенных различий между находками пластов 8–11, что позволяет предположительно рассматривать эти артефакты в качестве единого комплекса. В него вошли две категории предметов и изделий из камня: 1) не использованные (51 экз.) и 2) несущие функциональную нагрузку (44 экз.):

1) Предметы без следов утилизации:

1. Чешуйки и мелкие фрагменты сколов кремневые – 23 экз.;

2. Сколы-отходы и отщепы (без следов использования, 2 – из кварцита) – 19;

3. Галька кварцита (белого), крупная, фрагментирована частично – 1;

4. Фрагменты гальки мелкие кварцитовые (вероятно, от упомянутой выше) – 6;

5. Нуклевидные предметы кремневые (преформы для мелких бифасов?) – 2;

2) Орудия и нуклеус, морфологически выраженные или / и выявленные трасологически:

6. Нуклеус кремневый, подпризматический, все грани которого заглажены, но функция не определена – 1 (рис. 6: 19);

7. Гальки-отбойники (целая и фрагментированная) – 2 экз.;

8. Наконечники стрел – бифасы (целые и фрагменты) – 4 экз. (2 – кремневые (рис. 6: 3, 13), 2 – кварцитовые, в том числе «с плечиками» (рис. 6: 4) и листовидный (рис. 6: 10);

9. Наконечники стрел на тонких кремневых отщепах без вторичной обработки, сильно поврежденных – 2;

10. Заготовки кремневые мелких бифасов (наконечников стрел ?) в разных стадиях обработки – 4 экз., в том числе: 3 кремневые и 1 кварцитовая, причем, одна из них листовидной формы, еще одна – с плечиками;

11. Заготовки бифасов неопределенного типа, оставленные на разных стадиях – 3 экз. (рис. 6: 6, 7);

12. Долота кремневые – 3 экз., в том числе: крупное долото «правильной» трапециевидной формы, с прямым лезвием, на крупном отщепе, края которого приострены бифасиальными снятиями (рис. 6: 18), долото квадратной формы двумя вогнутыми лезвиями, расположенными ортогонально на обоих фасах (рис. 6: 14), а также небольшое долото с выпуклым лезвием, оформленное на отщепе, снятом со шлифованного орудия, лезвие (это орудие было сломано по границе с рукоятью);

13. Стамески или долотца на кремневых отщепах и аморфных сколах, для работы по мягким материалам (шкура, дерево), некоторые со следа-

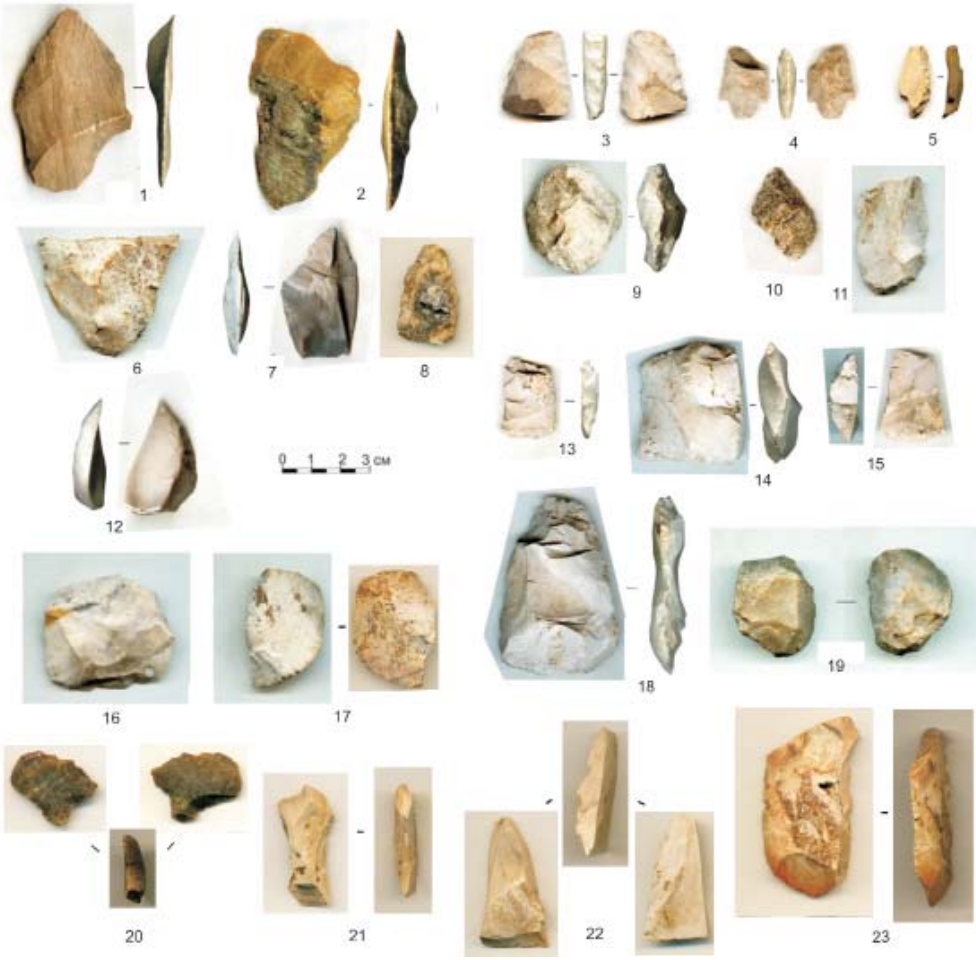


Рис. 6. Каменный инвентарь: 1, 2, 12 – ножи разделочные; 3, 4, 13 – фрагменты наконечников стрел; 5 – сверло; 6, 7 – заготовки бифасов; 8, 9, 20 – заготовки наконечников стрел; 10 – наконечник стрелы; 11, 23 – скребки; 14, 18, 22 – долота; 15, 16 – стамески; 17 – скребок-нож; 19 – нуклеус; 21 – стамеска-скобель. Каменное сырье: 4, 8, 10 – кварцит; 19 – халцедон; остальные предметы – кремень.

Fig. 6. Stone inventory from Pestretsy 2 site: 1, 2, 12 – butchering knives; 3, 4, 13 – fragments of arrowheads; 5 – drill; 6, 7 – bifaced blanks; 8, 9, 20 – blanks for arrowheads; 10 – arrowhead; 11, 23 – scrapers; 14, 18, 22 – chisels; 15, 16 – chisels; 17 – scraper – knife; 19 – core; 21 – chisel-scraper. Stone raw material: 4, 8, 10 – quartzite; 19 – chalcedony; other objects – flint.

ми использования в рукоятях – 5 экз. (рис. 6: 15, 16, 21, 22);

14. Ножи разделочные на кремневых отщепах с острыми углами, без вторичной обработки – 6 экз. (рис. 6: 1, 2, 12);

15. Ножи кремневые прочие – 4 экз., в том числе: 3 – на фрагментах пластин, использовались по мягкому материалу (по шкуре?) (рис. 6: 17), а один нож – на массивном отщепе, использовался по кости;

16. Скребки по шкуре кремневые, боковой и концевые на массивных сколах и отщепах – 3 экз. (рис. 6: 11, 23);

17. Скобели на массивных сколах с ретушью утилизации – 4 экз., три из которых использовались по мягким материалам, а один – по твердым.

18. Строгальные ножи кремневые на пластинах, фрагментированные – 2 экз.;

19. Сверло на мелком массивном сколе с плечиками, сломанное в рабочей части – 1 экз. (рис. 6: 5).

Таким образом, каменный инвентарь, в определенной степени, отражает хозяйственную деятельность обитателей стоянки (по крайней мере, в раскопанной части), которая была направлена в основном на разделку охотничьей добычи и продукции животноводства, и в меньшей степени на обработку дерева.

Результаты редких функционально-трасологических исследования комплексов каменных артефактов эпохи раннего металла лесной зоны Среднего Поволжья, Предуралья и Зауралья, позволяют провести некоторые сравнения, пусть даже и самого общего плана. Прежде всего, следует упомянуть довольно близкий территориально и хронологически кремневый комплекс новоильинской культуры, исследованный в жилище № 1 Кочуровского IV поселения в бассейне р. Вятки, где Т.А. Цыгвинцева на основе трасологического анализа выделяет (функционально и морфологически) характерные группы орудий охотничьего, а также деревообрабатывающего, костеобрабатывающего и камнеобрабатывающего комплексов, в том числе близкие пестречинским стамески по дереву на отщепах и морфологических скребках, долота-бифасы классических форм, ножи на отщепах и случайных сколах, в том числе и «шкурные», а также бифасы – наконечники стрел (Цыгвинцева, 2008). Характерно, что и предшествующий исследователь вятского энеолита Л.А. Наговицын отмечал в каменной индустрии новоильинской и последующей юртиковской культур постепенный переход от пластинчатых технологий к бифасиальным со значительной ролью отщеповых заготовок для орудий, а также широкое распространение т.н. «ножей-вспарывателей» (очевидно, разделочных) (Наговицын, 1987, с. 39). Еще одним примером технологически развитой кремневой и кварцитовой индустрии, направленной на производство мелких бифасов (наконечников) и шлифованных рубящих орудий, является инвентарь волосовской стоянки Новая Деревня в правобережье Средней Волги, на р. Цивиль (Березина, Березин, Галимова, 2007). В этой связи представляют интерес результаты функционального изучения каменных индустрий культур энеолита – ранней бронзы Нижнего Приишимья (Зах, Зимина, Рябогина, Скочина, Усачева, 2008, с.108-110) и Нижнего Притоболья (Шаманаев, 2002, с. 17-22).

Выводы

Начальный этап исследований Пестречинской 2 стоянки показал наличие довольно мощных культурных напластований, насыщенных археологическим и археозоологическим материалом, которые сформировались в эпоху поздней бронзы – раннего железа. В связи с этим весьма перспективны дальнейшие охранно-спасательные раскопки этого разрушающегося первобытного памятника в комплексе с палеогеографическими,

археозоологическими, палеопочвенными и другими естественонаучными изысканиями.

Стратиграфические и планиграфические данные указывают на то, что, по крайней мере, в раскопанной части стоянка представляет собой остатки поселения эпохи поздней бронзы – т.н. займищенского культурного типа. Находки ананьинской КИО и азелинской культуры позволяют предполагать менее продолжительное (эпизодическое?) освоение площадки носителями данных культур. Озерно-болотный режим в локальной голоценовой котловине, по археологическим данным и радиоуглеродному датированию торфянников, установился около 4 тыс. лет назад (Бакин и др. 2011). Массив с изменениями и постепенным сокращением сохранялся весь период функционирования стоянки. На относительно возвышенных участках, одним из которых являлся район стоянки, формировались почвы.

Соотношение костных остатков фауны по видам и распределение их по группам использования указывают на значительную зависимость хозяйства обитателей стоянки от факторов природной среды, прежде всего от ландшафтных обстановок вокруг поселения, которые определяются наличием широкой залесенной поймы реки с многочисленными водоемами, больших участков леса (сосновых, смешанных), обширных болот, лугов как в пойме, так и на водоразделах. Общий состав костных остатков показал их сходство с остеологическими коллекциями из различных археологических памятников лесной и северо-лесостепной зоны поздней бронзы Среднего Поволжья и Предуралья (Обыденнов и др. 1994, с. 14–112; Петренко, 2007, с. 32–45). Вместе с тем увеличенное количество костных остатков от диких млекопитающих сходно с составом археозоологических коллекций из археологических памятников первой половины раннего железного века (Петренко, 2007, с. 67–73). Это можно объяснить тем, что на обширной территории на юге лесной зоны Среднего Поволжья и Приуралья в последнюю фазу суббореала существовал единый тип хозяйствования, вызванный нестабильностью климата и быстрой сменой ландшафтных обстановок и требующий от населения быстрого реагирования и как можно полного использования имеющихся природных ресурсов. И именно этот тип хозяйствования – «лесное» животноводство, как правило, придомное с очень развитым охотничьим промыслом и традициями и сезонным рыболовством – стал доминирующим и явился откликом на быстро меняющиеся экологические условия.

Каменный инвентарь из раскопа, по всей вероятности, принадлежит стоянке эпохи раннего металла, и прежде всего, стоянке носителей так называемого займищенского типа керамики. Именно в пластах 9–10, в нижней части культурных напластований, были встречены практически все кремневые и кварцитовые артефакты, залегавшие совместно с большим числом фрагментов займищенской керамики (свыше 400 экз.) и многочисленными фаунистическими остатками (1557 экз.), что составляет свыше половины общего количества (таблица 2). Об этом также говорит достаточно четкая связь (планиграфическая и стратиграфическая) каменных артефактов с займищенской керамикой, залегавшей в юго-запад-

ной оконечности раскопа (участки а,А/9,10). Это обстоятельство позволяет выявить особенности каменного инвентаря, присущего носителям займищенской керамики, которые были рассмотрены выше. Благодаря находке фрагментированного наконечника стрелы с шипами и треугольным черешком т.н. «сейминского» типа (рис. 6: 4), данный тип керамики можно соотносить с сейминским хронологическим горизонтом – первым этапом эпохи поздней бронзы Волго-Камья (XVIII–XVI вв. до н.э.).

Характер каменного инвентаря, в котором в результате трасологического анализа выявились в основном орудия для разделки продуктов охоты и животноводства (ножи, скобели, скребки, стамески по шкуре) и обработки дерева (строгальные ножи, долота, стамески по дереву), позволяет предполагать охотничье-животноводческую хозяйственную направленность стоянки, причем, на займищенском этапе преимущественно охотничью. Видимо, не случайно и то, что здесь же обнаружены не только наконечники стрел разных типов, но и заготовки для быстрого изготовления таких наконечников. Характерно, что на многих памятниках поздней бронзы Марийского Поволжья, территориально близкого к долине р. Мёша, число костей диких животных превосходит число костей домашних (Лыганов, 2013, с, 17). Также, судя по остаткам ихтиофауны, рыболовство играло важную роль в системе жизнеобеспечения жителей изучаемой стоянки.

В перспективе в результате дальнейших комплексных исследований Пестречинской 2 стоянки и расположенной выше по течению Мёши Пестречинской 4 стоянки эпохи энеолита-бронзы появится возможность расширить наши представления о спектре хозяйственной деятельности населения долины р. Мёша в эпоху бронзы и раннего железа, а также выявить генетические связи населения Нижнего Прикамья эпохи бронзы с предшествующими энеолитическими сообществами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В.* Ихтиофауна позднего голоцена Средневолжского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, вып. 9. С. 1014-1030.

2. *Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В.* Птицы Среднего Поволжья в V–XVIII вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Поволжская археология. 2013б. № 3 (5). С. 116–144.

3. *Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г.* История Пестречинского торфянника (материалы по истории голоцена Татарстана) // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 4. Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 202–216.

4. *Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш.* Предварительные итоги изучения каменного инвентаря стоянки Новая Деревня на р. Цивиль // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Йошкар-Ола: МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2007. С. 62–69.

5. *Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Линкина Л.И., Лыганов А.В.* Реконструкция природной среды стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). Казань: Изд-во «Отечество», 2013. С. 123–126.

6. *Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Н., Скочина С.К., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: наука, 2008. 212 с.

7. *Коробкова Г.Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2001. С. 146–212.

8. *Курбанова С.Г.* Палеогеографическое значение погребённых почв пойм малых рек бассейнов Вятки и Средней Волги // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечернозёмного Урала. Пермь: Изд-во ПГУ, 1991. С. 118–122.

9. *Курочкин Е.Н.* Методы изучения ископаемых птиц // Частные методы изучения истории современных экосистем. М.: Наука, 1979. С. 152–163.

10. *Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А.* Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 114 с.

11. *Лыганов А.В.* Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

12. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисяметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 134–142.

13. *Мозжерин В.И., Курбанова С.Г.* Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. Казань: Изд-во «Арт Дизайн», 2004. 128 с.

14. *Наговицын Л.А.* О хозяйстве населения Вятского края в эпоху энеолита // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1987. С. 26–43.

15. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

16. *Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Серия «Археология евразийских степей». Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 144 с.

17. *Хисяметдинова А.А.* Палеоозёра в голоценовом долинном расширении реки Мёша в районе стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) в Предкамье // Учёные записки Казанского университета, Том 155, кн.4. Серия естественные науки. Казань, 2013 . С. 109–121.

18. *Цалкин В.И.* Млекопитающие бассейна Оки и Верхней Волги в начале нашей эры // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. 1961. Т. LXVI. Вып. 1. С. 23–39.

19. *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.

20. *Цыгвинцева Т.А.* Орудия труда энеолитического времени (по материаам жилища № 1 Кочуровского IV поселения в бассейне р. Вятки // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2008. С. 400–412.

21. *Шаманаев А.В.* Каменные индустрии мезолита – раннего бронзового века Нижнего Притоболья. Автореф. … канд. ист. наук. СПб., 2002. 24 с.

22. Alberdi M. T., Prado J. L., Ortiz-Jaureguizar E. Patterns of body size changes in fossil and living Equini (Perissodactyla) // Biological Journal of the Linnean Society. 1995. Vol. 54, Issue 4. P. 349–370.

23. Driesch A. von den. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Cambridge: Harvard University, 1976. 136 p.

24. Puputti A. K., Niskanen M. The estimation of body weight of the reindeer (Rangifer tarandus L.) from skeletal measurements: preliminary analyses and application to archaeological material from 17th – and 18th-century northern Finland // Environmental Archaeology. 2008. Vol. 13, Issue №. 2. P. 153–164.

25. Radu V. Exploitation de resources aquatiques dans les cultures neolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Meridionale. These de Doctorat, Universite de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence (France). 2003. 438 p.

26. Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. New York: Cambridge University Press, Second edition, 2008. 533 p.

27. Serjeantson D. Birds. Cambridge Manuals in Archaeology. New York: Cambridge University Press, 2009. 486 p.

Информация об авторах:

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

Хисяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); asiatat@yandex.ru

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (Казань, Россия); archaeozoologist@yandex.ru

Шаймуратова (Галимова) Диляра Наилевна, младший научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (Казань, Россия); galimovad@gmail.com

Аськеев Олег Васильевич, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией биомониторинга, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (Казань, Россия); archaeozoologist@yandex.ru

ENVIRONMENT AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE PESTRETSY 2 SITE INHABITANTS ON THE MESHA RIVER

M.Sh. Galimova, A.A. Khisiametdinova, I.V. Askeyev, D.N. Shaymuratova (Galimova), O.V. Askeyev

Preliminary results of integrated archaeological and paleo-ecological research in the multilayer site Pestretsy 2 on the Mesha river (Middle Volga region) are discussed in the article. As a result of geology and geomorphology studies, it was found that cultural layers of the Bronze and Early Iron Ages occurred in the buried soil complex, which was coated by river fresh deposits formed in 19th–20th centuries. According paleo-geography data, the site was situated on elevated plot in the lake-marsh basin, the basin, which radiocarbon age is about 4 thousand years ago. The site seems to be the remnants of the Late Bronze long-term settlement (at least in excavated part) belonging to so called Zaymishche cultural type as shown by stratigraphy, planigraphy and stone artifacts data. The shouldered arrowhead with barbs and triangular stem of the Seyma type found in this layer allows us to refer it to the 18th–16th centuries. As for the subsequent Ananyino and Azelino cultural layers, they were apparently short-term camps. Numerous faunal remains studied using archaeo-zoological methods, demonstrated animal husbandry practice houses adjoining (so called “forest”) type

combined with highly developed hunting and seasonal fishing. Use-wear analysis of stone inventory confirms the authors conclusion.

Keywords: archaeology, zoology, paleo-ecology, Bronze Age, stone tools, animal remains, Middle Volga region

REFERENCES

1. Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013. In *Zoologicheskii zhurnal (Journal of Zoology)* 92 (9), 1014–1030 (in Russian).
2. Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013b. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (5), 116–144 (in Russian).
3. Bakin, O. V., Panova, N. K., Antipina, T. G. 2011. In *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 202–216 (in Russian).
4. Berezina, N. S., Berezin, A. Yu., Galimova, M. Sh. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History, Institute, 62–69 (in Russian).
5. Galimova, M. Sh., Khisiametdinova, A. A., Askeyev, I. V., Linkina, L. I., Lyganov, A. V. 2013. In Askeyev, I. V., Ivanov, D. V. (eds.). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene (Dynamics of Contemporaneous Ecosystems in Holocene)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 123–126 (in Russian).
6. Zakh, V. A., Zimina, O. Yu., Riabogina, N. N., Skochina, S. K., Usacheva, I. V. 2008. *Landshafty golotsena i vzaimodeistvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e (Landscapes of Holocene and Interaction of Cultures between the Tobol and Ishim Rivers)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Korobkova, G. F. 2001. In Masson, V. M. (ed.). *Osobennosti proizvodstva poseleniia Altyn-depe v epokhu paleometalla (Peculiarities of the Manufacture at the Settlement of Altyn-Depe in the Palaeo-Metallic Epoch)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 146–212 (in Russian).
8. Kurbanova, S. G. 1991. In *Fiziko-geograficheskie osnovy razvitiia i razmeshcheniia proizvoditel'nykh sil Nechernozemnogo Urala (Physiographic Bases of Development and Localization of Productive Forces of the Non-Chernozem Urals)*. Perm: Perm State University, 118–122 (in Russian).
9. Kurochkin, E. N. 1979. In *Chastnye metody izucheniia istorii sovremennykh ekosistem (Particular Approaches to the Historical Study of the Modern Ecosystems)*. Moscow: "Nauka" Publ., 152–163 (in Russian).
10. Obydennov, M. F., Shorin, A. F., Varov, A. I., Kosintsev, P. A. 1994. *Khoziaistvo naseleniia cherkaskul'skoi i mezhovskoi kul'tur Urala epokhi pozdnei bronzy (Economy of the Late Bronze Age Cherkaskul and Mezhovka Cultures in the Urals)*. Preprint. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
11. Lyganov, A. V. 2013. *Khoziaistvo naseleniia pozdnego bronzovogo veka Volgo-Kam'ia (Economy of the Volga- Kama Population in the Late Bronze Age)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
12. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., Bugrov, D. G., Askeyev, I. V., Melnikov, L. V., Khisiametdinova, A. A. 2012. In *Arkheologicheskie pamiatniki Povolzh'ia i Urala: sovremennye problemy sokhraneniia i muzeefikatsii (Archaeological Sites of the Volga Region and the Urals: Contemporary Issues of Preservation and Conversion into Museum)*. Series: Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 134–142 (in Russian).
13. Mozzherin, V. I., Kurbanova, S. G. 2004. *Deiatel'nost' cheloveka i erozionno-ruslovye sistemy Srednego Povolzh'ia (Human Activity and Erosion-Related and Riverbed Systems of the Middle Volga Region)*. Kazan: "Art Dizain" Publ. (in Russian).

14. Nagovitsyn, L. A. 1987. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnei istorii Udmurtii (Problems of Udmurtia's Ancient History Study)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 26–43 (in Russian).

15. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

16. Petrenko, A. G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Formation and Development of Animal Husbandry in History of Peoples of the Middle Volga Area and Cis-Urals (by archaeozoological materials))*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

17. Khisiametdinova, A. A. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Kazan University)* 155 (4). *Seriia estestvennye nauki (Natural Sciences Series)*. Kazan, 109–121 (in Russian).

18. Tsalkin, V. I. 1961. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie Biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* LXVI (1), 23–39 (in Russian).

19. Tsalkin, V. I. 1970. *Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy (Most Ancient Domestic Animals of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

20. Tsygvintseva, T. A. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura: K 75-letiiu S. V. Oshibkinoi (People, Adaptation, Culture: in Honor of the 75th Anniversary of S. V. Oshibkina)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 400–412 (in Russian).

21. Shamanaev, A. V. 2002. *Kamennye industrii mezolita – rannego bronzovogo veka Nizhnego Pritobol'ia (Stone Industries of Mesolithic — Early Bronze Age of Lower Tobol River Area)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

22. Alberdi, M. T., Prado, J. L., Ortiz Jaureguizar, E. 1995. Patterns of body size changes in fossil and living Equini (Perissodactyla). *Biological Journal of the Linnean Society*. Vol. 54, Issue 4, 349–370.

23. Driesch, A. von den. 1976. *A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites*. Cambridge: Harvard University.

24. Puputti, A. K., Niskanen, M. 2008. The estimation of body weight of the reindeer (Rangifer tarandus L.) from skeletal measurements: preliminary analyses and application to archaeological material from 17th- and 18th-century northern Finland. *Environmental Archaeology*. Vol. 13, Issue 2, 153–164.

25. Radu, V. 2003. *Exploitation de resources aquatiques dans les cultures néolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Méridionale*. Thèse de Doctorat, Université de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence (France).

26. Reitz, E. J., Wing, E. S. 2008. *Zooarchaeology*. New York: Cambridge University Press.

27. Serjeantson, D. 2009. *Birds*. Cambridge Manuals in Archaeology. New York: Cambridge University Press.

About the Authors:

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Khisiametdinova Asia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Askeyev Igor V. Candidate of Biological Sciences. Institute for Environmental Problems and Subsoil Use, Tatarstan Academy of Sciences, Daurskaya St., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan, Russian Federation; archaeozoologist@yandex.ru

Shaymuratova (Galimova) Dilyara N. Institute for Environmental Problems and Subsoil Use, Tatarstan Academy of Sciences, Daurskaya St., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan, Russian Federation; galimovad@gmail.com

Askeyev Oleg V. Candidate of Biological Sciences. Institute for Environmental Problems and Subsoil Use, Tatarstan Academy of Sciences, Daurskaya St., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan, Russian Federation; archaeozoologist@yandex.ru

Статья поступила в номер 12.07.2016 г.

Дискуссии

УДК 902.2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКОЙ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2016 г. В.С. Патрушев

В работе подводятся основные итоги изучения населения с так называемой «текстильной» керамикой на огромной территории Европы, шириной более 700 км, от простирающейся от берегов Нижней и Средней Волги на востоке до Восточной Швеции на западе. Носители культуры эпохи бронзы и раннего железа с текстильной керамикой (XXIV в до н.э. – IV в н.э.) сыграли огромную роль в формировании финноязычных народов. Автором выделены несколько основных проблем, связанных с изучением текстильной керамики эпохи бронзы и раннего железа, а именно: 1) вопрос о происхождении носителей данной керамики; 2) проблема выделения финноязычной общности и локальных групп населения с «текстильной» керамикой; 3) реконструкция технологии нанесения ниточно-рябчатых отпечатков и совершенствование терминологии для их характеристики; 4) уточнение хронологии и создание периодизации памятников с «текстильной» керамикой; 5) выявление этнокультурных связей и дальнейшие судеб финноязычных носителей культуры «текстильной» керамики. Важными задачами изучения археологических памятников с «текстильной» керамикой, по мнению автора, являются: продолжение исследований по единой методике комплексов памятников южных регионов; изучение локальных особенностей такой керамики; изучение сопровождающего такую посуду инвентаря.

Ключевые слова: археология, «текстильная» керамика, финноязычные племена, эпоха бронзы, начало эпохи железа, итоги и перспективыисследований

Основные итоги изучения «текстильной» керамики. В ранней истории финноязычных народов особое место занимает население с керамикой, на внешней (иногда частично и на внутренней) поверхности которой четко прослеживаются ниточные и рябчатые отпечатки. В современной русскоязычной литературе такая керамика называется «текстильной», ложнотекстильной, «сетчатой», псевдосетчатой, ниточно-рябчатой. Последнее название, предложенное автором и принятое участниками российской конференции по проблемам «сетчатой» и «текстильной» керамики в Йошкар-Оле в 1993 г. (Патрушев, 1993), наиболее точно отражает основные особенности такой керамики.

Общие границы распространения такой посуды в эпохи бронзы и раннего железа проходят полосой шириной приблизительно 700 км от Среднего и Нижнего Поволжья до Балтийского моря, меняясь в разные периоды (рис. 1; 2).

Начало изучения «текстильной» керамики относится к концу XIX – началу XX в. В этот период впервые появляется интерес к особой группе посуды с сетчатым орнаментом (Городцов, 1900, 1914; Спицын, 1903;

Рис. 1. Археологические культуры эпохи развитой бронзы: 1 – общность культур Прикамья (приказанская по А.Х. Халикову); 2 – поздняковская культура; 3 – культура «текстильной» керамики.
Fig. 1. Archaeological cultures of the developed Bronze Age: 1 – the Kama community of cultures (or the 'Prikazanskaya' one, after A.Kh. Khalikov); 2 – Pozdnyakovo culture; 3 – culture of 'textile' ceramics.

Pälsi, 1916 и др). Основательная характеристика этого этапа представлена О.А. Лопатиной (2014, с. 66–70). Основной итог дореволюционного этапа исследований: 1) выделение разных видов отпечатков (оспенно-рытый, рябчатый, печатный, нитчатый или ниточный, веревочный, тканный, рогожный и др.), но слабо разграниченных даже у одного исследователя; все они воспринимались как элементы орнамента; 2) выделение дьяковских

(или «дьякова типа») и городецких городищ Центральной и Северной России с сетчатой и рогожной керамикой, не разграниченных в культурном отношении; 3) ограничение территории памятников с «сетчатыми узорами» в основном Волго-Окским междуречьем, Верхним Поволжьем, Москворечьем, калужским и рязанским Поочьем, Саратовской губернией; 4) определение финской принадлежности городищ с сетчатой и рогожной керамикой.

В послереволюционный период В.А. Городцов (1928, с. 8) определенно разграничивает городища «дьякова типа» и городецкую культуру, но в пределах одной общности с «печатными типами керамического орнамента». Б.С. Жуков, впервые использовавший в отечественной литературе перенятый им у финских археологов термин «текстильная керамика», выделяет городища, исходя из истоков: культура дьякова типа – от древней текстильной керамики, культура городецкого типа с «рогожной керамикой» – от дериватов культур типа Озименок (Лопатина, 2014, с. 72). Интерес представляют попытки определения «сетчатых» отпечатков (Арзютов, 1926). Аарне Айряпяа (Äyräpää, 1933, S. 114) высказал мнение об истоках текстильной керамики Балтии и Финляндии от поздненеолитического населения Чехии; он также предположил, что в России эта традиция могла быть передана через фатьяновскую посуду из круга культур шнуровой керамики.

Интерес к проблемам населения с «текстильной» керамикой возрастает в послевоенные годы. При характеристике ряда культур показана роль такой керамики в этнокультурных процессах и дана ее характеристика исследователями М.Е. Фосс (1947, с. 61–69; 1952), О.Н. Бадером (1950), А.Я. Брюсовым (1950, с. 287–305), А.П. Смирновым (1952), Н.В. Трубниковой (1952) и др. Финский исследователь К.Ф. Мейнандер (Meinander, 1954) появление памятников с такой керамикой датировал XVIII в. до н.э. и отнес их к культуре текстильной керамики. Он также отметил, что в эпоху железа текстильная керамика сопровождается бронзовыми топорами-кельтами меларского типа. Н.В. Трубникова (1952, с. 125–129), С.А. Семенов (1955, с. 137–144), К. Карпелан (1970) и др. при изучении керамики особое внимание обратили на технику нанесения отпечатков на поверхность сосуда. Особо следует выделить основанное на экспериментальном методе детальное изучение «текстильной» керамики А.А. Бобринским (1978). Б.А. Фоломеев (1975, с. 154–165) разработал классификацию характерных отпечатков на поверхности «текстильной» посуды из поселения Тюков Городок, выделив группы ниточных и рябчатых. При анализе общих проблем древней истории определенных регионов многие исследователи обращали пристальное внимание на «текстильную» керамику (Бадер, 1966, с. 34–46; 1970; Гурина, 1961; 1963; Лозе, 1979; Лыугас, 1970; Никитин, 1963; Розенфельдт, 1974; Смирнов К.,1974; Халиков, 1960, 1962; 1969; Янитс, 1959 и др.).

Основной итог исследований послевоенного периода: 1) включение финноязычного населения с «текстильной» керамикой в общий ход исторического развития на широкой территории от Поволжья до Скандинавии; 2) выделение особой культуры

Рис. 2. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в начале раннего железноговека (по: Гусаков, Кузьминых, 2008, рис. 4): 1 – ананьинская культурно-историческая область; 2 – культурно-историческая область «текстильной» керамики; 3 – культура асбестовой керамики; 4 – культура штрихованной керамики; 5 – днепро-двинская и верхнеокская культуры; 6 – культуры с «крестовой» керамикой и иткульская; 7 – ранние германцы; 8 – лужицкая культура; 9 – гальштатская общность; 10 – лесостепные и степные культуры «скифского» круга.

Fig. 2. Ethno-cultural areas in the north of the European Russia in the early Iron Age (after: Гусаков, Кузьминых, 2008, рис. 4): *1* – the Ananyino cultural and historical area; *2* – the 'textile' ceramics area; 3 – the Asbestos Pottery culture; *4* – Brushed Pottery culture; *5* – the Dnieper-Dvina and the Upper Oka cultures; *6* – Cross-stamped Pottery culture and the Itkul culture; *9* – the Hallstatt community; *10* – forest-steppe and steppe cultures of 'Scythian' circle.

«текстильной» керамики; 3) определение возможных истоков появления такой керамики в поздненеолитической среде и посуде круга шнуровой керамики (фатьяновской) при участии ряда местных компонентов; 4) определение ниточно-рябчатых отпечатков как результат технологических особенностей изготовления посуды и первые шаги по классификации отпечатков на поверхности.

Наиболее плодотворным в исследованиях финноязычного населения с «текстильной» керамикой стал период с начала 1980-х годов до наших дней. Выделим основные итоги исследований этого периода: 1) получение ряда радиоуглеродных дат из памятников с «текстильной» керамикой (Каверзнева, Фоломеев, 1998; Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 42–55; 2013, с. 360–373; Сыроватко, 2013 и др.) и датировка значительного числа комплексов по нагару на стенках сосудов по методу АМС (акселерационной масс-спектрометрии) (Крий-

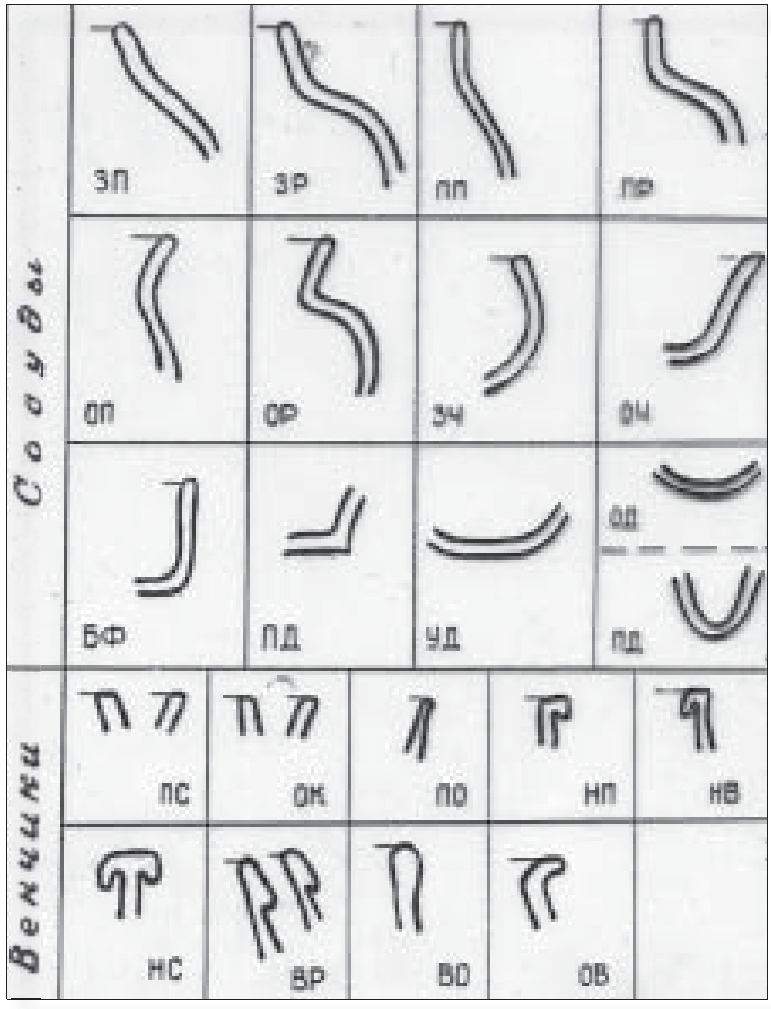


Рис. 3. Формы сосудов и венчиков «текстильной» керамики.
Формы сосудов: ЗП – с закрытым горлом и плавным переходом в тулово, ЗР – то же с резким переходом, ПП – с прямым горлом и плавным переходом, ПР – то же с резким переходом, ОП – с открытым горлом и плавным переходом, ОР – с открытым горлом и резким переходом, ЗЧ – закрытая чаша, ОЧ – открытая чаша, БФ – баночная форма, ПД – плоское дно, УД – уплощенное дно, ОД – округлое дно, ПД – приостренное дно.
Форма венчика: ПС – прямой срез, ОК – округлый, ПО – приостренный, НП – с наплывом с внешней стороны, НВ – с наплывом с внутренней стороны, НС – с наплывом с внешней и внутренней стороны, ВР – с «воротничком», ВО – валикообразный, ОВ – отогнутый венчик.

Fig. 3. Forms of vessels and rims of the ‘textile’ ceramics.
Forms of vessels: ЗП – with a closed neck and a smooth transition towards the body, ЗР – the same, but with a rough transition, ПП – with the straight neck and a smooth transition, ПР – the same, but with a rough transition, ОП – with an open neck and a smooth transition, ОР – with an open neck, but with a rough transition, ЗЧ – a closed cup, ОЧ – an open cup, БФ – a bottle, ПД – flat bottom, УД – flattened bottom, ОД – round bottom, ПД – sharpened bottom.
Form of the rim: ПС – straight cut, ОК – rounded, ПО – sharpened, НП – with a knob outside, НВ – with a knob inside, НС – with a knob outside and inside, ВР – with a ‘collar’, ВО – spindle-shaped, ОВ – outward rim.

ска, Лавенто, 2007; Kriiska, Lavento & Peets, 2005; Lavento, 2001; Lavento, Patrushev, 2015 и др.); 2) экспериментальные исследования отпечатков на сосудах (Лопатина, 2009, с. 204–212; Фоломеев, 1993, с. 3–21; 1998; Чернай, 1981, с. 204–212; 1993, с. 36–48 и др.); 3) выделение локальных групп «текстильной» керамики, в том числе по сопровождающим комплексам (Васкс, 1991; Воронин, 1998, с. 308–323; 2013, с. 329–344; Смирнов К., 1993, с. 48–82; Сыроватко, 2013; Сыроватко, Трошина, Антипина, 2013, с. 374–379; Косменко, 1992; 1996, с. 185–215; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 6–12; Халиков, 1980; Dumpe, 2003, pp. 110–117; Jaanusson, 1985, pp. 39–50 и др.); 4) выявление общих черт ниточно-рябчатой керамики на всей территории распространения такой посуды (Патрушев, 1989; 1992, 1993, с. 3–20; Сидоров, 2003; Patrushev, 2000, pp. 73–88, 100–111;); 5) характеристика различных проблем истории изучения и развития «текстильной» керамики (Азаров, 2014, с. 352–373; 2015, с. 204–212; Гусаков, Кузьминых, 2008, с. 105–117;Лопатина, 2014, с. 66–70; Смирнов К.А., 1993; Халиков, 1980; 1987 и др.).

Одним из важнейших направлений исследований во все периоды были поиски истоков появления посуды с ниточно-рябчатыми отпечатками.

Проблема происхождения «текстильной» керамики. Поиски истоков появления «текстильной» керамики уходят ко времени выделения такой посуды. В.А. Городцов (1900, 1914) и А.А. Спицын (1903), выделив особый культурный пласт с сетчатой керамикой, указывали на ее истоки в поздненеолитической керамике. Впоследствии ряд исследователей истоки приемов ниточно-рябчатой обработки сосудов также усматривают в поздней посуде культуры ямочно-гребенчатой керамики (Брюсов, 1950, с. 287–305; Фосс, 1947, с. 61–69; 1952; Гурина, 1961; Лозе, 1979; Ошибкина, 1987, с. 147–156). Были и возражения против такой точки зрения. В частности, В.П. Третьяков (1975, с. 62–67) считал невозможной близость ямочно-гребенчатой и «текстильной» керамики из-за хронологического разрыва между ними. Вероятной зоной возникновения такой керамики он называет районы Прибалтики. А.В. Васкс (1983) выступил против мнения И.А. Лозе об истоках такой посуды Прибалтики в ямочно-гребенчатой посуде аборского типа из-за совершенно разной структуры таких групп керамики и отсутствия между ними какой-либо генетической связи.

Для керамики северо-западных районов России известна точка зрения о распространении «текстильных» отпечатков на сосудах под влиянием поздней шнуровой керамики. О.С. Гадзяцкая и Д.А. Крайнов (1987), говоря о дальнейших судьбах фатьяновцев, приводят ряд доказательств наличия элементов их посуды в «текстильной» керамике. Доказательства участия племен со шнуровой керамикой в оформлении «текстильной» керамики Прибалтики приводит Я. Граудонис (1967), что подтверждается антропологическими данными (Денисова, 1973).

И.В. Гаврилова (1968), признавая основным компонентом в формировании ниточно-рябчатой керамики ямочно-гребенчатую, считает возможным участие в ее оформлении элементов посуды галичской, раз-

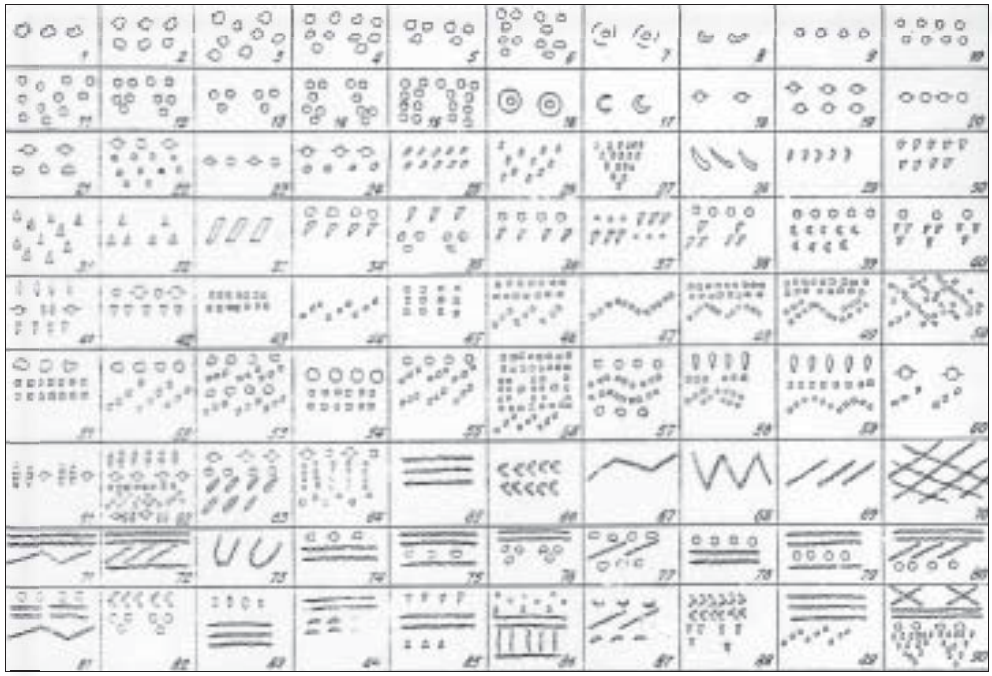


Рис. 4. Варианты орнамента «текстильной» керамики.

Fig. 4. Various ornanent of ‘textile’ ceramics.

личных вариантов фатьяноидной и поздняковской. Такая точка зрения об участии в ее формировании ряда культур перекликается с мнениями О.Н. Бадера (1970), Н.Н. Гуриной (1961), П.Н. Третьякова (1966) и др. К.В. Воронин (1998, с. 308–314) сторонников взглядов формирования культуры сетчатой керамики на основе поздненеолитических племен и других пришлых культур (боевых топоров и шнуровой керамики, абашевской, поздняковской) называет интеграционистами и относит к ним, кроме отмеченных, А.Л. Никитина, М.Г. Косменко и Л.В. Ванкину. Весьма привлекательна точка зрения О.Н. Бадера (1966, с. 36). Он предполагает участие в формировании культуры сетчатой керамики как потомков неолитического населения с ямочно-гребенчатой керамикой, так и волосовских, фатьяновских, балановских, поздняковских и абашевских элементов, т.е. ассимиляции разнородных этнических элементов и постепенного слияния их в единое целое.

Решение вопроса об участии населения других археологических культур эпохи бронзы в формировании финноязычного населения с «текстильной» керамикой представляет значительные трудности. Во-первых, для сравнения почти нет других материалов, кроме керамики. Во-вторых, для культур развитой бронзы результаты анализа керамики в большинстве случаев имеют описательный характер. Поэтому мы вынуждены довольствоваться весьма приблизительным

сравнением ниточно-рябчатой керамики и посуды ряда культур эпохи бронзы.

Следует оговориться, что ряд навыков в керамическом производстве, по этнографическим данным, сохраняется в течение пяти-шести поколений (Бобринский, 1978), т.е. с учетом средней продолжительности жизни приблизительно от 350 до 400 лет. В первобытном обществе при характерной традиционности элементов культуры эти навыки могли сохраняться гораздо дольше, возможно, в течение 500 и более лет. Поэтому вполне правомочно сравнение разновременных керамических комплексов. С целью выяснения истоков «текстильной» керамики автором была попытка сопоставить данную посуду с керамикой ряда предыдущих и синхронных культур (Патрушев, 1989, с. 40–45; рис. 7, 16).

С волосовской керамикой ниточно-рябчатую посуду сближают некоторые параллели в формах сосудов развитого и позднего этапов волосовской культуры в виде открытых или закрытых чаш, составляющие в комплексах ниточно-рябчатой керамики от 35,7 до 45,95% во Владимирской области, Ярославском Поволжье и от 0,8 до 13,03% в остальных областях (рис. 3; Патрушев, 1989, прил. 3); из элементов орнамента «текстильной» керамики параллели с волосовскими узорами имеют кружковый орнамент, дуговидные ямки, клиновидные и треугольные вдавления, перекрещивающиеся линии из зубчатого штампа и веревочных оттисков, косые линии и зигзаг из зубчатых оттисков (рис. 4: 8, 16, 17, 29–31, 44, 47, 50, 58, 63; Патрушев, 1989, прил. 3; Крайнов, 1987 а, рис. 1, 3, 5*)*. Наиболее важным доказательством возможного участия в формировании населения с «текстильной» керамикой центральных районов Европейской России является волосовская посуда с ниточными отпечатками из памятников Тверской области, в частности, на фрагментах Ронского 1 поселения, где четко прослеживаются ниточные хаотичные отпечатки.

В фатьяновской керамике сопоставимы формы низких сосудов с открытым горлом с горшковидными сосудами с открытым горлом и резким переходом в тулово из комплексов ниточно-рябчатой керамики эпохи бронзы, где они составляют до 5,2% в восточных районах и 9,3% – в западных (рис. 3; Патрушев, 1989, прил. 3; Гадзяцкая, 1976; Крайнов, 1987 б, рис. 28 б). На лощеной поверхности фатьяновской посуды нанесены преимущественно зубчатые узоры, иногда близкие к орнаменту ниточно-рябчатой керамики, в том числе сетка из зубчатых оттисков; есть также шнуровые горизонтальные узоры, нередко завершающиеся волной, сочетание горизонтальных шнуровых и косых зубчатых оттисков, неправильные ямки, дуговидные, треугольные или беспорядочные клиновидные вдавления или же образующие горизонтальный «колос», треугольный узор (рис. 4: 3, 27, 29, 30, 46–50, 66, 71, 82, 88, 89; Крайнов, 1987б, рис. 28; 29: 9, 20). Структура фатьяновской керамики с преобладающей примесью мелкого песка, а также изящество и пропорциональность форм значительно отличают ее от грубоватой ниточно-рябчатой посуды. Тем не менее последняя

по многим признакам сближается с поздней группой фатьяновской посуды. Характерные для балановской культуры заштрихованные широкие зигзаги, ромбы, треугольники на ниточно-рябчатой керамике не известны. Лишь в поздний период на фатьяновской и балановской посуде появляются близкие узоры из треугольных вдавлений, пересекающихся косых линий, зигзагов или горизонтальных оттисков зубчатого штампа, а также перенятые у поздняковцев «жемчужины» (рис. 4: 30, 47, 49, 50; Патрушев, 1989, с. 41–42) напоминают некоторые узоры ниточно-рябчатой посуды.

Автор полагал, что при наличии ряда близких черт металлических изделий и возможности участия чирковского населения с традиционными волосовско-балановскими элементами культуры в формировании племен с «текстильной» керамикой (Патрушев, 1984, с. 189–190), трудно найти параллель между чирковской керамикой с цилиндрическим горлом, преимущественно резко переходящим в тулово, с примесью толченых раковин, рыхлой структурой, украшенной геометрическим орнаментом из оттисков зубчатого штампа в виде заштрихованных зигзагов, треугольников и ниточно-рябчатой посудой (рис. 3, 4; Халиков, 1987; Соловьев, 2000, рис. 60). Однако факт совместного залегания на большинстве памятников центральной части Волго-Окского междуречья и Верхнем Поволжье в первой половине II тыс. до н.э. «текстильной» и чирковской керамики (Воронин, 2013, рис. 14, с. 337, 343–344) может говорить о возможном взаимодействии их носителей и участии чирковских племен в формировании населения с «текстильной» керамикой.

В ниточно-рябчатой и абашевской керамике можно выделить лишь некоторые параллели: в формах – чашевидные и баночные сосуды, горшковидные и плоскодонные или круглодонные сосуды с открытым горлом и плавным или резким переходом в тулово; в орнаментации – узоры в виде сетки, горизонтальных линий, использование зубчатого штампа, ямок (рис. 3, 4; Патрушев, 1989, рис. 16: 9, 43, 47, 50; Соловьев, 2000, рис. 62).Вместе с тем абашевская керамика с примесью толченых раковин и рыхлой структурой, хорошо заглаженной поверхностью не могла быть основой для плотной ниточно-рябчатой керамики. Тем не менее ряд «интеграционистов» указывают на возможность участия абашевцев в формировании населения с «текстильной» керамикой (Воронин, 1998, с. 308).

Точка зрения автора в вопросе об истоках ниточно-рябчатой керамики совпадает с мнениями тех исследователей, которые видят истоки в приемах обработки колотушкой с внутренней поверхности сосудов у носителей шнуровой керамики – поздних фатьяновцев, балановцев, частого нанесения ямок или позднее зубчатых оттисков на внешней поверхности посуды ямочно-гребенчатого облика, когда их сплошные оттиски не только визуально напоминают рябчатые отпечатки. Следует добавить, что подобными оттисками также достигалось уплотнение глиняного теста, как и ниточно-рябчатами отпечатками.

Истоки ниточно-рябчатой керамики, по наблюдениям автора, наиболее ярко видны в керамике эпох неолита и раннего металла северо-запада Европейской части России, где в технологических приемах орнаментации кроются многие элементы таких отпечатков: треугольные и клиновидные ямки и мелкие дуговидные вдавления, рябчатые бороздки, ниточные хаотичные отпечатки и ниточные отпечатки, сделанные намотанным на палочку шнуром (Гурина, 1961, рис. 46: 1,7; 47: 10; 48: 1; с. 190–192; Патрушев, 1989а, прил. 1), орнамент в виде рябчатых отпечатков из клиновидных вдавлений в шахматном порядке на керамике неолита (Гурина, 1961, рис. 50: 12–13; 51: 17; Патрушев, 1989, прил. 1); чашевидные сосуды с горизонтальными и вертикальными рябчатыми бороздками от оттисков зубчатого штампа, узоры из частых клиньев, образующих дуговидные и овальные отпечатки; дуговидные отпечатки от сглаженных ямок на посуде развитого неолита (Гурина, 1961, рис. 67; 68: 5, 8; Патрушев, 1989, с. 44). В эпоху энеолита многие сосуды покрыты сплошными оттисками зубчатого штампа, имитирующими рябчатые отпечатки (Гурина, 1961, рис. 87). В это же время распространяются характерные для населения с ниточно-рябчатой керамикой сланцевые орудия (Гурина. 1961, рис. 95, с. 278–279).

Нет оснований говорить об истоках «текстильной» керамики в прикамской (по А.Х. Халикову – приказанской: 1980; 1987) керамике. Необходимо учитывать и различия в остальных элементах материальной культуры. Набор каменных и металлических орудий в Прикамье (кремневые скребки треугольной формы, похожие на клинок кинжала ножи, вытянутые треугольные наконечники с усеченным основанием, металлические двулезвийные черешковые ножи с прямоугольным черешком, бронзовые кельты с двумя боковыми ушками, кельты с ушком на широкой плоскости и др.) севернее Марийского Поволжья на территории распространения ниточно-рябчатой керамики не встречаются (Халиков, 1987). На прикамских памятниках известны всего два каменных тесла, наиболее характерные орудия населения с «текстильной» посудой. Тем не менее влияние ниточно-рябчатой керамики на посуду атабаевского и маклашеевского облика (по: Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 31–32) вызвало появление группы специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной узорами, характерными для прикамских районов. Автором памятники со смешанными группами «текстильной» и прикамской посуды были выделены в особый, кокшайский, этап ахмыловской культуры (Патрушев, 1984, с. 202). Подобное явление можно наблюдать в Татарском, Марийском Поволжье, т.е. на всей территории расселения пришлого прикамского населения.

При решении вопроса об истоках ниточно-рябчатой керамики необходимо иметь в виду время появления такой посуды. М. Лавенто и ряд других исследователей считают, что самые ранние даты получены для «текстильной» керамики Эстонии – XXIV в. до н.э. (Kriiska A.,

Lavento M. & Peets J. 2005), где она зародилась под влиянием шнуровой керамики, возникшей, в свою очередь, на поздненеолитической основе западного облика. Оттуда она распространилась в Поволжье и Финляндию.

Проблема происхождения финноязычного населения с «текстильной» керамикой остается дискуссионной, и во многом зависит от накопления источников и решения других проблем, в частности, изучения локальных особенностей.

Проблемы выделения финноязычной общности с «текстильной» керамикой и ее локальных групп. В связи с отсутствием обобщающих работ о финноязычном населении с «текстильной» керамикой перед автором стояла задача разработки принципов характеристики такой посуды. Все имеющиеся характеристики касались отдельных памятников или узкого региона и имели описательный характер. После изучения комплексов «текстильной» керамики раннего железа Марийского и Татарского Поволжья автором были разработаны принципы составления банка данных и инструментарий исследований для единообразного сбора материалов и характеристики такой посуды по единому принципу. С началом сбора данных из Верхнего Поволжья, Поочья, северо-западных регионов России (всего из 28 музеев и организаций) стало ясно, что необходимо расширить количество признаков всех категорий описания – формы, отпечатков, орнамента, примеси. Одновременно стали разрабатываться программы исследований для выявления общих черт и различий.

Автором впервые систематизированы и обобщены по единой методике комплексы «текстильной» керамики из 240 памятников России от устья р. Кама до Карелии общим числом около 40 тыс. фрагментов (Патрушев, 1989, 1993; Patrushev, 2000). Изучены также комплексы посуды из 13 основных памятников Финляндии. В лекции на кафедре археологии Университета Хельсинки автором были выделены общие черты «текстильной» керамики России и Финляндии и отмечены некоторые различия западных, центральных и восточных групп такой посуды. Все материалы вошли в единый банк данных. Методика составления банка данных разработана автором после составления детального инструментария исследований «текстильной» керамики (Патрушев, 1996а, с. 27–31; 1989, прил. 1). Огромных усилий потребовала работа по подготовке и проведению статистической обработки всего массива данных. Из разных статистических методов обобщения и определения сходства и различия признаков и комплексов (по Фишеру, по Колмогорову, по Стьюденту) по совету Г.А. Федорова-Давыдова был выбран критерий Стьюдента как наиболее надежный для обобщения массовых материалов и сопоставления комплексов всех памятников. По отдельным признакам и по сумме признаков эталонных комплексов вычислялось табличное значение критерия Стьюдента (Патрушев, 1989, с. 4–6). Расчетное значение критерия Стьюдента при вероятности 95% (высокий показатель, означающий правильность сходства в 95 случаях из 100) составила 1,99. При сходстве признаков или комплексов

Рис. 5. Фрагменты сосуда с оттисками намотанной на палочку веревочки из раскопок Поселения База Отдыха 2 в Марий Эл Российско-Финской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в 2015 г.

Fig. 5. Fragments of a vessel with imprints made by a stick with a rope wound on it, from Baza Otdykha 2 settlement in Mari El Republic, excaveted by Russian-Finnish Archaeological Expedition, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 2015.

в целом табличное значение должно быть ниже или равно расчетному значению. Принципы использования статистических методов и основные результаты исследований обсуждались на заседаниях отделов неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР, Института истории АН Эстонской ССР, на семинаре кафедры археологии Университета Хельсинки, на международных и российских мероприятиях (Патрушев,1993; 1996 б, с. 8–12).

Исследования автора показали, что наиболее общими чертами «текстильной» керамики следует считать следующие:

1) господствующая горшковидная форма с закрытым, прямым, открытым горлом, плавно или реже более резко переходящим в слабо выпуклое тулово, при наличии чашевидных и баночных сосудов с плоским, уплощенным, округлым дном (рис. 3);

2) преимущественно округлый или плоский, реже приостренный, с наплывами с внешней или внутренней стороны, валикообразный край венчика (рис. 3), обычно содержащий узоры из зубчатых оттисков или ниточно-рябчатые отпечатки;

3) ниточные или рябчатые отпечатки (всего 34 варианта) по всей поверхности посуды или нередко только

Рис. 6. Фрагмент штрихованной керамики с антропоморфным узором из Поселения Векса 1 (Вологодская область) из раскопа автора в 1987 г.

Fig. 6. A fragment of brushed pottery with anthropomorphic pattern, Veksa 1 settlement (Vologda Oblast), from the author's dig in 1987.

ниже горла (рис. 5; Патрушев, 1989а, прил. 1; см. ниже список предложенных автором отпечатков);

4) примесь песка или дресвы (нередко в виде крупных кусочков кварцита), иногда с растительными остатками, толченой раковиной, асбестом;

5) орнаментация преимущественно из горизонтальных зон неправильных и круглых ямок, реже клиновидных ямок и вдавлений, жемчужин, оттисков зубчатого штампа или шнура и их различных сочетаний (всего 90 вариантов; рис. 4).

С использованием статистических методов получена картина близкого сходства такой керамики на всей территории России от Среднего Поволжья до Карелии. Значительная близость проявляется и с комплексами памятников Финляндии. Сходство комплексов такой посуды в эпоху бронзы и начале железного века свидетельствует о генетической связи финноязычного населения в длительный период его истории, начиная с XXIV в. до н.э. (Kriiska A., Lavento M. & Peets J. 2005) до первых веков н.э. (Смирнов К., 1974). А в отношении периодов развитой эпохи бронзы и начала железного века до середины I тыс. до н.э. можно говорить о единой археологической культуре с «текстильной» керамикой (сходство 30–65% общих признаков, по Кларку, подразумевает объединение памятников в археологи-

ческую культуру: Clarke, 1968). Однако данное население, расселившееся на огромной территории от Восточной Швеции до Нижнего Поволжья, предполагает объединение в огромную общность. Основными его археологическими признаками являются ниточно-рябчатая керамика и в начале эпохи железа – акозинско-меларские кельты. Общий пласт ее в основном приходится на вторую половину II – первую половину I тыс. до н.э.

Вместе с тем у финноязычного населения с «текстильной» керамикой довольно четко выделяются локальные различия, в первую очередь, проявляющиеся в керамике и реже – в сопровождающем инвентаре. Различия в керамике в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной посуды, господствующей в конкретных областях. Так, влияние прикамской посуды на ниточно-рябчатую керамику восточных областей вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной прикамскими узорами. Подобное явление можно наблюдать в Татарском и Марийском Поволжье, т.е. на территории распространения прикамского населения. В указанных районах в эпоху бронзы, за редкими исключениями, нет узоров из «жемчужин», характерных для поздняковской культуры. На ниточно-рябчатой керамике эпохи бронзы памятников от Нижегородского до Ярославского Поволжья, где обитали поздняковские племена, «жемчужины» как элемент орнамента занимают значительное место (IV Жуковское поселение – 42,51%, Безводнинское поселение – 29,11%, Дикариха – 17,15%, Плещеево III – 14,85% и т. д.; Патрушев, 1989а, табл. 3, с. 32–37). В северо-западных областях проявилось влияние местной энеолитической, фатьяновской и поздняковской керамики (Косменко, 1996; Манюхин, 1993).

Такую же картину показывает сравнение форм сосудов и венчиков. Например, характерный для прикамской посуды «воротничок» (или «валик со срезом»: Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32) у края горла в основном встречается лишь на «текстильной» керамике памятников Татарского и Марийского Поволжья (Займище III – 16,66%, Ахмыловское поселение – 2,01%, 4 Кокшайское поселение – 6,25%, поселение Сосновая Грива – 1,44%; Патрушев, 1989, прил. 2). Только влиянием керамики Марийского Поволжья можно объяснить единичные «воротнички» на сосудах памятников Нижегородской и Владимирской областей (до 0,48%; Патрушев, 1989, прил. 2). На более западных памятниках сосуды с «воротничком» отсутствуют. Только в восточных районах расселения племен с «текстильной» керамикой отмечена примесь толченых раковин (Патрушев, 1989, прил. 2).

Среди сосудов Карелии и севера России исследователями отмечены бомбовидные, реповидные формы или с округлым, уплощенным дном, вытянутых пропорций с коротким венчиком и узкой шейкой, восходящие к формам фатьяновской посуды. Другая форма сосудов – ребристые с широкой шейкой и резким переходом в тулово – близка к поздняковской посуде. Есть также непрофилированные сосуды с прямой или слегка вогнутой

верхней частью, восходящие к формам посуды эпохи неолита-энеолита (Косменко, 1992; 1996).

Интерес представляет характер ниточно-рябчатых отпечатков на сосудах различных регионов. В основном повсеместно встречены как ниточные отпечатки или имитации веревочки, так и рябчатые (Патрушев, 1989, прил. 2). Первые, в эпоху бронзы, наиболее характерны для Среднего Поволжья, где они на ряде памятников составляют до 51,82%. Севернее довольно высок процент рябчатых отпечатков (Патрушев, 1989, с. 93). Для них повсеместно в большей мере характерны дуговидные и овальные отпечатки или же в виде наколов срезанным пучком травы. В целом почти все варианты отпечатков встречены повсеместно, и их процентное соотношение не имеет резких границ. Данный факт может свидетельствовать о существовании на всей территории России единых технологических приемов по обработке поверхности (соответственно, по изготовлению посуды в целом).

Смешанные комплексы с «текстильной» и прикамской керамикой встречены и в эпоху раннего железа от Среднего Поволжья до Карелии, включая Вологодскую и Архангельскую области. В других областях одним из этнокультурных признаков становится местная керамика, повлиявшая на особенности «текстильной» керамики.

Ряд исследователей рассматривают локальные особенности для небольших регионов, вплоть до выделения отдельных горизонтов и культур – каширской штрихованной керамики, климентьевского типа, «северной» рябчатой и др. (Сыроватко, 2009; 2013, с. 360–373; Лопатина, 2006; Сидоров, 2003; 2006 и др.). По справедливому мнению О.А. Лопатиной (2014, с. 66), в ряде случаев трудно согласиться с выделением особых групп посуды, локальных вариантов и новых культур. В частности, судя по публикациям, штрихованная каширская керамика не может быть отнесена к «текстильной» керамике, хотя в ней есть признаки и последней. По мнению автора, подобные следы заглаживания в разных направлениях лучше не называть штрихованной, т.к. данный термин определяет балтскую посуду с четкими вертикальными параллельными линиями, подобно фрагменту из поселения Векса 1 в Вологодской области (рис. 6).

Определение локальных особенностей посуды должно базироваться на изучении самой керамики, а не сопровождающего инвентаря. В частности, методически недопустимо, когда акозинская культура текстильной керамики эпохи раннего железа в Среднем Поволжье выделена по наличию на могильниках акозинско-меларских кельтов, не отличающихся от подобных орудий на всей территории распространения «текстильной» керамики вплоть до Восточной Швеции. А позднее в доказательство выделения той же культуры стали привлекаться встреченные с такими кельтами предметы или даже элементы погребального обряда тех могил, где они были найдены (Кузьминых, 1977, с. 11; 1983, с. 157; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–34; Чижевский, 2008, с. 33–43). Кстати, «текстильная» керамика на этих могильниках отсутствует, а с «текстильной» керамикой поселений, как и с результатами статистической обработки автора всех

комплексов, никто из сторонников выделения акозинской культуры текстильной керамики не считал нужным познакомиться. Результаты статобработки показывают, что локальные особенности «текстильной» керамики обычно не существенны и выражаются в различном процентном соотношении признаков посуды; к тому же такая посуда эпохи раннего железа генетически тесно связана с керамикой эпохи бронзы (Патрушев, 1989, прил. 1–3; 2009, с. 70).

Некоторые исследователи на Оке отмечают раннюю текстильную круглодонную котловидную керамику с мелкоячеистыми рябчатыми и ниточными с левым наклоном витков отпечатками, сменившуюся в конце II тыс. до н.э. на развитую «текстильную» керамику с плоскодонными сосудами с закраинами, с преобладающими ниточными отпечатками и ямочными узорами, а на смену им в третьей четверти I тыс. до н.э. приходит развитая текстильная керамика с крупноячеистой рябчатой структурой (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26–31).

У ряда исследователей сделана попытка определить разновременные виды «текстильных» отпечатков. Так, П.Н. Третьяков (1941, с. 43), О.Н. Бадер (1947, с. 120–127), М.Е. Фосс (1952, с. 67) древнейшими считают мелкие поверхностные отпечатки; с середины I тыс. до н.э. до рубежа нашей эры характерны «правильные» отпечатки и в I–III вв. н.э. – «беспорядочные», «крапчатые». И.Н. Чернай (1981, с. 83–85), установивший экспериментальным путем по материалам Селецкого городища различные виды текстильных отпечатков, для данного памятника предлагает следующую картину развития отпечатков: самые ранние – «стежковые» отпечатки, оставленные особым видом текстиля (начало I тыс. до н. э.); позднее, не ранее VIII–VII вв. до н. э., появляются текстильные отпечатки со «жгутовой» фактурой, в VII–VI вв. до н. э. – отпечатки с «рябчатой» фактурой (сначала в виде «двойного штриха», затем «овально-ячеистые»); в середине I тыс. до н. э. – с крупноячеистой фактурой подпрямоугольной, треугольной, полулунчатой формы, а с III–II вв. до н.э. преобладают беспорядочные, полулунчатые отпечатки, затем распространяются «крапчатые» из нечетких полулунчатых отпечатков, которые бытуют вплоть до середины I тыс. н.э.

Судя по результатам статистической обработки, с середины I тыс. до н.э. резко падает количество вариантов ниточно-рябчатых отпечатков на поверхности, значительно возрастает число неорнаментированной посуды, а из 90 вариантов орнамента предыдущей эпохи на поздних памятниках едва насчитывается 12–14 (в основном это различные виды и сочетания ямок). Край венчика не содержит узоров. Границы распространения поздней группы такой керамики сужаются и ограничиваются районами Верхней Волги и Приочья. Поздней группе синхронна рогожная керамика городецкого облика.

Весьма основательной является работа К.В. Воронина о развитии культуры «сетчатой» керамики, в которой исследователь приходит к выводу, что «материалы культуры сетчатой керамики разделяются на два хронологических горизонта. К первому горизонту, датируемому в общем 1-й пол. II тыс. до н.э., относятся

комплексы с пористой восточно-прибалтийской и с ямчато-зубчатой северо-западной сетчатой керамикой из районов Валдая, Восточного Прионежья и Верхнего Поволжья. Их наиболее логично рассматривать как самостоятельные культурные образования, связанные друг с другом опосредованно. Обе группы материала определенно несут в себе наследие местных поздненеолитических культур. Комплексы второго горизонта встречены в значительно более широком ареале: от областей северо-запада лесной зоны до районов нижней Оки и Среднего Поволжья. Они объединены единым субстратным признаком – доминантой сетчатой орнаментации на керамике, а также большим сходством орудийных и вещевых наборов» (Воронин, 1998, с. 322).

Региональные отличия уже в конце эпохи бронзы проявляются у отдаленных групп населения с «текстильной» керамикой – волжских (включая волго-окский регион), балтийских (где она появляется значительно раньше), карельских и племен Финляндии (Патрушев, 1993, с. 10). В частности, автором в комплексах «текстильной» керамики Финляндии отмечены только примеси асбеста и органики. М.Г. Косменко также отмечает их господство в комплексах не только Финляндии, но и Южной Карелии, где практически нет песка (Косменко, 1992, с. 148). Для комплексов Финляндии характерна толстостенная (9–10 мм) керамика вместо обычных для Поволжья тонкостенных сосудов (3–5 мм). В Финляндии нет такого разнообразия вариантов орнамента и «текстильных» отпечатков, как в Карелии и более восточных регионах. Тем не менее по сумме признаков, по результатам вычисления критерия Стьюдента, сильное сходство с расчетным значением 0,01–0,09 при табличном значении 1,97 выявлено в комплексах памятников Финляндии и Среднего Поволжья: Похтио IV и 4 Кокшайское. Менее сильное сходство (расчетные значения 0,1–1,0) выявилось в комплексах памятников Бёле, Лайтила, Похтио I и Казанская стоянка 1; Каунисмяки и 4 Кокшайское; Займище III и Сиала. Сходство признаков (расчетные значения 1,1–1,97) отмечено в комплексах Похтио I и Казанская стоянка 1; 4 Кокшайское и Бёле, Сиала, Похтио I; Займище III и Лайтила, Похтио I. Отметим также близость комплексов Среднего Поволжья и Карелии: Охтома I и Сосновая Грива; Келка III и 4 Кокшайское; Казанская стоянка 1 и Кудома XI, Сомбома I.

Представленные здесь данные не позволяют согласиться с мнением К. Мейнандера о параллельном развитии «текстильной» керамики Поволжья и Финляндии из-за некоторых различий посуды. К. Карпелан (1970, S. 32–33; Lavento, 2001, p. 15–43) в Финляндии выделяет особый тип, названный им «имитационной текстильной керамикой», не связанной с собственно текстильной керамикой, и считает, что культура, производившая «имитационную текстильную керамику», была иной. Как и особые типы посуды Сарса и Томица, подобная посуда могла появиться благодаря восприятию населением с ниточно-рябчатой керамикой элементов местных культур, подобно различиям в восточных регионах. Близость керамики типа Сарса-Томица «текстильной» керамике Приладожья и юго-запад-

ной Карелии неоднократно отмечали финские археологи (Meinander, 1954; Huurre, 1983).

Особая культурная ситуация сложилась на стыке групп финноязычного населения с «текстильной» и балтоязычных племен со штрихованной посудой. Судя по результатам статистической обработки комплексов рассматриваемой керамики начала эпохи раннего железа, штрихованная керамика в чистом виде на памятниках Поволжья (от Татарии до Костромской обл.) составляет до 2,8% всей керамики. Кроме того, на внешней поверхности сосудов нередко сочетаются штрихованные, ниточно-хаотичные и различные виды рябчатых отпечатков, составляющие вместе до 17% общего числа фрагментов керамики. Штрихованная керамика встречается также в комплексах «текстильной» посуды Вологодской (рис. 6), Ленинградской обл., Карелии и Эстонии. Налицо смешение традиций изготовления ниточно-рябчатой и шрихованной керамики. Любопытно отметить также наличие «текстильной» керамики в комплексах штрихованной посуды. Так, в центральной и юго-восточной Латвии она составляет от 1,3 до 4%, а в северо-восточной Латвии достигает 46% от общего количества фрагментов (Васкс, 1983). На территории Латвии с комплексами штрихованной керамики встречены акозинско-меларские кельты (Лухтан, 1982). Взаимодействие двух субэтнических систем (балтоязычной со штрихованной керамикой и финноязычной с «текстильной» керамикой) приводит к появлению в пограничных зонах между ними нового этноса. А на базе племен финно-балтского облика, при сильном влиянии верхнеднепровского населения (Третьяков П.,1966), формируется дьяковская культура. По мнению автора, она не могла формироваться на основе поздняковской культуры, поскольку поздняковские племена в основном уже к рубежу II–I тыс. до н.э. были ассимилированы населением с ниточно-рябчатой керамикой. Поздняковские элементы могли проявляться в нем только как воспринятые населением с «текстильной» керамикой черты. Так называемая сетчатая керамика ранних памятников дьяковской культуры – это элемент, маркирующий финноязычное население с «текстильной» керамикой. Как формы сосудов, так и элементы орнамента и характер «сетчатых» отпечатков ранних дьяковских городищ вполне укладываются в характерные признаки ниточно-рябчатой керамики. Однако на дьяковских памятниках уже в начале эпохи раннего железа значителен процент гладкостенной и штрихованной посуды. Так, на Щербинском городище в нижнем горизонте нижнего слоя встречены различные группы керамики («сетчатой» – 52,6%, штрихованной – 17,5%, гладкостенной – 29,9%; Розенфельдт, 1974), представляющие, очевидно, три основных компонента дьяковской культуры.

Определенные коррективы должны быть внесены в характеристику городецкой культуры. Так называемая сетчатая раннегородецкая керамика типа Якимановского селища и Кондраковского городища (Трубникова, 1953; 1959) полностью характеризует признаки «текстильной»

керамики позднего этапа. Такой признак, как «сетчатые» отпечатки на поверхности «раннегородецкой» посуды, вероятно, должен быть исключен из характеристики городецкой культуры. «Сетчатая» керамика городецкой культуры – это та самая основа финноязычного суперэтноса, которая при смешении с другими группами населения оказала влияние на формирование собственно городецкой рогожной керамики (Патрушев, 1992, с. 109). Вследствие этого началом городецкой культуры следует считать распространение рогожной керамики.

Технология нанесения «текстильных» отпечатков и терминология для их характеристики. Ниточные и рябчатые отпечатки на посуде финноязычных народов эпохи бронзы и раннего железа непосредственно зависят от технологии изготовления сосудов. Большинство исследователей считает, что псевдосетчатые отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью (Семенов, 1955; Лозе, 1979; Фоломеев, 1975), рубцовой кожей желудка, через кожу книжки желудка животного или колотушкой с ячеистой поверхностью, чеканом (Бобринский, 1978, с. 142–143), зубчатым штампом, иногда многорядным (Арзютов, 1926; Никитин, 1963, с. 205; Трубникова, 1952, с. 128; Фосс, 1947 и др.), прокатыванием палочки с намотанной на нее веревочкой или же благодаря использованию при формовке сосудов тканевых, кожаных форм-емкостей (Городцов, 1900; Бобринский, 1978, с. 143–144), применению различных штампов и тканей (Гурина, 1963, с. 136–137; Патрушев, 1989, с. 24–25; Розенфельдт, 1974, с. 151–153; Халиков, 1962, с. 98–99) или только с использованием различных видов текстиля (Бадер, 1950; Брюсов, 1950, с. 287–288; Смирнов, 1952, с. 245; Чернай, 1981, с. 71–78). Различные технологические приемы оставили на поверхности выделенные В.А. Городцовым (1900) и А.А. Спицыным (1903) ниточные и рябчатые отпечатки.

Несмотря на длительный период изучения, решение проблемы о технологии изготовления керамики остается открытым.

Основательный анализ истории изучения технологии «текстильных» отпечатков представлен О.А. Лопатиной (2009, с. 204–208). Исследователь на первый план выдвигает важный вопрос: «в связи с решением какой технологической задачи возникали «текстильные» отпечатки»? И приходит к выводу, что «и ниточные и рябчатые отпечатки возникали в результате решения одной и той же недифференцированной задачи – обработки поверхности и декорирования сосуда» (Лопатина, 2009, с. 208).

В настоящее время огромной проблемой становится отсутствие единой терминологии для определения ниточных и рябчатых отпечатков. Автор предлагает основанную на изучении многочисленных комплексов «текстильной» керамики характеристику отпечатков и их терминологию. Как уже отмечалось, выделяется 34 варианта «текстильных» отпечатков, выделенных в четыре группы (Патрушев, 1989, с. 89–90). Первая группа – ниточные отпечатки (варианты 1–8); вторая группа – рябчатые отпечатки (вариан-

ты 9–25); третья группа – смешанные ниточные и рябчатые отпечатки (варианты 26–30 четвертая группа – сочетание ниточных и рябчатых отпечатков и штрихованной поверхности (варианты 31–34). Как особую группу необходимо выделить штрихованную керамику, которая почти повсеместно встречена в комплексах «текстильной» керамики. Однако автор считает необходимым разграничить штрихованную керамику и выделять два типа – классическую балтскую с четкими параллельными вертикальными неглубокими линиями-«расчесами» (рис. 6) и следы заглаживания в разных направлениях, преимущественно в виде относительно неширокие площадок из косых или горизонтальных углубленных линий (типа: Сыроватко, 2013, рис. 9).

По системе автора изучена большая часть комплексов «текстильной» керамики. Однако выделенная терминология и варианты отпечатков в какой-то мере громоздки и понятны не всем. Может быть, целесообразно специалистам-практикам совместно обсудить и составить более четкую классификацию отпечатков, четко проиллюстрировав все отпечатки. Хотя и в этом случае возникли бы трудности, т.к. на одном сосуде встречаются разные виды отпечатков. К тому же при рассматривании с разных сторон отпечатки воспринимаются по-разному. Поэтому автор при исследовании отпечатков фрагмент располагал всегда в одном положении – вертикально и строго в фас. Тем не менее при определении вариантов отпечатков всегда остается место субъективному восприятию. Идеальным было бы исследование всех эталонных комплексов одним исследователем.

Таким образом, изучение технологии нанесения «текстильных» отпечатков и разработка терминология для их характеристики остается одной из важных проблем.

В ранней истории финноязычных народов наиболее важными остаются **проблемы хронологии и периодизации «текстильной» керамики**. Задача несколько облегчается благодаря получению радиоуглеродных дат поселений с такой керамикой, в основном в 1970-е годы, и хронологии самой подобной посуды методом акселерационной масс-спектрометрии (АМС). В связи с выходом в журнале «Поволжская археология» (2015, № 2) специальной работы автора в соавторстве с Мика Лавенто о хронологии «текстильной» керамики, считаю возможным кратко изложить основные результаты. Радиоуглеродные даты из Поочья с самыми ранними датами (XV–XIII вв. до н.э.; Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 20–34, табл. 1, рис. на с. 34) должны быть пересмотрены по результатам датировок по методу АМС (XIX в. до н.э.). В это же время она распространяется в Верхнем Поволжье. В Среднем Поволжье самый ранний комплекс Поселения База Отдыха 2 датирована XIV в. до н.э. Появление «текстильной» керамики на территории Эстонии относится к XXIV в. до н.э. (Kriiska, Lavento&Peets, 2005, pp. 3–31). Новые даты позволили пересмотреть мнение автора (Patrushev, 1992, p. 55–56) о появлении в Прибалтике и Финляндии племен с «текстильной» керамикой с Поволжья. Заметим, даты по методу АМС пока немногочисленны и выводы предварительны. Большое значение имеет датировка погребального инвентаря могильников с территории распро-

странения «текстильной» керамики, позволяющая по статистическим методам и аналогиям уточнять время бытования населения в тех или иных регионах (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014; Патрушев, 1984; 2010; 2011; Халиков, 1977; Чижевский, 2008; Patrushev, 2004 и др.).

Таким образом, в период распространения «текстильной» керамики происходит консолидация финноязычных племен и формирование этнических черт, характерных для всех позднейших финноязычных народов Поволжья, Прибалтики, Карелии и Фенноскандии. Вместе с тем в недрах огромной финноязычной общности от устья р. Кама до Скандинавии рождаются ростки этнических основ будущих отдельных финноязычных народов. По особенностям материальной культуры в ней можно выделить группы волго-окских, прибалтийских, карельских и, возможно, фенноскандских финнов. В начале эпохи железа на базе населения с «текстильной» керамикой, при некотором участии ряда других компонентов, формировались дьяковская, городецкая, позднекаргопольская культуры и смешанные памятники ахмыловского облика.

Факт ассимиляции населением с «текстильной» керамикой многочисленного поздняковского населения, местных племен северных районов, прикамских групп населения эпохи бронзы и раннего железа Среднего Поволжья свидетельствует об огромном экономическом потенциале и жизненной силе данной финноязычной этнической общности.

Среди важных задач изучения финноязычных племен с «текстильной» керамикой выделены следующие: продолжение исследований по единой методике комплексов памятников южных регионов и ввод этих материалов в единый банк данных; изучение локальных особенностей такой керамики; исследования технологии нанесения «текстильных» отпечатков и разработка четкой терминологии для их характеристики; разработка периодизации и датировка комплексов (методом АМС); изучение сопровождающего такую посуду инвентаря; установление характера этнокультурных связей; определение дальнейших судеб финноязычных племен с «текстильной» керамикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азаров Е.С.* Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // ТАС. Вып. 10. Том 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Триада», 2015. С. 204–212.
2. *Арзютов Н.К.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Тр. Нижневолжского науч. общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.
3. *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 157 с.
4. *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.
5. *Бадер О.Н.* Культура с «текстильной»» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3. С. 36–44.
6. *Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // МИА. № 7. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 88–176.
7. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.
8. *Брюсов А.Я.* «Сетчатая» керамика // СА. 1950. Т. XIV. М.: Изд-во АН СССР. С. 287–305.

9. *Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа как исторический источник: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1983. 20 с.

10. *Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.

11. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: «Триада», 1998. С. 308–323.

12. *Воронин К.В*. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская слобода // ТАС. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: «Триада», 2013. С. 329–344.

13. *Гаврилова И.В.* Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии) Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1968. 24 с.

14. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Иваново-Горьковская группа // САИ. Вып. В1-21. М.: Наука, 1976. 135 с.

15. *Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Тр. секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 2. М., 1928. С. 5–11.

16. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1914. С. 6–129.

17. *Городцов В.А*. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки в 1897 г. // Древности. Т. XVII. М., 1900. С. 26.

18. *Граудонис Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне, 1967. 164 с.

19. *Гурина Н.Н*. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. № 87. М.: Наука, 1961. 588 с.

20. *Гурина Н.Н*. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.: Наука, 1963. С. 85–204.

21. *Гусаков М.Г., Кузьминых С.В*. К вопросу о роли носителей «сетчатой» и штрихованной керамики в формировании культур лесной полосы восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–117.

22. *Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы озерной Мещеры // Археологический сборник. Вып. 96. М., 1998. С. 5–19.

23. *Косменко М.Г*. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 1996. С. 185–215.

24. *Косменко М.Г*. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 117 с.

25. *Крайнов Д.А*. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987а. С. 10–28.

26. *Крайнов Д.А*. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987б. С. 58–76.

27. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. М.: Наука, 1987. 145 с.

28. *Крийска А., Лавенто М.* «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах масс-спектометрией (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. Вып. 14. СПб: ИИМК РАН, 2007. С. 243–250.

29. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А*. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, , 2009. С. 29–55.

30. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

31. *Кузьминых С.В.*Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.). Автореф. дисс…канд. ист. наук. М., 1977. 22 с.

32. *Лавенто М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ^{14}С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.

33. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

34. *Лопатина О.А.* Начало изучения раннего железного века Центральной части Русской равнины // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 66–75.

35. *Лопатина О.А.* Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Каширский край. Вып. II. Археология. Кашира, 2006.

36. *Лопатина О.А.* Опыт технологического изучения «текстильных»» отпечатков // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 204–212.

37. *Лухтан А.* Кельты меларского типа в Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск, 1982. С. 48–54.

38. *Лыганов А.В.* К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. I. Казань: Отечество, 2014. С. 599–602.

39. *Лыугас В.А.* Период раннего металла в Эстонии (с сер. II тыс. до до нач. н.э.): Автореф. дисс… канд. ист. наук. Таллинн, 1970. 20 с.

40. *Манюхин И.С.* Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 82–112.

41. *Никитин А.А.* Дикариха (по материалам раскопок 1959–1960 гг.) // МИА. № 110. М.: Наука, 1963. С. 204–266.

42. *Ошибкина С.В.* Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 147–156.

43. *Патрушев В.С.* Использование статистических методов и ЭВМ в археологических исследованиях // Методика и методологические предпосылки археологических исследований: материалы международных семинара и конференции. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1996б. С. 6–12.

44. *Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 231 с.

45. *Патрушев В.С.* Методика составления банков данных на ЭВМ // Методика и методологические предпосылки археологических исследований: материалы международных семинара и конференции. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1996а. С. 27–31.

46. *Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 64–76.

47. *Патрушев В.С.* Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Монограф, 1993. С. 7–16.

48. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 124 с.

49. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

50. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. Вып. LVII. С. 137–144.

51. Сидоров В.В. Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. Кашира, 2006.

52. Сидоров В.В. Последняя интеграция финских народов (к вопросу об условиях формирования культур сетчатой керамики) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2003.

53. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. М.: Наука, 1952. 276 с.

54. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д – 1-14. М.: Наука, 1965. 97 с.

55. Смирнов К.А. Дьяковская культура. Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 77–78.

56. Смирнов К.А. Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 48–82.

57. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 2000. 264 с.

58. Спицын А.А. Городища дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии. Т. V. Вып. 1. Москва, 1903. С. 111–142.

59. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 42–55.

60. Сыроватко А.С, Трошина А.А., Антипина Е.Е. К вопросу об облике культур финальной бронзы (по материалам стоянки Зарудня) // ТАС. Вып. 9. Материалы 13-го и 15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 374–379.

61. Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // ТАС. Вып. 9. Материалы 13-го и 15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2013. С. 360–373.

62. Сыроватко А.С. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов в дьяковской культуре. М., 2009. 352 с.

63. Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 62–67.

64. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в 1 тыс. н.э. // МИА. № 5. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 5. 150 с.

65. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 306 с.

66. Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 125–129.

67. Трубникова Н.В. К вопросу о происхождении городецкой культуры // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 163–168.

68. Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953. С. 63–96.

69. Фоломеев Б.А. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 3–21.

70. *Фоломеев Б.А.* Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

71. *Фоломеев Б.А.* Фактура текстильной керамики бассейна средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. С. 79–105.

72. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. № 29. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 29. 167 с.

73. *Фосс М. Е.* Новые памятники в районе галичской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. XVII . С. 61–69.

74. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 267 с.

75. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

76. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения марийского края в эпоху раннего железа // Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во,1962. С. 7–187.

77. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

78. *Халиков А.Х.* Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 139–146.

79. *Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого. городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

80. *Чернай И.Л.* Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятниеи с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. С. 36–48.

81. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

82. *Янитс Л.Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская СССР). Таллин. 1959. 382 с.

83. Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolitisc her Elemente aus Mitteleuropa nach Osten // Eurasia Septentrionalis Antiqua, VIII. 1933, vol. VIII, pp. 1–159.

84. Carpelan C. Ns. imitoitua tekstiilikeramiikkaa Suomesta // Suomen Museo. № 77. Helsinki, 1970.

85. Clarke D. L. Analytical Archaeology. Methuen, London. 1968. 684 p.

86. Dumpe B. Jauni atzinumi par neolita kläjosäs auklas keramiku // Arheologija un etnografija. XXL. Riga: Zinatne, 2003, pp. 110–117.

87. *Huurre M.* The Eastern Contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age // Fennoscandia archaeological. № III. Helsinki, 1986.

88. Jaanusson H. 1985: Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. Acta Universitatis Stockholmiensis.Studia Baltica Stockholmiensia I. Stockholm,1985. pp. 39–50.

89. Kriiska A., Lavento M. & Peets J. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 9. № 1. Tartu, 2005, pp. 3–31.

90. Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus: nine variations and fugue on a Theme of C.F. Meinander // Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja. N 109. Helsinki, 2001. 410 p.

91. Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 54. Helsinki, 1954, pp. 156–159.

92. Pälsi S. Tekstiilikeramiikka// Suomen Museo. Helsinki,1916, pp. 66——72.

93. Patrushev V. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region // Dating and chronology: Fenno-Ugri et slavi 2002: Papers presented by the participants in the archaeological symposium «Dating and Chronology» 13–14 May 2002 in the National Museum of

Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland/ Museoviraston Arkeologian osaston julkaisuja. №10. Helsinki, 2004, pp. 75–87.

94. Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia // Studia archaeologica Fenno-Ugrica. 1. Oulu: Sokietas Historiae Ftnno-Ugricae, 2000. 239 p.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань, Россия); valpatr92@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL SITES WITH "TEXTILE" CERAMICS: RESULTS AND OUTLOOKS OF RESEARCHES

V.S. Patrushev

Issues of investigation the Bronze Age and the early Iron Age population – bearers of the so called 'textile' ceramics (24th century BC – 4th century AD), which spread over a vast territory of Europe more than 700 km wide, from the Lower and Middle Volga in the east to the Eastern Sweden in the west are summarized in the article. Bearers of the culture with 'textile' pottery played an important role in development of Finnish-speaking peoples. The article emphasizes a few essential problems related to the bearers of 'textile' ceramics: 1) questions related to the origin of peoples with this pottery; 2) issues related to identification of the Finnish-speaking community and local bearers of 'textile' ceramics; 3) reconstruction of the technology of 'textile' imprints and verification of the terminology used to define them; development chronology and periodization of 'textile' ceramics; detection the ethno-cultural connections and further fate of the Finnish-speaking tribes-bearers of 'textile' ceramics. The most important objectives of the study of the Finnish-speaking peoples – bearers of 'textile' ceramics are emphasized by the author as following: to pursue further research of sites from southern regions by means of a common methodology; to define distinctive features of the local ceramics; to study the inventory related to this ware.

Keywords: archaeology, 'textile' ceramics, Bronze Age, early Iron Age, Finnish-speaking peoples, ethnogenesis.

REFERENCES

1. Azarov, E. S. 2015. In Chernykh I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collected Articles)* 10 (1). Tver: "Triada" Publ., 204–212 (in Russian).
2. Arziutov, N. K. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Scientific Society of Local History)* 35. Part 1. Saratov, 79–84 (in Russian).
3. Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bader, O. N. 1950. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 59–81 (in Russian).
5. Bader, O. N. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 36–44 (in Russian).
6. Bader, O. N. 1947. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 7. Moscow, 88–176 (in Russian).
7. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Briusov, A. Ya. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 287–305 (in Russian).

9. Vasks, A. V. 1983. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza kak istoricheskii istochnik (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age as a Historical Source)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

10. Vasks, A. V. 1991. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza Latvii (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age of Latvia)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

11. Voronin, K. V. 1998. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles)* 3. Tver: "Triada" Publ., 308-323 (in Russian).

12. Voronin, K. V. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 9. Tver: "Triada" Publ., 329-344 (in Russian).

13. Gavrilova, I. V. 1968. *Drevneishee proshloe Kostromskogo Povolzh'ia (po dannym arkheologii) (The Earliest History of the Volga Region near Kostroma (According to Archaeological Data))*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

14. Gadziatskaia, O. S. 1976. *Pamiatniki fat'ianovskoi kul'tury. Ivanovo-Gor'kovskaia gruppa (Sites of the Fatyanovo Culture: Ivanovo-Gorky Group)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-21. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy sektsii arkheologii Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Proceedings of the Archaeology Section, Russian Association of the Research Institutes for Social Sciences)* 2. Moscow, 5–11 (in Russian).

16. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Otchet Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 g. (Report of the Russian Historical Museum for 1914)*. Moscow, 6–129 (in Russian).

17. Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti (Antiquities)* XVII. Moscow, 26 (in Russian).

18. Graudonis, Ja. 1967. *Latviia v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleznogo veka (Latvia in the Bronze Age and the Early Iron Age)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

19. Gurina, N. N. 1961. *Drevniaia istoriia Severo-Zapada Evropeiskoi chasti SSSR (Ancient History of the North-West of the European Part of the USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 87 (in Russian).

20. Gurina, N. N. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 110, 85–204 (in Russian).

21. Gusakov, M. G., Kuz'minykh, S. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 105–117 (in Russian).

22. Kaverzneva, E. D., Folomeev, B. A. 1998. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 96. Moscow: 5–19 (in Russian).

23. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 185–215 (in Russian).

24. Kosmenko, M. G. 1992. *Mnogosloinye poseleniia Iuzhnoi Karelii (Multilayered Sites in Southern Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

25. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).

26. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 58–76 (in Russian).

27. Krainov, D. A., Gadziatskaia, O. S. 1987. *Fat'ianovskaia kul'tura. Iaroslavskoe Povolzh'e (Fatyanovo Culture: the Yaroslavl Part of the Volga Basin)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-22. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Kriiska, A., Lavento, M. 2007. In Zaitseva, G. I., Kul'kova M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniiakh (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies)* 14. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 243–250 (in Russian).

29. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Elabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Elabuga State Museum-Reserve, 29–55 (in Russian).

30. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

31. Kuzminykh, S. V. 1977. *Bronzovye orudiia i oruzhie v Srednem Povolzh'e i Priural'e (I tysiacheletie do n.e.) (Bronze Tools and Weapons in the Middle Volga Area and Cis-Urals: I Millenium BC)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

32. Lavento, M., Patrushev, V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 160–188 (in Russian).

33. Loze, I. A. 1979. *Pozdnii neolit i ranniaia bronza Lubanskoi ravniny (The Late Neolithic and the Late Bronze Age of the Lubanas Plain)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

34. Lopatina, O. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.) *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 66–75 (in Russian).

35. Lopatina, O. A. 2006. In *Kashirskii krai (Kashira Land)* II. *Arkheologiia (Archaeology)*. Kashira (in Russian).

36. Lopatina, O. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Elabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Elabuga State Museum-Reserve, 204–212 (in Russian).

37. Lukhtan, A. 1982. In *Drevnosti Belorussii i Litvy (Antiquities of Belorussia and Lithuania)*. Minsk, 48–54 (in Russian).

38. Lyganov, A. V. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 599–602 (in Russian).

39. Lõugas, V. A. 1970. *Period rannego metalla v Estonii (s ser. II tysiacheletiia do n.e. do nachala nashei ery) (Early Metal Age in Estonia: from the Middle II Millennium BC to the Turn of Erae)*. PhD Thesis. Tallinn (in Russian).

40. Maniukhin, I. S. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 82–112 (in Russian).

41. Nikitin, A. A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 110, 204–266 (in Russian).

42. Oshibkina, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 147–156 (in Russian).

43. Patrushev, V. S. 1996. In *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovanii (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

44. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai v VII–VI vv. do n. e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in the 7th–6th Centuries BC (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

45. Patrushev, V. S. 1996. In *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovanii (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 27–31 (in Russian).

46. Patrushev, V. S. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Yelabuga State Museum-Reserve, 64–76 (in Russian).

47. Patrushev, V. S. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: "Monograf" Publ., 7–16 (in Russian).

48. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

49. Rozenfel'dt, I. G. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 90–197 (in Russian).

50. Semenov, S. A. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* LVII, 137–144 (in Russian).

51. Sidorov, V. V. 2006. In *Kashirskii krai (Kashira Land)* II. *Arkheologiia (Archaeology)*. Kashira (in Russian).

52. Sidorov, V. V. 2003. In *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie (International (16th Ural) Archaeological Session)*. Perm (in Russian).

53. Smirnov, A. P. 1952. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Prikam'ia (Essays on the Ancient and Medieval History of the Peoples of the Middle Volga and Kama Basins)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 28 (in Russian).

54. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (The Gorodets Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

55. Smirnov, K. A. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 77–78 (in Russian).

56. Smirnov, K. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 48–82 (in Russian).

57. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga River Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

58. Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* V (1). Moscow, 111–142 (in Russian).

59. Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 42–55 (in Russian).

60. Syrovatko, A. S., Troshina, A. A., Antipina, E. E. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.) *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles)* 9. Tver: "Triada" Publ., 374–379 (in Russian).

61. Syrovatko, A. S. 2013. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection Articles)* 9. Tver: "Triada" Publ., 360–379 (in Russian).

62. Syrovatko, A. S. 2009. *Iugo-Vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov v d'iakovskoi kul'ture (The South-Eastern Moscow Region in the Iron Age: on the Characteristic of the Local Variants in the Dyakovo Culture)*. Moscow (in Russian).

63. Tret'iakov, V. P. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142, 62–67 (in Russian).

64. Tret'iakov, P. N. 1941. *K istorii plemen Verkhnego Povolzh'ia v 1 tys. n.e. (On the History of the Upper Volga Basin Tribes in I Millennium AD)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 5 (in Russian).

65. Tret'iakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

66. Trubnikova, N. V. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLVII, 125–129 (in Russian).

67. Trubnikova, N. V. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 75, 163–168 (in Russian).

68. Trubnikova, N. V. 1953. In In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XXII. Moscow, 63–96 (in Russian).

69. Folomeev, B. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii* 1. *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 3–21 (in Russian).

70. Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).

71. Folomeev, B. A. 1998. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 7. Ryazan, 79–105 (in Russian).

72. Foss M. E. 1952. *Drevneishaia istoriia Severa Evropeiskoi chasti SSSR (The Most Ancient History of the North of European Part of USSR)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 29 (in Russian).

73. Foss M. E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII, 61–69 (in Russian).

74. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

75. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

76. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

77. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

78. Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 139-146 (in Russian).

79. Chernai, I. L. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 70–86 (in Russian).

80. Chernai, I. L. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 36–48 (in Russian).

81. Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Final of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

82. Janits, L. O. 1959. *Poseleniia epokhi neolita i rannego metalla v ust'e r. Emaiygi (Estonskaia SSR) (The Neolithic and the Early Iron Age Settlements in the Emajõgi River Mouth, Estonia)*. Tallinn (in Russian).

83. Äyräpää, A. 1933. *Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolitischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki: s.n.

84. Carpelan, C. 1970. Ns. imitoitua tekstiil i keramiikkaa Suomesta. *Suomen Museo* 77. Helsinki.

85. Clarke, D. L. 1968. *Analytical Archaeology*. Methuen, London.

86. Dumpe, B. 2003. Jauni atzinumi par neolita kläjosäs auklas keramiku. In *Arheologija un etnografija* XXL. Riga: "Zinatne" Publ., 110-117.

87. Huurre, M. 1986. The Eastern Contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age. In *Fennoscandia archaeologica* III. Helsinki.

88. Jaanusson H. 1985. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* I. Stockholm, 39–50.

89. Kriiska, A., Lavento, M. & Peets, J. 2005. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. *Estonian Journal of Archaeology* 9 (1). Tartu, 3–31.

90. Lavento, M. 2001. *Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus:.nine variations and fugue on a Theme of C. F. Meinander*. Series: Suomen Muinaismuistoyhdistuksen Aikakauskirja 109. Helsinki : Vammalan Kirjapaino Oy.

91. Meinander, S. F. 1954. Die Bronzezeit Finnlands. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 54. Helsinki, 156–159.

92. Pälsi, S. 1916. Tekstiilikeramiikka. *Suomen Museo*. Helsinki, 66–72.

93. Patrushev, V. 2004. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region. In *Dating and chronology: Fenno-Ugri et slavi 2002*. Papers presented by the participants in the archaeological symposium "Dating and Chronology" 13–14 May 2002 in the National Museum of Finland and 15–17 May 2002 on tour in eastern Finland. Museoviraston Arkeologian osaston julkaisuja, no. 10. Helsinki, 75–87.

94. Patrushev, V. 2000. *The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia*. Series: Studia archaeologica Fenno-Ugrica 1. Oulu: Societas Historiae Ftnno-Ugricae.

About the Author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

Статья поступила в номер 20.04.2016 г.

УДК 902.652:903.16

ОБ АБСОЛЮТНОЙ ДАТЕ ПАМЯТНИКОВ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ[1]

© 2016 г. Д.А. Сташенков

Статья посвящена проблеме разработки абсолютной хронологии памятников именьковской культуры на Самарской Луке. Использование метода радиоуглеродного датирования позволяет уточнить хронологическую позицию археологических памятников, являющихся базовыми для выделения двух этапов развития именьковской культуры в Самарском Поволжье. Данные радиоуглеродного датирования материалов памятников типа Сиделькино-Тимяшево и селища Студеный Овраг подтверждают одновременное бытование в Среднем Поволжье нескольких культурно-хронологических групп населения. Даты, полученные для памятников хазарского времени на Самарской Луке, являются более поздними по отношению к именьковским и маркируют верхнюю хронологическую границу именьковской культуры. Хронологические рамки именьковской культуры в Самарском Поволжье устанавливаются в пределах IV – середины VII вв.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раннее средневековье, именьковская культура, хронология, радиоуглеродное датирование.

При изучении памятников именьковской культуры в Среднем Поволжье и Прикамье исследователи имеют дело с крайне ограниченным количеством узко датируемых предметов. На поселениях, даже раскопанных большой площадью, такие находки единичны, а хронологическое членение массового керамического материала пока представляется практически неразрешимой задачей. Значительная часть именьковских погребений, совершенных по обряду кремации, безынвентарна, находки из других захоронений в большинстве своем датирующего значения не имеют.

До настоящего времени общепринятой хронологии именьковской культуры не существует. Выделивший культуру В.Ф. Генинг, опиравшийся на исследованные к тому времени памятники – Именьковское I городище и Рождественский II могильник, датировал ее III–VIII вв. (Генинг, 1964). Уже через несколько лет, после значительного увеличения источниковой базы в 1960-е гг., он ограничил временные рамки культуры V–VII вв. (Генинг, 1972). Специфика отдельных памятников в разных частях культурного ареала и отсутствие общей полноценной базы данных раскопанных памятников приводят к различию взглядов на именьковскую хронологию у современных исследователей.

Так, Е.П. Казаков, опирающийся на материалы Коминтерновского II могильника, который выделяется

[1] Статья подготовлена по гранту РГНФ в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 14-11-63008 «Локальные варианты именьковской культуры Среднего Поволжья IV–VII вв. н.э.»

среди именьковских памятников не только биритуальным обрядом погребения, но и богатством погребального инвентаря, предположил, что именьковская культура в ее классическом виде существовала около столетия. По его мнению, в середине VI в. культура только формируется, а в VII в. прекращает свое существование (Казаков, 2011, с. 16–20).

А.В. Богачев, имея в виду немногочисленные нумизматические находки и детали ременной гарнитуры, предложил ограничить верхнюю дату существования культуры VI в., не уточняя нижней даты (Богачев, 1995). В одной из последних работ он отметил, что именьковская культура сформировалась в результате миграции населения, интегрированного в культурную среду черняховской культуры, из районов Приднестровья в конце IV в. (Богачев, 2013, с. 38), согласившись, таким образом, с определением нижней хронологической границы культуры концом IV в. – рубежом IV–V вв.

Иную точку зрения на верхнюю дату культуры сформулировал В.В. Седов. Он предполагал, что именьковская культура складывалась в конце IV – начале V в. и на рубеже VII–VIII вв. прекратила свое существование, но допускал существование некоторых памятников и позднее (Седов, 2001, с. 5–6).

П.Н. Старостин в монографии 1967 г. предложил ограничить хронологические рамки культуры IV–VII вв. (Старостин, 1967). Этой же датировки в целом придерживалась и Г.И. Матвеева, определяя время бытования памятников развитой именьковской культуры в пределах V–VII вв. (Матвеева, 2003; 2004). В IV в., по ее мнению, существовали памятники лбищенского типа, которые она первоначально рассматривала в качестве отдельного культурного типа, а впоследствии как ранний этап именьковской культуры.

Хронологии В.Ф. Генинга и Г.И. Матвеевой, вероятно, придерживается и И.О. Гавритухин, который в статье «Именьковская культура», подготовленной для «Большой Российской энциклопедии», определил ее хронологические рамки V–VII вв. (Гавритухин, 2008).

Позиция И.О. Гавритухина является отражением сложившейся в настоящее время ситуации, когда значительная часть специалистов принимает предложенную Г.И. Матвеевой культурно-хронологическая схему формирования именьковской культуры: 1) памятники славкинского типа (II–III вв. н.э.); 2) памятники типа городище Лбище (IV – начало V в.); 3) памятники именьковской культуры (V–VII вв.). Согласно этой схеме население, оставившее памятники именьковской культуры, сформировалось к V в. при участии потомков носителей славкинского и лбищенского культурных типов.

Материалы, полученные при работах в Среднем Поволжье и Прикамье уже в 2000-е гг., позволили внести в схему Г.И. Матвеевой некоторые уточнения.

Часть из них связана с выделением в Среднем Поволжье памятников типа Сиделькино-Тимяшево, относящихся к памятникам киевского круга и датируемых в пределах III–V вв. Видимо, к этой группе относятся и памятники славкинского типа. Установлено, что население, оставившее памятники типа Сиделькино-Тимяшево, в сложе-

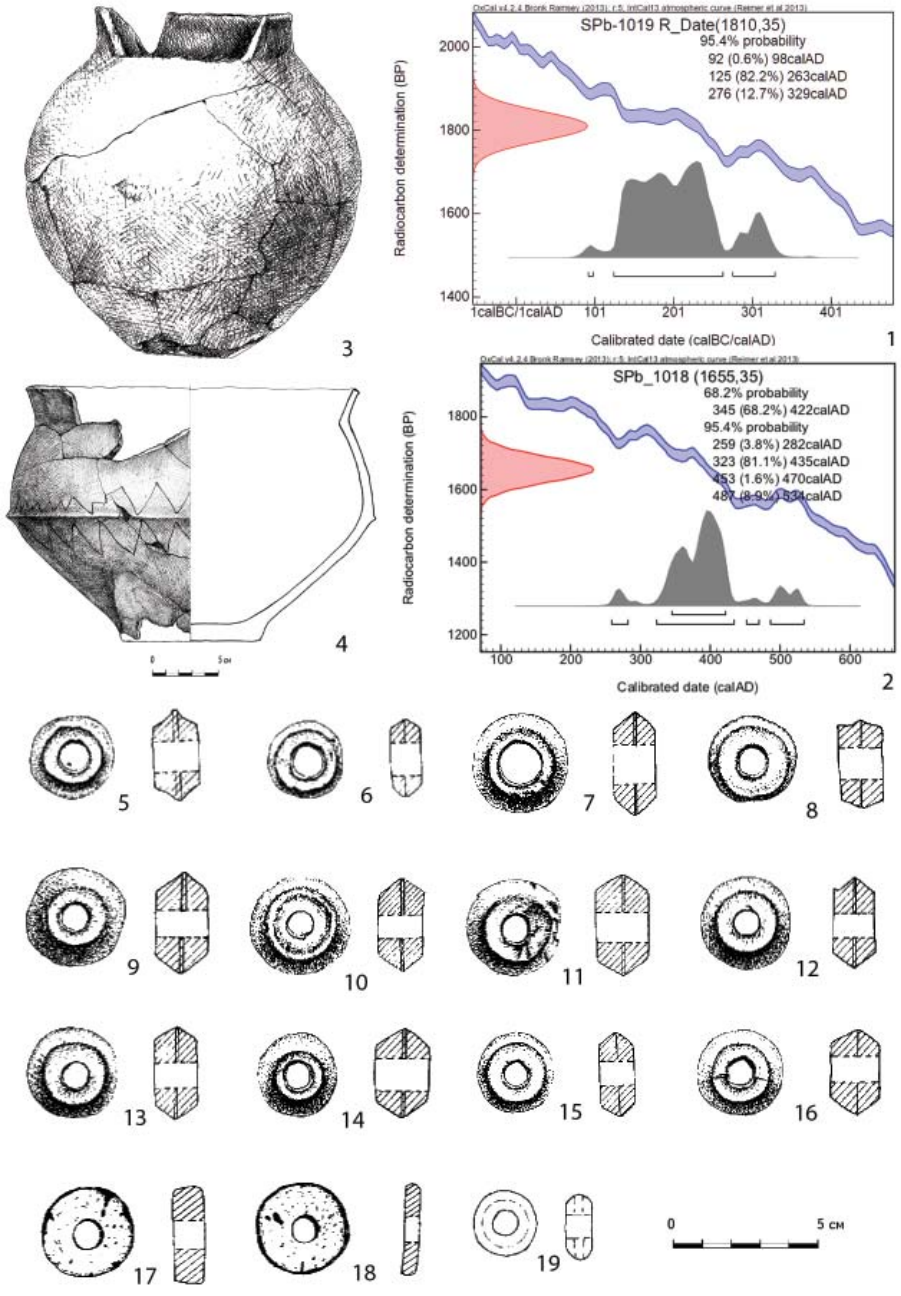


Рис. 1. Материалы Выползовского селища.
1 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца керамики из Выползовского селища (SPb-1019); 2 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца кости животных (SPb-1018); 3–4 – лепные сосуды; 5–19 – пряслица.

Fig. 1. Vypolzovo settlement.
1 – distribution of age calibration values of a ceramic sample from Vypolzovo settlement (SPb-1019); 2 – distribution of age calibration values of an animal bone sample (SPb-1018); 3–4 – handmade vessels; 5–19 – spindle whorls.

нии именьковской культуры активного участия не принимало (Сташенков, 2005).

Еще одна группа памятников на основе изучения материалов городища и селища Новая Беденьга I, датирующаяся по археологическим материалам IV–VI вв., выделена для территории Ульяновского Поволжья (Вязов и др., 2015).

Кроме того, для памятников именьковской культуры на Самарской Луке удалось выделить материалы раннего этапа (IV–V вв.), представленные в комплексах Новинковских I и V, Выползовского, Муромского I, Карлинского I и Подгорского селищ (Сташенков, 2010). Было зафиксировано, что на определенном этапе памятники лбищенского типа и памятники именьковской культуры сосуществовали (Сташенков, 2010а).

Таким образом, к настоящему времени существует несколько точек зрения на хронологические рамки именьковской культуры, которые можно свести к следующим основным положениям:

1) Формирование именьковской культуры относится к:

а) IV в. н.э.

б) рубежу IV–V вв.

в) V в.

г) середине VI в.

2) Именьковская культура прекращает свое существование в:

а) конце VI в.

б) середине VII в.

в) на рубеже VII–VIII вв.

г) именьковское население доживает до периода становления Волжской Болгарии.

Такое разнообразие точек зрения лишний раз свидетельствует о том, что хронология именьковской культуры требует дальнейшего изучения с привлечением новых материалов.

Для построения обоснованной хронологии памятников именьковской культуры на всей ее территории требуется ее подтверждение объективными данными. Надеяться на кардинальное увеличение источниковой базы, благодаря новым массовым находкам хронологических маркеров, не приходится. В связи с этим перспективным представляется обращение к результатам радиоуглеродного датирования материалов из раскопок.

Органические материалы из раннесредневековых памятников для радиоуглеродного датирования специалисты длительное время не отбирали, опасаясь значительной погрешности в результатах. Возникновение новых аналитических лабораторий, отработка методики анализа различных содержащих органические элементы материалов, включая лепную керамику, в конечном итоге обусловили появление серий поздних дат, соответствующих археологическому контексту (см., напр.: Кренке, 2011, с. 143–147). Публикации этих результатов привели археологов, занимающихся раннесредневековыми памятниками, к признанию результатов радиоуглеродного датирования в качестве важного исторического источника.

В 2000-е годы появились первые радиоуглеродные датировки из раннесредневековых памятников Самарской Луки. В последние годы работа по радиоуглеродному датированию раннесредневековых комплексов приобретает системный характер.

В настоящее время в распоряжении автора имеется 30 радиоуглеродных дат: девять дат с шести памятников именьковской культуры на Самарской

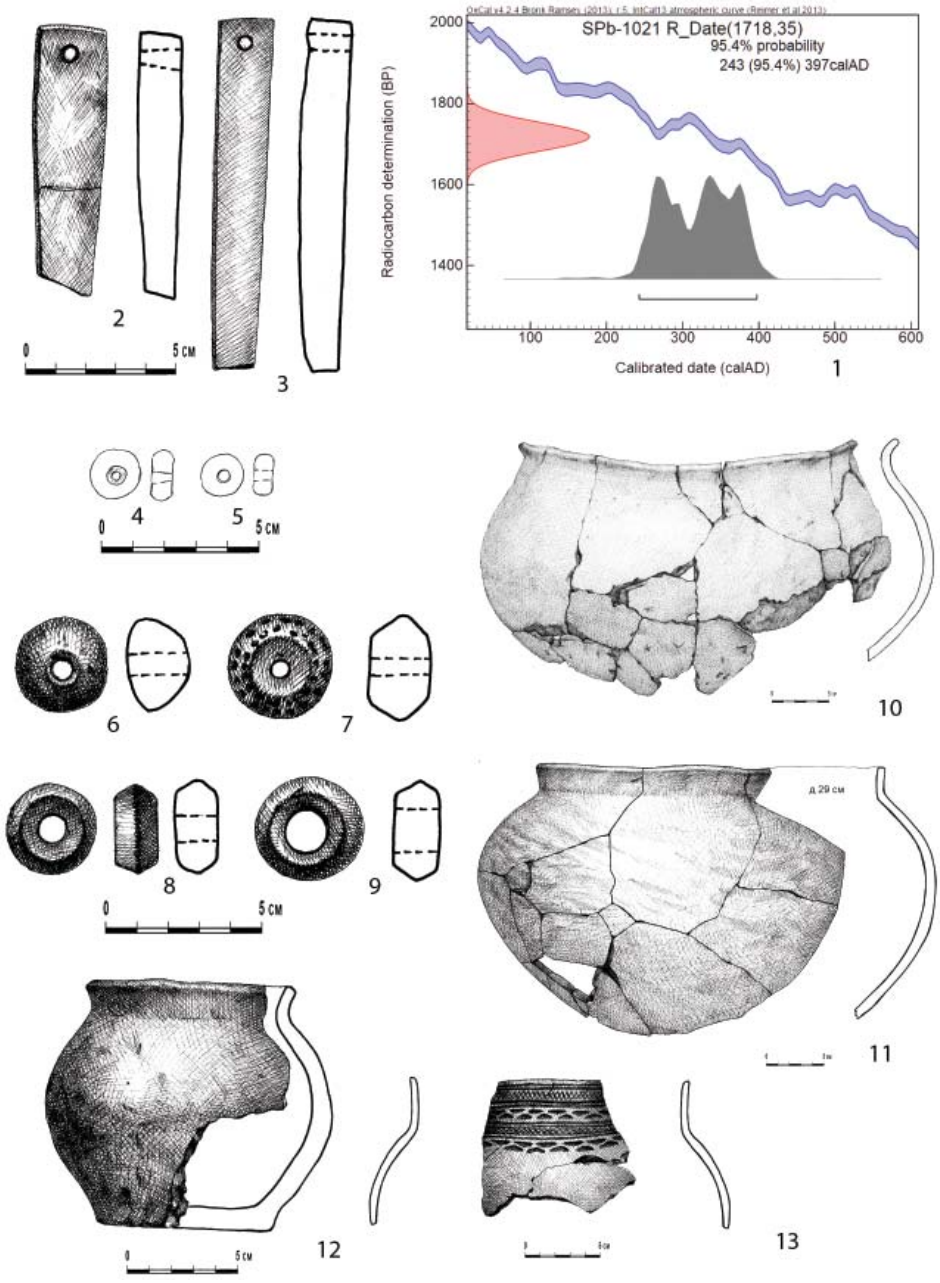


Рис. 2. Материалы Карлинского I селища.
1 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца керамики (SPb-1021); 2–3 – точильные бруски. Камень; 4–5 – бусы. Стекло; 6–9 – пряслица. Глина; 10–13 – керамика.

Fig. 2. Karlinskoe I settlement.
1 – distribution of age calibration values of a ceramic sample (SPb-1021); 2–3 – whetstones. Stone; 4–5 – beads. Glass; 6–9 – spindle whorls. Clay; 10–13 – ceramics.

Таблица 1.

Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из памятников именьковского времени

Название памятника	**комплекс**	**Тип образца**	**Дата (BP), лаборат. №**	CalAD	OxCal 4.2(95,4%)
Селище Выползовское		керамика	1810±35 SPb-1019	125-263 (82,2%)	92-329
Селище Выползовское		кости животных	1655±35 SPb-1018	345-422 (68,2%)	259-534
Селище Карлинское I		керамика	1718±35 SPb-1021	322-383 (44,3%)	243-397
Селище Новинковское I	Раскоп 1. Соор. 2	уголь	1670±50 Beta-1900 70	244-435 (84,4%)	244-535
Селище Новинковское V		керамика	1706±30 SPb-1025	252-400 (95,4%)	252-400
Селище Ош-Пандо-Нерь II		кости жив.	1600±30 SPb-984	399-539 (95,4%)	399-539
Селище Красный Пахарь IV		керамика	1622±50 SPb-1023	330-555 (94,4%)	264-555
Селище Красный Пахарь IV		кости жив.	1200±40 SPb-974	760-900 (77,9 %)	689-950
Селище Красный Пахарь IV		кости жив.	1263±35 SPb-1024	666-779 (81,9 %)	666-867

Луке (табл. 1), девять дат с четырех памятников типа Сиделькино-Тимашево (табл. 2), три даты из поселения Студеный Овраг на территории г. Самары, синхронного именьковской культуре (табл. 3), и девять дат из памятников хазарского времени на Самарской Луке (табл. 4). Привлечение материалов с памятников хазарской эпохи позволяет уточнить хронологическое соотношение памятников разных типов.

Введение в научный оборот результатов радиоуглеродного анализа материалов именьковской культуры, которые в таком виде представляются впервые, является основной целью данной статьи.

Радиоуглеродные датировки выполнены для разных видов материала – кости человека, кости животных, фрагментов керамики, угля. Анализ образцов производился в шести лабораториях России, Канады, Украины, США: лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН (ИГАН), лаборатории геохимии окружающей среды (изотопный центр) РГПУ им. А.И. Герцена (SPb), Киевской радиоуглеродной лаборатории ИГМЭ им. Марзеева РАМНУ (Ki), Радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН (GIN), лаборатория Beta, Майями, США (Beta), лаборатория университета Брок, Канада (BGS). Результаты всех анализов приводятся в виде двух дат: калиброванной и некалиброванной. Калибровка проводилась по единой

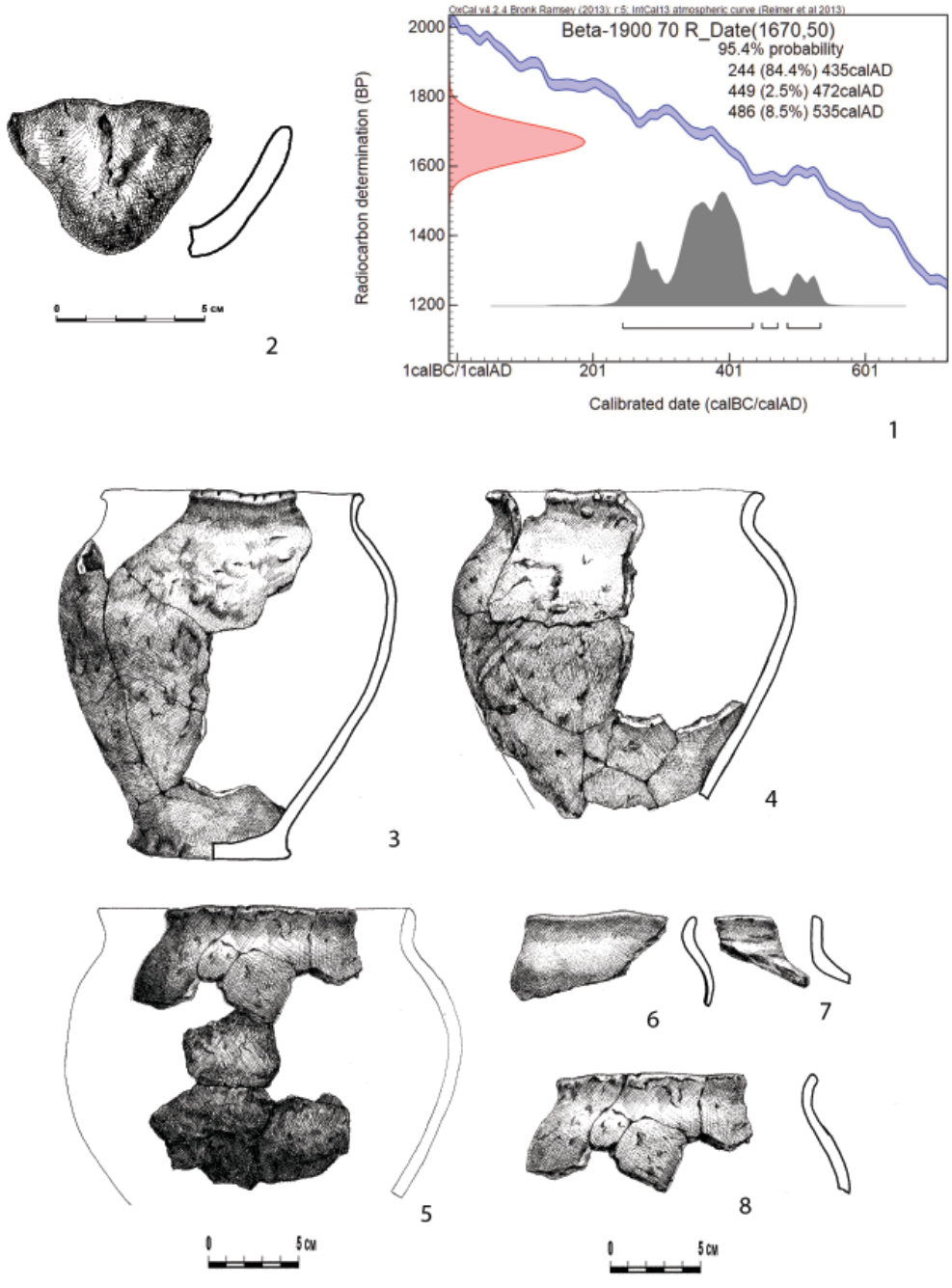


Рис. 3. Материалы Новинковского I селища.
1 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца угля (Beta -1900 70); 2 – тигель. Глина; 3–8 – керамика.

Fig. 3. Novinki I settlement.
1 – distribution of age calibration values of a coal sample (Beta – 1900 70); 2 – melting pot. Clay; 3-8 – ceramics.

Таблица 2.

Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из памятников типа Сиделькино-Тимяшево

Название памятника	**комплекс**	**Тип образца**	**Дата (BP), лаборат. №**	CalAD	OxCal 4.2(95,4%)
Сиделькинское II селище	р.8 соор.2	кости жив	1540±40BP SPb-1014	430-492 (41,2%)	421-601
Сиделькинское II селище	р.8 соор.1	кости жив	1491±35 BP SPb-1015	532-645 (86,1 %)	432-645 (95,4%)
Сиделькинское II селище	р.3 кв.5 ш.2	керамика	1530±35 BP SPb-1016	427-601 (95,4%)	427-601 (95,4%)
Сиделькинское II селище	р.3 погр. 2	кости человека	1720 ± 70 GIN-11527	129-432 (92,4%)	129-531 (95,4%)
Сиделькинское II селище	р.3 погр. 1	кости человека	1750 ±45 BGS-2411	209-393 (87,7%)	141-393 (95,4%)
Селище Крепость Кондурча II		керамика	2819±50 SPb-1020		1116-843 BC (95,4%)
Селище Крепость Кондурча II	раскоп 2. кв.13 ш.2	уголь	1660+-50 BGS-2409 Ун-т Брок	267 ± 70	254-536 (95,4%)
Селище Тимяшевское I		керамика	1582±50BP SPb-1022	384-593 (95,4%)	384-593 (95,4%)
Пролетарское городище	р.6 кв.5 ш.2	керамика	1617±50 SPb-1026	332-560 (95,4%)	332-560 (95,4%)

программе OxCal 4.2 с максимальным доверительным интервалом 95,4%. В ряде случаев приводятся также даты с меньшим доверительным интервалом.

Для оценки степени достоверности радиоуглеродных дат полученные результаты сопоставляются с археологическими материалами из исследованных памятников. Археологические комплексы из опорных памятников раннего этапа именьковской культуры детально уже опубликованы (Сташенков, 2010; 2010а; 2014; 2014а), часть материалов введена в научный оборот только частично (Юнусова, 1976; Ключникова, Матвеева, 1985), некоторые памятники известны только по отчетам (Пестрикова, 1988).

Выползовское селище

Датировались фрагменты лепной керамики с шамотом (SPb-1019) и кости животных (SPb-1018) из культурного слоя.

Некалиброванная дата по керамике: 1810±35 BP..

Калиброванная дата (82,2%): 125–263 гг.

Калиброванная дата (95,4 %): 92–329 гг.

Некалиброванная дата по костям животных: 1655±35 BP.

Калиброванная дата (68,2%): 345–422 гг.

Калиброванная дата (95,4 %): 259–534 гг.

Дата по костям животных более

Таблица 3.

Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из селища Студеный овраг

Название памятника	**комплекс**	**Тип образца**	**Дата (BP), лаборат. №**	CalAD	OxCal 4.2(95,4%)
Селище Студеный овраг	р.2 кв.2 ш.2	кости	1735±40BP SPb-1032	214-404 (95,1%)	180-404
Селище Студеный овраг	р.1 кв.1 ш.1	керамика	1710±40BP SPb-1033	241-411 (95,4%)	241-411
Селище Студеный овраг	р.1 кв.4 ш.1	керамика	1557±50BP SPb-1034	401-602 (95,4%)	401-602

молодая, чем дата по керамике, но в целом обе даты не противоречат археологическим материалам.

Археологический контекст

Материалы селища соответствуют радиоуглеродным датам.

Чернолощеный горшковидный сосуд с прямой шейкой и шаровидным туловом (группа I.1б по типологии А.М. Обломского) находит аналогии в материалах зарубинецкого могильника у дер. Отвержичи, датирующегося I в. до н.э. – I в. н.э. (Каспарова, 1969, рис. 6, 2), а также в материалах городища Лбище (Матвеева, 1998, рис. 2, 5).

Высокая чернолощеная миска типа III.3 по типологии А.М. Обломского имеет четко выраженный перегиб в средней части. Ребро подчеркнуто треугольным в сечении валиком. Форма и характер орнаментации сосуда находят аналогии в материалах ранних памятников киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 12, 5) и черняховской культуры (Магомедов, 2001, рис. 29; Кравченко, 1967, табл. XIII, 6). Наличие валика в месте перегиба – деталь, редкая для памятников киевской культуры, зато характерная для зарубинецких и позднезарубинецких памятников Подесенья (Терпиловский, 1984, рис. 32). А.М. Обломский, рассматривая подобные миски как изделия, изготовленные в рамках пшеворской традиции, отмечал, что время использования подобных мисок в лесостепной зоне было очень коротким и не выходит за пределы первой половины III в. (Обломский, 2005, с. 33).

При преобладании биконических пряслиц имеются пряслица из стенок лепных сосудов, не характерные для именьковских памятников. Аналогии они находят на памятниках типа Сиделькино-Тимяшево.

Карлинское селище

Датировались фрагменты лепной керамики с шамотом из культурного слоя (SPb-1021).

Некалиброванная дата: 1718±35 BP.

Калиброванная дата (44,3%): 322–383 гг.

Калиброванная дата (95,4 %): 243–397 гг.

Археологический контекст

Часть материалов селища соответствует радиоуглеродной дате.

Уникальные для памятников именьковской культуры узкие оселки подпрямоугольной формы известны на поселениях киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 62,

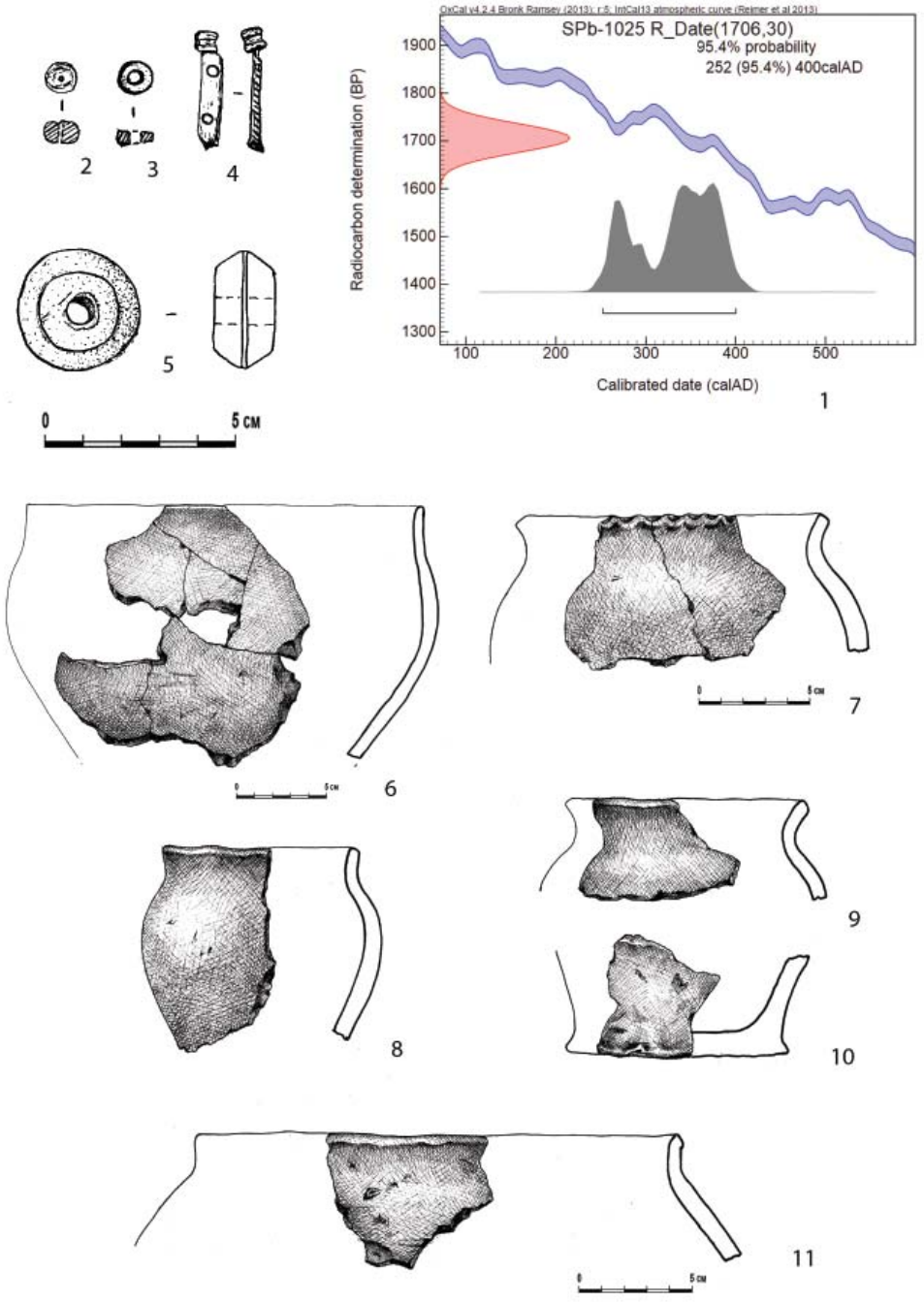


Рис. 4. Материалы Новинковского V селища.
1 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца керамики (SPb-1025); 2–3 – бусы. Стекло; 4 – стойка от фибулы. Бронза; 5 – пряслице. Глина; 6–11 – керамика.

Fig. 4. Novinki V settlement.
1 – distribution of age calibration values of a ceramic sample (SPb-1025); 2-3 – beads. Glass; 4 – support of a fibulae. Bronze; 5 – spindle whorl. Clay; 6-11 – ceramics.

Таблица 4.

Радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из памятников хазарского времени на Самарской Луке

Название памятника	**комплекс**	**Тип образца**	**Дата (BP), лаборат. №**	CalAD	OxCal 4.2(95,4%)
Жигулевское селище, раскоп 1		кости животных	1320±100 ИГАН-4613	615- 778 68.3 %	542-966
Жигулевский могильник	р.4 кв.2 ш.2	керамика	1250±40 BP SPb-1031	667-780 (73,3%)	667-875
Жигулевский могильник	р.3 погр.5	уголь дуба	1310 ± 30 Ki-18766	656-727 (68,0%)	656-769
Новинковский I КГМ	к.8 погр.6	кости чел.	1330±45 BGS-2412	AD: 708 ± 44	625-773

рис. 14, 2), в позднесарматских погребениях, в погребениях Тарасовского могильника I–V вв. в Прикамье (Голдина, 2003. Табл. 39, 111/23, 112/9).

Синяя кольцеобразная стеклянная бусина находит аналогии в материалах черняховской культуры (Малаештский могильник III – нач. V в. (Федоров, 1960, рис. 14); Романковский могильник второй пол. III – конца IV в. (Никитина, 1996, табл. 18,2; 43,7); Коблевский могильник III–IV вв. (Сымонович, 1979, рис. 12, 17); могильник Будешты II–IV вв. (Рикман, 1967, рис. 49)).

Желтая одночастная уплощенная таблетковидная стеклянная бусина (тип 60, по типологии Р.Д. Голдиной) имеет аналогии в раннесредневековых памятниках Прикамья и датируется V–VI вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 63, 60). По данным Р.Д. Голдиной, подобные бусы встречены в Ферганском могильнике I–IV вв. н.э.

Шаровидное глиняное пряслице и пряслице из стенки сосуда не характерны для именьковских памятников. Шаровидное пряслице известно в материалах городища Лбище.

В публикации материалов раскопок 1993–1996 гг. памятник был отнесен к V–VI вв. (Сташенков, 2013). Верхняя дата маркируется находкой крупного фрагмента кушнаренковского сосуда.

Новинковское I селище

Датировался уголь из заполнения металлургического горна (соор. 2) (Beta-1900 70).

Некалиброванная дата:
1670±50 BP.

Калиброванная дата (84,4%):
244–435 гг.

Калиброванная дата (95,4 %):
244–535 гг.

Археологический контекст

Материалы селища соответствуют радиоуглеродной дате.

Двухкамерный металлургический горн, исследованный на Новинковском I селище по конструктивным особенностям близок горнам, исследованным на территории зарубинецкой культуры.

Керамический комплекс аналогичен комплексу Новинковского V селища.

Новинковское V селище

Датировались фрагменты лепной керамики с шамотом из культурного слоя (SPb-1025).

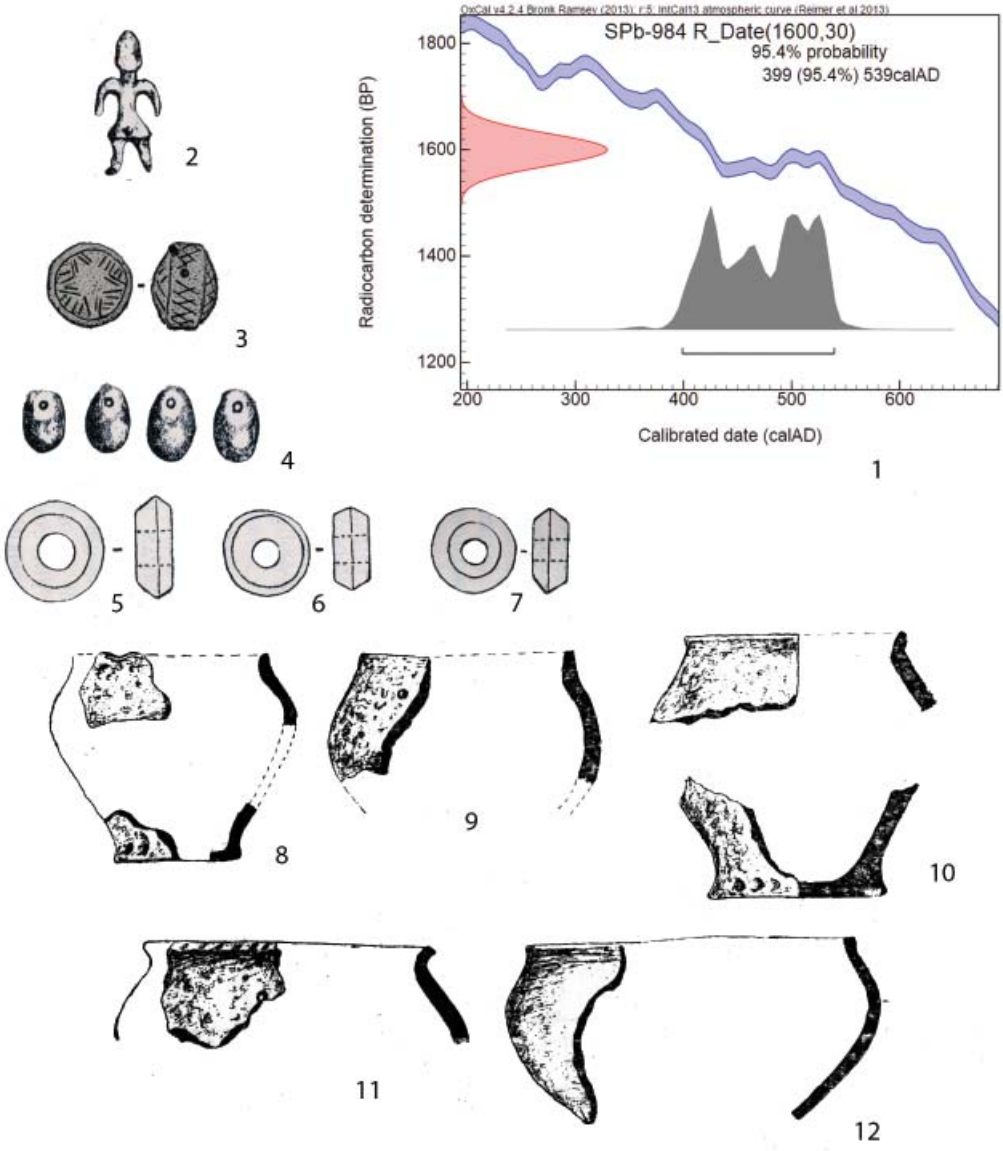


Рис. 5. Материалы селища Ош-Пандо-Нерь II.
1 – фигура распределения калиброванных значений возраста образца костей животных (SPb-984); 2 – антропоморфный амулет. Бронза; 3–4 – бусы. Глина; 5–7 – пряслица. Глина; 8–12 – керамика.

Fig. 5. Osh-Pando-Nery II settlement.
1 – distribution of age calibration values of an animal bone sample (SPb-984); 2 – anthropomorphic amulet. Bronze; 3-4 – beads. Clay; 5-7 – spindle whorls. Clay; 8-12 – ceramics.

Некалиброванная дата:
1706±30 BP.

Калиброванная дата (95,4 %):
252–400 гг.

Археологический контекст

Часть материалов селища соответствует радиоуглеродной дате.

Постройка округлой формы с центральным опорным столбом находит аналогии в материалах Почепского селища I–III вв. н.э., поселения киевской культуры Каменево 2 и постройки 17 второй четверти I тыс. н.э. III Чертовицкого городища на Верхнем Дону.

Янтарная уплощенная бусина и стеклянная синяя 14-гранная бусина, возможно, сирийского производства, находят аналогии в материалах Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, 2004, цветная вклейка).

Желтые одночастные уплощенные таблетковидные стеклянные бусы аналогичны найденной на Карлинском I селище. Аналогии им приведены выше.

Стойка от двухпластинчатой фибулы с массивной головкой. Подобные фибулы, по данным А.К. Амброза, датируются до первой пол. V в. (Амброз, 1989, рис. 5: 26). А.К. Амброз писал, что двухпластинчатые фибулы со второй пол. III в. бытовали у оседлых народов, в том числе на территории черняховской культуры (Амброз, 1989, с. 39). В материалах черняховской культуры имеются двупластинчатые фибулы с подобной новинковской стойкой с массивной головкой (Магомедов, 2001, рис. 69: 2). По мнению Е.Л. Гороховского, подобные фибулы относятся к фазе IV (Масловской) хронологии черняховских погребальных комплексов, которая датируется второй половиной IV в. (Гороховский, 1988, рис. 68, с. 44). И.О. Гавритухин обратил внимание автора на то, что стойка новинковской фибулы отличается от черняховских образцов более крупными размерами и относится, скорее, к иной разновидности – серии «Секей». По эпонимной находке на Дунае подобные изделия датируются периодом D2/D3 европейской хронологии (ок.430/440–470/480 гг.) (Гавритухин, Казанский, 2006, с. 297).

Селище Ош-Пандо-Нерь II

Датировались фрагменты костей животных из культурного слоя (SPb-984).

Некалиброванная дата:
1600±30 BP.

Калиброванная дата (95,4 %):
399–539 гг.

Археологический контекст

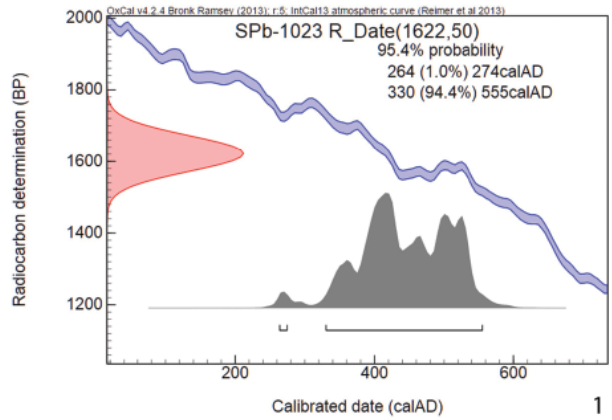
Г.И. Матвеева датировала памятник VI–VII вв., допуская, что поселение возникло в V веке. К датирующим предметам относятся подвеска с кольцевыми выпуклинами и антропоморфная бронзовая фигурка, находящие аналогии в комплексах Среднего Поволжья и Южного Приуралья VI–VII вв. Для определения верхней даты поселения важное значение имеет выявление на территории поселения грунтовых погребений новинковского типа, датирующиеся концом VII – первой половиной VIII в. Следовательно, поселение прекратило существование не позднее конца VII века (Ключникова, Матвеева, 1985, с. 143).

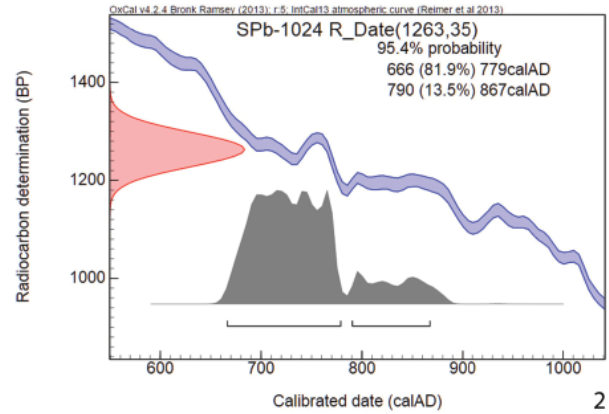
Селище Красный Пахарь IV

Датировались три образца: фрагменты керамики и кости животных.

Фрагменты лепной керамики с шамотом из культурного слоя (SPb-1023).

Некалиброванная дата:
1622±50 BP.





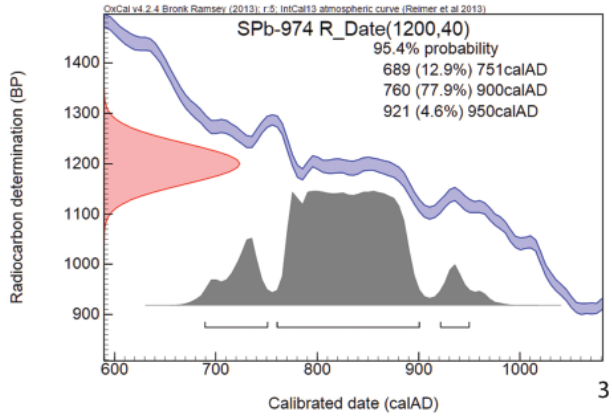


Рис. 6. Материалы селища Красный Пахарь IV.
1–3 – фигуры распределения калиброванных значений возраста образцов керамики (SPb-1023) и костей животных (SPb-974; SPb-1024).

Fig. 6. Krasny Pakhar IV settlement.
1-3 – distribution of age calibration values of ceramic samples (SPb-1023) and animal bones (SPb-974; SPb-1024).

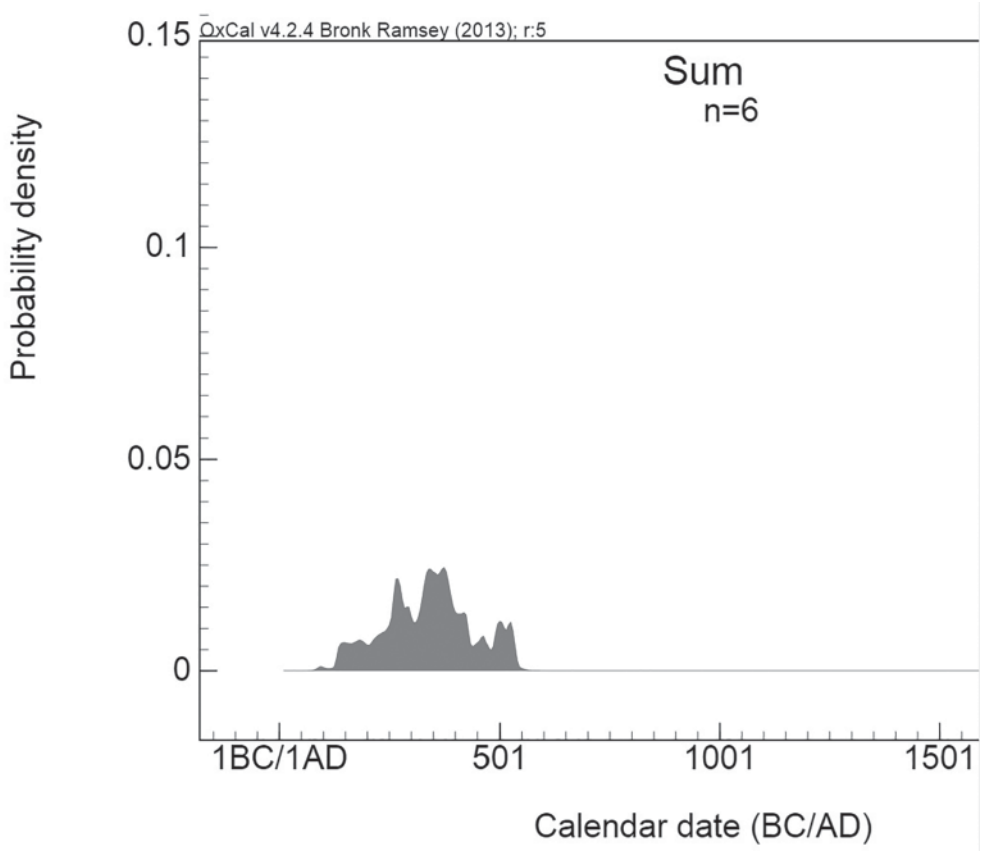


Рис.7. Суммы вероятностей датированных образцов из памятников именьковской культуры Самарской Луки.

Fig. 7. Sums of probabilities of dated samples from the Imenkovo culture from the Samara Bend.

Калиброванная дата (95,4 %): 330–555 гг.

Фрагменты костей животных из культурного слоя (SPb-974).

Некалиброванная дата: 1200±40 BP.

Калиброванная дата (77,9 %): 760–900 гг.

Калиброванная дата (95,4 %): 689–950 гг.

Фрагменты костей животных из культурного слоя (SPb-1024).

Некалиброванная дата: 1263±35 BP.

Калиброванная дата (81,9 %): 666–779 гг.

Калиброванная дата (95,4 %): 666–867 гг.

Археологический контекст

Селище исследовалось разведочным раскопом площадью 32 кв.м (Пестрикова, 1989). Хроноиндикаторы при раскопках селища не выявлены. Глиняное биконическое пряслице и лепная керамика преимущественно горшковидной формы, с примесью шамота и органики в формовочной массе, типичны для памятников именьковской культуры.

Археологическому материалу соответствует радиоуглеродная датировка по керамике. Даты по костям

животных представляются завышенными, однако для окончательных выводов необходимо быть уверенным в однослойности селища, для чего требуется проведение новых исследований на памятнике.

С методической точки зрения, важно провести сопоставление результатов радиоуглеродного датирования материалов, происходящих с памятников именьковской культуры на Самарской Луке, с данными других культурно-хронологических групп.

Наиболее представительной является подборка дат для памятников типа Сиделькино-Тимяшево (девять образцов). Датировались различные образцы: уголь, фрагменты керамики, фрагменты костей человека из погребений и кости животных (табл. 2). Из общего ряда выбивается один результат – дата фрагментов лепной керамики из селища Крепость Кондурча II (SPb-1020). Столь ранняя дата, вероятно, объясняется техническими моментами, связанными либо с отбором материала из культурного слоя поселения, либо с процедурой лабораторной обработки. Наиболее ранними из остальной серии являются даты по костям человека (GIN-11527, BGS-2411), что в целом соответствует ожиданиям. Даты по керамике и костям животных представляются несколько «омоложенными» относительно археологического материала.

В целом даты, полученные по материалам памятников типа Сиделькино-Тимяшево, соответствуют датам именьковских памятников, что подтверждает вывод об их синхронности, сделанный ранее на археологических материалах.

Три даты получены по костям животных и фрагментам керамики из селища Студеный Овраг на территории г.о. Самара (табл. 3). По археологическим материалам селище относится к новому кругу памятников Среднего Поволжья, вероятно, связанному своим происхождением с киевской или колочинской культурами (Сташенков, 2014). Радиоуглеродные даты в целом соответствует археологическому контексту, хотя и кажутся несколько «омоложенными». Важно отметить, что полученные даты соотносятся с датировками именьковских памятников.

Последняя серия дат получена по памятникам хазарского времени на Самарской Луке – Новинковского I курганно-грунтового могильника и Жигулевских селища и грунтового могильника (табл. 4). Эти датировки важны для определения верхней хронологической границы именьковской культуры, так как памятники новинковского типа в ряде случаев перекрывают именьковские поселения. В таблице 4 приводятся результаты анализов четырех образцов из различных материалов – уголь, керамика, кости человека и кости животных, выполненных в четырех различных лабораториях. Все даты образуют единый массив, который при сужении доверительных рамок укладывается во вторую половину VII–VIII в. Археологическая датировка исследованных комплексов – конец VII–VIII вв., что соответствует радиоуглеродным датам. Все полученные даты позднее приведенных выше дат для других групп памятников.

Заключение

Имеющиеся данные позволяют сделать несколько выводов:

Результаты радиоуглеродного датирования материалов из раннесредневековых памятников разных

культурно-хронологических групп свидетельствуют о возможности использования в качестве надежного материала для датирования угля из сооружений и фрагментов костей человека из погребений. Керамика из культурного слоя дает больший разброс дат. Оптимальным представляется использование для датирования фрагментов керамики от одного сосуда или фрагментов из закрытых комплексов. Кости животных по возможности также должны отбираться из закрытых комплексов, имеющих четкий археологический контекст.

Памятники именьковской культуры на Самарской Луке появляются не позднее IV в. Результаты радиоуглеродного датирования в целом подтверждают эту датировку, причем, судя по радиоуглеродным датировкам, не исключено существование именьковских памятников и в III веке. Следовательно, в IV – начале V в. памятники именьковской культуры и памятники типа городища Лбище на Самарской Луке сосуществовали.

За пределами Самарской Луки, параллельно с именьковскими, существуют памятники иных культурных групп – памятники типа Сиделькино-Тимяшево и памятники типа селища Студеный Овраг.

На рубеже VII–VIII вв. на Самарской Луке появляются памятники хазарского времени – курганно-грунтовые могильники новинковского типа, а также Жигулевское селище и кремационный могильник, которые относятся к особой культурно-хронологической группе, не связанной с предшествующим именьковским населением.

Доказательства продолжения существования именьковских памятников после середины VII в. в настоящее время отсутствуют.

Таким образом, корреляция археологических данных и результатов радиоуглеродного датирования позволяет очертить хронологические рамки именьковской культуры, по крайней мере, для территории Самарского Поволжья, в пределах IV – середины VII в.

В дальнейшем необходимо продолжить работу по радиоуглеродному датированию материалов памятников именьковской культуры из различных частей ее ареала, стараясь получить серию дат по каждому памятнику с использованием различных материалов. Важно будет провести сопоставление полученных данных с результатами радиоуглеродного датирования материалов городища Лбище и памятников Ульяновского Поволжья, которые в настоящее время готовятся к публикации Л.А. Вязовым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1966. 141 с.
2. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
3. *Богачев А.В.* К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 13. № 4 (27). С. 34–40.
4. *Богачев А.В.* О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 16–22.

5. *Богачев А.В.* Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 151–166.

6. *Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семыкин Ю.А.* Городище и селище Новая Беденьга I // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 325–400.

7. *Гавритухин И.О.* Именьковская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 128.

8. *Гавритухин И.О., Казанский М.М.* Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // Археологические вести. Вып.13. / Гл. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН. 2006. С. 297–344.

9. *Генинг В.Ф.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Том II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 111–129.

10. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

11. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

12. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 216 с.

13. *Гороховский Е.Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. Киев, Наукова Думка, 1988. С. 34–46.

14. *Заверняев Ф.М.* Почепское селище // МИА. № 160. Л.: Наука, 1969. С. 88–118.

15. *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «СамВен», 1998. С. 97–150.

16. *Казаков Е.П.* Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. № 12–13. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 8–39.

17. *Ключникова Р.М., Матвеева Г.И.* Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1985. С. 131–150.

18. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

19. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура: проблема этноса / Monumenta studia Gothica. T. I. Lublin: Ун-т Марии Склодовской-Кюри, 2001.

20. *Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А.Сташенков. Самара: «СамВен», 1998. С. 86–92.

21. *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара: СамГУ, 2003. 158 с.; 2-е издание: Самара: СамГУ, 2004.

22. *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.: Наука, 2002. 253 с.

23. *Обломский А.М.* Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2005. № 2. С. 32–45.

24. *Петренко А.Г.* К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: «СамВен», 1998. С. 198–212.

25. *Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История

Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.

26. Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2. С. 5–15.

27. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д-132. М.: Наука, 1967. 97 с.

28. Сташенков Д.А. Карлинское I селище (предварительная публикация) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014а. С. 436–466.

29. Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 111–125.

30. Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия СНЦ РАН. 2010а. Т. 12, № 6. С. 272–275.

31. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. / Раннеславянский мир. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

32. Сташенков Д.А. Раскопки на селище Студеный овраг // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2014. С. 34–70.

33. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1984. 124 с.

34. Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 223 с.

35. Юнусова Р.М. Исследование памятников эпохи железа на Самарской Луке // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Труды Средневолжской археологической экспедиции. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1976. С. 179–186.

Информация об авторе:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

CONCERNING ABSOLUTE DATE OF THE IMENKOVO CULTURE SITES FROM THE SAMARA BEND

D.A. Stashenkov

The article addresses development of absolute chronology of the Imenkovo culture sites from the Samara Bend. The radiocarbon dating method allows the author to refine the chronological position of the archaeological sites, which are key sites to distinction of the two stages of the Imenkovo culture in the Samara Volga region. The radiocarbon data from Sidelkino - Timyashevo type of site and the Studeny Ovrag settlement confirm the fact of simultaneous existence of several cultural – historical groups in the Middle Volga. The dates obtained for the archeological sites of the Khazar time on the Samara Bend are later compared to the Imenkovo sites and mark the upper chronological border of the Imenkovo culture. The chronological framework of the Imenkovo culture in the Samara Volga region is defined within 4th – middle 7th century.

The article was prepared under a regional grant contest by the Russian Humanitarian Research Foundation “Volga Lands in History and Culture of Russia”, project no. 14-11-63008 “Local variants of the Imenkovo Culture from the Middle Volga Area in 4th – 7th centuries AD.”

Keywords: archaeology, Middle Volga, early Middle Ages, Imenkovo culture, chronology, radiocarbon dating.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-30. Moscow: Instititue of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

2. Ambroz, A. K. 1989. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv. (Chronology of the North Caucasian Antiquities of 5th—7th Centuries AD)*. Moscow (in Russian).

3. Bogachev, A. V. 2013. In *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniia (Bulletin of the Samara Municipal Institute for Public Administration)* 27 (4), 34–40 (in Russian).

4. Bogachev, A. V. 1995. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites of the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 16–22 (in Russian).

5. Bogachev, A. V. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 151–166 (in Russian).

6. Viazov, L. A., Salugina, N. P., Semykin, Yu. A. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 325–400 (in Russian).

7. Gavritukhin, I. O. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 11. Moscow: "Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).

8. Gavritukhin, I. O., Kazanskii, M. M. 2006. In Nosov E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 13. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 297–344 (in Russian).

9. Gening, V. F. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: "Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 111–129 (in Russian).

10. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Area)*. Vol. 1. Izhevsk: Udmurtiia (in Russian).

11. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I—V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st—5th Centuries in the Middle Kama Area)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

12. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

13. Gorokhovskii, E. L. 1988. In Rybakov, B. A. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavicist Archaeologists)* 4. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 34–46 (in Russian).

14. Zaverniaev, F. M. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 160. Leningrad, 88–118 (in Russian).

15. Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* 12–13, 8–39 (in Russian).

16. Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: "SamVen" Publ., 97–150 (in Russian).

17. Kliuchnikova, P. M., Matveeva, G. I. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 131–150 (in Russian).

18. Krenke, N. A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (Dyiakovo Fortified Settlement: the Culture of the Population of the Moskva*

River Basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

19. Magomedov, B. V. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Chernyakhovo Culture. The Problem of Ethnos)*. Series: Monumenta studia Gothica I. Lublin: Universytet Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).

20. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: "SamVen" Publ., 86–92 (in Russian).

21. Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Area in 4th—7th Centuries AD: Imenkovo Culture)*. 2nd ed. Samara: Samara State University (in Russian).

22. Oblomskii, A. M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremia (seredina III — pervaia polovina V v. n. e. (The Forest-Steppe of the Left Bank of the Dnieper in Late Roman and Hun Times (Middle of 3rd — First Half of 5th Century AD))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

23. Oblomskii, A. M. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 32-35 (in Russian).

24. Petrenko, A. G. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: "SamVen" Publ., (in Russian).

25. Salugina, N. P. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 216–246 (in Russian).

26. Sedov, V. V. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 5–15 (in Russian).

27. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Stashenkov, D. A. 2014. In Oblomskii, A. M. (ed.). *Problemy vzaimodeistviia naseleniia Vostochnoi Evropy v epokhu Velikogo pereseleniia narodov (Interaction between Eastern European Populations during the Great Migrations)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 436–466 (in Russian).

29. Stashenkov, D. A. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 111–125 (in Russian).

30. Stashenkov, D. A. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 12, no. 6, 272–275 (in Russian).

31. Stashenkov, D. A. 2005. *Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ia v I–IV vekakh n.e. (Sedentary Population of the Samara Forest-steppe Volga Region in the 1st–4th Centuries A.D.)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 150 s (in Russian).

32. Stashenkov, D. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arkheologicheskikh issledovanii v Samarskoi oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsii (Results of Archaeological Research in the Samara Region in 2013. Materials of Scientific Expeditions)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 34–70 (in Russian).

33. Terpilovskii, R. V. 1984. *Rannie slaviane Podesen'ia III—V vv. (Early Slavs from Desna Region in 3rd — 5th Centuries AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

34. Terpilovskii, R. V., Abashina, N. S. 1992. *Pamiatniki kievskoi kul'tury (svod arkheologicheskikh istochnikov) (Sites of Kiyevskaya Culture: Corpus of Archaeological Sites)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

35. Yunusova, R. M. 1976. In *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ia* 2. *Trudy Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Essays on History and Culture of the Volga Region 2. Proceedings of the Middlle Volga Archaeological Expedition).* Kuybyshev: Kuybyshev State University, 179–186 (in Russian).

About the Author:

Stashenkov Dmitry A. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Статья поступила в номер 27.01.2016 г.

Критика и библиография

УДК 666.3/.7

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: В.В. НИКИТИН. КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ ПОСУДЫ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ В МАРИЙСКО-КАЗАНСКОМ ПОВОЛЖЬЕ. РЕД. ПРОФ. А.А. ВЫБОРНОВ. КАЗАНЬ, 2015. 364 С.

© 2016 г. Н.С. Березина

В рецензии дана положительная оценка монографии В.В. Никитина, посвященной обобщению результатов многолетнего изучения неолитической культуры носителей гребенчато-ямочной (ямочно-гребенчатой) керамической традиции в Марийско-Казанском Поволжье. Автор обобщил данные по топографии и планиграфии памятников, постройкам, дал подробную характеристику каменного инвентаря и керамики. На этом основании им был проведен анализ культурно-хронологической принадлежности памятников, выделены этапы их развития, для которых установлены даты, основанные на новейших данных по радиоуглеродному датированию. Особое внимание уделено публикации всех исследованных памятников в виде свода.

Ключевые слова: археология, Марийско-Казанское Поволжье, неолит, культура гребенчато-ямочной (ямочно-гребенчатой) керамики, культурный статус, типология, хронология.

Монография Валерия Валентиновича Никитина «Культура носителей посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией в Марийско-Казанском Поволжье» вышла в свет в серии «Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования». Вып. 3. Не случайно монография В.В. Никитина посвящена 85-летию профессора А.Х. Халикова – автор является его учеником и соратником, о чем он не раз упоминает в книге.

Подводя итоги своего многолетнего изучения памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией в Марийском Поволжье, В.В. Никитин вполне закономерно обращается к аналогичным материалам Казанского Поволжья, являясь, по существу, наследником научного багажа А.Х. Халикова.

Именно А.Х. Халиков, будучи руководителем Марийской археологической экспедиции в 1950–1960 гг., заложил основы изучения средневолжского неолита и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Им была разработана и обоснована культурно-хронологическая схема неолита региона, опубликованная в монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (1969). С 1970-х гг. А.Х. Халиков переключился на средневековую тематику. Однако исследования неолита были продолжены его учениками. Так, с 1970-х гг. масштабные исследования в Марийском Поволжье осуществлял В.В. Никитин. Одним из направлений этих исследований стало изучение памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.

Рецензируемая книга состоит из введения, восьми глав, заключения и сводки комплексов материальной культуры с гребенчато-ямочной керамикой, которые были открыты и исследованы Марийской археологической экспедицией в период с 1956 по 2007 г. Монография завершается библиографическим списком (98 наименований), резюме на английском языке, а также приложением, включающим в себя 4 таблицы, 2 карты, 134 рисунка и 20 фотографий керамических находок.

Во введении В.В. Никитин обосновывает свой исследовательский вклад в разработку А.Х. Халиковым схемы развития культуры носителей волго-окской ямочно-гребенчатой керамической традиции на левобережье Волги в Марийском и Казанском Поволжье. Здесь же В.В. Никитин анализирует культурный статус средневолжской гребенчато-ямочной керамики, изначально отнесенной А.Х. Халиковым к балахнинской культуре. Автор монографии солидаризируется в этом с мнением А.Х. Халикова, хотя и отмечает, что исследованиями В.П. Третьякова было обосновано выделение среневолжского варианта культур ямочно-гребенчатого типа. В.В. Никитин не приводит в монографии детальные различия льяловской, балахнинской и средневолжской культур (вариантов, типов), но отмечает, что в ряде своих предыдущих работ он рассматривал их как средневолжские древности в системе льяловской культуры, но с преобладанием культурно-определяющих элементов балахнинского населения. Решение поставленной автором монографии проблемы о культурном статусе отдельных групп памятников обширной зоны с посудой ямочно-гребенчатого типа представляет значительный интерес как с теоретической точки зрения (культура, культурная область, культурная зона, группа родственных культур или варианты, типы и т.д.), так и с точки зрения практического опыта крупного исследователя. Рассмотрение гребенчато-ямочной керамики Марийско-Казанского Поволжья в рамках балахнинской культуры, по мнению автора рецензии, является дискуссионным. Керамика балахнинского и средневолжского типов имеет устойчивые различия, что отмечается и другими исследователями.

Главы, посвященные вопросам изучения топографии и планиграфии памятников, представлены достаточно кратко, т.к. автор монографии уже не раз освещал эти темы и проблемы в предыдущих публикациях. Более подробно В.В. Никитин остановился на характеристике каменного инвентаря

и керамики. Он пишет, что на всех хорошо изученных памятниках им были собраны достаточно представительные коллекции каменных изделий, что свидетельствует об их изготовлении на месте. Отмечая преимущественное изготовление орудий на отщепах и выделяя отдельные характерные категории орудий (ножи-ложкари, крупные и небольшие шлифованные трапециевидные в сечении тесла, клиновидные симметричные топорики и др.), исследователь отмечает сходные черты с индустрией камской неолитической культуры и присутствие окских приемов обработки кремня.

Технологическая и типологическая характеристики коллекций каменных изделий предоставляют большие возможности для исследователя, т.к. приемы и техники в обработке камня наряду с керамическими традициями были достаточно консервативны и позволяют устанавливать культурные связи. Однако в данном вопросе есть свои «подводные камни». Если обитатели многослойного поселения на разных этапах его функционирования пользовались одними и теми же источниками сырья и между ними существовала культурная преемственность, то исследователям практически невозможно вычленить разные гомогенные комплексы каменных изделий. В.В. Никитиным исследовано большое количество (более 80) памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, среди которых есть и небольшие, и крупные поселения. Думается, критика источников и выделение однослойных опорных памятников на разных этапах развития неолитических культур существенно облегчили бы нам понимание характеристик каменной индустрии.

В главе, посвященной керамическим сосудам, подробно рассмотрены формы реконструированных сосудов и венчиков, встречающиеся на памятниках. Также представлены различные оттиски ямочного и гребенчатого штампов и прослежено их развитие. Эти различия позволили автору монографии, вслед за А.Х. Халиковым, выделить три этапа развития средневолжской группы: ранний, развитый и поздний. В основу положен эволюционный принцип развития орнаментальных мотивов – от более простых к более сложным, что является вполне логичным. Ранний этап, по мнению В.В. Никитина, характеризуется материалами Русско-Луговской I стоянки, которые соотносятся с более поздними балахнинскими материалами. Развитый этап – материалами Удельно-Шумецкой V, Майданской, Дубовской XII, Сутырской стоянок. В это время изменяются формы сосудов – исчезают приостренные донца. Поздний этап представлен материалами Сутырского II а, Отарского V, Дубовских VIII и IX (выделенных типологически) поселений. На этом этапе появляются сосуды со сложным сочетанием разных культурных традиций – камской, окской и накольчатой.

Полученные в последнее время большие серии радиоуглеродных дат позволили скорректировать и расширить наши представления об относительной и абсолютной хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой. В.В. Никитин, оперируя последними достижениями в этой области, соотносит ранний этап с архаичным этапом льяловской культуры (рубеж V–IV – первая четверть IV тыс. до н.э.); развитый этап да-

тируется третьей четвертью IV тыс. до н.э.; финальный этап культуры – не позднее рубежа IV–III тыс. до н.э. В заключительной части монографии автор излагает основные выводы.

После заключения в монографии приводится свод всех исследованных памятников с ямочно-гребенчатой керамикой с указанием места расположения, когда и кем описана и исследована, подробным описанием комплексов материальной культуры. Описания памятников хорошо проиллюстрированы рисунками и фотографиями.

В завершение рецензии хочется отметить, что труд, созданный В.В. Никитиным, основан на многолетних полевых исследованиях автора и вносит существенный вклад в изучение неолита региона. Монография носит фундаментальный характер, т.к. сведения собранные в ней, представляют собой существенную источниковую базу и отражают достижения марийской и казанской научных археологических школ. Отмеченные автором рецензии дискуссионные моменты нисколько не умаляют достоинств этой монографии, а лишь подчеркивают ее актуальность.

Информация об авторе:

Березина Наталия Степановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); terra3@inbox.ru

REVIEW OF THE BOOK: V.V. NIKITIN. KULTURA NOSITELEI POSUDY S GREBENCHATO-YAMOCHNOY ORNAMENTATSIEI V MARIISKO-KAZANSKOM POVOLZHYE (*PIT-COMB WARE CULTURE IN MARI-KAZAN VOLGA REGION).* EDITED BY PROF. A.A. VYBORNOV. KAZAN, 2015. 364 P.

N.S. Berezina

The review offers a positive evaluation of V.V. Nikitin's monograph, where he summarizes findings of his long-term studies into the Neolithic Pit-Comb Ware ceramic tradition in Mari-Kazan Volga region. The reviewed monograph generalizes topographic and planigraphic features of sites and structures and provides detailed characteristics of the stone inventory and ceramics. These data, also helped by the most recent developments in radiocarbon dating, are then used to consider the cultural and chronological attribution of the sites and help identifying stages in their development. A special feature of the monograph is a corpus of all studied sites.

Keywords: archaeology, Mari-Kazan Volga region, Neolithic, Pit-Comb Ware Culture, cultural status, typology, chronology.

About the Author:

Berezina Natalia S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Av., 29, corp. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; terra3@inbox.ru

Статья поступила в номер 08.08.2016 г.

Хроника

УДК 902 + 56.074.6

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРИМЕНЕНИЮ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ (БОЛГАР, 9–19 АВГУСТА 2016 Г.)[1]

© 2016 г. А.Г. Ситдиков, Л.А. Вязов, Е.В. Пономаренко, В.Е. Родинкова

С 9 по 19 августа 2016 г. по инициативе Института археологии Академии наук Республики Татарстан при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан в Болгарском Международном центре археологических исследований прошел Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии.

Ключевые слова: археология, история, палеоэкология, палинология, палеодемография, геоморфология, радиоуглерод.

Участниками семинара стали специалисты в области археологии и естественнонаучных дисциплин из различных научных центров России, США, Канады. К. Гаевский (Оттавский университет, Канада) осветил результаты палеоклиматических исследований на Североамериканском континенте и представил авторскую реконструкцию палеодемографической ситуации и ее динамики на основе изучения радиокарбонных датировок археологических памятников. А.В. Панин (МГУ, Россия) рассказал о результатах геоморфологических исследований на объектах культурного наследия разных эпох. Е.В. Пономаренко (Оттавский университет, Канада) познакомила аудиторию с методами микростратиграфического анализа, а также с возможностями, которые предоставляет археологам изучение угля (антракологический анализ) из древних почвенных отложений. М.С. Блинников (Университет Сент-Клауда, Миннесота, США) охарактеризовал принципы и современные достижения в изучении фитолитов, обозначил перспективы применения данного метода в археологии. Е.Г. Ершова (МГУ, Россия) осветила новейшие подходы к интерпретации палинологических спектров, полученных на памятниках различных типов. Д.С. Пономаренко (ПИН РАН, Россия) продемонстрировал возможности, которые предоставляет изучение нор землеройных животных для реконструкции окружающей среды и палеоландшафтов. В.Е. Родинкова

[1] Семинар проведен при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-46-161060 р_г.

Фото 1. Участники семинара в ходе изучения разреза оборонительных сооружений. Балымерское городище «Шолом», Спасский район Республики Татарстан.

Photo 1. The field practice on fortification section studies within the framework of the seminar. Balymery hillfort «Sholom», Spassky district of the Republic of Tatarstan.

(ИА РАН, Россия), А.А. Хисяметдинова (ИА АН РТ, Россия), М.Ш. Галимова (ИА АН РТ, Россия), Л.А. Вязов (ИА АН РТ, Россия), Д.А. Сташенков (СОИКМ им. П.В. Алабина, Россия), А.А. Трошина (Коломенский археологический центр, Россия) представили результаты комплексных исследований на памятниках археологии Восточной Европы.

Обсуждение аналитических проблем дополнила практическая работа, в ходе которой участниками семинара была изучена серия разрезов, содержащих стратифицированные пролювиальные отложения оврагов на территории Болгарского городища, и проведены работы на разрезе оборонительных сооружений Балымерского городища «Шолом» (Спасский район РТ). Отобраны образцы для радиоуглеродного датирования, палинологического, антракологического и других анализов.

Организация семинара стала следствием формирующегося среди специалистов-археологов понимания того, что реконструкция всего многообразия аспектов взаимодействия человека и природной среды возможна лишь на основе междисциплинарного подхода. Исследования в области ландшафтной археологии выходят сегодня на принципиально новый уровень в значительной степени благодаря прогрессу, достигнутому в целом ряде областей знаний. Прежде всего, произошло резкое увеличение количества доступной для осмысления информации. Колоссальное развитие получил пространственный анализ, основанный на использовании систем глобального позиционирования и геоинформационных систем. Существенно расширились базы данных по фитолитам и пыльце, изучение которых стало уже неотъемлемой частью комплексных археолого-па-

Фото 2. Выступление М.Ш. Галимовой перед участниками семинара. Лаборатория Международной археологической школы в Болгаре.

Photo 2. A presentation by Madina Galimova within the lecture series of the seminar. Laboratory room of the International Archaeological School in Bolgar.

леогеографических исследований. Появились большие массивы датированных естественнонаучными методами объектов, характеризующих как археологические комплексы, так и состояние природной среды в разное время. Принципиально новые методы изучения почв и донных отложений, в том числе педоантракология, биохимический анализ почв, ихнология, палеогенетика, анализ стабильных изотопов обогатили спектр возможностей палеоэкологических и культурно-исторических реконструкций. Радикальное расширение источниковой базы происходит параллельно с выработкой новых статистических методов обработки многомерных данных и созданием международных протоколов работы с метаданными. Все это открывает новые возможности проведения археологических исследований и интерпретации их результатов.

Возникающие перспективы расширения и углубления научных представлений на основе междисциплинарного подхода позволяют предполагать дальнейший рост в научной среде интереса к ландшафтной археологии. Необходимое условие развития комплексного подхода к изучению памятников – создание специальной площадки для обсуждения методов, практик и результатов ландшафтно-археологических исследований. Представляется, что такой площадкой может стать ежегодный семинар, проводимый на базе Международного археологического центра в Болгаре.

По результатам работы семинара его участниками было принято решение создать международную рабочую группу по изучению проблем ландшафтной археологии лесостепной зоны в голоцене. Приоритетными направлениями работы этой группы являются:

исследование археологически фиксируемых следов различных систем землепользования, выявление референтных слоев, отражающих такие системы;

изучение динамики формирования антропогенных ландшафтов в лесостепной зоне Евразии;

анализ форм и стратегий культурной адаптации древнего населения к различным ландшафтам, выявление и изучение воздействия ландшафтных изменений на древние и средневековые общества;

выявление экотонов прошлого на основе анализа археологических объектов и их палеогеографического контекста.

Методическим обеспечением этих исследований станут разработанные на основе современных международных практик протоколы сбора и аналитического описания данных (образцов пыльцы, фитолитов, почвенных отложений, угля, иных антропогенных остатков).

В качестве текущих исследовательских задач участниками семинара/рабочей группы определены:

1) создание референтных коллекций биологического материала (фитолитов, пыльцы, угля и т.д.), содержащих рецентную основу для палеоэкологических реконструкций в различных регионах лесостепной зоны Евразии;

2) получение опорных колонок для воссоздания палеоклиматических условий на территории лесостепной зоны в голоцене.

Проведение второго научно-практического семинара по ландшафтной археологии в Болгаре намечено на первую неделю июня 2017 г.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, адъюнкт-профессор, факультет географии, Оттавский университет (г. Оттава, Канада); eponomarenko@yahoo.com

Родинкова Власта Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); vlasta2004@mail.ru

INTERNATIONAL THEORETICAL AND PRACTICAL WORKSHOP ON APPLICATION OF PALEO-ECOLOGICAL METHODS IN ARCHAEOLOGY (BOLGAR, 9–19 AUGUST 2016)

A.G. Sitdikov, L.A. Vyazov, E.V. Ponomarenko, V.E. Rodinkova

International Theoretical and Practical Workshop on Application of Paleo-Ecological Methods in Archaeology took place in Bolgar International Center for Archaeological Studies from 9 to 19 August 2016. The workshop was organized by Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences, supported by the Russian Fundamental Research Fund and the Fund for Rehabilitation of Historical and Cultural Sites of the Republic of Tatarstan.

The Workshop was funded by the Russian Fundamental Research Fund under project no. 16-46-161060 р_г..

Keywords: archaeology, history, paleoecology, palynology, paleodemography, geomorphology, radiocarbon.

About the Authors:

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences. Adjunct Professor, Geography Faculty, Ottawa University. Simard Hall, 60 University, Ottawa ON Canada K1N 6N5; eponomarenko@yahoo.com

Rodinkova Vlasta E. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; vlasta2004@mail.ru

Статья поступила в номер 20.08.2016 г.

УДК 902

УЧЕНЫЙ И ДОБРОЙ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕК (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.Н. СТАРОСТИНА)

© 2016 г. Г.И. Дроздова, Е.П. Казаков

Статья посвящена 80-летию со дня рождения видного казанского археолога Петра Николаевича Старостина (24.07.1936 – 4.07.2012), исследователя археологических культур Поволжья и Прикамья I тыс. н.э., внесшего неоценимый вклад в изучение проблем пьяноборской, азелинской, именьковской культур.

Ключевые слова: археология, история, именьковская культура, азелинская культура, погребения с трупосожжением

24 июля 2016 года исполнилось 80 лет со дня рождения известного казанского археолога Петра Николаевича Старостина (24.07.1936 – 4.07.2012).

Старостин Петр Николаевич родился 24 июля 1936 г. в семье крестьян д. Верхний Пинжинерь Мари-Турекского района Марийской АССР (ныне Республика Марий Эл). В неполные пять лет он остался сиротой, воспитывал его дед – деревенский кузнец. От него Петр Николаевич усвоил золотые правила народной мудрости: терпение, трудолюбие, внимание к людям, стремление выслушать и понять – и пронес эти черты характера через всю свою нелегкую жизнь. Он часто с теплом вспоминал своего воспитателя – деда. Полученное воспитание и природный ум помогали Петру Николаевичу преодолевать трудности учебы. В 1943 г. он поступил в начальную школу д. Пинжинерь, а в 1947 г. продолжил учебу в Куршановской семилетней школе (в трех километрах от деревни). После школы он учился в Мари-Биляморском педучилище, затем, после его закрытия – в Парангин-

ском педучилище, которое закончил с отличием.

По окончании училища П.Н. Старостин два года преподавал математику в средней школе, а в 1955 г. поступил на исторический факультет Марийского педагогического института. После его окончания он был принят на работу в Марийский республиканский краеведческий музей. В 1961 – первой половине 1962 г. Петр Николаевич работал ассистентом на кафедре истории Марийского государственного педагогического института. Летом 1962 г. он поступил в аспирантуру по специальности «археология» в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и начал работать в секторе археологии и этнографии, только что образованном в ИЯЛИ КФАН СССР.

В секторе археологии и этнографии в 1960–1970-х гг. под руководством А.Х. Халикова вместе с Петром Николаевичем трудилась целая плеяда молодых археологов: Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков, М.Г. Косменко, Р.Г. Фахрутдинов, Т.А. Хлебникова. Это были романтики, беззаветно преданные археологической науке. Хотя средства, выделяемые на проведение экспедиций, были в то время небольшими, а основными «копателями» выступали студенты и школьники под руководством своих учителей, была проделана огромная работа, которая обычно продолжалась весь полевой сезон. Часто полевые исследования осуществлялись с помощью небольших групп добровольцев-энтузиастов, а иногда археологи в одиночку целыми месяцами работали на островах или в заброшенных районах зон водохранилищ.

Исследования 1960–1970-х гг., проведенные молодыми казанскими археологами, позволили не только открыть множество новых памятников, но и буквально «вскрыть» целые пласты древней истории по-иному, чем прежде, увидеть хронологию и направление развития этнокультурных процессов, происходивших на территории Урало-Поволжья. Результаты этих работ были опубликованы во многих статьях и монографиях, вышедших в этот период, и продолжали обобщаться в более позднее время. Все это определило быстрый рост престижа казанской археологии. Перефразируя немецкого классика XIX века, можно сказать, что период 1960–1980-х гг. был для казанских археологов временем «бури и натиска».

Петр Николаевич Старостин внес в этот процесс свою весомую лепту. Начиная с 1961 г. он активно участвует в полевых исследованиях. В 1963, 1968–1971 гг. он вел разведки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. Результаты разведок дали возможность в дальнейшем (1968–1973 гг.) целенаправленно и стационарно изучать ряд опорных памятников Икско-Бельского междуречья. В 1964 г. П.Н. Старостин обследовал зону Куйбышевского водохранилища, в 1967 г. – памятники у сел Коминтерн и Измери. В 1971–1978 гг. Петром Николаевичем раскапывались такие важные археологические объекты, как Рождественские II, IV и V могильники, Рождественское VI селище. В 1973 г. им было исследовано Троицко-Урайское I городище, а в 1976 г. – примыкающее к нему селище, тогда же были проведены разведочные работы по реке Мёша. В 1974 и 1980 г. он исследовал Нармонский могильник, в 1975–1976 и 1984 гг. – Усть-Брыскинский, в 1976 и 1984 гг. – Гремячинский могильники азелин-

П.Н. Старостин (справа), Ф.Х. Валеев (в центре) и А.Х. Халиков (слева) на праздничной демонстрации (Казань, ИЯЛИ КФАН,1960-е годы).

P.N. Starostin (right), F.Kh. Valeev (center) and A.Kh. Khalikov (left) at the festive demonstration (Kazan, Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1960-s)

ской культуры. В 1976 и 1978 гг. проведены исследования пьяноборского могильника Старый Чекмак на востоке Татарии. В 1978 г. раскапывался «Девичий городок» и проводились разведочные работы в Апастовском районе ТАССР. В 1977–1978 гг. Петр Николаевич проводил разведки в западных районах Ульяновской области, в Пестречинском районе ТАССР, а также по р. Зай.

С 1981 г. П.Н. Старостин руководил Предболгарской археологической экспедицией. В 1980-е гг. этой экспедицией были осуществлены раскопки ряда крупных поселенческих и погребальных памятников именьковской культуры, таких как Богородицкий, Ташкирменский, Маклашеевские IV и V могильники, Маклашеевское II городища, а также городище Черепашье. Тогда же (1988–1993 гг.) им были начаты раскопки в Болгаре. Большой заслугой П.Н. Старостина является открытие уникального раннеболгарского поселения первой половины X в. на Малом Иерусалимском овраге на территории Болгарского городища. С 1998 по 2001 гг. Петр Николаевич вместе с коллегами принимал участие в археологических исследованиях Казанского Кремля. В 2002 и 2004 гг. были проведены последние крупные полевые работы П.Н. Старостина на городище «Казанка II» и Нармонском могильнике соответственно.

Материалы, полученные в результате вышеотмеченных масштабных

Лауреаты Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники. Слева направо: П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, Ф.Ш. Хузин, Т.А. Хлебникова, Р.С. Габяшев (Казань, ИЯЛИ КФАН, 1994).

Laureates of the Tatarstan Republic State Award in the field of science and technology. From left to right: P.N. Starostin, E.P. Kazakov, F.Sh. Khuzin, T.A. Khlebnikova, R.S. Gabyashev (Kazan, Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1994).

полевых исследований, позволили Петру Николаевичу подготовить и опубликовать четыре монографические работы. В 1967 г. на основе успешно защищенной им годом ранее кандидатской диссертации была издана книга «Памятники именьковской культуры», вышедшая в известной серии «Свод археологических источников». Этот труд, посвященный обобщению материалов IV–VII вв. н.э. с памятников Волго-Камья, до сих пор является непревзойденным источником по культуре оседлых племен, населявших эту громадную территорию в середине I тыс. н.э. В 1987 г. вышла в свет коллективная монография с участием П.Н. Старостина «Археологические памятники Татарской АССР». В первое десятилетие XXI века были опубликованы две монографии Петра Николаевича, посвященные древностям азелинской культуры: «Нармонский могильник» (2002 г.) и «Рождественский V могильник» (2009 г.). Автор провел трудоемкую работу, скрупулезно проанализировал и датировал богатый вещевой материал погребальных комплексов. Он отметил своеобразие азелинской материальной культуры в Западном Предкамье, обусловленное сильным влиянием сарматского мира (предметы вооружения, импортные предметы, керамика и др.). Исследователем было доказано, что памятники азелинского типа существуют здесь не до VIII в. н.э., как это считалось ранее, а только в III–IV вв. н.э. Всего за многолетнюю научную карьеру П.Н. Старостиным было опубликовано более 200 печатных работ.

Вклад П.Н. Старостина в науку был высоко оценен. В составе коллектива археологов Петр Николаевич был удостоен Государственной премии Республики Татарстан за масштабную работу по подготовке шеститомной «Археологической карты Татарской АССР» (1981–1990). Также он был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

На посту заведующего отделом археологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН, который П.Н. Старостин занимал на протяжении 1990–2004 гг., он принял участие в разработке проекта создания Национального центра археологических исследований и Отдела полевых исследований при НЦАИ. Много сил Петр Николаевич отдал и работе в Казанском государственном педагогическом институте, где преподавал с 1976 по 2006 гг. С 1988 г. он являлся там заведующим кафедрой истории СССР, в 1989 г. был назначен проректором по учебной работе, а в 1990 г. – по воспитательной работе.

Петр Николаевич был неутомимым борцом в деле охраны памятников. При его участии были созданы такие важные документы, как Проект сохранении памятников археологии в Татарстане, план мероприятий в целях совершенствования работы и перспектив развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, проект создании музея-заповедника Джукетау, предложения по развитию исследований в зоне воздействия Куйбышевского и Нижнекамской водохранилищ. Об этом же свидетельствуют его письма к руководству Татарстана, вплоть до президента РТ, касающиеся проблем сохранения исторического и культурного наследия.

Петр Николаевич Старостин внес большой вклад в развитие казанской археологии. Его ученики и коллеги продолжают его исследования, и он останется в памяти нашей как трудолюбивый, честный, принципиальный ученый и добрый человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старостин П.Н.* Моя биография // Археология евразийских степей. Вып. 10 / Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н.Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 5–10.

Информация об авторах:

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gid27@mail.ru

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru, epkaz@mail.ru

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ П.Н. СТАРОСТИНА

1. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. ДI-32/ Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1967. 100 с.

2. Археологическая карта Татарской АССР в 6-ти книгах (в соавторстве с А.Х. Халиковым и др.) / Отв. ред.А.Х. Халиков: вып.1, 2, 4, 5; П.Н. Старостин – вып. 3; Е.П. Казаков – вып. 6. Москва-Казань. 1981–1990.

3. Железообработка у племен именьковской культуры (совместно с Л.С. Хомутовой) // СА. 1981. № 3. С. 208–217.

4. Гремячкинский могильник // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 110–114.

5. Исследование памятников пьяноборского и предбулгарского времени в 1968-1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982. С. 24–28.

6. Раннесредневековое поселение «Курган» // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 6–19.

7. Богородицкий могильник // СА. 1983. № 1. С. 193–203.

8. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар: Очерки истории и культуры. / Отв.ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 89–90.

9. Археологические памятники Татарской АССР // (совместно с Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 240 с.

10. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 53–63.

11. А.Х. Халиков // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5). С. 15–22.

12. Калинин Николай Филиппович (1888–1959) (совместно с А.Г. Ситдиковым) // Жить историей. 60 лет историческому факультету Казанского университета. / Отв. ред. Ю.И. Смыков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1999. С. 132–138.

13. Елабужский край в эпоху первобытности // Древняя Алабуга. / Отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Елабуга: Мастер лайн, 2000. С. 81–129.

14. Об особенностях и задачах археологической науки // Очерки по археологии Татарстана: Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2001. С. 4–16.

15. Пьяноборская культура // Очерки по археологии Татарстана: Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2001. С. 84–91.

16. Азелинская культура // Очерки по археологии Татарстана: Учебное пособие. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2001. С. 92–99.

17. Именьковская культура // Очерки по археологии Татарстана: Учебное пособие / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2001. С. 100–118.

18. Нармонский могильник. / Отв. ред. Т.А. Хлебникова. Казань: РИЦ «Школа», 2002. 62 с.

19. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. (совместно с Чижевским А.А.) // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 162–193.

20. Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

21. Моя биография // Древняя и средневековая археология Волго-Камья Серия «Археология Евразийских степей». Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Институт истории АН РТ. 2009. С. 5–10.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.Н. СТАРОСТИНА

1. Айплатов Г., Никитин В. Петру Николаевичу Старостину – 60 лет // Finno-Ugrica. 1996. № 4. С. 130–133.

2. Старостин Петр Николаевич // Татарский энциклопедический словарь / Отв. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Инс-т Татарской Энциклопедии, 1999. С. 538.

3. Старостин Петр Николаевич // Археологи Волго-Уральского региона: Справочник / Отв. ред. С.В. Кузьминых. Уфа: Гилем, 2002. С. 76–77.

4. *Старостин Петр Николаевич* // Исследователи этнографии и археологии Чувашии. Библиографический словарь / Науч. ред. П.П. Фокин, Г.Б. Матвеев. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 259–261.

5. *Старостин Петр Николаевич* // Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 106.

6. *Никитина Т.Б.* Роль П.Н. Старостина в развитии археологии в Марийском крае // Древняя и средневековая археология Волго-Камья Серия «Археология евразийских степей». Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Вып.10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 18–20.

7. *Руденко К.А.* Старостин Петр Николаевич // История археологического изучения Волжской Булгарии / Науч. ред. И.Л. Кызласов. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 641–642.

IN FOND MEMORY OF SCHOLAR AND A GOOD MAN (TO THE 80 ANNIVERSARY SINCE THE BIRTH OF P.N. STAROSTIN)

G.I. Drozdova, E.P. Kazakov

It is a dedication to the 80th birthday anniversary since the birth of prominent Kazan archaeologist Petr N. Starostin (24.07.1936 – 4.07.2012), an outstanding researcher of Volga and Kama archaeological cultures, who made an invaluable contribution to the studies of the Pyany Bor, Azelino and Imenkovo cultures.

Keywords: archaeology, history, Imenkovo culture, Azelino culture, burials with cremation.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 10. *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kam'ia (Ancient and Medieval Archaeology of Volga and Kama Rivers Basin)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–10 (in Russian).

About the Authors:

Drozdova Galina I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru, epkaz@mail.ru

Статья поступила в номер 05.08.2016 г.

УДК 902

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Р.С. ГАБЯШЕВА)

© 2016 г. А.В. Шипилов

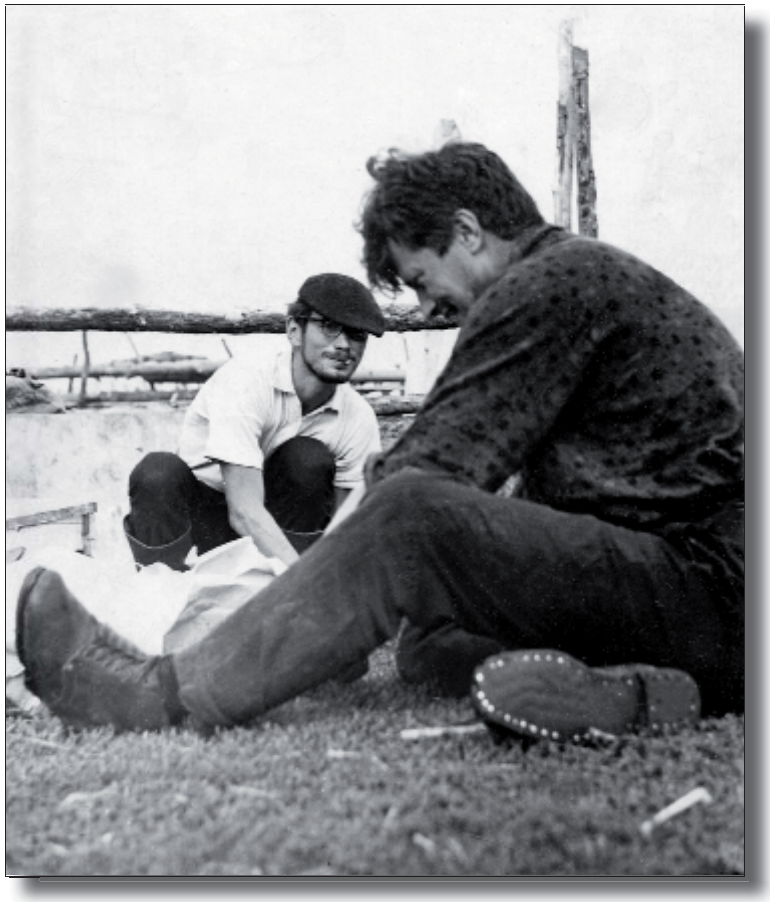
Статья посвящена памяти Рустема Султановича Габяшева, известного археолога, внесшего значительный вклад в изучение культур эпохи камня и раннего металла Волго-Камского региона.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Нижнее Прикамье, неолит, энеолит, поселения и могильники.

10 мая 2016 г. Рустему Султановичу Габяшеву – одному из ярких представителей поволжской археологии – исполнилось бы 75 лет.

Он родился в г. Уфе, в семье служащих. Его отец – Габяши Султан-Ахмет Хасангатович – известный татарский композитор, музыковед, педагог; мать – Фахригалям Сабировна Габяшева – учительница и библиотекарь. Дед со стороны отца, Хасан-Гата Габаши, был широко известен среди татар России не только как религиозный и общественный деятель, но и как историк, автор солидного труда «Всеобщей истории тюркских народов» (1909). Именно они привили тягу к знаниям своему сыну и внуку.

После войны семья Габяшевых перебирается в Казань. После окончания средней школы № 2 Рустем Габяшев в 1959 г. становится студентом историко-филологического факультета Казанского государственного университета, где началось его становление как археолога. Его учителем в области археологии стал А.Х. Халиков, к которому он всегда



Р.С. Габяшев и П.Н. Старостин в разведке на Нижнекамском водохранилище (у села Игим). *Фото из архива автора.*

R.S. Gabyashev and P.N. Starostin, a field survey in the Lower Kama water reservoir (at Igim village). *Photo from the author's personal archive.*

сохранял уважительное отношение. В дальнейшем Р.С. Габяшев нередко брал на себя смелость подвергать критике научные взгляды как самого учителя, так и старших коллег, но делал это всегда предельно корректно. С его стороны постоянно ощущалось внимание и уважение к работе коллег. Он не отвергал научные достижения, сделанные его предшественниками. Свои личные научные поиски и достижения декларировал как продолжение уже сделанной работы старшими соратниками. Будучи студентом, он становится лаборантом отдела археологии и этнографии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР.

В 1971 г. Р.С. Габяшев поступает в аспирантуру ИЯЛИ. К этому времени он уже успел провести значительные раскопки на ряде поселенческих памятников эпохи камня и раннего металла. К таковым следует отнести поселения Золотая падь I, II, Русско-Азибейское, Татарско-Азибейское II, а также Игимскую, Дубовогривскую II стоянки. В ходе этих исследований Р.С. Габяшеву удалось выявить топографию поселений и особенности устройства жилищных сооружений.

Р.С. Габяшев на Русско-Головкинской стоянке. *Фото из архива автора.*
R.S. Gabyashev at Russko-Golovkinskaya site. *Photo from the author's personal archive.*

Были получены прекрасные находки, дающие четкое представление о жизнедеятельности древних коллективов в эпоху камня и раннего металла на территории Нижнего Прикамья. Результаты этих исследований были опубликованы в 1978 г. в виде статей в сборнике «Древности Икско-Бельского междуречья».

В 1978 г. Рустем Султанович успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Неолит Нижнего Прикамья». После защиты диссертации он продолжает активно разрабатывать проблемы неолита и энеолита Волго-Камья, причем круг научных интересов не ограничивался пределами Татарстана, он практически ежегодно участвовал в работах Марийской археологической экспедиции. Совместно с В.В. Никитиным, Т.Б. Шикаевой, Б.С. Соловьевым, С.В. Кузьминых исследовал Майданскую стоянку волосовской культуры. В 1980 г. совместно с В.В. Никитиным были предприняты раскопки Дубовской стоянки. В результате был выявлен мощный культурный слой с постройками ранненеолитического времени. В этом же году он работал на Отарском поселении, оставленном носителями неолитической накольчатой керамики. В дальнейшем Рустем Султанович принимал участие в раскопках Дубовского 8, Дубовского 12 поселений. Он проявлял интерес и к абашевским курганам и средневековым могильникам, о чем наглядно свидетельствует его участие в раскопках Дубовского могильника, раскопками которого руководила Т.Б. Никитина (Шикаева).

Помимо работ в Марийской археологической экспедиции, он посещает Верхневолжскую археологическую экспедицию ИА РАН и принимает участие в раскопках стоянки Сахтыш-2.

Работая активно на ниве изучения эпохи неолита, Рустем Султанович поддерживает деловые отношения с известными неолитоведами страны: Д.А. Крайновым, А.Т. Синюком, Д.Я. Телегиным, Л.Я. Крижевской, В.П. Денисовым, а также целой плеядой ровесников из Ленинграда, Самары, Ижевска, Уфы, Саратова, Петрозаводска, Свердловска и Оренбурга.

Коллег и друзей Рустема Султановича всегда удивляла его непритязательность в быту, особенно в поле. Складывалось впечатление, что ему в любой ситуации комфортно, всякая погода ему благодать, всякая пища ему нравилась. Находясь в полевых условиях, он создавал для себя неприхотливые условия быта. Он мог устроить крышу из простого куска целлофана, а постель – из веток и травы. В суровых полевых условиях он не давал падать духом окружающим его людям и всегда находил слова, способные поднять настроение и взбодрить уставших.

В 1983–1984 гг. Рустем Султанович предпринял раскопки Тенишевского могильника эпохи энеолита, расположенного в Спасском районе ТАССР. Результаты раскопок были восхитительны. Было выявлено 25 погребений, в заполнении которых встречались украшения из сланцевых подвесок, каменные орудия, предметы кремневой пластики, а также древнейшие медные украшения. Раскопанный Р.С. Габяшевым Тенишевский могильник дает яркое представление о материальной и духовной культуре энеолитичекого населения Волго-Камья.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов резко сокращается финансирование полевых работ, научных командировок. Даже в этих условиях благодаря своей исследовательской эрудиции, опыту и научной эрудиции Р.С. Габяшев продолжал успешно работать. Однако здоровье Рустема Султановича резко пошатнулось, и он утратил возможность выезда для работы в поле.

Изданная им в 2003 г. монография «Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры», несомненно, послужит ориентиром будущим археологам в дальнейшем изучении неолита лесной и лесостепной зоны Урало-Поволжья.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что археологические коллекции, полученные Р.С. Габяшевым при раскопках на территории Республики Татарстан поселенческих и погребальных памятников эпохи неолита и раннего металла, являются эталонными. Эти материалы дают четкое представление о материальной культуре древнего населения не только в пределах Республики Татарстан, но и Волго-Камья. Помимо этого они дают возможность характеризовать основные направления хозяйственной деятельности, а также отражают культурные контакты населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья с населением сопредельных территорий.

Вклад Р.С. Габяшева в развитие российской археологии эпохи камня и раннего металла весьма значителен.

Рустем Султанович был любящим мужем, заботливым отцом и дедом. Каждый, кто побывал в стенах его дома, ощущал безграничную доброту

и гостеприимство. Он никогда никому не желал зла, не таил обид и уважал мнение окружающих его людей. Во многих городах у него были и есть знакомые и друзья, которые его помнят, любят и уважают. Рустем Султанович всегда был готов поделиться с коллегами и учениками огромным опытом и большими разносторонними знаниями. Ему были свойственны исключительное трудолюбие и поразительная скромность, истинный патриотизм и подлинный интернационализм. Рустем Султанович оставил о себе добрую память.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Р.С. ГАБЯШЕВА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с. (Соавт.: А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.Г. и др.).

2. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с. (Соавт.: А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин и др.).

3. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Часть 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с. (Соавт.: Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов и др.).

4. Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с. (Соавт.: С.В. Кузьминых, В.Н. Марков, П.Н. Старостин, Т.А. Хлебникова).

5. Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с. (Соавт.: Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков и др.).

6. Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с. (Соавт.: А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин, П.Н. Старостин и др.).

7. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до н.э. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 226 с.

8. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 3–34. (Соавт.: Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова).

9. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Там же. С. 35–46.

10. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 74–76.

11. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 22–39.

12. Второе Татарско-Азибейское поселение // Там же. С. 40–66.

13. Жилища эпохи бронзы Второй Дубовогривской стоянки // Там же. С. 109–120. (Соавт.: П.Н. Старостин).

14. О памятниках волосово-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время (АЭМК. Вып. 3) / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1978. С. 148–159. (Соавт.: П.Н. Старостин).

15. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 11–24.

16. Исследования памятников каменного века и эпохи раннего металла казанскими археологами в 1965–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982. С. 5–12.

17. Дубовское XII поселение с гребенчато-ямочной керамикой // Древности Среднего Поволжья. (АЭМК. Вып. 13). Йошкар-Ола, 1987. С. 69–78. (Соавт.: В.В. Никитин).

18. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 34–46.

19. Рец.: Археология и этнография Марийского края. Вып. 1–9. Йошкар-Ола, 1976–1985. // СА. 1988. № 3. С. 271–277. (Соавт.: В.Н. Марков, А.Х. Халиков).

20. Отарское VI поселение // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1992. С. 17–31. (Соавт.: В.В. Никитин, В.В. Николаев).

21. Новые материалы с Тенишевского могильника // Там же. С. 31–47.

22. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Нижнего Прикамья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1994. С. 16–39.

23. Нижнее Прикамье в эпоху неолита / Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 34–43.

24. Энеолит Нижнего Прикмья // Там же. С. 44–55.

IN MEMORIAM: MY TEACHER (75TH BIRTHDAY ANNIVERSARY OF R.S. GABYASHEV)

A.V. Shipilov

This is an obituary notice on Rustem S. Gabyashev, a prominent archaeologist who made a substantial contribution to the studies of Stone Age and early Metal cultures in the Volga-Kama region.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Lower Kama region, Neolithic, Eneolithic, settlements and burial grounds.

About the Author:

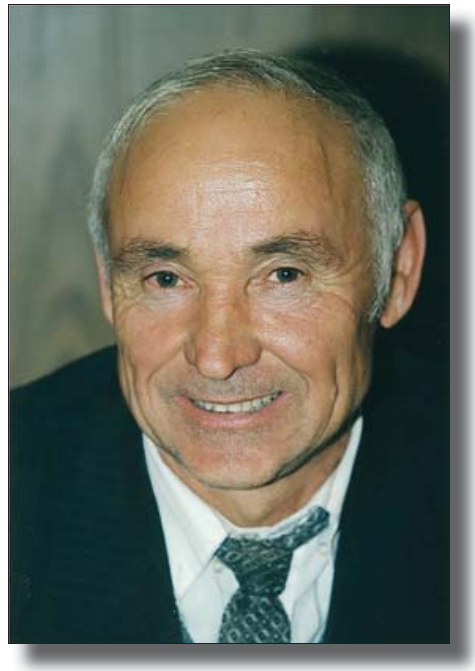
Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в номер 05.08.2016 г.

УДК 001 – 057.4 + 902

Д.Г. МУХАМЕТШИН – ИСТОРИК, ЭПИГРАФИСТ, НУМИЗМАТ (К 70-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

© 2016 г. Д.Д. Салахов, Ф.Ш. Хузин



Статья посвящена 70-летию со дня рождения Джамиля Габдрахимовича Мухаметшина – одного из основателей и первого директора (1969–2000 гг.) Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Благодаря его организаторскому и исследовательскому таланту Болгар превратился в центр археологического булгароведения и одного из активно функционирующего туристических центров республики. Д.Г. Мухаметшин известен также как крупный исследователь булгарской эпиграфики и нумизматики. Им опубликовано более 300 научных и научно-популярных трудов, в том числе несколько монографий.

Ключевые слова: археология, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, булгарская эпиграфика, нумизматика.

2 августа 2016 г. Джамилю Габдрахимовичу Мухаметшину исполнилось 70 лет.

Он родился в с. Большое Нуркеево Сармановского района Республики Татарстан. В 1963 г. окончил Тлянче-Тамакскую среднюю школу, в 1969 г. – историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института.

Свою будущую жизнь Джамиль Габдрахимович связывал с педагогической деятельностью и начал ее с карьеры школьного учителя. Одна-

ко неожиданно для него самого буквально после получения диплома об окончании вуза он, вчерашний студент, назначается директором только что созданного постановлением правительства республики Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника. Случайность? Вряд ли. Тяга к науке, серьезное отношение к порученному делу, упорство в достижении поставленных целей, организаторские способности проявились у него еще в годы студенчества. С первого курса Джамиль Габдрахимович начинает участвовать в археологических раскопках города Болгара. И, когда возник вопрос о руководителе первого в Татарстане заповедника, по совету известного археолога, профессора А.Х. Халикова, остановились на кандидатуре Д. Мухаметшина. Начальник Болгарской археологической экспедиции, непререкаемый авторитет в научных кругах, московский профессор А.П. Смирнов, работавший в Болгаре с 1938 года, не только не возражал, но и горячо поддержал предложение своего казанского коллеги, т.к. Джамиля, любознательного и трудолюбивого студента, он знал по работам в своей экспедиции.

Являясь директором заповедника, Джамиль Габдрахимович много сделал для сохранения архитектурных памятников Болгарского городища, а также проводил активную просветительскую работу среди населения.

Более тридцати лет руководил Джамиль Габдрахимович Мухаметшин Болгарским музеем-заповедником. Во многом благодаря его личным усилиям заповедник стал сегодня подлинным научным центром изучения всемирно известного, поистине уникального памятника волжских булгар X–XIV вв. Благодаря усилиям Джамиля Габдрахимовича у музея-заповедника появилась богатая научная библиотека, существенно расширил свою экспозицию археологический музей, а город Сувар стал филиалом Болгарского заповедника и таким образом оказался под защитой государства. Усилиями Д.Г. Мухаметшина в 1970-х и 1990-х годах производились научные исследования в Суварском городище. Особого внимания заслуживает строительство постоянной экспедиционной базы, которая также была построена в годы его работы на посту директора заповедника. До недавнего времени, до строительства новой базы в 2013 г., несколько поколений археологов жили и работали в хороших, даже по современным меркам, условиях.

Административно-хозяйственная часть многогранной деятельности Д.Г. Мухаметшина требовала много сил и энергии. На научные занятия времени явно не хватало, тем не менее каждую свободную минуту он старался посвятить науке. Среди научной общественности России Джамиль Габдрахимович известен как высокопрофессиональный эпиграфист и нумизмат.

Он автор более 300 научных и научно-популярных работ. Первые работы ученого были посвящены эпиграфическим памятникам Волжской Булгарии. В 1987 г. увидела свет книга «Эпиграфические памятники города Болгара», написанная им в соавторстве с Ф.С. Хакимзяновым. В настоящее время Джамиль Габдрахимович завершил составление полного свода эпиграфических памятников Болгара, который был рекомендован к печати Ученым советом БГИАМЗ. Д.Г. Муха-

Мухаметшин Д.Г. среди коллег. II Халиковские чтения, Билярск, 2002 г.
D, G. Mukhametshin among the colleagues. II Halikov's reading Bilyarsk, 2002.

метшин много занимался проблемами изучения региональных особенностей языка эпитафий, декоративного оформления надгробных камней, вопросами эволюций и преемственности булгарской школы эпиграфики, проявления особенностей этой школы в памятниках XVI–XVIII вв., распространенных на обширных территориях проживания современных татар. В 2004 году в диссертационном совете Института истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась защита кандидатской диссертации Д.Г. Мухаметшина «Эпиграфические памятники татар Поволжья и Приуралья: региональные особенности и этнокультурные варианты», получившей высокую оценку специалистов.

Среди коллег Д.Г. Мухаметшин получил заслуженное признание и как нумизмат. Формирование его как ученого-нумизмата шло параллельно с эпиграфикой. Да и по-другому не могло и быть, ведь сам город Болгар и его окрестности усеяны не только древними надгробиями, но и огромным количеством восточных монет: куфических, собственно волжско-булгарских, золотоордынских и пр. Через его руки прошли тысячи и тысячи мусульманских монет. К примеру, Джамиль Габдрахимович совместно с Г.А. Федоровым-Давыдовым изучил уникальный Каратунский клад, насчитывающий 23 тысячи золотоордынских монет. Его широкий кругозор и профессионализм как нумизмата проявился и в исследовании клада древнерусских монет (около 2 100 экз.) из раскопок Казанского кремля второй половины XV – начала XVI в.

Неотъемлемой частью работы ученого являются бесконечные выезды и командировки с научной целью. Результаты своих исследований

Д.Г. Мухаметшин обсуждает со своими коллегами на республиканских, всероссийских и международных научных конференциях, симпозиумах, конгрессах.

Важное значение Джамиль Габдрахимович всегда придавал популяризации науки и любимого своего детища – Великого Болгара – и богатого наследия булгарских предков татар. Научно-популярные статьи, буклеты и путеводители по городищу, постоянно обновляющиеся экспозиции археологического музея, передвижные выставки – все это целенаправленно делалось для того, чтобы превратить Болгар в один из активно функционирующих туристических центров Республики Татарстан, каким он является в действительности сегодня. Новый этап в развитии музея-заповедника, начавшийся в связи с работами республиканского фонда «Возрождение» по инициативе первого президента РТ М.Ш. Шаймиева, был бы просто немыслим без учета предшествующих достижений, достигнутых под руководством неутомимого организатора и эрудированного исследователя Д.Г. Мухаметшина.

Джамиль Габдрахимович является Заслуженным работником культуры Республики Татарстан, награжден медалями «В память 1000-летия Казани», «За вклад в наследие народов России». Наш юбиляр еще полон энергии и живет новыми планами на будущее. Пусть ему всегда сопутствуют успех и радость новых открытий!

Информация об авторах:

Салахов Динар Дамирович, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Dinar_07@list.ru

Хузин Фаяз Шарипович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ Д.Г. МУХАМЕТШИНА

1. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. 128 с. (Соавт.: Ф.С. Хакимзянов).

2. Великий Болгар – памятник булгаро-татарской цивилизации. Анкара, 2000. 192 с. (Соавт.: Р.М. Валеев).

3. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Серия Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 132 с. с ил.

4. Древности Азнакаевского региона. (Очерки истории Азнакаевского района: древность, средневековье и новое время) // Серия «Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразии». Вып. 14. Казань, Изд-во «Яз», 2014. 178 с. (Соавт.: А.А. Бурханов).

5. Очерки истории юго-восточного Татарстана (Юго-Восточный Татарстан в системе культур Волго-Уралья и Евразии. Древность, средневековье и новое время) / Серия «Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций Евразий». Вып. 12. Казань: Изд-во «Яз», 2014. 240 с. (Соавт.: А.А. Бурханов).

6. Джучидские монеты XIV века. Каратунский клад. М. 470 с. (В печати. Соавт.: Г.А. Федоров-Давыдов).

7. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья. К вопросу о локальных вариантах булгарских эпитафий // Об исторических памятниках по долинам Камы и

Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 136–140.

8. Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII – первой половины XV в. // Тр. Академии художеств СССР. Вып. 5. М., 1985. С. 205–218.

9. Социальная терминология булгарских эпитафий XIII–XIV вв. // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 104–107.

10. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. С. 293–305. (Соавт.: Ф.С. Хакимзянов).

11. Нумизматические находки из домонгольского слоя Казанского кремля // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 235–237.

12. Внутригосударственные дороги Волжской Булгарии // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международ науч. семинара. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С. 199–2005.

13. Болгарский заповедник – хранитель культурного наследия // Спасские сказания. Казань: Изд-во «По городам и весям», 2003. С. 208–219.

14. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке // Историко-археологические исследования Поволлжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 359–375.

15. Два монетных клада из Казанского кремля // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2010. С. 75–119.

16. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. С. 65–81.

17. Клады Тетюшской округи // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа», 2012. С. 197–217.

18. Место и роль эпиграфических памятников Предволжья в развитии татарской эпиграфической науки // Там же. С. 218–225.

19. Новые материалы по монетной чеканке волжских булгар X века. / Д.Г. Мухаметшин // Тр., IV (XX) ВАС в Казани. Т. III Казань: Отечество, 2014. С. 299–301.

20. Г.В. Юсупов и проблемы татарской эпиграфики // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 154–177.

21. Новые археологические памятники Западного Закамья // Материалы науч.-практич. семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2015. С. 126–197.

22. О локализации Болгарского монетного двора рубежа XIII–XV в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Коломна 20–25 апреля 2015 г. Тез. док. и сообщ. М.: “Триумф принт”, 2015. С. 83–85.

23. Unpublished Volga Bulgarian inscriptions // Acta Orientalia. XXXI. Budapest, 1977. P. 107–125 (Соавт.: А.Х. Халиков).

D.G. MUKHAMETSHIN: HISTORIAN, EPIGRAPHIST, NUMISMATICIST (ON 70TH BIRTHDAY ANNIVERSARY)

D.D. Salakhov, F.Sh. Khuzin

The article is dedicated to the 70th birthday anniversary of Jamil G. Mukhametshin, a founder and the first director (1969–2000) of the Bolgar State Historical and Architectural Reserve-Museum. Owing to his talents as an organizer and researcher, Bolgar turned into a center of archaeological studies of early Bulgars and one of the active tourist centers of the republic. D.G. Mukhametshin is also known as an outstanding researcher the early Bulgaria

epigraphics and numismatics. He published over 300 scientific and popular science works, including several monographs.

Keywords: archaeology, Bolgar State Historical and Architectural Reserve-Museum, Early Bulgaria epigraphics, numismatics.

About the Authors:

Salakhov Dinar D. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Dinar_07@list.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в номер 17.08.2016 г.

УДК 929: 902

СЕРГЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ КУЗЬМИНЫХ 65 ЛЕТ

© 2016 г. А.А. Чижевский

С.В. Кузьминых – известный российский археолог, в 2016 г. ему исполняется 65 лет. Монография С.В. Кузьминых «Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)» (1983), и совместная с Е.Н. Черных монография «Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)» (1989) стали классическими исследованиями по древней металлургии. Не менее значимыми были работы С.В. Кузьминых в области изучения ананьинского мира (IX–III вв. до н.э.). Благодаря трудам С.В. Кузьминых в области истории науки были открыты малоизвестные или совершенно неизвестные исследования, опубликована переписка и биографии археологов прошлого века.

Ключевые слова: археология, история археологии, поздний бронзовый век, ранний железный век, металлургия.

Сергей Владимирович Кузьминых – один из тех исследователей, которые заложили основы современного понимания археологии ананьинской культурно исторической области (АКИО) и шире – археологии позднего бронзового и раннего железного веков лесной полосы Евразии, поэтому его имя можно по праву поставить в один ряд с именами А.М. Тальгрена и А.Х. Халикова.

Родился Сергей Владимирович Кузьминых 11 сентября 1951 года в д. Отары Республики Марий Эл в се-

мье учителей сельской школы. В 1968 году он поступает на историко-филологический факультет Казанского государственного университета (КГУ), где принимает активное участие в деятельности археологического кружка, бессменным руководителем, которого был А.Х. Халиков. Именно личность Альфреда Хасановича и его книга «Древняя история Среднего Поволжья» (1969), приобретенная им одной из первых, определили увлечение С.В. Кузьминых первобытной историей. Отсюда и тема первой курсовой работы, которая была посвящена истории изучения абашевской культуры в Среднем Поволжье.

Обращение к ананьинской тематике происходит на третьем курсе, поводом к этому послужила беседа А.Х. Халикова с Е.Н. Черных в конце 1970 г. в Москве. В ходе этой беседы Евгений Николаевич предложил А.Х. Халикову обратить внимание на исследование ананьинского металла, так как именно в Казани были сосредоточены базовые коллекции ананьинской культуры. Вскоре состоялось и знакомство с самим Е.Н. Черных, который посоветовал Сергею Владимировичу заняться обработкой материалов ананьинских могильников, с тем чтобы к окончанию университета была собрана база данных для дальнейшего исследования.

В 1973 г. после окончания Казанского государственного университета, он поступает в целевую аспирантуру от Казанского филиала АН СССР в Институт археологии АН СССР (научный руководитель Е.Н. Черных), в 1974 г. был переведен уже непосредственно в аспирантуру Института археологии АН СССР. Аспирантура была успешно окончена в 1976 году. В 1978 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.)» (Черных, Чижевский, 2012а).

После окончания аспирантуры с 1976 г. С.В. Кузьминых трудится в Институте языка и литературы КФАН СССР г. Казани, где работает до 1984 г. В этот период им опубликованы 23 статьи и две монографии.

С 1984 г. по настоящее время С.В. Кузьминых плодотворно работает в Институте археологии РАН, им подготовлено более десятка монографий и 600 научных публикаций, сфера его научных интересов очень широка: древнейшая металлургия Северной Евразии, эпоха бронзы и ранний железный век, а также предыстория уральских народов и история отечественной археологии (Археологи, 2002, с. 41).

В научной деятельности Сергея Владимировича отчетливо выделяются три направления: исследования в области металлургии цветных металлов, археология ананьинского мира, историографические исследования.

Одним из основных направлений научной деятельности С.В. Кузьминых является цветная металлургия. В рамках работы над кандидатской диссертацией, а в последующем и монографией, им было проанализировано около 2000 изделий ананьинского металла.

На основании полученных данных им было выделено два очага металлургии и металлообработки, имеющих значительные отличия в химическом составе используемых сплавов. Акозинский очаг – металлообрабатывающий, связанный с населением

В рабочем кабинете с Л.Б. Орловской (март 2006 г.).
In the office with L.B. Orlovskaya.

Марийского и частично Казанского Поволжья, и ананьинский – металлургический, связанный с областями Казанского Поволжья, Нижней и Средней Камы, а также р. Белой. В пределах выделенных очагов были выявлены своеобразные, характерные только для них орудия. Для акозинского очага это меларские или же акозинско-меларские одноушковые трубчатые кельты, для ананьинского – линзовидные или шестигранные кельты ананьинского типа.

Не обошел С.В. Кузьминых и вопросы типологии ананьинских изделий из цветного металла. В основу типологии был положен принцип конечного типологического разряда, предложенный Е.Н. Черных (1970, с. 52, 53). Данный принцип позволил С.В. Кузьминых создать очень подробную и проверяемую систему типологии орудий и оружия, которая не потеряла своего значения и в настоящее время.

Значительным явлением стала публикация в совместно с Е.Н. Черных исследования по истории металлургии лесного населения Евразии рубежа среднего и позднего бронзового веков, которая до сих пор является единственной монографией, посвященной металлургии носителей культуры т.н. сейминско-турбинского транскультурного феномена (1989).

Другим направлением исследований С.В. Кузьминых были работы в области изучения структуры ананьинского мира. Опираясь на материалы поселений и могильников Марийского и Казанского Поволжья, он выдвинул гипотезу о сосуществовании здесь в

Сергей Владимирович Кузьминых на Ардинском городище. Слева сидит В.А. Иванов, справа стоит А.Е. Леонтьев, во втором ряду стоят слева Н.С. Березина, справа Г.И. Дроздова (август 2016 г.).

S.V. Kuz'minykh on the Arda hillfort. On the left sits V. A. Ivanov, on the right is A. E. Leont'ev, in the second row are N.S. Berezina to the left, to the right G. I. Drozdova (August 2016).

финале бронзового века двух культурных групп населения: местного позднеприказанского (маклашеевского) и пришлого – носителей «текстильной» керамики. Процесс взаимодействия этих групп населения привел к тому, что к началу раннего железного века здесь оформилась средневолжская «текстильная» культура, которая заимствовала ряд особенностей материальной культуры местного населения и не могла рассматриваться вне ананьинского мира (Кузьминых, 1983, с. 7, 8).

Опираясь на взгляды Е.Н. Черных о том, что очаг металлообработки в Волго-Уралье отражал производственную деятельность конкретной археологической культуры (Черных, 1970), С.В. Кузьминых предложил выделить акозинскую археологическую культуру, носители которой имели особый очаг металлообработки, использовали «текстильную» керамику и акозинско-меларские кельты (1983, с. 157–158).

В результате анализа погребального обряда им были выделены характерные культурные особенности ананьинского и акозинского населения Среднего Поволжья, которые были объединены в ананьинскую культурно-историческую общность (Кузьминых, 1983, с. 8).

К началу XXI века многокомпонентный и разнокультурный характер ананьинского мира стал общепри-

знанным, и в сложившейся ситуации С.В. Кузьминых предложил новый термин – ананьинская культурно-историческая область (2000, с. 107–108). В этом контексте подчеркивалось разное генетическое происхождение культурных групп, входящих в данное образование, и в то же время фиксировалось наличие черт, которые выделяют ее из других культур раннего железного века Восточной Европы.

В 2008 г. С.В. Кузьминых, опираясь на исследование погребальной обрядности АКИО, предложил окончательно размежевать понятия культурно-историческая общность и культурно-историческая область; если в первом случае это понятие означает общность культур, родственных по своему происхождению, то во втором является объединением культур, не связанных «общностью происхождения» (Кузьминых, Чижевский, 2008, с. 33).

С.В. Кузьминых рассматривает АКИО как своеобразный котел, в котором проходило формирование культурной и языковой основы будущих прибалтийско-финских, поволжско-финских и пермских народов (Косарев, Кузьминых, 2001, р. 121). Расхождение этих языков и культур происходит, как считает исследователь, уже в послеананьинскую эпоху.

Третьим направлением работы Сергея Владимировича являются историографические исследования, обращение к которым происходит в 90-е гг. XX в. Его работа в архивах Национального музейного ведомства Финляндии и архивах Федеративной Республики Германия позволила ввести в научный оборот переписку ученых России начала XX в. с финскими и немецкими археологами, а работа в российских архивах – открыть для исследователей дневники В.А. Городцова, неопубликованные монографии М.Г. Худякова и другие документы (Городцов, 2015а, 2015б).

В ряду ученых, к изучению творческого пути которых обращается Сергей Владимирович, стоят такие фигуры как В.А. Городцов, В.В. Гольмстен, Г. Мергарт, В.Ф. Смолин, А.А. Спицын, А.М. Тальгрен, М.Г. Худяков, В.Н. Чернецов и многие другие (Черных, Чижевский, 2012б).

В свои 65 лет Сергей Владимирович не растерял творческой энергии, он активно работает над редактированием научных изданий, является членом редколлегии журнала «Поволжская археология», а главное – продолжает быть «генератором» идей и лидером во многих научных направлениях.

На протяжении более чем двадцати лет Сергей Владимирович является моим учителем, поэтому я взял на себя смелость от себя лично и сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова пожелать юбиляру крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологи Волго-Уральского региона / Отв ред. С.В. Кузьминых. Уфа: Гилем, 2002. 96 с.

2. *Василий Алексеевич Городцов*: Дневники 1928–1944. В 2-х книгах. Кн. 1: 1928–1935 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2015а. 687 с.

3. *Василий Алексеевич Городцов*: Дневники 1928–1944. В 2-х книгах. Кн. 2: 1936–1944 / Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2015б. 695 с.

4. *Косарев М.Ф., Кузьминых С.В.* К проблеме поисков уральской прародины // Journal de la C.B. Societe Finno-Ougrienne. Vol. 89. Helsinci, 2001. P. 99–126.

5. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1983. 256 с.

6. *Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. / Глав. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2000. С. 104–113.

7. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып.8. Елабуга: ИИ АНРТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2008. С. 29–55.

8. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 179 с.

9. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1989. 320 с.

10. *Черных Е.М., Чижевский А.А.* Ананьинский мир в работах С.В. Кузьминых // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Казань, 2012а. С. 23–33.

11. *Черных Е.М., Чижевский А.А.* С.В. Кузьминых и ананьинские древности Волго-Камья // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию С.В. Кузьминых / Отв ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. Спб., Красноярск, 2012б. С. 17–29.

Информация об авторе:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ КУЗЬМИНЫХ С.В.

1. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1983. 256 с.

2. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987 (Соавт. Е.Н. Черных).

3. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1989. 320 с. (Соавт.: Е.Н. Черных).

4. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 61–109.

5. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбасвузиздат, 1997. 99 с. (Соавт.: В.В. Бобров, Т.О. Тенейшвили).

6. Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. / Глав. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Издат. дом “Удмуртский университет”, 2000. С. 104–113.

7. Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследований: Археологические памятники / Каргалы. Т. I. / Науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с. (В соавт.).

8. К проблеме поисков уральской прародины // Journal de la C.B. Societe Finno-Ougrienne. T. 89. Helsinci, 2001. P. 99–126. (Соавт.: М.Ф. Косарев).

9. Виктор Федорович Смолин (1890–1932) / Науч. ред. С.И. Валиулина. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 32 с.

10. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Каргалы. T.IV / Науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с. (В соавт.).

11. Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Каргалы. T. IV / Науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. 241 с. (В соавт.).

12. Археология: Учебник / Ред. В.Л. Янин. М.: Изд. МГУ, 2006 (в соавт.).

13. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии / Н.Я. Мерперт. Самара: ООО «Офорт», 2007. 168 с. (Соавт.: И.Е. Сафонов, Д.А. Сташенков).

14. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: ИИ АНРТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 29–55. (Соавт.: А.А. Чижевский).

15. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск, 2009. 248 с. (В соавт.).

16. А.М. Тальгрен и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41. (Соавт.: Е.В. Детлова, Т. Салминен, И.Е. Сафонов).

17. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137. (Соавт.: А.А. Чижевский).

18. Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227. (Соавт.: Е.В. Детлова, А.М. Буровский).

19. Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. 266 с. (В соавт.).

20. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // Stratum plus: Европа на пороге IV тысячелетия: время трансформаций СПб. Кишинев–Одесса–Бухарест, 2016. № 2. С. 235–253. (Соавт.: В.И. Стефанов, Ю.П. Чемякин, И.О. Коряков).

SERGEY VLADIMIROVICH KUZ'MINYKH – 65 YEARS

A.A. Chizhevsky

Sergey V. Kuz'minykh, a well-known archeologist in 2016, 65 years old. His monograph "The Volga-Kama Metallurgy in the early Iron Age (Copper and Bronze)" (1983) and his joint monograph with E.N. Chernykh "The Early Metallurgy in the Northern Eurasia: Seima-Turbino phenomenon" (1989) became classic studies on ancient metallurgy. Equally significant were his investigations of the Ananiyno world (IX–III centuries BC). Thanks to the efforts S.V. Kuzminyh in the field of history of science, the little known or completely unknown studies were discovered as well as correspondence and biographies of the archaeologists of the last century were published.

Keywords: archaeology, history of archaeology, Late Bronze Age, Early Iron Age, metallurgy.

REFERENCES

1. Kuzminykh, S.V. (ed.) 2002. *Arkheologi Volgo-Ural'skogo regiona* (*Archaeologists of the Volga-Urals Region*). Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

2. Belozerova, I.V., Kuzminykh, S.V. (comp.). In Gaidukov, P.G., Yanovskiy, A.D. (eds.). 2015. *Vasilii Alekseevich Gorodtsov*: *Dnevniki 1928–1944* (*Vasilii Alekseevich Gorodtsov*: *Diaries of 1928–1944*). Book 1: *1928–1935.* Moscow: "Triumf print" Publ. (in Russian).

3. Belozerova, I.V., Kuzminykh, S.V. (comp.). In Gaidukov, P.G., Yanovskiy, A.D. (eds.). 2015. *Vasilii Alekseevich Gorodtsov*: *Dnevniki 1928–1944* (*Vasilii Alekseevich Gorodtsov*: *Diaries of 1928–1944*). Book 2: *1936–1944.* Moscow: "Triumf print" Publ. (in Russian).

4. Kosarev, M.F., Kuzminykh, S.V. 2001. In *Journal de la S.V. Societe Finno-Ougrienne* 89. Helsinki, 99–126 (in Russian).

5. Kuzminykh, S.V. 1983. In Chernykh, E.N. (ed.). *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* (*The Volga-Kama Metallurgy in the early Iron Age (Copper and Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

6. Kuzminykh, S.V. 2000. In Goldina, R.D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI v. (Russian Archaeology: Achievements of the 20th Century and Perspectives for the 21st Century)*, 104–113 (in Russian).

7. Kuzminykh, S.V., Chizhevsky, A.A. 2008. In Kuzminykh, S.V., Chizhevsky, A.A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika)* (*At the Origins of the Volga-Kama Archaelogy: on the occasion of the 150th anniversary from discovery of the Ananyino graveyard).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 8. Elabuga: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Elabuga State Museum-Reserve, 29–55 (in Russian).

8. Chernykh, E.N. 1970. *Drevneishaia metallurgiia Urala i Povolzh'ia* (*The Earliest Metallurgy of the Urals and Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 172. (in Russian).

9. Chernykh, E.N., Kuzminykh, S.V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevniaia metallurgiia Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen)* (*The Early Metallurgy in the Northern Eurasia: Seima-Turbino phenomenon*). Moscow: Nauka (in Russian).

10. Chernykh, E.M., Chizhevsky, A.A. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia*. *K 65-letiiu studencheskogo nauchnogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta* (*Current Issues of Volga Archaeology*. *On the 65th Anniversary of the Student Archaeological Club of the Kazan University*). Kazan, 23–33 (in Russian).

11. Chernykh, E.M., Chizhevsky, A.A. 2012. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evraziiskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik. K 60-letiiu S.V. Kuz'minykh* (*Eurasian Archaeological-Historical Historiographical Collection*. *To S.V. Kuzminykh's 60th Annivesary*). Saint-Petersburg; Krasnoyarsk, 17–29 (in Russian).

About the Author:

Chizhevsky Anrdei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Статья поступила в номер 18.08.2016 г.

УДК 929: 902

К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ ГЕННАДЬЕВИЧА БУГРОВА

© 2016 г. А.А. Чижевский, Г.Ш. Асылгараева

Статья посвящена юбилею Д.Г. Бугрова, одного из ведущих специалистов по археологии раннего железного века и раннего средневековья Волго-Камья. Основные направления его работы лежат в области изучения пьяноборской и азелинской культур.

Ключевые слова: археология, музееведение, юбилей, ранний железный век, раннее средневековье.

Дмитрий Геннадьевич Бугров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, родился 22 июля 1966 г. в г. Казани. В 1968 г. его родителей перевели в г. Вольск-17 Саратовской области, где он в 1983 г. окончил среднюю школу.

Интерес к археологии возник у Дмитрия Геннадьевича еще в школе под влиянием прочитанных книг. После окончания 9 класса ему довелось участвовать в работе экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР, возглавляемой З.А. Абрамовой, на раскопках палеолитической стоянки Юдиново III в Брянской

области. Здесь он познакомился с М.Ш. Галимовой, беседы с которой оказали большое влияние на выбор жизненного пути школьника, обусловив решение поступать на исторический факультет Ленинградского государственного университета на специальность «археология». Однако для поступления не хватило баллов, и Дмитрий Геннадьевич не прошел в это учебное заведение по конкурсу.

В дальнейшем была работа слесарем в подразделении контрольно-измерительных приборов и автоматики в Вольском филиале Государственного научно-исследовательского института органической химии и технологии, вплоть до поступления в 1984 г. на отделение истории историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Здесь он и учился с 1984 по 1991 г. с перерывом на действительную воинскую службу в вооруженных силах СССР в 1985–1987 гг., которая проходила в г. Сочи.

Большую роль в становлении Дмитрия Геннадьевича как археолога сыграл археологический кружок, его руководитель А.Х. Халиков (ведущий археолог Урало-Поволжья 1950-х – 1990-х гг.), М.Ш. Галимова, в настоящее время заведующая отделом Первобытной археологии ИА АН РТ, и С.И. Валиулина, в дальнейшем возглавившая археологический музей Казанского университета.

Дмитрий Геннадьевич – ученик П.Н. Старостина, к которому его направил А.Х. Халиков на третьем курсе, когда началась специализация по направлениям обучения. Именно П.Н. Старостину, блестящему знатоку древностей Урало-Поволжья эпохи великого переселения народов, Дмитрий Геннадьевич обязан решением посвятить себя изучению древностей I тыс. н.э. Итогом этого решения была дипломная работа по теме «Погребальный обряд азелинской культуры по данным Рождественского V могильника».

Студентом участвуя в экспедициях М.В. Седовой в Суздале, Т.И. Останиной на раскопках Чаллынского городища, Т.Б. Никитиной в Ясачном и, конечно, в экспедициях А.Х. Халикова, Е.П. Казакова и М.Ш. Галимовой, Дмитрий Геннадьевич стремился перенять полевой опыт старших коллег по экспедиции и скрупулезность в подходе к полученным материалам.

С 1988 г., то есть еще со времени учебы в университете, Дмитрий Геннадьевич проводит самостоятельные полевые археологические исследования. Большой школой для него были охранно-спасательные работы под общим руководством А.Х. Халикова на Сорочьегорском городище ананьинской культурно-исторической области (1990 г.), где он руководил исследованиями на раскопах III и IV.

В 1991 г., по окончании университета, Дмитрий Геннадьевич был принят в Государственный объединенный музей РТ (с 2001 г. – Национальный музей РТ) в отдел истории досоветского периода (с 1992 г. – отдел археологии и истории края). Проведенные здесь годы оказались полезнейшей школой применения полученных знаний в работе с коллекциями, которая способствовала становлению Дмитрия Геннадьевича как специалиста-вещеведа. За период работы в Национальном музее РТ Д.Г. Бугров прошел путь от младшего научного сотрудника отдела истории досоветского периода до заведующего отде-

лом археологии после его создания в 2000 г., с 2003 по 2006 гг. он работал старшим научным сотрудником отдела фондов. Наиболее яркими образцами экспозиционной работы Дмитрия Геннадьевича в Национальном музее РТ были выставки «Современники киммерийцев: ананьинская культура в Волго-Камье» (1996 г.) и «Неизвестная страна: Волго-Камье в предболгарское время» (1997 г.). В 1999 г. он принимает участие в подготовке экспозиции «Сокровища музеев Татарстана» в Государственном Историческом музее в г. Москва.

В этот период с 1995–2000 гг. Дмитрий Геннадьевич проводит широкие полевые исследования, наиболее значимыми из которых были работы на Тойгузинском II городище пьяноборской культуры и Мензелинском могильнике ананьинской культурно-исторической области. С этого времени началось его становление как специалиста по археологии раннего железного века и эпохи великого переселения народов Волго-Камья.

Одновременно с работой в Национальном музее РТ Дмитрий Геннадьевич становится соискателем своего научного руководителя П.Н. Старостина. Позднее он поступает в заочную аспирантуру в Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Длительная работа с коллекциями и полевые исследования закономерно привели к оформлению результатов исследования в виде кандидатской работы по теме «Памятники пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья», которая была защищена в 2006 г.

С 2006 г. Дмитрий Геннадьевич стал научным сотрудником, а затем и старшим научным сотрудником Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, который в 2014 г. преобразуется в Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Здесь юбиляр трудится и по сей день.

Уже работая в НЦАИ АН РТ, Дмитрий Геннадьевич продолжил свою экспозиционную деятельность, он участвовал в подготовке концепции и создании экспозиции Музея Болгарской цивилизации в г. Болгар в 2010–2013 гг. В 2016 г. эта работа была отмечена государственной премией им. Габдуллы Тукая.

После защиты кандидатской диссертации в силу ряда обстоятельств научные интересы Д.Г. Бугрова изменились, и он обратился к изучению древностей эпохи великого переселения народов, в этой области он разрабатывает проблемы, связанные с азелинской культурой. Наиболее значимыми полевыми работами последних лет стали исследования Гулюковского могильника позднесарматского и домонгольского времени.

Среди коллег Дмитрий Геннадьевич пользуется заслуженным уважением и авторитетом как энциклопедист и знаток древностей Волго-Камья от эпохи раннего железного века до средневековья, его определения по атрибуции древних предметов часто оказываются наиболее точными и полными, а знания библиографии по разным эпохам поражает своей обширностью.

Хотелось бы от имени сотрудников отдела и всего Института археологии им. А.Х. Халикова пожелать юбиляру творческого долголетия и сил на поприще археологии.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ БУГРОВА Д.Г.

1. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола, 1994. С. 33–38.

2. Укрепления Сорочьегорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв. ред. Старостин П.Н. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 93–103. (Соавт.: К.А. Руденко, А.Х. Халиков).

3. К вопросу о «германских» параллелях в домостроении именьковской культуры // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липец. гос. пед. ин-т., 1999. С. 138–140.

4. Укрепления Тойгузинского II городища // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова и 25-летию исследований городища / Отв. ред. М.Г. Иванова. Иднакар, Ижевск, Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 145–153.

5. The collection of the classical black-glaze pottery in the collection of the State museum of the Republic of Tatarstan // Ancient civilization from Scythia to Siberia / International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 6. № 1–2. Leiden, Boston, Köln, 1999. P. 131–154. (co-author D.G. Bugrov, N.A. Bugrova).

6. К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции / Отв. ред. И.В. Белоцерковская / Труды ГИМ. Вып. 122. М.: ГИМ, 2000. С. 83–92.

7. Исторический источник или источник дезинформации? (К вопросу о некорректных ссылках на музейные коллекции) // Музей в системе ценностей евразийской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: «Школа», 2000. С. 219–222.

8. Памятники пьяноборской культуры в левобережье Нижнего Ика (итоги исследований 1995–2000 гг.) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Материалы межрегиональной научной конференции к 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН / Отв. ред. И.М. Акбулатов Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 27–32.

9. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции / Отв. ред. Н.А. Лещинская. Ижевск: Ин-т экономики и управления УдГУ, 2002. С. 227–233.

10. Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из архива сектора учета НМ РТ) // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Часть I / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: КГУ, 2004. С. 26–34.

11. Погребение женщины-«ремесленницы» из Тетюшского II могильника // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова / Отв. ред. Г.С. Муханов. Казань: «Школа», 2004. С. 77–94.

12. Об одном раннесредневековом комплексе из коллекции А.Ф. Лихачева в фондах Национального музея Республики Татарстан // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2006. С. 261–269.

13. Пьяноборские городища с полукольцевой и кольцевой фортификацией в Икско-Бельском междуречье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2006. С. 307–318.

14. Бусы Тойгузинского II городища // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2007. С. 442–453.

15. Новые материалы по энеолиту Икско-Бельского междуречья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: «Китап», 2007. С. 104–109. (Соавт.: М.Ш. Галимова).

16. Мензелинский могильник // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров / Археология Евразийских степей. Вып. 10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 61–80. (Соавт. А.А. Чижевский).

17. К вопросу о времени начала мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25. (Соавт.: Н.М. Капленко, А.Г. Ситдиков).

18. Роговые муфты из озёрных поселений Швейцарии в собрании Национального музея Республики Татарстан // Вестник ТГГПУ 2011. № 4 (26). С. 107–113. (Соавт. М.Ш. Галимова).

19. Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации / Науч. Ред. Р.Р. Хайрутдинов. Казань: ООО «Мастер-Граф», 2014. 84 с. (Соавт.: А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов, Д.Г. Мухаметшин).

20. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 7–34.

DMITRY G. BUGROV'S ANNIVERSARY

A.A. Chizhevsky, G.Sh. Asylgaraeva

The article is dedicated to D.G. Bugrov's birthday anniversary, as a leading specialist in the early Iron Age and early medieval archaeology of the Volga-Kama region. His main interests are in the Pyany Bor and Azelino culture studies.

Keywords: archaeology, museum studies, anniversary, early Iron Age, early Middle Ages.

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A. Candidate of Historical Sciences.Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в номер 18.08.2016 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКБ – Археологическая карта Башкирии
АМС – акселерационная масс-спектометрия
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АН УССР – Академия наук Украинской ССР
АПБ – Археологические памятники Башкортостана
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАН – Болгарская Академия наук;
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БашГУ – Башкирский государственный университет
БАЭ – Башкирская археологическая экспедиция
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАС – Всероссийский археологический съезд
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГДА НБУ – Годишник на департамент археология на Нов български университет (Ежегодное издание департамента археологии Нового болгарского университета), София;
ГИС – географическая информационная система
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИГАН – Институт географии РАН.
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук
ИНМВ – Известия на народния музей във Варна (Известия народного музея Варны), Варна;
ИПЭН АН РТ – Институт проблем экологии и недропользования Академии Наук Республики Татарстан.
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КПАБ – Каталог памятников археологии Башкирии открытых в 1971–1980 гг.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КубГУ – Кубанский государственный университет
КФАН АН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет

МАРНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

МИИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции

ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской Академии наук

ПАБ – Памятники археологии Башкирской АССР открытые в 1981–1986 годы.

ПАКР – Памятники археологии Краснокамского района Башкирской АССР. 1987

ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

РА – Российская археология

РАЕ – Российский археологический ежегодник

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СНЦ РАН - Самарский научный центр Российской академии наук.

СЭ – Советская этнография

ТАС – Тверской археологический сборник

Труды МарНИИ – Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

УдНИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский научный институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧелГУ – Челябинский государственный университет

Beta - лаборатория Beta, Майями, США.

BGS – лаборатория университета Брок, Канада.

FA –Fennoskandia Arheologica

GIN – Радиоуглеродная лаборатория Геологического института РАН.

Ki – Киевская радиоуглеродная лаборатория ИГМЭ им. Марзеева РАМНУ.

MNI – Minimum number of Individuals (минимальное количество особей)

NISP – Number of Identified Specimens (общее количество идентифицированных остатков)

SCIVA – Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie, Bucureşti: Editura Academiei Române.

SPb – изотопный центр, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Научный журнал **«Поволжская археология»** публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Исследования и публикации», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией ***Соглашение,*** в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Статьи и заметки, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Требования по оформлению статей и других материалов

Общий объем статей не должен быть менее 15 тысяч знаков и не должен превышать 40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации-резюме. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

Материалы, направляемые в раздел «Хроника» (некрологи, материалы о конференциях и юбилеях) не должны суммарно превышать 10 тысяч знаков. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25).

Материалы принимается в электронном виде в формате Word, RTF. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить следующие материалы:

– **УДК;**

– **Название** на русском и английском языках;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском и английском языках;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке; *для материалов раздела «Хроника» – не более 500 знаков с пробелами, без ключевых слов.*

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– Представленные материалы необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– **Список литературы (библиография)** составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). **Для сборников статей и коллективных монографий обязательно указание ответственного редактора (отв. редакторов).**

Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять в нем не более 25%.

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или в виде рисунков в формате JPG (отдельными файлами), диаграммы – в формате Word (в тексте);

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. ***Образец оформления статьи***);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

1. Представленные текстовые материалы должны быть проверены на предмет правописания; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

2) ***Аннотация-резюме*** составляется для компетентной аудитории, поэтому авторы могут использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, оно должно быть:

а) информативным (не содержать общих слов);

б) содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследования).

3) ***Резюме и ключевые слова на английском языке*** должны:

а) быть написанными качественным английским языком;

б) максимально точно передавать смысл русскоязычного резюме и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

4) ***Библиографические ссылки*** на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

5) При оформлении **списка литературы** вначале приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.,* Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдиков А.Г.*, *Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стеклянные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: http:// www.discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http//www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le silex blond du Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii.* Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 75б.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс… канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

5) ***Образец оформления статьи***

УДК 904 “04/14”

Исследования в центральной части Болгарского городища («Дом ремесленника»)

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); E-mail:
Адрес: 420012, Казань, Бутлерова, 30

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient Settlement («House of the Handicraftsman»)

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

Information about the author:

Gubaydullin Ayrat M.,
E-mail:
Adress:

6) ***Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!***

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.09.2016 г. Формат 70×108 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 25,9.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20